

RS

Russian Studies

Études Russes

Russische Forschungen

1994

I

1

RS

Russian Studies

Etudes Russes

Russische Forschungen

**Ежеквартальник
русской филологии
и культуры**

1994 I 1

**Санкт-Петербург
"Пушкинский фонд"**

ББК 83

P11

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК ВЫПУЩЕН ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ШВЕЙЦАРСКОГО ФОНДА

PRO HELVETIA

Echanges culturels Est-Ouest

РЕДАКТОРЫ

Юрий Александрович Клейнер,
Валерий Николаевич Сажин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

David Bethea (Madison, Wisconsin. U.S.A.)
Svetlana Boym (Cambridge, Mass. U.S.A.)
Борис Федорович Егоров (С.-Петербург. Россия)
Caryl Emerson (Princeton. U.S.A.)
George Hyde (Norwich. U.K.)
Jean-Philippe Jaccard (Geneve. Switzerland)
Edward Kasinec (New York. U.S.A.)
Любовь Николаевна Киселева (Tartu. Estonia)
Юрий Владимирович Манн (Москва. Россия)
Eric Naiman (Berkeley, Calif. U.S.A.)
Nina Perlina (Bloomington, Indiana. U.S.A.)
Борис Николаевич Путилов (С.-Петербург. Россия)
Stephanie Sandler (Amherst, Mass. U.S.A.)
William Todd (Cambridge, Mass. U.S.A.)
Мариэтта Андреевна Турьян (С.-Петербург. Россия)
Мариэтта Омаровна Чудакова (Москва. Россия)

Адрес редакции:

Россия. С.-Петербург, Моховая ул. д. 20

Факс: (812) 233-09-23

Тел.: (812) 233-18-29, (812) 583-52-56

ISBN 5—7187—0124—5

© 1994 Russian Studies

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии	5
Памяти Юрия Михайловича Лотмана	6
Ю. М. Лотман	7

СТАТЬИ

<i>В. С. Баевский</i> (Смоленск) <i>Elan Vital</i>	11
<i>М. Н. Виролайнен</i> (С.-Петербург). Культурный герой нового времени	34
<i>И. С. Гуткина</i> (Лос-Анджелес). Оптина пустынь как мифобразующий топос в русской культуре XIX века	60
<i>М. А. Золотонос</i> (С.-Петербург). ЭК: Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл	93
<i>Э. Найман</i> (Беркли). «Из истины не существует выхода». — Андрей Платонов между двух утопий	117

КОММЕНТАРИИ

<i>Ж.-Ф. Жаккар</i> (Женева). Между «до» и «после» Эротический элемент в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»	156
<i>Е. И. Меламед</i> (Житомир). Из комментария к комментариям	182
<i>Э. Шнейдерман</i> (С.-Петербург). Бенедикт Лившиц: находки, уточнения, догадки	194
<i>А. Г. Мец</i> (Гатчина). Текст стихотворения О. Э. Мандельштама «Флейты греческой тэта и йота...» по новонайденной кошке	215
<i>Ю. Глебов</i> (Москва). «Свеча горела на столе». (Юрий Андреевич Живаго как поэтическая индивидуальность: заметки к теме)	228

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е. И. Меламед</i> (Житомир). «Письмо, которое я получил от Толстого...» (Новонайденный автограф писателя)	235
<i>В. Э. Молодяков</i> (Москва). В творческой лаборатории Валерия Брюсова	244

- В. Е. Кельнер* (С.-Петербург), *В. Познер* (Париж). Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера) 269

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

- Из писем *Ю. М. Лотмана* и *З. Г. Минц*. — Публикация *В. С. Баевского* (Смоленск) 314

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива. — Публикация *Е. К. Авраменко* (С.-Петербург) 321

РЕЦЕНЗИИ

- М. Д. Эльзон* (С.-Петербург). «Филологические записки»: Эпоха возрождения 340
Т. Л. Никольская (С.-Петербург). В приношение *Владимиру Федоровичу Маркову* 343
И. Вишневецкий (Провиденс). По ту сторону *Элизиума* 354
М. Д. Эльзон. (С.-Петербург). Значительное явление литературной библиографии? 363

БИБЛИОГРАФИЯ ТЕКУЩЕЙ ПЕРИОДИКИ

- Вестник Московского университета. Вестник Санкт-Петербургского университета. Российский литературоведческий журнал. Русский текст 1993. — Сост. *А. Я. Липидус* (С.-Петербург) 370

ХРОНИКА

- Архангельск. Поморский университет 388
 Елец. Педагогический институт 391
 Смоленск. Педагогический институт 394

Журнал, первый выпуск которого предлагается вниманию читателей, будет издаваться в России на русском языке. Название — Russian Studies/Etudes Russes/Russische Forschungen — Ежеквартальник русской филологии и культуры — связано, в первую очередь, с широкой культурологической направленностью журнала. В самом общем виде, политику его можно свести к формуле «слово (текст) в культурно-историческом контексте» или «история и культура, отраженные в слове (тексте)».

Одну из самых насущных своих задач мы видим в попытке заполнения информационных лагун, возникших в последнее время, в связи с чем большое место в журнале отводится рецензиям на отдельные издания, обзорам публикаций, объединенных единой проблематикой, а также библиографиям, каталогам, описаниям архивов, равно как и информации о новых изданиях и научной жизни России, Западной и Восточной Европы и Америки.

Кроме того, в журнале будут печататься архивные материалы, не публиковавшиеся ранее или незаслуженно забытые труды классиков мировой науки, мемуары и переписка ученых-гуманитариев.

Мы надеемся, что такой журнал будет представлять интерес для русистов самых различных направлений, что Russian Studies станет поистине международным журналом.

Мы приглашаем к сотрудничеству ученых, чьи интересы попадают в круг проблем, очерченных выше, и призываем наших будущих авторов и читателей принять самое деятельное участие в формировании портфеля журнала.

Редколлегия

Памяти Юрия Михайловича Лотмана

28 октября 1993 года мировая наука понесла невосполнимую потерю. Не стало Юрия Михайловича Лотмана.

Мы посвящаем первый том нашего журнала памяти великого ученого.

С любезного разрешения редакции «Русской газеты» (Тарту) и кафедр русской литературы и семиотики Тартуского университета мы перепечатываем статью «Ю. М. Лотман», опубликованную в «Специальном выпуске» «Русской газеты».

Кроме того, мы публикуем в первом выпуске журнала статью-воспоминание о Ю. М. Лотмане В. С. Баевского и письма к нему Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц.

В дальнейшем мы надеемся продолжить публикацию материалов, связанных с жизнью и деятельностью Ю. М. Лотмана, а также работ, в той или иной степени созвучных его взглядам и интересам.

Редколлегия

Ю. М. Лотман

28 октября 1993 г. умер Юрий Михайлович Лотман.

Ученые всего мира — слависты, историки, культурологи, семиотики, искусствоведы, киноведы — знают Юрия Михайловича Лотмана как одного из основателей Тартуско-Московской семиотической школы. Для нас — тартуских филологов, — ушел из жизни наш Учитель, дорогой и любимый человек.

Трудно найти исследование в области семиотики, теории и истории культуры, истории русской литературы, в котором не было бы ссылки на издания кафедры русской литературы Тартуского университета — «Труды по русской и славянской филологии», «Труды по знаковым системам», — создателем и вдохновителем которых был Юрий Михайлович. Идеи Ю. М. Лотмана и его школы органично вошли в работы самых разных ученых нескольких поколений. Список печатных трудов Ю. М. Лотмана насчитывает более 780 названий. Но его влияние, духовные интенции нашли отражение в неизмеримо большем количестве текстов, изменили духовный климат эпохи. Ю. М. Лотман был творцом уникального культурного пространства, уникальной позиции ученого, имеющего силу, смелость и духовную свободу анализировать самые сложные проблемы мировой культуры.

Молодой ленинградский филолог, не нашедший работы в родном городе, попадает в 1950 г., в конце сталинской эпохи, в провинциальный Тарту, на случайно оказавшееся свободным место преподавателя в

Тартуском учительском институте. Через пятнадцать лет, благодаря Ю. М. Лотману и его немногочисленным единомышленникам, Тарту становится республикой ученых, одушевленных идеалами свободной и объективной науки. Конференции (так называемые «летние школы») в Кяэрику и Тарту, инициатором которых был Ю. М. Лотман, привлекали участников из Москвы, Ленинграда, Риги, Еревана, Киева, Саратова и других городов. Лотман создал атмосферу продуктивного диалога для ученых разных школ и разных интересов. Сложился общий язык, отличный от идеологизированного языка советской науки. Особая атмосфера Кяэрику была пронизана жаждой свободы. Юрий Михайлович формировал этот дух примером собственного бытия. Он был свободен и, может быть, более других осознавал свое право мыслить.

Танки в Праге в 1968 году Ю. М. Лотман пережил как личную трагедию и как национальный позор. Реакция, последовавшая за пражскими событиями, сказалась на судьбе тартуской кафедры и школы в целом. Некоторые ее участники вынуждены были вскоре уехать за границу, некоторые были арестованы, за Лотманом был установлен надзор. Юрий Михайлович имел все возможности уехать на Запад, работать в самых престижных университетах и научных центрах, но он не считал возможным покинуть свой университет и кафедру.

В 70-е годы прекратились летние школы. Ю. М. Лотман усиленно работает над завершением исследований о жизни и творчестве Карамзина и Пушкина. Значительная часть замыслов Юрия Михайловича реализовалась в его лекциях, прочитанных в Тартуском университете. Из-за огромной загруженности Юрия Михайловича как преподавателя, руководителя семинаров, заведующего кафедрой, научного руководителя семиотической лаборатории, редактора «Ученых записок», его спецкурсы о Гоголе, Карамзине, Пушкине, Баратынском, Тютчеве, кружках и салонах XVIII—XIX веков в Европе и России так и не были оформлены в монографические исследования. Только их слушатели знают, что опубликованные статьи отражают лишь фрагменты завершенных концепций.

В 70-е годы Ю. М. Лотман приступает к созданию глобальной теории культурных процессов, которая отразилась в его работах от «Статей по типологии культуры» (1970—73) до книги «Культура и взрыв» (1992).

Начав как традиционный историк литературы, Ю. М. Лотман через семиотику приходит к универсальной теории культуры и философии истории. В его эволюции мы видим органическое развитие той духовной позиции, которую он занял в конце 50-х — начале 60-х годов. Академический ученый, сосредоточенный преимущественно на проблемах русской культуры, он осознал необходимость глобального охвата явлений.

Для всех нас Юрий Михайлович был прежде всего Учителем. Преподавательская работа была для него так же важна, как и научная. Он часто повторял, что профессия учителя — одна из самых сложных. Вспоминая о своих учителях в Ленинградском университете — Г. А. Гуковском, Н. И. Мордовченко, Б. В. Томашевском, Б. М. Эйхенбауме, В. Я. Проппе, — он восхищался не только их научным талантом, но и педагогическим даром. Творческий импульс их лекций в значительной степени повлиял на Ю. М. Лотмана-лектора. Его еженедельные спецкурсы воспринимались студентами как событие. С Ю. М. Лотманом уходит целый мир — мир петербургской филологии начала века, атмосфера семьи петербургских интеллигентов, жизнь университетских семинариев.

Начало 90-х годов было драматическим. 25 октября 1990 г. неожиданно скончалась жена Юрия Михайловича — Зара Григорьевна Минц. Умер ученик и близкий друг — Валерий Иванович Беззубов. Ю. М. Лотман осознавал конец и своего пути. Переживая смерть близких и друзей и собственное нездоровье, он проявил поразительную стойкость. Юрий Михайлович работал до конца: писал, читал лекции, консультировал учеников и коллег.

Одной из любимых идей Юрия Михайловича была концепция бытового, повседневного поведения как возможности культурного выбора, поля пересечения Личности и Истории. Сам Ю. М. Лотман был всегда полон самоиронии и никогда не вставал на котурны исторического деятеля. Но именно эта скромность, требова-

тельность к себе, подчас беспощадная самокритичность и переводит его биографию в Историю.

Потеря для нас невосполнима. Но читателям остаются книги. Нам — память сердца и любовь.

**Кафедра русской литературы и
кафедра семиотики
Тартуского университета.**

СТАТЬИ

В. С. Баевский
Смоленск

ELAN VITAL

В нашей стране выдающийся человек проходит три фазы. При жизни его травят. Когда он умирает, его восхваляют: друзья — потому что они друзья, враги — в благодарность за то, что он, наконец, умер. После этого сразу же начинается третья фаза — фальсификация образа покойного деятеля. Каждый стремится приспособить его для своих нужд. Вспомним прижизненную и посмертную судьбу, например, Пушкина, Маяковского или академика Сахарова. Не избежал общей участи выдающихся людей и Юрий Михайлович Лотман. Вот почему так необходимо сказать сегодня об ушедшем от нас замечательном ученом правду. Очень старый латинский афоризм *de mortuis aut bene, aut nihil* мне хочется сегодня немного переиначить: *de mortuis aut veritas, aut nihil*.

В 1964 г. в издании Тартуского университета вышли в свет «Лекции по структуральной поэтике» Ю. М. Лотмана. Они положили начало сильному научному направлению в теории литературы 1960—1980-х гг. В пределах СССР это было единственное направление, противопоставившее себя художочному аморфному официозному литературоведению, которое только и умело что клясться в верности марксизму и с неослабевавшим пафосом отстаивать единство формы и содержания, на которое никто не покушался.

У меня сохранились заметки — их немного, всего четыре страницы, — которые я сделал в 1964 г. при чтении «Лекций по структуральной поэтике». но и без заметок я помню то чувство освобождения мысли, которое почти независимо от ее содержания принесла

нам книга. Тем, кто этого не пережил, трудно это представить, подобно тому, как нам всем сегодня трудно представить себе, как потрясло в свое время мыслящих людей «Философическое письмо» Чаадаева или письмо Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 15 июля 1847 г.

Одновременно в Тартуском университете на той же кафедре разворачивалось под руководством жены Ю. М. Лотмана З. Г. Минц изучение Блока и его времени. Подобно тому, как концепция Ю. М. Лотмана противостояла хилой официозной теории литературы, научное направление З. Г. Минц противостояло официозной истории литературы рубежа веков, которая покоилась на двух постулатах: шаг влево, шаг вправо считается за побег (из советского литературоведения), и в случае побега стреляю без предупреждения. На Блоковских конференциях, в Блоковских сборниках звучали имена, запретные с точки зрения государственной цензуры, формировалось целое поколение независимо мыслящих ученых. Там витал дух свободы мысли, созвучный словам поэта:

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, —
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

.....

Но Блок, слава Богу, иная,
Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,
Нас не принимал в сыновья.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем.

Ю. М. Лотман в течение десятилетий был постоянным объектом нападок людей малосведущих и склонных к демагогии. Он был членом самых авторитетных зарубежных научных обществ, но так и не удостоился избрания ни в Академию наук СССР, ни в Российскую Академию наук. Неожиданно он был устранен с поста заведующего кафедрой — той самой, которой он принес мировую славу, а потом и вовсе переведен на

кафедру зарубежной литературы. У благонамеренных литературоведов стало признаком хорошего тона в начале статьи расшаркаться перед Храпченко и лягнуть Лотмана. Иногда на этом все и кончалось. Я не утрирую: достаточно полистать филологические журналы 70-х гг. З. Г. Минц много лет дождалась утверждения ВАКом своей высококомпетентной и новаторской докторской диссертации о Блоке. После смерти М. Б. Храпченко упоминания его имени, ссылки на него начисто исчезли. Почему бы это? Зато ссылки на труды Ю. М. возникают едва ли не в каждой серьезной работе у нас и за рубежом. Победное становление и развитие двух научных школ сделало кафедру русской литературы Тартуского университета неофициальной мировой столицей науки о литературе. По общественному значению в годы идеологического безвременья кафедра Ю. М. сопоставима с такими явлениями культуры, как Театр на Таганке Ю. Любимова, как «Новый мир» Твардовского.

На протяжении четверти века я был связан с Ю. М. Лотманом, З. Г. Минц и их кафедрой научными и личными отношениями. Там я защитил докторскую диссертацию, причем Ю. М. выступал оппонентом; в их изданиях опубликовано несколько моих работ и работ моих учеников, я и мои ученики участвовали в их научных конференциях, две мои ученицы защитили там диссертации, по приглашению их кафедры я в свой черед выступал там официальным оппонентом. У меня хранится 35 писем Ю. М. (некоторые написаны совместно с З. Г.) и 23 письма З. Г. Тарту и Ю. М. посвящено, как оказалось, 46 записей в моем дневнике. Я собираю и изучаю его книги (многие им подарены) и сборники его кафедры. Многие помнят, каким событием становился каждый выпуск «Трудов по знаковым системам», каждый «Блоковский сборник». Мне случилось утешать друзей. Получаю паническое письмо от В. А. Сапогова: вышла очередная «Семиотика», у тебя уже есть? У меня нет!! Отвечаю: у меня тоже нет. Ничего:

Мы с тобой не идиотки,
Проживем без семиотики.

Или письмо от П. А. Руднева. Получил ли новый «Блоковский сборник»? Говорят, его уже видели!! Снова утешаю:

Друг мой милый! И без Блока
Можно жить не очень плохо,
Потому что даже Блок —
Это все-таки не Бог.

Но, по правде говоря, казалось, что без «Блоковских сборников», «Трудов по русской и славянской филологии», без «Трудов по знаковым системам» жить невозможно. Какая же наступала радость, когда, наконец, очередной выпуск попадал в руки! Однажды, когда Ю. М. был у меня дома, я подвел его к полке с изданиями его и его кафедры.

— Ого, у Вас наших работ больше, чем у меня, — пошутил он.

Таковы источники, на которые опираются эти страницы. Сегодня, у открытой могилы, можно затронуть только первый слой того многосложного явления, которое называется ЛОТМАН. Может быть, в будущем я еще успею сказать о нем более основательно.

* * *

В сознании Ю. М. своеобразно переслаивались на первый взгляд взаимоисключающие компоненты. Он был историком литературы, историком культуры, и как всякий добросовестный историк, прежде всего собирал факты и изучал их взаимоотношения. Объективность, точность выводов, достижимая в рамках традиционной гуманитарной науки, его скоро перестала удовлетворять. Тогда он обратился к структурно-семиотическим методам, внес их в науку о литературе, надеясь получить точность более высокого порядка. Ему и его ученикам и коллегам удалось продвинуться по этому пути, но не так далеко, как виделось в начале.

Наряду с таким позитивистским компонентом Ю. М. обладал огромной силы интуицией. Не так уж редко в процесс обработки, анализа, обобщения фактов вторгался иррациональный подход. Причинно-следственные связи отступали на второй план или распадались, их место занимали профетические прозрения. Не

по онтологии, но по методу это напоминало Кьеркегора, Хайдеггера или Бердяева. Трудно сказать, в чем Ю. М. был сильнее: в кропотливой работе с фактами или в девиации.

Иногда мне вообще казалось, что метод Ю. М. — это интуитивизм, притворившийся позитивизмом.

В многогранной личности его было замечательно развито и художественное начало. Артистизм был в его натуре и проявлялся многообразно. Людей далекой эпохи, их быт, поведение, их творчество он воспринимал как их современник, среди них, казалось, жил, непосредственно с ними общался, как писатель художественно переживал коллизии их существования.

По традиции, идущей от античной философии, я привык думать, что добро, красота, истина равноправны, даже что нравственное, прекрасное, истинное суть проявления единого совершенства в этике, эстетике, науке. Ю. М., несравненный ученый, был твердо убежден, что нравственность выше науки. Я дважды слышал от него продуманные формулировки, выражавшие это убеждение. Высокие нравственные ориентиры не только направляли всю жизнь и научную деятельность Ю. М.; исследование этических идеалов становилось составной частью историко-литературных и историко-культурных занятий.

Исторический подход; противостоящий ему синхронный структурно-семиотический анализ; противостоящий им обоим метод интуитивного угадывания; противостоящий всем трем подходам путь художественного вживания в эпоху и ее деятелей; наконец, заимствованный из другой области нравственный императив — таковы, по моим представлениям, пять основных компонентов научного мышления Ю. М.

Такой исключительно богатый аппарат давал возможность для каждой работы избрать те методы и подходы, которые сулят наибольший успех. При благоприятном сочетании возникали труды, которые прокладывали новые пути и открывали широкие перспективы. Не только современники, но еще несколько поколений идут и будут идти по следам Ю. М. Иногда, когда противоречивые компоненты сознания ученого попадали не в фазу, у него случались промахи, зевки,

как говорят шахматисты. Зевки, просмотры в шахматах неизбежны, от них не застрахованы и чемпионы мира. У обыкновенных добросовестных научных работников эффективность исследований не особенно значительно колеблется вокруг некоторой средней величины. Приблизительно это можно изобразить так:

Но у Ю. М. график, представляющий колебания от работы к работе и даже в пределах одной монографии, будет выглядеть совсем иначе:

Когда-то Блок сказал, что стихотворение — это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Ю. М. было по-настоящему важно высказать какие-то основополагающие мысли, совершить прорыв. Меньше беспокоил его материал, в который эти провидческие идеи упакованы.

Конечно, Ю. М. строго себя контролировал и самые свои отчаянные порывы умел обуздывать. Однажды он присутствовал на моем докладе о движении времени в «Евгении Онегине». При обсуждении он задал мне вопрос: что делал Онегин в течение тех трех лет, которые прошли между его отъездом из деревни после дуэли с Ленским и появлением на балу в Петербурге? Вопрос, типичный для исторической компоненты мышления Ю. М.: он стремился не только выстроить в исторической последовательности все события романа и совместить их с событиями истории России и биографии Пушкина, но и заполнить пустоты, оставленные автором. Я ответил, что в романе нет указаний на то, что прошло именно три года, и что говорить о том, чего не сказал Пушкин, не имеет смысла.

Прежде чем продолжать, замечу, что позже, когда работа, которую я докладывал, была опубликована, со мною решительно солидаризировалась Л. Я. Гинзбург. Она мне написала (22 ноября 1983): «Лотман, с такими изысками исследовавший “Евгения Онегина”, вдруг обнаружил грубейшее непонимание природы романа в

стихах — удивительно! <...> Персонаж состоит из того, что счел нужным сказать о нем автор. Прочие домыслы подобны попыткам найти фас для головы, нарисованной в профиль. Эти законы искусства Вы прекрасно показали на материале всех этих календарных раскладок».

Во время обсуждения моего доклада Ю. М. не стал комментировать свой вопрос, но когда мы шли домой, вернулся к нему. Оказалось, он считал, что в течение трех лет между дуэлью с Ленским и появлением в Петербурге Онегин предводительствовал на Волге шайкой разбойников. Я онемел от изумления. А Ю. М. привел некоторые косвенные аргументы. Дворянин-разбойник и предводитель разбойников был привлекательной для Пушкина-романиста фигурой (Дубровский, Швабрин). В сне Татьяны Онегин видится как предводитель шайки нечистых. Вздохнув, Ю. М. сказал, что к сожалению об этом нельзя не только писать, но и публично говорить: слишком слабы аргументы, слишком это неожиданно; но что он убежден, что ход мыслей Пушкина был именно таков.

Передо мной открылись совсем иные компоненты сознания моего замечательного собеседника. Только что мы говорили на языке науки, оперировали фактами, устанавливали причинные связи. И вдруг Ю. М. отдался на волю интуиции, пытаюсь угадать пути поэтического мышления Пушкина, и его собственное мышление приобрело черты художественного.

Это предположение Ю. М., при всей его яркости, принять трудно. Но вот непосредственно после моего доклада Ю. М. прочитал доклад, в котором на основе одного слова Иисус в списке пушкинских замыслов убедительно реконструировал этот неосуществленный труд поэта в некоторых основных чертах. Мне дорого воспоминание о том, что при обсуждении этого доклада я высказал предположение, принятое Ю. М., что одним из элементов пушкинского замысла была Тайная вечеря. Ю. М. докладывал этот сюжет и на всесоюзной Пушкинской конференции в Петербурге, статья появилась во «Временнике Пушкинской комиссии», работа вошла в научный обиход. В ней счастливо сочеталась интуиция с высоким этосом, а в рамках строго исто-

рического подхода устанавливались каузальные зависимости между фактами. Вряд ли кто-либо другой взялся бы за такое исследование и столь успешно его бы осуществил.

В печати критиковали истинные или мнимые просмотры, зевки Ю. М., а он, не останавливаясь и не оглядываясь, устремлялся дальше. От традиционной истории литературы — к литературоведческой семиотике, отсюда — к истории культуры и к семиотике культуры. Круг авторов, о которых писал Ю. М., почти необозрим. Он видел историю литературы не плоско, а объемно, не только великих писателей, определявших литературный процесс, но и авторов второго ряда. За ними — литераторов третьестепенных, а за ними — и тех, кто сливался с фоном, поэтов неосуществившихся или совсем уж дилетантов. Ю. М. одинаково блестяще пишет и текстологическую заметку, и монографию, и комментарий, публикует целые комплексы архивных материалов. Его постоянно занимают источниковедческие вопросы; он стремится как можно полнее и точнее использовать данные творческих рукописей, мемуаров, переписки. За каждой работой — какому бы частному вопросу она ни была посвящена — ощущаешь подробное знание исторических судеб России, страстную в них заинтересованность.

В центре внимания Ю. М. — последняя четверть XVIII в. и начало века XIX, послеломоносовская и предпушкинская эпоха. Именно она освоила и переработала наследие петровских реформ, подготовила золотой, пушкинский век русской литературы. Полстолетия занятий этой эпохой, когда столь своеобразно сочетались идеи века Разума, Просвещения и сенсуализм поэтов «чувства и сердечного воображения», сформировали облик Ю. М. как исследователя, одинаково глубоко чувствующего литературу и понимающего ее. Двум великим деятелям этого времени, Карамзину и Радищеву, самому широкому их окружению посвящены замечательные труды Ю. М. А первая его монография «Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени» (Тарту, 1958) воссоздает своеобразную фигуру, характерную для России начала XIX в.: тартуского профессора — партизана Отечественной

войны 1812 г. — одаренного литератора — раннего предшественника декабристов.

От этой эпохи исследовательские интересы Ю. М. распространялись в прошлое и будущее. В прошлом они восходили не только к Державину и Ломоносову, но и к «Слову о полку Игореве» и летописанию. Глядя вперед, он постоянно занимался Пушкиным и создал, кроме ряда важных статей, блестящую трилогию: очерк творческой биографии, книгу о поэтике «Евгения Онегина» и комментарий к нему. Сегодня суммарный тираж этих трех книг превосходит полтора миллиона экземпляров. Они, несомненно, будут переиздаваться. Далее внимание Ю. М. простиралось на Гоголя, Льва Толстого, многих других писателей вплоть до Ахматовой и Пастернака.

Иногда Ю. М. совершал вылазки в область зарубежной литературы. Заметка в три страницы посвящена им Стендалю в связи со Стерном — и вот, наконец, убедительно объяснен смысл заглавия «Красное и черное».

Поражает интенсивность его труда. Им написано 17 книг (не считая многочисленных переизданий на разных языках) и не меньше 400 статей. При его участии, часто решающем, вышли многие десятки сборников кафедры русской литературы Тартуского университета, объединенные во всемирно известные серии «Ученые записки», «Труды по знаковым системам», «Тезисы докладов летней школы по вторичным моделирующим системам», «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Серьезные ученые охотились за сборниками студенческих работ кафедры Ю. М. В них блестяще дебютировали современные ученые с мировым именем А. В. Лавров, Г. А. Левинтон, И. Чернов, Р. Папаян, С. Золян, М. А. Красноперова, Л. Флейшман, Р. Тименчик, М. Лотман и многие другие. Его кафедра публиковала по полтораста работ в год.

При этом он нес большую педагогическую нагрузку, нередко читал лекции вместо больных коллег. Много работал в архивах и библиотеках Тарту, Москвы, Ленинграда, часто устраивал у себя большие научные конференции и более тесные научные встречи, ездил на конференции и оппонировать в другие города.

Обычное зрелище. Где-нибудь в Москве или в Ленинграде вдруг становится известно, что состоится лекция Лотмана. Тема безразлична, важно, что Лотман. Битком набитый душный зал. Толпа на лестнице: люди не попали в зал, ничего не видят и не слышат — но не уходят. Их держит магнит имени.

Однажды Д. Самойлов в шутовском сонете описал мне свою жизнь. В нем есть такие стихи:

Я был в Москве и в Ленинграде.
Там выступал при всем параде.
Я слышал Лотмана в ИМЛИ.

Ученые ему внимали
И, может быть, не понимали,
Взаправду нужен он им ли.

Ю. М. уделял много заботы своим трем сыновьям. Потом почти в каждом письме стали появляться сообщения о рождении внучек. 1 января 1976 г. Ю. М. написал открытку, которую подписали он и Зара Григорьевна: «Дорогой Вадим Соломонович! От души поздравляю Эду Моисеевну и Вас с Новым 1976 г. Будьте здоровы и благополучны. При сей верной оказии сообщаем, что у Миши родилась вторая дочь. Пока мы с З. Гр. — (дед + баба)². Сердечно Ваши З. Минц, Ю. Лотман». Потом у них стало восемь внучек и один внук.

Они оба были не особенно крепкого здоровья — возможно, из-за непосильных трудов. Ю. М. прошел фронт. Великую Отечественную он начал солдатом, прервав учение в университете, а кончил сержантом, служил в артиллерии. Невысокого роста, худощавый, подвижный, стремительный, он стремился побольше взять на себя, по возможности сняв с других, — и на кафедре, и в семье. Перед защитой я приехал в Тарту, чтобы оформить какие-то бумаги. Ю. М. поручил их подготовить лаборанту. Когда мы пришли на кафедру, документы не были готовы: лаборант оказался не очень расторопен. Ю. М. очень рассердился. Это проявилось так: не успели мы с лаборантом опомниться, он схватил тяжеленную пишущую машинку, массивную, с широкой кареткой, и потащил в свой кабинетик. Не об-

рацая внимания на наши протесты, вставил бумагу и сам быстро отщелкал требуемые отзывы и решения.

Мыслил и действовал он в несколько раз быстрее нормального, так сказать, человека. В 1979 г. по просьбе Совета по кибернетике АН СССР я организовал в Смоленске всесоюзную семиотическую конференцию. Масштаб поражал: в ней участвовали не только филологи, но и биологи, врачи, инженеры, ученые других специальностей. Срок открытия приближался, а не было никакой ясности относительно количества участников, тематики их докладов, программы. Я нервничал, звонил в Совет по кибернетике, но ничего узнать не мог. Накануне открытия съехались участники, в том числе члены оргкомитета из Москвы. Оказалось, что и в канун открытия у них нет не только программы, но и полного перечня участников. Больше двух часов длилось заседание оргкомитета. Судили, рядили, так ничего не придумали. Наметили доклады на первое заседание: просто члены Совета по кибернетике, они же члены оргкомитета, решили прочитать свои доклады. Дальше царил хаос. Надвигалась катастрофа.

Когда утром открылась конференция, я из президиума увидел, что в зале сидит Ю. М., который приехал ночью, усталый, не предупредив, по своей великой деликатности, и никем не встреченный. Во время перерыва между докладами я пробрался к нему и после обмена первыми словами обрисовал положение и свое крайнее беспокойство. Он улыбнулся и пошутил. Утреннее заседание было разделено пятнадцатиминутным перерывом. Едва перерыв начался, Ю. М. увлек меня в коридор к окошку, взял у меня клочки бумаги с неряшливыми записями фамилий и тем докладов, которые я успел собрать у участников, и четко продиктовал мне программу следующего заседания. Каким-то чудом из разрозненных заметок он выхватил на ходу близкие темы и самым рациональным способом их сгруппировал. В конце утреннего заседания я объявил программу вечернего, вывесил ее перепечатанной, и дальше так и пошло. Ю. М. в течение нескольких минут составлял программу на следующий день, один воплощая в себе весь оргкомитет большой всесоюзной конференции. И

все делалось легко, с шутками, без раздражения и сетований.

Даже собака у него была замечательная, можно сказать, человекообразная. Большой черный пес Джерри. Надо здесь его вспомнить. Однажды я кончил письмо к Ю. М. так: «Передайте привет Джерри, если он меня помнит».

С горечью я должен сказать, что почти до самого конца Ю. М. и Зара Григорьевна испытывали денежные затруднения. Печатались они, главным образом, в тартуских безгонорарных изданиях, семья все возрастала. Когда я впервые приехал в Тарту, в 1971 г., Ю. М. спал на алюминиевой раскладушке. Обеденного стола не было: следовало составить козлы, положить на них доски и накрыть эту конструкцию скатертью. Помню, что на обед основным блюдом была картошка в мундире. Письма свидетельствуют, что во время смоленской семиотической конференции Ю. М. не хватило денег и он взял у меня займы 25 рублей. Как неблагодарно наше общество по отношению к лучшим своим людям! В первом письме из Тарту Ю. М. просит прощения за то, что не может сразу выслать эти проклятые 25 рублей. И лишь некоторое время спустя пришел перевод. Конечно, в 70-х гг. положение изменилось к лучшему, особенно во второй половине, но до полного благополучия они с Зарой Григорьевной так и не дожили.

Когда я думаю об этой жизни, об этом человеке, который пережил войну, демагогические обвинения, обыски, гонения, бедность, поднял большую семью, стал лучшим знатоком Пушкина и его эпохи, русской культуры XVIII—XIX вв., ввел в науку о литературе структурно-семиотические методы и стал одним из создателей этого направления, об этом ученом, который в науке был не только исследователь, но и художник — и все это без жалоб, без позы мэтра, с неизменными шутками — когда я ищу какое-то объяснение этого уникального явления, которое все равно объяснить нельзя, мне снова и снова приходит на ум одно из основных понятий философии Бергсона, заимствованное экзистенциалистами, — *elan*. То есть единый могучий прекрасный жизненный порыв, *elan vital*. По своей

целеустремленности и силе этот порыв был сродни тем, которые движут крупными политическими деятелями или великими художниками. Если такой порыв соединяется со злой волей, он может принести неисчислимые беды людям и целым народам. К счастью, *elan vital* Ю. М. был посвящен самой высокой цели — сохранению и приумножению культуры. В этом смысле символично, что в последние годы жизни Ю. М. получил возможность обратиться к своим современникам с монументальным, единственным в своем роде, как все, что он делал, циклом телевизионных бесед о русской культуре.

* * *

От общей характеристики перейду к рассказу о нескольких эпизодах.

Апрель 1975 г., Тарту. Третья Блоковская конференция. «Самая интересная в моей жизни», — записано у меня в дневнике. (После этого еще дважды мне пришлось пережить — именно пережить — научные встречи такого уровня и такого накала: Первые Пастернаковские чтения в Москве в 1988 г. и русско-американскую школу, посвященную изучению Серебряного века, в августе 1993 г. в Смоленске). Ю. М. и Зара Григорьевна собрали удивительный состав участников. Здесь были М. Л. Гаспаров, С. С. Аверинцев, Д. Е. Максимов, В. В. Иванов, Б. М. Гаспаров и другие маститые ученые, А. В. Лавров, С. С. Гречишкин, Г. А. Левинтон, М. Ю. Лотман, К. М. Азадовский и еще ряд молодых исследователей, к тому времени уверенно вошедших в науку о литературе. мы с А. Д. Кошелевым, моим учеником и другом, представили доклад об анаграммах у Блока. Он не прошел незамеченным. В моем дневнике запись: «Блестящий доклад» (Лотман, Иванов).

Хотя это было идеологически глухое время, на конференции не делалось никаких уступок официальной фразеологии. Конференция оказалась, можно сегодня сказать, гостем из будущего: запросто произносились такие имена, обсуждались такие проблемы, которые беспрепятственно произносить и обсуждать стало возможно только в 90-е гг. Конференция длилась около недели. Заседания начинались поздно, в 11 часов:

Ю. М. днем занятый лекциями, делами кафедры, домашними заботами, занимался ночами, а спал несколько часов под утро. Зато доклады читались и обсуждались подряд, с одним часовым перерывом, часов до десяти вечера.

За три месяца до этой конференции я защитил здесь же докторскую диссертацию. Ю. М. и Зара Григорьевна нашли, что я отлично держался во время процедуры защиты. В действительности я просто окаменел от страха, а они поражались моей выдержке. После этого они непременно просили меня председательствовать на каких-либо заседаниях, которые обещали быть особенно трудными, выступать на конференциях с заключительным словом и т. п. Я не смел отказаться. И вот перед глазами воспоминание. Прекрасный актовый зал университета, знаменитая Aula, я на возвышении на месте председателя, девятый час вечера, С. С. Аверинцев кончает доклад о Вяч. Иванове, рядом со мною сидит Зара Григорьевна, которая готовится произносить свой доклад об Иване Коневском, а в зале — двести человек, от студентов до профессоров, которые в напряженной тишине ловят каждое слово, чутко реагируют, и такое впечатление, что ничуть не устали, готовы слушать и слушать без конца.

Когда все кончилось и мы разъезжались, Ю. Н. Чумаков мне сказал:

— Да, Вадим, анаграмма Тарту — утрата. Утрата Тарту — как утрата жизни.

Ю. М. неоднократно звал нас с женой приехать в Тарту «просто так», в гости, но мы не решались обременять его и Зару Григорьевну. Летом 1980 г. я встретил Ю. М. в Ленинграде в Публичной библиотеке, потом мы немного погуляли по Невскому, и он снова стал приглашать в Тарту, причем в таких энергичных и лестных выражениях, что я не смог преодолеть соблазна, и мы договорились. Осенью мы приехали. Ю. М. мне сказал:

— К вашему приезду я приурочил заседание семиотического семинара. Если вы не возражаете. Прочту

доклад на одну довольно зыбкую тему. О Пушкине. Может быть, и Вы с чем-нибудь выступите?

Я настолько хорошо знал уже Ю. М. и созданную им обстановку, в которой наука становится уже прямо бытом, что был уверен в том, что услышу что-либо подобное. И ответил:

— Спасибо. Охотно. Я привез доклад тоже о Пушкине.

И предупредил Ю. М., что собираюсь критиковать традиционный взгляд на проблему отражения времени в «Евгении Онегине», согласно которому время действия романа в стихах можно так соотносить со шкалой исторического времени, что эти две шкалы совместятся во всех точках. Исторический компонент мышления Ю. М. заставил его поддерживать эту точку зрения.

— Очень интересно, — ухмыльнулся он в усы.

Я спросил, как долго я могу говорить.

— На семинаре мы докладчиков не ограничиваем, — ответил он.

В назначенный день мы вчетвером — они с Зарой Григорьевной и мы с женой — отправились в университет. Я волновался, как всегда перед докладом или лекцией.

— А много будет народу?

— Не знаю. Посмотрим, — как-то неопределенно ответил Ю. М.

В Смоленске, в институте, чтобы устоять на ногах, нередко приходится применять силовые приемы, как в хоккее. В Тарту никто никогда меня не толкнул. Но когда мы шли с Ю. М., студенты расступались перед ним так, что образовался коридор метра три в ширину. Подходим к дверям предназначенной аудитории. Ю. М. на правах хозяина пропускает меня вперед, я вхожу вслед за дамами и поражаюсь. Большое помещение все заполнено. Потом я прикинул — присутствовало приблизительно сто человек, то есть почти все русское отделение филологического факультета. Впереди профессора, в разных местах аудитории — другие сотрудники кафедр и студенты, студенты.

Около часу я читал доклад, еще примерно столько же заняли ответы на вопросы и замечания. Это здесь Ю. М. спросил меня, что, по моему мнению, делал

Онегин три года после того, как убил на поединке Ленского, о чем я рассказал раньше. Я старался сделать свою критику традиционной точки зрения на проблему времени как можно более мягкой по форме, ясной по существу.

Я прямо указал несколько, как мне кажется, ошибок Ю. М. (Все это есть теперь в моей книге о поэтике «Евгения Онегина» 1990 г.). Одна из студенток спросила:

— Ю. М., а можно задать вопрос не докладчику, а Вам?

— Пожалуйста.

— Ю. М., скажите, пожалуйста, а как Вы относитесь к докладу?

И Ю. М. ответил:

— Я согласен с основными положениями доклада.

По аудитории пронесся сдержанный шум.

Несколько раз мне приходилось слышать, что с Ю. М. было трудно полемизировать и даже что он был закрыт для диалога. Мой опыт не согласуется с таким мнением. Конечно, он не спешил пересматривать что-то в своих взглядах. Он добросовестно работал и верил в себя, старался не допускать ошибок.

— Ошибка в научной работе — как обман в жизни, — сказал он на Ломоносовской конференции в Тарту.

Работы недобросовестные его раздражали.

— Глупость, — мог он сказать (но в отсутствие автора, он был деликатен). Или об авторе претенциозной, но бездоказательной статьи:

— Дурак.

О крупном ученом, делавшем большую карьеру:

— Этот царедворец.

Зара Григорьевна, насколько могу судить, выразилась не столь прямолинейно. Об очень большом филологе, уклонившемся от участия в принципиальной научной дискуссии, она мне сказала:

— Житель кустов.

Перефразируя фразеологизм «спрятаться в кусты».

Но вот под впечатлением от моего доклада Ю. М. сказал:

— Я согласен с основными положениями.

Хотя они противоречили тому, что писал он. Правда, когда вышло второе издание комментария к «Евгению Онегину», Ю. М. сохранил прежнюю интерпретацию движения времени в романе. Я объясняю это тем, что позже Ю. М. продумал мой доклад, и он показался ему менее убедительным, чем во время семинара. Зато два исправления Ю. М. по моим замечаниям внес. Я передал ему, что моя дочь заметила неправильный перевод одной французской фразы, и во втором издании комментария Ю. М. его исправил. Другое исправление связано с двойным лорнетом. В первом издании комментария Ю. М. объяснил это словосочетание из главы первой «Евгения Онегина» как театральный бинокль. Я выразил недоумение. Ю. М. обстоятельно ответил. Из ответа хорошо видно, насколько он входил в предмет, и понятно, почему ему нелегко было принимать чужие мнения. «Отвечу лишь на одно Ваше замечание, — написал он мне 2 октября 1980 г. — почему двойной лорнет — бинокль. Потому, что это точный кальк с французского *la lorgnette jumelle*, имеющего значение именно театрального бинокля. Если я не ошибаюсь, то по-французски до сих пор для военных призматических биноклей употребляют *jumelle*, а для театральных — *lorgnette*. Подобно тому, как “зубчатый” (для кремня) означает в “Евгении Онегине” — имеющий форму зуба, а не в привычном для нас значении, “Двойной” на современном языке надо было бы перевести “сдвоенный”, т. е. *jumelle*. Кажется, слова “бинокль” в русском языке еще не было».

Вскоре я нашел в журнале пушкинского времени статью «Двойной лорнет», где был подробно описан этот прибор, не похожий ни на обычный лорнет, ни на театральный бинокль. В очередной приезд в Тарту я привез Ю. М. выписку. Он поблагодарил, не стал спорить и внес эти сведения во второе издание комментария, заменив ошибочное объяснение.

Возвращаюсь к рассказу о семинаре. Когда я увидел, что после моего доклада и его обсуждения время приблизилось к шести, я огорчился, что для доклада Ю. М. не осталось времени: мы работали уже около двух часов. Оказалось, что я беспокоюсь напрасно: был устроен перерыв минут на пятнадцать-двадцать, после

чего Ю. М. около часу читал свой доклад об Иисусе (я говорил о нем ранее), отвечал на вопросы, затем последовало обсуждение. Мое маленькое дополнение о месте Тайной Вечери в пушкинском замысле Ю. М. не только принял, но позже, в печати, с благодарностью оговорил в тексте работы.

Интересный для меня спор с Ю. М. возник на Ломоносовской конференции в конце ноября 1986 г. Я прочитал доклад, в котором стихотворную реформу Тредиаковского 1735 г. связывал с эстетикой барокко, а реформу Ломоносова 1739 г. — с эстетикой классицизма. После доклада Ю. М. выступил с энергичными возражениями. Он сказал приблизительно следующее.

— В. С., Вы рассказали об очень интересной работе, но зачем Вы привлекли барокко и классицизм? Разве Вы знаете, что такое барокко? Разве Вы можете сказать, что такое классицизм? Зачем Вам эти абстракции?

Дальше он стал говорить, что материал, которым я оперировал, не поддается обобщению в терминах больших стилей эпохи. Его слова о том, что мой доклад очень интересен без этого, были не менее чем комплиментом, призванным подсластить горькую пилюлю: Ю. М. обрушился на основной тезис моего доклада.

Передо мною Ю. М. прочитал глубокий доклад о культуре XVIII в., в котором характеризовал свой предмет в обход терминологии, связанной с барокко, классицизмом, предромантизмом. Я заметил эту тенденцию у самых крупных наших филологов — В. Н. Топорова, М. Л. Гаспарова, некоторых других. Я стал возражать Ю. М. в том смысле, что не следует нам возвращаться к донаучным определениям «Ломоносовский период», «время Державина», «Карамзинский период» и т. п., что понятия «барокко» или «классицизм», при всей их неопределенности, а отчасти благодаря ей, обладают большой обобщающей силой.

Но на этом дискуссия не окончилась! Ю. М. снова взял слово и подверг мой доклад более суровому разбору все с той же точки зрения. Я опять ему возражал, говоря, что отказ от представления о больших стилях эпохи и литературных направлениях ведет к утрате понимания истории литературы как закономерного

процесса и ставит под сомнение всю науку о литературе.

Мы остались каждый при своем мнении, но спор многим показался интересным. Ю. М. поддержал В. М. Живов, — меня — И. А. Чернов. В этот раз Ю. М. вообще был настроен на скептический лад. В заключительном слове при закрытии конференции он сказал: XVIII в. нам известен плохо; знания, казавшиеся нам прочными, рассыпались; изданий писателей XVIII в. на современном научном уровне нет, при жизни и в начале XIX в. их издавали лучше, чем теперь; изучение XVIII в. следует начинать заново.

В декабре 1978 г. по инициативе К. В. Чистова в Ленинградском университете отмечалось девяностолетие со дня рождения М. К. Азадовского. вечер прошел при великом стечении народа, так что большую аудиторию пришлось переменить на актовъй зал. К. В. Чистов мне сказал:

— Я прежде всего обратился к Ю. М. Лотману и Г. А. Бялому. Когда они согласились принять участие, я понял, что вечер пройдет как надо.

Я в это время оказался в Ленинграде и попал на вечер. Не зря К. В. Чистов рассчитывал на Ю. М. Он совместил мемуары об Азадовском с воспоминаниями о своей войне и с научным докладом о лубке, о народном искусстве. Перед войной, когда Ю. М. был студентом второго курса, Азадовский предложил ему тему о слушателях фольклора. Но Ю. М. ее не оценил и избрал для курсовой работы тему по «Молению Даниила Заточника». Тему, от которой он отказался, Ю. М. вспомнил весной 1945 г. на Одере, в маленьком германском городке. Сержантом артиллерийских войск он вел наблюдение за позициями неприятеля с чердака дома. Чтобы не было скучно, он принес на наблюдательный пункт старые немецкие книги. Внимание солдат привлек альбом Гольбейна. Они стали рассматривать гравюры, один из солдат стал импровизировать по поводу изображения. Я понял, говорил Ю. М., что народное восприятие картинки подразумевает обсуждение ее, ее трогают руками, в нее тычут

пальцем, с нею общаются. Лубок связан с текстом, причем не только печатаемым, но и импровизируемым. Профессиональное искусство создает статую, которую созерцают молча. Народное искусство создает куклу, с которой играют, разговаривают, которую одевают, пеленают.

— Теперь бы я мог ответить Азадовскому на вопрос, поставленный в теме курсовой работы, которую он предложил, да его нет, — кончил Ю. М.

На следующий вечер я снова слушал Ю. М., теперь в замечательном Доме ученых. Это была «беседа у камина», как назывался целый цикл встреч, посвященный проблеме интеллекта. Пригласили очень крупных специалистов разных областей знания, в том числе Ю. М. В конце 70-х гг. значительно больше, чем сейчас, рассуждали о том, может ли компьютер быть умнее человека, спорили о машине Тьюринга и тому подобных вещах. Стоял суровый мороз, дискуссия шла действительно у камина, в котором горели дрова и откуда распространялось живое тепло. Была намечена программа обсуждения: интеллект естественный, искусственный, коллективный. Но дальше вопроса о том, что такое интеллект, в тот вечер не пошли. Мои дневниковые записи совсем лаконичны.

«Биолог: система, стремящаяся доминировать над окружающим.

Инженер: система, способная вычленять себя из окружающей среды.

Я бы, исходя из Бергсона, добавил: система, способная воспринимать юмор.

Лотман: система, способная создавать метаязыки для самоописания.

И здесь, на мой взгляд, как и вчера, чемпионом оказался Лотман».

Так Ю. М. ответил на вопрос о том, что такое интеллект. В 1974 г. я задал Ю. М. вопрос о Боге. Мы далеко не были так близки тогда, чтобы лезть к нему с подобными вопросами. Не могу понять, как я решил-

ся спросить у него, верит ли он. Но он не рассердился, а коротко и ясно ответил:

— Не верю. — Сказано это было решительно. — Знаете, В. С., я настолько погружен в XVIII век, век Разума, что его религиозный скептицизм передался и мне.

Не знаю, не изменились ли его взгляды позже: к этой теме мы больше не возвращались.

Ю. М. был необыкновенно добр и внимателен ко мне. Несколько раз по моей вине между нами возникли осложнения, но всякий раз они побеждались его всеобъемлющей добротой. Я еще только кончал диссертацию, мы еще были мало знакомы, когда он мне написал: «Оппонентом Вашим я готов быть всегда и везде» (21 сентября 1973 г.). Вдруг я получил от него письмо. Его просили рекомендовать заведующего кафедрой литературы в один из университетов. Я тогда не заведовал в Смоленске, он вспомнил об этом и спрашивал, можно ли рекомендовать меня на ту вакансию. Но внимание его простиралось и на область быта. Я приехал в Тарту на защиту Л. П. Новинской — моего большого друга и жены моего большого друга П. А. Руднева. Погода стояла превосходная, я оставил плащ в гостинице и до защиты отправился к Лотманам. В это время напоззли тучи, поднялся холодный ветер, и Ю. М. забеспокоился, что я могу простудиться. Он стал настаивать, чтобы я надел его теплую куртку. Я отказывался, потому что сразу после защиты уезжал в Пярну и не понимал, как верну куртку ее хозяину, но Ю. М. чуть ли не силой надел ее на меня. Как только мы вышли, чтобы идти в университет, я почувствовал, что без верхней одежды пропал бы.

Дальше случилось вот что. В зале заседаний специализированного совета я увидел Зару Григорьевну. Мы с нею сели рядом, чтобы в паузах хоть немного поговорить. Вдруг она замечает:

— Мировая у Вас курточка, В. С. У Юры тоже такая есть, только похуже.

Когда Ю. М. исполнилось 60 лет, я снял со своей

книжной полки полный комплект журнала Хераскова «Полезное увеселение», жена со своей полки — французский сборник исторических анекдотов, житейских и медицинских советов, тоже XVIII в. Мы попросили Б. Ф. Егорова, который ехал в Тарту на празднование шестидесятилетия, отвезти эти подарки Ю. М. В этом есть что-то особенное: подарить дорогому тебе человеку дорогую для тебя книгу, не купив ее в магазине, а сняв с полки свою, теплую, нужную. С тех пор мне несколько раз нужен был для работы журнал Хераскова. Я вспоминал, что он подарен Ю. М. и... И что? Каждый раз мне становилось особенно приятно при мысли об этом подарке. Послали мы и телеграмму: «Поздравляем бессмертием Баевские».

Время от времени институтское начальство на меня катит бочку. В 1986 г. один из руководителей института на заседании Ученого совета сказал, чтобы обозначить всю бездну моего падения:

— Его имя ставят рядом с именами Якобсона и Лотмана!!

Лучше, чем кто-либо, я понимаю несоизмеримость своего имени с двумя другими, и все-таки мне было приятно. После этого Ученый совет услышал другое обвинение: моя дипломантка ссылается на реакционно-буржуазного ученого Фридендера вместо того, чтобы на наших советских. Моему обвинителю было невдомек, что Г. М. Фридендер — ленинградский ученый, действительный член АН СССР. Подвела фамилия, чем-то неуловимо похожая на фамилии Якобсона и Лотмана. Было еще и третье обвинение: моя дипломантка занимается художественным временем в древне-русской литературе и в «Евгении Онегине», а не нашим великим социалистическим временем.

В таком контексте мое имя было соединено с именем Ю. М. в моем институте.

16 декабря 1989 г., когда завершалась тартуская конференция, посвященная двухсотлетию Великой французской революции, Ю. М. попросил меня выступить с кратким заключительным словом, так как сам он переутомился. Накануне мы узнали о смерти ака-

демика Сахарова, под этим впечатлением прошли оба дня работы. Естественно, что подводя итоги, я снова его вспомнил. Я высказал вполне тривиальную мысль: пока мы живы, мы обязаны в любых обстоятельствах продолжать дело ушедших. И подкрепил ее известными стихами поэта:

Итак, вперед, не трепеща
и утешаясь параллелью,
Пока ты жив, и не моща,
И о тебе не пожалели.

Ю. М. уже был болен. Вскоре после этого он потерял жену. Но он продолжал работать, опубликовал новую книгу, новые статьи, выдвигал новые идеи. Прощаясь с ним, я опять произношу стихи Пастернака:

Итак, вперед, не трепеща
И утешаясь параллелью,
Пока ты жив, и не моща,
И о тебе не пожалели.

15 ноября 1993 г.
Смоленск

М. Н. Виролайнен
С.-Петербург

Культурный герой нового времени

*(Пушкинский миф в контексте
секуляризованной культуры)*

Можно ли всерьез говорить о мифе применительно к тому, кто является героем нового времени, героем секуляризованной культуры? Мифология не случайно является законной принадлежностью «традиционных» культур, ориентированных на воспроизведение канонического порядка вещей. Вновь и вновь актуализируясь в ритуалах, мифы служили этим культурам как мощный инструмент поддержания миропорядка. Представление о самом себе как о проявлении вечных законов космоса — вот что воплощал в мифах древний мир.

Иное дело — культуры нового времени, в которых традиции разрушены или поколеблены, космос осмыслен заново и сам взгляд на то, каким должен быть природный или социальный порядок, еще только вырабатывается или постоянно обновляется. Такие культуры не могут опереться на существующую от века мифологию — а между тем, нуждаются в ней для собственного обустройства, для закрепления своих новых норм. Эта потребность чрезвычайно настоятельна, и удовлетворить ее может лишь рождение новых мифов. Европа Нового времени столкнулась в этой проблеме, как только стал рушиться средневековый порядок.

Геоцентризм — гелиоцентризм, теоцентризм — и антропоцентризм, вера в бессмертие души — и неверие в него, вера в единого Бога, трансцендентного миру — и пантеистическое верование в Бога, растворенного в природе. Эти и множество других оппозиций, заклю-

чающих в себе кардинально противоположные друг другу картины мира — вот безумная система отсчета, в которую попадал человек того времени, когда средневековая и возрожденческая картины мира конкурировали на равных, взаимно опровергая друг друга. Средний человек, который не становился апологетом того или иного взгляда, а просто жил в мире и пытался в нем ориентироваться, остро нуждался в новой мифологии, не тождественной ни старой церковной схоластике, ни новым гуманистическим воззрениям.

И такой миф был создан Шекспиром. Им был создан мир близнецов, в котором все двоится и нуждается в различении, нуждается — но ежеминутно провоцирует к ложному отождествлению. Нераспознаваемые близнецы-братья, мужчины под видом женщин и женщины под видом мужчин, сон под видом смерти и смерть под видом сна, добродетель под видом порока и порок под видом добродетели, комедия под видом трагедии и трагедия под видом комедии, жизнь под видом театра и театр под видом жизни... Будь то комедийный сюжет «Сна в летнюю ночь» или трагический сюжет «Гамлета» — задача различить двоящийся мир, опознать, что есть что и кто есть кто, остается главной. Она составляет то центральное испытание, которое определяет сущность шекспировского мифа как мифа переходного времени. Но этот миф не знает счастливого исхода, когда неразличимый хаос умиротворяется, переходя в стабильный космос. Символический финал шекспировского мифа — Просперо, бросающий волшебный жезл в море, человек, отказывающийся от способности управлять природными и социальными стихиями.

Подобный финал можно считать в высшей степени знаменательным для мифа секуляризованной культуры. Ибо единожды отложившись от церкви, европейская культура раз и навсегда отложила от устойчивого миропорядка как такового. В противоречие с ним вступил самый пафос обновления, присущий ей с этих пор.

Но на каждом витке, в каждый следующий момент обновления культура оглядывалась назад, и потребность ее в мифологии становилась все более и более острой. Вступая в XIX столетие, Европа уже отчетливо сфор-

мулировала эту потребность: романтизм вполне сознательно обратился к мифу, и изучая, и пропагандируя его. Очередной всплеск такого сознательного интереса произошел на следующем рубеже: Ницше, Вагнер, Фрейд как бы заранее отвечали на запросы XX века.

Секуляризованная Россия в своей осознанной и неосознанной, сформулированной и несформулированной заинтересованности в мире проходила те же этапы, что и Европа Нового времени. Церковный раскол спровоцировал мифотворчество протопопа Аввакума, главное напряжение воли которого заключалось в воссоединении распадающегося надвое мироздания, в скреплении единой скрепой сакрального, освященного преданием измерения бытия и другого его измерения — измерения бытового и профанного, неудержимо стремящегося обрести автономию (Герасимова 1985). В XIX веке — мифотворчество Пушкина, Гоголя, Достоевского, на пороге XX — мифотворчество символистов, затем — мифы тоталитарного государства...

Итак, интерес секуляризованной культуры к мифу налицо, но несомненно также и то, что сделать миф своим безусловным достоянием она так и не смогла. Не случайно о мифах нового времени почти всегда говорится в некоем условном, порой даже — в переносном смысле.

Каков же, однако, тот не условный, не переносный, а более или менее строгий смысл, который может быть вложен в понятие «миф»?

Определим его как реальность, обладающую следующими четырьмя качествами.

Первое. Миф выражается в слове. (Греческое *mythos* означает слово, предание, сказание, речь). Но словесное повествование составляет лишь один аспект бытования мифа. Это обстоятельство мы хотим особенно подчеркнуть, ибо, начиная с «Поэтики» Аристотеля и кончая современным бытовым словоупотреблением, миф сплошь и рядом толкуется именно как словесная — и только словесная — реальность.

Второе. «Миф не есть бытие идеальное, но — жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» (Лосев 1990: 400-401). Миф поэтому не может

быть измышлен или сочинен: он рождается через претерпевание.¹

Третье. Воплощаясь в слове, действии и материи, миф в то же время несводим к своим воплощениям: он только отчасти обнаруживает себя в них. Миф родится из сокровенных и потаенных первооснов жизни. Неизреченный и невоплощаемый, исток мифа относится к области того, что мы называем «сакральным», «мистическим». Это таинство жизни, это сокровенная мировая воля, которая лишь затем превращается в различение мира, логическое объяснение его и действие в нем.

Четвертое. Неизреченная и сокровенная основа мифа, пройдя через слово, действие и материю, воплотившись в них, становится моделью мирового порядка — моделью, которая указывает пути и способы превращения хаоса в космос. Эту важнейшую прагматическую функцию мифа Е.М. Мелетинский определяет как функцию по регулированию и поддержанию определенного природного и социального порядка. В качестве модели часто выступают события мифологического прошлого (Мелетинский 1976: 8). Итак, миф есть слово о мире; миф есть плоть мира; миф есть неизреченное и невоплощаемое начало мира; миф есть законодательная модель мира. Только все эти четыре качества в их совокупности составляют то, что мы будем здесь называть мифом.

Вернемся теперь к вопросу о том, почему секуляризованная культура, так остро нуждаясь в мифе, всегда испытывала трудности, взаимодействуя с ним.

Мифы традиционных культур рождены из сакрального источника, составляющего сердцевину культурного космоса. Антропоцентризм нового времени поставил на центральное место не просто человека как такового, но человека как индивидуальность. Она-то и стала источником порождения новых мифов. Сакральная же сущность мифа — сущность явственно осознаваемая — провоцировала его творцов поддаться главнейшему искусству нового времени — искусству самосакрализации. Недаром протопоп Аввакум сам написал свое Житие. Недаром Гоголь всем, кто пожелает приобрести его портрет, рекомендовал купить вместо него (а стало быть, —

в качестве эквивалента ему) гравюру с рафаэлева «Преображения».

В тех же случаях, когда автор соблюдал дистанцию по отношению к творимому им или заново воплощаемому мифу (т. е. избегал самосакрализации), его создание чаще всего обретало только одну — словесную — ипостась. Таковы, например, «Доктор Фаустус» или «Иосиф и его братья» Томаса Манна. Они работают с мифом, но этот миф остается в одной только плоскости словесного повествования, а значит, и не становится мифом в том полном смысле, о котором мы говорили.

В фундаментальное противоречие с культурным космосом нового времени вступает и то качество мифа, которое здесь было обозначено как его способность служить законодательной моделью мира. Установка на воспроизведение этой модели обеспечивала традиционным культурам принцип «вечного возвращения», благодаря которому каждое индивидуальное событие обретало свой сущностный смысл лишь в той степени, в которой оно отождествлялось с раз навсегда предзаданной мифом универсалией (Eliade 1966: 34 и.а.). Этот принцип мифа противоречит главному принципу истории, как ее понимает Новое время: он противоречит принципу новизны, которая теперь придает основной сущностный смысл событию. Подлинная сущность события теперь заключается в том, что вследствие его в мире появляется нечто, чего никогда прежде в нем не было. Принцип истории как чистой, совершенной новости и принцип мифа как вечной универсалии — они оказываются полярно противоположны друг другу². Полярность эта, конечно, чрезвычайно затрудняет взаимодействие — однако не исключает его. Более того: ретроспективный взгляд на мифологическую реальность обнаруживает в ней некую особую точку, в которой тенденция мифа и тенденция истории могут пересечься между собой. В этой точке стоит тот, кого современная наука называет «культурным героем».

Вчитаемся в характеристику архаического культурного героя, данную Е. М. Мелетинским: «Мифическая эпоха — это эпоха первопредметов и перводействий: первый огонь, первое копьё, первый дом и т. п. <...>

Актам первотворения соответствуют в архаических мифологиях жившие и действовавшие в мифическое время герои, которых можно назвать первопредками-демиургами — культурными героями <...> Первопредок-демиург — культурный герой, собственно, моделирует первобытную общину в целом, отождествляемую с «настоящими людьми». Архаические мифы творения «во-первых, повествуют о возникновении того, чего раньше не было <...> или что было недоступно для человека, и, во-вторых, особое внимание уделяется внесению упорядоченности в природную <...> и социальную <...> сферу, а также введению обрядов, долженствующих перманентно поддерживать установленный порядок. И вот эта самая упорядоченность специфически связана с деятельностью культурных героев. Иными словами, их специфика не сводится к добыванию культурных благ, культура включает в себя и общую упорядоченность, необходимую для нормальной жизни в равновесии с природным окружением. <...> постепенно «биография» культурного героя сама приобретает парадигматический характер» (Мелетинский 1976: 173, 178, 199, 227).

Итак, культурный герой приносит в мир новость — и если эпоха допускает, чтобы новость произошла не однажды, не только в момент первотворения, значит, в ней есть место мифическому культурному герою, который может появиться даже тогда, когда «первые времена» уже миновали. Но совершение того, «чего раньше не было» — не единственное требование к культурному герою. Другое, не менее настоятельное, заключается в том, что принесенная им новость должна остаться в мире как норма. В соединении этих двух требований и находится точка пересечения мифа и истории.

Сказанное дает основания полагать, что с возможностью появления культурного героя связан главный шанс секуляризованной культуры на обретение мифа. И думается, что шанс этот был реализован Пушкиным.

Представление о том, что Пушкин — «первый», пошкольному прочно закрепилось в нашем сознании. Он — и «первый поэт» (т. е. «лучший», «главный» поэт), и «создатель русского литературного языка», и «первый

реалист»³... При ближайшем рассмотрении это первенство оказывается, конечно, весьма сомнительным: понятно, что поэтов нельзя классифицировать по табели о рангах, понятно, что новая языковая норма вообще не формируется единолично — равно как и новое литературное направление. Но все эти разоблачения почему-то все равно не мешают где-то на уровне подсознания относиться к нему как к «первому». Вероятно, именно такое отношение заставило Гоголя сказать свою сакраментальную фразу: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (Гоголь 1952: 58). В сущности, Гоголь провозгласил здесь Пушкина нашим культурным предком, и об этом же говорил Достоевский, подхвативший гоголевские слова: «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание» (Достоевский 1984: 136-137). Достоевский уже вполне отчетливо указывает на Пушкина как на того, кто принес в русский мир новость, ставшую нормой, причем нормой для всей русской культуры, а не какого-то одного лишь, частного ее проявления (хотя бы даже и такого значительного, как литература).

Но почему же единодушное признание этой новости всеми, кто обращен лицом к Пушкину, до сих пор так и не помогло нам отчетливо сформулировать, в каком, собственно, отношении он был первым? А между тем, ответ на этот вопрос явился бы указанием на то, что несомненно приблизило бы нас к сущности пушкинского мифа. И почему сам Пушкин не дал нам подсказки?

Среди тех, кто оставляет свое имя в мировой истории, встречаются «люди образа» и «люди пути». Можно, не прочтя ни строчки Байрона или Гете, иметь все же достаточно выразительное представление о них, ибо в европейской памяти запечатлелись образы «мятежного

Байрона» и «олимпийца Гете». Оба они, конечно, проходили через разные жизненные и творческие этапы, но итоговой доминантой, чертой, подведенной в сознании современников и потомков, оказался не пройденный ими путь, а именно могучий образ каждого. И это — не случайность: оба сознательно работали над созданием собственного образа. Показательно, что обиталище Гете в Веймаре (хочется сказать: резиденция Гете) так легко превратилось после его смерти в музей. Уже при жизни великого старца оно было «музейным пространством», в котором все предметы внешнего мира служили выражению внутреннего мира их хозяина. Ничего подобного нельзя сказать ни об одном пушкинском жильё⁴.

И Гете, и Байрон — оба они были мифотворцами, переиначившими в соответствии со своими культурными установками традиционные мифы. Святотатственно пытавшего тайны творения и провалившегося за это в тартарары Фауста народной легенды Гете привел к спасению — и монументальность его творения стала одной из важнейших характеристик его личности. Байрон оспорил библейский канон — и дерзкое богоборчество тоже осталось в памяти как одна из главнейших черт личности мятежного лорда.

«Людьми образа» были и великие русские мифотворцы — Гоголь и протопоп Аввакум. При всей значимости для Аввакума христианской категории «пути», образ его остался в культурной памяти как константа, запечатленная его собственным автопортретом. И хотя в гоголевском творчестве отчетливо различимы этапы движения (классификация которых не случайно подсказана им же самим), смеющийся и плачущий Гоголь — это два лика единого образа российского Януса.

«Люди образа» сами создают миф о себе и сами этот миф предъявляют. Но заметим: и олимпийство, и богоборчество, и самоличное написание собственного жития, и по житийному канону формируемое подвижничество писателя — все это проявление той или иной ипостаси самосакрализации. И еще: само стремление к исчерпывающей предъявленности тоже противоречит сущностной природе мифа⁵. Ибо предъявленная часть

мифа, это, пользуясь избитым сравнением, только верхушка айсберга.

Автобиографическая проза Пушкина скупа не только потому, что обстоятельства вынудили его уничтожить иные бумаги. Исчезнувшие рукописи тоже могут нести разную семантическую нагрузку. Сожжение второго тома «Мертвых душ» — жест колоссального значения, он вписан в текст жизни Гоголя. Сожженные же бумаги Пушкина составляют фигуру умолчания, в его жизненной и творческой позиции далеко не единственную. Ибо этот величайший мастер слова никогда не стремился воплотить в словесной субстанции всю полноту бытия (в отличие от Аввакума, для которого слово, в соответствии с христианской традицией, было всем, или от Гоголя, чаявшего посредством слова преобразить жизнь, которую для этого «всю, сколько ни есть» надобно было уловить, замкнуть в слове). Кристаллическая ясность пушкинского слова существует в контексте свободного дыхания мира, неизреченного и словесной фиксации не подлежащего. Глубины духовных и творческих импульсов, по Пушкину, не надлежит «пересказывать», тем более — объяснять и комментировать. Для тех же, кто стремится соприкоснуться с ними, достаточно оставить иногда ключи, указывающие на те реальности, через взаимодействие которых высекаются сокровенные смыслы (скажем, дата «19 октября», поставленная под знаменитым письмом Чаадаеву и одновременно — под «Капитанской дочкой»).

Не то у Гоголя. Начиная с «Ревизора», его тексты постоянно обрастали авторскими комментариями типа «Театрального разъезда» или «Авторской исповеди», в которых автор, чрезвычайно озабоченный проблемой «организации аудитории», настойчиво разъяснял природу и назначение своих творческих усилий. Не менее активным «самокомментированием», комментированием собственной жизни занимался и другой великий русский мифотворец — протопоп Аввакум. Пушкинское мифотворчество оказывается как бы даже нарочито непредъявленным («Шип потомству») (Пушкин 1937-1959, 12: 336; далее ссылки на это издание — в тексте, с указанием тома и страницы). Чего стоит один только факт неопубликованности маленьких трагедий как цик-

ла. Вероятно, за этим стоит большая уверенность в том, что по подлинному востребованию потаенные связи выйдут на свет, ибо единожды совершенное уже не может исчезнуть.

И все же было бы неверно утверждать, что установка на создание своего образа была вообще чужда Пушкину. Как раз наоборот: именно ею ознаменован начальный этап его пути, совпавший с периодом байронизма. Но он остался этапом, сполна пережитым — и преодоленным. а «ролевое поведение», присущее Пушкину в Петербурге и южной ссылке, вовлекало «образ поэта» в романтическую игру с различными, иногда противоречившими друг другу «образами личности». Само несовпадение этих образов носило принципиальный характер. Подчеркивалось, что «ум высокий можно скрыть/Безумной шалости под легким покрывалом» («К Каверину», 1817 — Пушкин 1: 27).

Поэтому ретроспективный взгляд на Пушкина не уловит одного заданного им самим образа — он обнаружит калейдоскоп образов, сменяющих и оспаривающих друг друга.

Вот Пушкин — «шалун-поэт» (Булгаков 1901: 187), «беспутная голова» (Карамзин 1866: 287), «бешеный сорванец» (Вяземский 1880а: 27), «проматывающий» свой талант (Батюшков 1887: 534), затевающий «всякий день дуэли, слава богу, не смертоносные» (Карамзина 1897: 98; подлинник по-французски). Такой образ возникает в сознании современников не спонтанно: он формируется самим Пушкиным с изрядной нарочитостью. Родителям поэт объясняет: «Без шума никто не выходил из толпы» (Анненков 1874: 85), а приятелям рассказывает про себя «самые отчаянные анекдоты» (Якушкин 1951: 41). С образом Пушкина-бретера соперничает образ Пушкина-ловеласа, вечно влюбляющегося героя переписки образованных барышень (Модзалевский 1929: 150-152) и образ Пушкина-повесы, о похождениях которого на берегах Черного моря рассказываются легенды в детских и девичьих (Вяземский 1880б: 8).

Пушкин, предающийся «площадному вольнодумству» (Тургенев 1926: 191) — и Пушкин — «отлично добрый господин», «обыкновенно приходящий в мона-

стырь по воскресеньям», мирно попивающий наливку со святогорским игуменом Ионой, по словам которого «он ни во что не мешается и живет, как красная девка» (Шилов 1918: 75-76). А вот ни с чем не сравнимый, почти сказочный образ Пушкина на ярмарке: «...в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными черными бакинбардами, которые более походят на бороду, так же с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около 1/2 дюж.» (Софийский 1912: 203). Другой вариант этого предания: «...Видели его на ярманке в красной рубашке с косым воротом (обложенным золотым газом) и в таковых же портах. Перед ним и за ним были друзья его нищие. В правой и в левой руке держал он по апельсину и так сдавил их, что сок тек и по рубашке и по порткам. Капитан-исправник заметил ему, что это неприлично для благородного человека. Вместо того, чтобы послушать умных речей г. капитана-исправника, он (такой разбойник!) стал еще смеяться над ним» (Измайлов 1952: 50). Этот ярмарочный Пушкин весьма далек от господина поэта, беседующего на петербургской набережной с мсье Онегиным. Тут — «...панталоны, фрак, жилет — /Всех этих слов по-русски нет» (Пушкин б: 16). Впрочем, Пушкин рядился и по-молдавански — в Кишиневе, и по-гречески — в Одессе.

Без числа примеряются литературные маски: изгнанник Байрон и изгнанник Овидий, заточенный Андре Шенье... К собственному автопортрету прилаживается то облик Вольтера, то Робеспьера, то Наполеона, то Данте. Пушкин-монах и Пушкин-арап, Пушкин-старик и Пушкин-женщина, Пушкин-юродивый и даже Пушкин-конь... такова феерия автозарисовок (Эфрос 1945: 102, 134, 94, 90, 92, 81-84; Фомичев 1993: 3-20).

Примеры можно бы множить, но, как видим, они никак не дают единого монументального образа, пригодного для запечатления на скрижалях истории. Ибо Пушкин не был человеком образа: он был человеком пути. Пушкинский миф не формировался как образ самого себя: он осуществлялся и складывался как результат пути, а этот результат, этот итог всегда, до

последней смертной минуты оставался открытым. Здесь не было запланированности и преднамеренности, сложившееся целое не было известно наперед.

Это еще раз подтверждает родственность пушкинского мифа классическому. Такой миф не только оплачен бытием: бытием оплачен и миф-образ. Но образ легко отлучаем от бытия, он потому так хорошо усваивается и запоминается, что имеет самостоятельное значение. Миф пушкинского типа можно реконструировать, пересказать на тот или иной лад — но это будет лишь сколок, лишь версия. Потому что этот миф тождествен пройденному пути, он тождествен тому фрагменту бытия, в котором осуществился, он неотлучаем от него (вспомним второе из названных нами четырех качеств мифа).

Путь, пройденный Пушкиным, не воспроизводит никакой универсалии: он создает ее. И в этом смысле Пушкин является для новой русской истории классическим «культурным героем».

Универсалия эта была обнаружена Н.В. Беляком, и мы позволим себе изложить здесь некоторые положения его доклада, посвященного данной теме⁶. Выявленные им этапы пушкинского пути не есть этапы его творчества самого по себе или самой по себе его жизни. В них явлено то нераздельное единство жизни и творчества, к которому всегда стремились русские писатели.

Итак, вот эти этапы. Первый — детство, период дотворческий, предтворческий. Второй — период поэзии, он простирается до 1825 г., когда совершен третий принципиальный шаг: создание «Бориса Годунова», выход к драматургии. 1830 г. — следующий рубеж: написаны «Повести Белкина», освоена область прозы. В 1833 г. «Историей Пугачева» открывается поприще Пушкина-историка. Выход «Современника» в 1836 г. знаменует начало общественной деятельности Пушкина-журналиста. Последний, седьмой этап, как и первый, лежит за пределами собственно творчества: он связан с событиями дуэльной истории 1836-1837 гг., когда Пушкин становится «культурным героем» в прямом смысле этого слова.

Дитя — поэт — драматург — прозаик — историк — общественный деятель — культурный герой⁷. Так выглядит путь, пройденный Пушкиным, и мы постара-

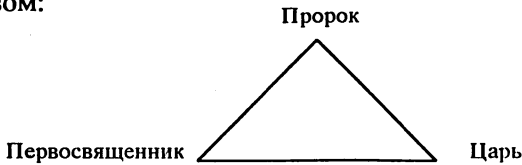
емся показать, что по отношению к секуляризованной культуре этот путь действительно является универсальной.

В работе «История и будущность теократии», имеющей знаменательный подзаголовок «исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни», Владимир Соловьев указал на три верховные власти, оформлением которых завершилось развитие иудейской теократии: это власть первосвященника, царя и пророка. По Соловьеву, с наступлением христианской эры эти три власти соединяются во Христе, но затем, с развитием христианской культуры, они вновь разделяются. «Каким образом и на каком основании обособилась в христианстве власть священников, обладающих по преимуществу *ключами прошедшего*, — усвоителей совершенной жертвы, хранителей закона Божия, свидетелей предания, оракулов “света и непорочности”; как затем превзошла в Церковь власть христианских *царей*, обладающих преимущественно *ключами настоящего*, долженствующих деятельно проводить христианские начала в действительную жизнь народов; как наконец появились особые ревнители совершенной жизни, абсолютного идеала, — *пророки*, обладатели *ключами будущего*, сначала в образе святых подвижников, а потом и в других формах; обо всем этом мы будем говорить во втором томе этого сочинения — в истории новозаветной» (Соловьев 1903: 582). Однако второй том так и не был написан, и соловьевская триада подверглась дальнейшему культурологическому осмыслению уже помимо него.

Вячеслав Иванов указал на соборное взаимодействие мира и хора, пророчественной общины, оркестры. (Иванов 1905: 35–39). Несколько переинтерпретируя предложенное Ивановым понимание оркестры, можно увидеть в ней особую, четвертую власть: *народ*. И если продолжить предложенную Соловьевым соотнесенность с прошлым, настоящим и будущим, то эта четвертая власть окажется обладающей «*ключами всегдашнего*» — особой консервативной силой, охраняющей норму, как то, что должно быть всегда.

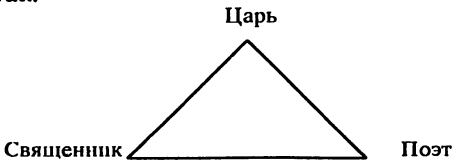
Соловьев указывал, что в *теократическом* государ-

стве иерархически верховное место принадлежало пророку. Триада, следовательно, выглядела следующим образом:

Эта иерархия менялась по мере удаления государства от теократической идеи. Понятно, что с наступлением секуляризованной эпохи она имела уже принципиально иной вид. Изменилось не только иерархическое соотношение, но и сущность самих позиций.

В 1985 г. А.М. Панченко был сделан доклад «Царь — Священник — Поэт», в котором осмыслялось значение этой триады в русских условиях⁸. В досекуляризованной Руси, трактующей идею третьего Рима прежде всего в теократическом смысле, на вершине государственной власти стоит не одна, а две фигуры: царь и патриарх (=первосвященник). Процесс секуляризации однозначно вытесняет священническую власть на второстепенное место. В пушкинскую эпоху оформляется другая содержательная трансформация: культурный архетип пророка берет на себя поэт. Теперь триада выглядит так:

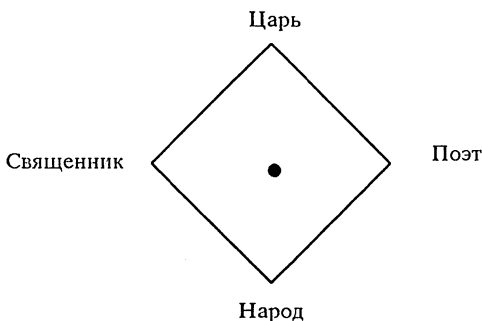

В культурной иерархии поэт начинает играть роль, которую некогда исполнял пророк, а позже — первосвященник. По отношению к царю поэт, таким образом, оказывается и его «парой», и его «конкурентом».

Если к этим трем ключевым позициям добавить четвертую, подсказанную построением Вячеслава Иванова, получится символическая культурологическая схема, охватывающая все ведущие силы секуляризованной русской реальности — схема, в которой будет ви-

ден и ее общеевропейский, общехристианский генезис. Царь здесь будет означать фигуру, определяющую норматив государственной, политической, общественной жизни в ее настоящем; поэт — фигуру художника (в широком смысле слова), создающего то, чего раньше не было, ориентированного на новизну, т. е. на настоящее и будущее; священник — фигуру, ориентированную на настоящее через прошлое, охраняющую традицию и память; народ — всех трех, ради кого и с помощью кого осуществляются направляющие и регламентирующие функции трех первых фигур.

Изобразим эту схему графически:

Как видим, здесь возможно еще одно, центральное, место, о значении которого будет сказано чуть позже.

Жизненный (он же — творческий) путь Пушкина является универсалией потому, что он проходит через все эти ключевые позиции.

Детство — это период, когда он еще слит с общим, простым, непосредственным и в этом смысле — народным бытием.

Как поэт он вступает в ту самую позицию, о которой говорил А.М. Панченко.

Как драматург он полностью реализует «протеическое» начало, с помощью которого воплощаются все четыре «столпа» русской жизни⁹ — и в этом отношении оказывается в центральной позиции, в которой «фокусируются» все остальные.

Как прозаик Пушкин уже в новом качестве возвращается в позицию «народного»: его «Повести Белкина»,

написанные «в паре» с маленькими трагедиями в противовес последним отстаивают (и отстраивают) эпическое пространство с заданными в нем нормами простого общежития.

Как историк, Пушкин выполняет функцию, генетически восходящую к священству (вспомним Пимена).

Как журналист и общественный деятель, он оказывается в прямой конкуренции с царем (отношения с которым в этот период не случайно обостряются до чрезвычайности, и отнюдь не по частным причинам), ибо берет на себя функции формирования общественного сознания и общественной жизни.

И наконец — дуэльная история, прямое действие не по первому яростному импульсу, но продуманно и выверенно, с полной ответственностью за каждый шаг¹⁰. Волею судеб это — финал жизни, итог пути, по завершении которого Пушкин снова оказывается на позиции, обозначенной в нашей схеме как центральная, но теперь это позиция культурного героя.

Пора подытожить сказанное и попытаться определить, в каком, собственно, смысле можно говорить о Пушкине как о культурном герое.

Мистический смысл подсказывается мыслью того же Владимира Соловьева: «Триединый способ богочеловеческого соединения, заложенный в первого Адама и вполне раскрывшийся во втором (т. е. в Христе — М. В.), заключает в себе начало трех властей, образующих в своем неслиянном и нераздельном соединении истинную теократию» (Соловьев 1903: 534). Но этот смысл говорит не о порождении мифа — он свидетельствует лишь о том самом воспроизведении универсалии, о котором было сказано выше. Мы не найдем в нем перекрестья мифа и истории, которое явилось бы ответом на запрос нового времени. Этот смысл может канонизировать Пушкина, но отнюдь не объяснить, почему он — «первый». Ибо следование Христу — норма православной жизни, а не ее новость.

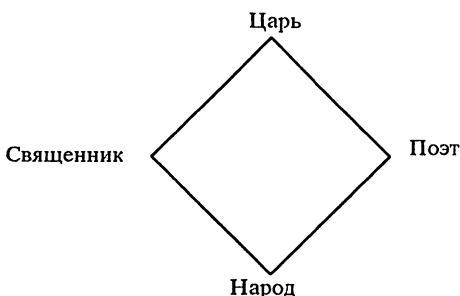
Поищем поэтому ответа, лежащего в иной плоскости: в плоскости исторической.

Процесс секуляризации в России начался с раскола и завершился петровскими реформами. Надвое раско-

лолась тогда не только Церковь: раскололся сам русский культурный космос.

Никон провел свою реформу, когда в России только что победил теократический и соборный принцип, отстаиваемый боголюбцами, ратовавшими за воцерковление всей полноты русской жизни. Реформа, поставившая под сомнение церковный обряд, вырывала важнейшее звено из единой связи, осуществлявшей сквозную включенность жизни в канон. Ускользая из-под канона, бытие неизбежно теряет свою целостность. Единожды пренебрегший соборной волей, Никон уже через несколько лет лишился того места в государственной иерархии, которое обеспечивал ему теократический принцип при вступлении на патриарший престол. А еще полвека спустя не только патриаршество оказалось упраздненным, но и сама русская соборность — не в административном, а в духовном ее смысле — стала утопией, ибо культура утратила единую скрепу, сама разделилась на «верхнюю» и «нижнюю», «церковную» и «светскую». И этот раскол культуры превзошел по своим последствиям послуживший ему основанием раскол церкви.

«Верхняя» и «нижняя», «церковная» и «светская» культура — каждая из них тяготеет к одному из полюсов, обозначенных на нашей символической схеме:

Каждая из позиций теперь обособилась, единой нормы не стало.

Единой скрепой своего жизненного сюжета, единой скрепой своего жизненного пути Пушкин воссоединил их заново — но уже в совершенно новом качестве.

Пушкинский путь возвращает русской культуре утраченное единство, но возвращает не в результате движения вспять, а через фундаментальную историческую инверсию. Вот суть этой инверсии. В досекуляризованной Руси личность (любая личность, будь то простолюдин или царь, священник или мирянин) обмыта началом родовым и соборным, существует *внутри него*. В результате секуляризации личность отпадает от родового и соборного, противопоставляя ему индивидуалистическую тенденцию. Пушкинский путь указывает, что личность, прошедшая через искус индивидуализма, способна восстановить родовой и соборный принцип — но теперь уже *внутри себя*. И если теократия обеспечивала единство культуры через церковность (и церковную соборность), а следовательно — через священство, то отныне ответственность за «исправление путей» русской жизни берет на себя литература, словесность, ибо личностью, прокладывающей путь к новой соборности, становится поэт. Именно после смерти Пушкина возникает центральная идея классической русской литературы: идея мессианского назначения писательства.

Впрочем, эта идея в знакомом нам выражении, казалось бы, восходит отнюдь не к Пушкину, а к Гоголю. Это он с чисто религиозным пафосом провозгласил идею возделывания действительности, это он настоятельно говорил о «раздробленности» русской жизни, которую необходимо привести к единству. Заметим, что боготворя и превознося Пушкина, Гоголь именно в этой сфере подчеркивал свой собственный приоритет, специально настаивая, что «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше». «Все сочинения его — полный арсенал орудий поэта. Ступай туда, выбирай всяк по руке любое и выходи с ним на битву; но сам поэт на битву с ним не вышел». «...нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; нельзя повторять Пушкина» (Гоголь 1952: 381, 382, 407). Что это было? Лукавство? Попытка присвоить себе чужие свершения? То самое, знаменитое: «..однажды Гоголь переоделся Пушкиным»? Думается, что нет.

Здесь мы сталкиваемся с двумя способами сверше-

ний. Один (условно говоря, «гоголевский») состоит в том, что нечто совершается для того-то и для того-то. Так, «Ревизор», «Мертвые души» и «Переписка с друзьями» создавались, дабы облагородить и облагодобразить, более того — преобразить русскую жизнь (в чем и не преуспели). Слово действительно служит здесь тем «орудием», с которым писатель выходит на битву с реальностью, оказываясь тем самым ее оппонентом, вставая в позицию визави с нею. Говоря языком современных научных описаний, писатель становится в позицию субъекта, воздействующего на объект. При этом и с самого себя он спрашивает по полной мере, вменяя себе в обязанность подвиг нравственного само-совершенствования, не осуществив который он не будет достоин своей задачи, не сможет справиться с нею.

Другой способ («пушкинский») состоит в том, что нечто совершается, *чтобы оно было*. (Вспомним: «Цель поэзии — поэзия» — Пушкин 13: 167; «Ты понял жизни цель <...> для жизни ты живешь» — Пушкин 3: 217). И, как ни парадоксально, именно этот второй способ является реальной работой по космоустройству — работой, подобной той, что осуществляет классический миф, никогда не имеющий экстенсивной, вонне лежащей цели, но работающий с тем, что он имманентно содержит в себе. Пушкин не возделывает действительность, ему предлежащую — он строит ее самим собой. В этом случае нравственного соответствия личности масштабу ее задачи оказывается мало. Ибо писатель здесь не указывает пути — он сам первым проходит путь и добывает на этом пути нечто, что остается отныне в наследие для всех. Это жертвенный путь личного претерпевания, когда преображение действительности должно произойти не в эстетической сфере слова (гоголевский способ), а через собственный личный опыт, позволяющий и полностью отождествиться с фрагментом мира, подлежащим преображению, и, в то же время, дистанцироваться от него. Здесь воспроизводится уже не теократический, а архаический архетип — поэта, который «является создателем нового способа существования. Он — автор “основного” мифа, и его герой-жертва и герой-победитель, субъект и объект текста, жертвующий (жрец) и жертвуемый (жертва),

вина и её искупление, одним словом — Творец и тварь (эта принципиальная амбивалентность, предполагающая возможность наличия двух противоположных позиций (автора и зрителя), с которых поэт описывает мир...)» (Топоров 1982: 23)¹¹. Притча о блудном сыне не случайно близка была Пушкину. Но эпоха не давала надежды на возвращение в отчий дом, ибо дом этот был уже пуст¹². Детище секуляризованной культуры, искусившийся всеми ее искушениями, Пушкин ее же и возвращает к утраченному ею канону (герой-жертва и герой-победитель).

Именно этот путь в его полноте и универсальности мы и называем пушкинским мифом, в котором все четыре качества мифа наличествуют несомненным образом. Это миф, на всех этапах своего формирования засвидетельствованный в слове (прежде всего — в художественных текстах, но также и в письмах, воспоминаниях и т. п.), но к словесному выражению не сводящийся, ибо он обеспечен и оплачен реальной жизнью, плотью и кровью. Это миф не сконструированный, не нарочно сочиненный, ибо он не был заранее предрешен и, хотя каждый этап свершений осуществлялся в полном соответствии с устремлениями сознания и воли, весь путь в целом, судьба в целом связаны с тем таинственным истоком личности, с той сокровенной мировой волей, участие которой в жизни Пушкина безоговорочно признается всеми. И, наконец, нормативная природа этого мифа тоже несомненна: он предопределил особый статус классической русской литературы XIX века.

Однако, если мы более строго отнесемся к последнему пункту, он снова вернет нас к вопросу о «пушкинском» и «гоголевском» направлении. Понятно, что в глубинном и сущностном смысле без Пушкина не состоялся бы Гоголь, который и сам это прекрасно осознавал. Но пушкинский миф (как это всегда и бывает с мифом) был принципиально трансформирован (не будем говорить: искажен гоголевской идеей, которой, собственно, и последовала русская литература в своем дальнейшем движении).

Таким образом, перед нами встает еще одна проблема: проблема неунаследованности пушкинского мифа.

Что остается в истории от образа и что остается от пути? От образа — образ. Он как бы заранее «упакован», ибо создается с учетом воспринимающего его сознания современников и потомков. От пути...

Подобно тому как открыты финалы маленьких трагедий и момент катарсиса вынесен за пределы звучащего текста — открыт и вопрос о конечном результате самого жизненного пути, пройденного Пушкиным. Ответ на этот вопрос должен быть дан не идущим — он должен прийти из мира. Именно в этой, кардинальнейшей точке как раз и исключается всяческое самокомментирование.

Бахтинские категории «диалога» и «полифонии» в первую очередь должны были бы быть, пожалуй, применены не к Достоевскому, а к Пушкину. Не только благодаря таким его созданиям как «Медный всадник», включающий целую стихию «чужих голосов» — но прежде всего потому, что само предъявление содеянного предоставлено им «другому» или «другим», которым, в отличие от Гоголя, Пушкин ничего не предписывал, а, напротив того, оставил полную подлинную свободу.

Свобода же, как известно, — дар, которым мы хуже всего умеем пользоваться.

Примечания

¹ Для древнего мира воплощенность мифа в материи и действии происходит благодаря исконному единству мифа и ритуала, который есть действие, всегда охватывающее материальное бытие, разворачивающееся не только в сознании и слове — но и в самой плоти мира.

² Такая поляризация, разумеется, несколько абсолютизирует тенденции как мифа, так и истории: она берет их в их крайностях. (Коррективы и концепции «вечного возвращения» применительно к мифу см.: Мелетинский 1976: 154-155). Но крайности в данном случае помогают более отчетливо различить явления.

³ «Рассчитываясь с ним, мы отвели ему первое место во всем том, чему не просоответствовали сами. Он не только первый наш поэт, но и первый прозаик,

историк, гражданин, профессионал, издатель, лицеист, лингвист, спортсмен, любовник, друг...» (Битов 1979: 1).

⁴ Не случайно некоторым нынешним музейным сотрудникам так хочется «поселить» Пушкина в Царско-сельском Александровском дворце: это придало бы Пушкину «олимпийский» статус, это превратило бы Царское Село в «русский Веймар» — перспектива весьма соблазнительная. Соблазнительная именно наглядностью и доступностью образа, возникающего в случае ее реализации, но резко искажающая пушкинский жизненный стиль.

⁵ Само по себе строительство образа обладает, конечно же, своей уникальной ценностью для культуры. Невольно возникающая здесь негативная оценка этого явления — лишь следствие того, что в нашем рассуждении оно рассматривается под определенным углом зрения, в контексте проблемы мифа.

⁶ Прочитан на праздновании Лицейской годовщины в доме Державина в Петербурге в 1989 г.

⁷ Это движение строилось, разумеется, не как чистый переход от чего-то одного к чему-то другому — оно шло не через отрешение, а через приумножение. На рубежах, в переходных точках творческого пути (1825, 1830, 1833 и 1836 годы) почти каждый раз создаются произведения особой природы: они содержат либо рефлексию жанров, доминировавших на прежних этапах, либо переосмысление их, возникновение нового качества. В год создания «Бориса Годунова» появляется «Граф Нулин» — поэма совершенно иной поэтики, чем все предыдущие. Следующий шаг реформирования поэмы («Домик в Коломне») осуществляется в 1830 г., в Болдино, где пишутся «Повести Белкина». Этот переход к прозе сопровождается и выведением драматургии на новый уровень: параллельно с «Повестями Белкина» идет работа над маленькими трагедиями. Болдинская осень 1830 г. вообще становится самым классическим переходом (почти в том смысле, в каком фольклористы говорят о переходных обрядах — с поправкой на то, что в данном случае речь идет о представителе «верхней» культуры, порвавшей с фольклорным канонem в его органичной традиционной форме). Этот переход

осуществляется накануне вступления в брак и ввиду смертельной угрозы повсеместно распространяющейся холеры. Он ознаменован окончанием «Евгения Онегина», пережитым как конец знакомого и надежного пути (см. стихотворение «Труд», написанное по завершении «Онегина» не случайно, на него оказались ориентированы впоследствии стихи Жуковского на смерть Пушкина). В 1833 г. — новая трансформация жанров: эволюция поэмы увенчивается «Медным всадником», пушкинская проза обретает новое звучание в «Пиковой даме», драматический жанр входит во взаимодействие с эпическим — и создается «Анджело». Нет нужды пояснять, что все три произведения теснейше связаны с размышлениями Пушкина-историка. Лишь 1836 год не дает такой чистой картины. Но и он является годом завершения «Капитанской дочки» — т. е. оформления опять-таки нового типа прозы, а также годом создания Каменноостровского цикла, в котором происходит уже не жанровая, а смысловая переоценка важнейших ориентиров творческого пути.

⁸ Прочитан на заседании Ученого Совета ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом).

⁹ Царь, священник, поэт, народ. Кстати, Самозванец, который не случайно говорит о себе как о человеке, которому «знаком голос музы» (правда, латинской), истолковывает роль поэта именно в том смысле, какой обозначен здесь: «я верую в пророчества пиитов./Нет, не вотще в их пламенной груди/Кипит восторг: благословится подвиг,/Его ж они прославили заране!» (Пушкин 7: 54). Как видим, тут подчеркнут императив будущего. (Не случайно и то, что муза, знакомая Самозванцу, — «латинская». Русь времен Смуты еще не пережила секуляризации, и поэт в ней еще не встал на место пророка).

¹⁰ Эта выверенность каждого шага (вызов — отказ от дуэли — новый вызов) превосходно доказана в книге С.Л. Абрамович (Абрамович 1989).

¹¹ Существенно, что описанный здесь принцип реализуется в поэтике Пушкина. Но это отдельная тема, а сейчас отметим лишь, что он предопределяет, в частности, и природу пушкинского автобиографизма. Так, в маленьких трагедиях, например, происходит призна-

ние доподлинной, невыдуманной, личной причастности трагическим коллизиям европейской истории — а вместе с тем и признание личного наследования ключевым конфликтам европейской культуры. Тем самым Пушкин преодолевает механизм переноса вины — этот извечный механизм порождения трагедии, присущий индивидуалистическому сознанию секуляризованной культуры и, соответственно — всем героям цикла. История, расколота индивидуалистическим сознанием, восстанавливалась, таким образом, как история родовая, и трагическая вина индивидуализма была понята и пережита как родовая вина. Достигалось же это тем, что сам автор прошел здесь путем трагического героя — что и позволило ему осуществить выход из трагического пространства в эпическое пространство простой народной нормы, реализованное в «Повестях Белкина», т. е. совершить не что иное, как переход из одной позиции, обозначенной на нашей символической схеме, в другую. (Подробнее см. об этом: Беляк, Виролайнен 1991: 73-96). Это качество пушкинского автобиографизма иногда забавным образом отражается в народном сознании, приписывающем автору содеянное его героями и строго судящем его за это. Так, в 1983 г. в окрестностях Михайловского был записан рассказ старухи, явно наслышанной о сюжете «Русалки»: «Пушкина глядеть приехали? А что в ем хорошего в вашем Пушкине? Я вам вот что, девки, скажу: повесить его мало! Привязать за ноги, за руки к осинам, да отпустить — вот как с им надо! Вот вы, девки, не знаете, а стояла тут раньше мельница, и жил мельник, и была у него дочка-красавица. А Пушкин-то ваш, как приехал сюда — ну за ей бегать. Бегал, бегал... Обрюхатил девку, да и бросил. А она со сраму-то взяла, да утопилась — там, в озере. Вот как оно было...» (Запись Г. Е. Потаповой).

¹² Так в «Станционном смотрителе» (где евангельская параллель специально подчеркнута: в домике Самсона Вырина висят лубочные картинки с изображением истории блудного сына) дитя возвращается к отцу, но уже — поздно. Так же ситуация повторяется и в «Сценах из рыцарских времен».

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович 1989 — Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Предыстория последней дуэли. Л., 1989.

Анненков 1874 — Анненков П. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху: 1799-1826. СПб., 1874.

Батюшков 1887 — Батюшков К. Н. Письмо А. И. Тургеневу от 10 сентября 1818 г. // Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 3. СПб., 1887.

Беляк, Виролайнен 1991 — Беляк Н. В., Виролайнен М. Н. Маленькие трагедии как культурный эпос новоевропейской истории (Судьба личности — судьба культуры) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 14. Л., 1991. С. 73-96.

Битов 1989 — Битов А. Свободу Пушкину! // Битов А., Габриадзе Р. Пушкин за границей. Вып. 1. Париж. 1989.

Булгаков 1901 — Булгаков А. Я. Письмо К. Я. Булгакову от 12 июня 1825 г. // Русский архив. 1901. № 6.

Вяземский 1880а — Вяземский П. А. Письмо В. А. Жуковскому от 25 апреля 1818 г. // Вяземский П. П. А. С. Пушкин: (1816-1825): По документам Остафьевского архива. СПб., 1880.

Вяземский 1880б — Вяземский П. А. А. С. Пушкин. 1826-1837. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1880.

Герасимова 1985 — Герасимова Н. М. К предыстории реалистической символики (Символ и метафора в «Житии» протопопа Аввакума) // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX века. Л., 1985. С. 121-135.

Гоголь 1952 — Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8. /Л./, 1952. С. 55— 55.

Достоевский 1984 — Достоевский Ф. М. Пушкин // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. Л., 1984.

Иванов 1905 — Иванов В. Из области современных настроений. 1. Апокалиптики и общественность // Весы. 1905. № 6. С. 37—51

Измайлов 1952 — Измайлов А. Е. Письмо П. Л. Яковлеву от 11 сентября 1825 г. // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952.

Карамзин 1866 — Карамзин Н.М. Письмо И. И. Дмитриеву от 19 апреля 1829 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Карамзина 1897 — Карамзина Е. А. Письмо П. А. Вяземскому от 23 марта 1820 г. // Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 98.

Лосев 1990 — Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990.

Мелетинский 1976 — Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.

Модзалевский 1929 — Модзалевский Б. Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвига // Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.

Пушкин 1937-1959 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 12-ти т. М., 1937-1959.

Соловьев 1903 — Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 4. СПб., 1903.

Софийский 1912 — Софийский Л. И. Запись в дневнике торговца И. И. Лапина около 29 мая 1825 г. // Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912.

Топоров 1982 — Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (глава «Царь, первосвященник, поэт. “Основной” миф»»). // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 8—40.

Тургенев 1926 — Тургенев А. И. Письмо к В. А. Жуковскому от 12 ноября 1817 г. // Пушкин. Письма. Т. 1. М.; Л., 1926.

Фоличев 1993 — Фоличев С. А. Пушкинская графика. СПб., 1993.

Шилов 1918 — Шилов А. К биографии Пушкина: (Секретное расследование 1826 г. о поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольности) // Былое. 1918. № 2 (30). С. 67—77.

Эфрос 1945 — Эфрос А. Автопортреты Пушкина. М., 1945.

Якушкин 1951 — /Якушкин И. Д./ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.

Eliade 1966 — Eliade M. Kosmos und Geschichte. Der Mythos des ewigen Wiederkehr. München, 1966.

*И. С. Гуткина
Лос-Анджелес*

ОПТИНА ПУСТЫНЬ КАК МИФООБРАЗУЮЩИЙ ТОПОС В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА

Идеи возвращения к прошлому пронизывают идущий сейчас в русской культуре полифонический полемический дискурс, основным предметом которого является замена коммунистической идеологии, уже вполне дезинтегрировавшейся, новой иерархией ценностей. Интерес оппозиционной интеллигенции к аспектам национального прошлого, не входящим в официальный пантеон, появился, как мы хорошо помним, в годы послесталинской «оттепели». В 70-е годы он принял реставрационное направление, которое под лозунгом «собирания камней» могло объединять разнообразные проекты сохранения и восстановления останков культурных памятников¹. Теперь же речь идет не о реставрации в музейном смысле этого слова, а о возрождении тех исторических форм жизни и культуры, которые в силу очевидных причин (таких как большевистская революция) уже отошли в невозвратное прошлое. И как всегда случается в подобных случаях, это движение умов вырабатывает новую, «ретроспективную», мифологию. Весьма важное место в творимом на наших глазах пантеоне занимают Оптина пустынь и тесно связанный с нею институт старчества.

В целом ряде недавних работ, посвященных Оптиной пустыни, исключительное ее значение рассматривается с точки зрения особого внимания к этой обители со стороны деятелей культуры прошлого — а теперь уже почти позапрошлого — девятнадцатого, столетия². Действительно, среди десятков других выдающихся центров монастырской жизни как-либо особо

отмеченных в истории русской культуры, вряд ли можно назвать другой такой монастырь, который бы в равной степени привлек столько паломников из числа крупнейших русских писателей и философов, как Оптиная пустынь. Их имена хорошо известны: Гоголь, братья Иван и Петр Киреевские, Федор Достоевский и Владимир Соловьев, Лев Толстой и Николай Страхов, Константин Леонтьев. Обстоятельствам посещения каждого из этих представителей культурной элиты посвящены многие исследования, и к известным уже фактам вряд ли удастся добавить существенно новые открытия. Своевременнее, пожалуй, задаться вопросом: чем же вызван был и как сложился исключительный статус Оптиной пустыни в среде культурной элиты?

Наиболее общепринятое тому объяснение находят в существовавшем там институте старчества. Однако само понятие «старец» означает человека, достигшего в монашеской жизни «высокого духовного совершенства» и на этом основании пользующегося особым авторитетом среди монастырской братии, а уже потом и мирян. И в этом смысле Оптина не представляла исключения, были «старцы» и в других монастырях (См. Концевич 1970)³.

Козельская Оптина пустынь, по преданию, ведет свою историю с четырнадцатого века, но до появления там учеников Паисия Величковского она ничем не выделялась среди многих других небольших и небогатых монастырей. Паисий Величковский (1722-94), многие годы проведенный на Афоне, посвятил свою подвижническую жизнь делу поддержания исихастской традиции, которую его ученики возродили в среде русского православного монашества. Он переложил на церковно-славянский знаменитую «Филокалию» или «Добротолубие» — своеобразную хрестоматию аскетических текстов, отобранных из святоотеческого наследия. Особое место среди них занимал, в частности, трактат об «Иисусовой умной молитве» как специальном способе медитации, основным требованием которого является высокая степень умственной концентрации, для чего непрерывное чтение несложного текста так называемой иисусовой молитвы⁴ сочетается с контролируемым дыханием, достигаемым путем тренировки под

руководством старца, освоившего в совершенстве эту технику⁵.

История Оптиной пустыни канонически представляется с точки зрения прямой линии преемственности наследия Паисия Величковского — начиная со старца о. Льва (до схимы о. Леонид), соратника и ученика Величковского, который в 1829 году стал настоятелем Оптинского скита — того особого отделения монастыря, в котором жизнь проходила по отличному от монастырского порядку и который и стал средоточием института старчества. По свидетельствам историков монастыря, харизматичный о. Лев привлек в Оптину много посетителей из окрестных монастырей и деревень, которые шли к нему за советом по самым разнообразным житейским проблемам. Однако в поле зрения интеллектуальной элиты монастырь попадает при преемнике о. Льва, старце о. Макарии и в непосредственной связи с теми близкими отношениями, которые сложились у этого старца с Иваном Киреевским и членами его семьи (Четвериков 1926: 4).

Иными словами, функционирование этого монастыря, а точнее Оптинского скита, как центра поддержания и распространения исихастской традиции, само по себе не может являться достаточным ответом на поставленный нами вопрос. Можно предположить, что в сознании культурной элиты Оптинский монастырь обрел особую репутацию, которая была воплощением некоего комплекса представлений об этом монастыре, сложившихся на историко-идеологическом перекрестке религии и культуры. Такой комплекс можно назвать мифологическим, так как в нем символизируются представления культуры о себе, о поиске своего национального облика. Таким образом искать ответа на поставленный вопрос имеет смысл в историческом контексте культурно-идеологической полемики, принимая во внимание изменение его конфигурации. Настоящее эссе предлагает рассмотреть с этой точки зрения три отдельных момента в культурной истории Оптиной пустыни: во-первых, участие И. В. Киреевского в издательском деле скита в свете его переписки со старцем Макарием; во-вторых, идеологическую проекцию Оптиной пустыни в романе Достоевского «Братья Кара-

мазовы», которую представляется интересным сравнить затем с интерпретацией оптинского старчества в повести Льва Толстого «Отец Сергей». Выбор именно этих трех эпизодов позволяет обратиться к конкретным текстам и представить, как освещался и менялся мифологический профиль Оптиной пустыни в культурном дискурсе прошлого века.

Паломничество культурной элиты в Оптину начинается с И. В. Киреевского. Можно допустить, что немалую роль тут сыграло стечение обстоятельств: например то, что Оптина пустынь находилась в относительной близости от наследного имения Киреевских Долбино, которое Иван Васильевич получил при семейном разделе. После женитьбы на Наталье Петровне Арбеновой в 1834 г., Киреевский поселился с женою в Долбино, и лишь на зиму переезжал с семьею в Москву (Киреевский 1911: 63). Биографы Киреевского подчеркивают, вслед за самою Натальей Петровной, что именно она возбудила в муже интерес к православной вере. Согласно историку монастыря, протоиерею Сергею Четверикову, супруги Киреевские слышали о Паисии Величковском от своего духовного наставника о. Филарета, старца московского Новоспасского монастыря, который был духовником Натальи Петровны. Быть может, по наставлению о. Филарета (и, как сообщала Наталья Петровна, после его смерти в 1842 г), они обратились в Оптину, где и встретились с о. Макарием (Киреевский 1911: 206). Со временем о. Макарий стал исповедником Ивана Васильевича.

Отношения между Киреевскими и Макарием этим не ограничивались. И. В. Киреевский, да и его жена, приняли самое активное участие в издательской работе, которая развернулась в Оптинской обители при о. Макарии. Та небольшая часть очевидно обширной переписки между Киреевским и Макарием, которая сохранилась и была опубликована, несомненно свидетельствует, несмотря на некоторую неопределенность в датировке писем⁶, что Киреевский считал издательскую деятельность именно этого монастыря делом исключительной важности. Об этом говорит, прежде всего, степень его вовлечения в издательские проекты Макария: он самым активным образом участвовал во всех их

сторонах — от редакторской правки и разрешения цензурных затруднений до отбора текстов. Киреевские даже специально выстроили домик в саду своего имения, куда Макарий мог приезжать, чтоб отдохнуть от приема посетителей в монастыре и поработать над рукописями для очередного издания. Макарий, очевидно, охотно пользовался этим гостеприимством, так как известно, что его отлучки из монастыря к Киреевским вызывали жалобы, которые дошли до митрополита, и навлекли нарекания последнего, в том числе и Наталье Петровне'. Это усердное участие совпадает по времени с формированием того разнородного, и все же идеологически определенного движения, которое получило название славянофильства.

Вспомним, что славянофильская идеология на первоначальном своем этапе формировалась в салонных дискуссиях 30-х годов, катализатором которым послужило отчасти первое из «Философических писем» Чаадаева. Центральным предметом дискуссий был поиск определения национальной истории. Основная идея Чаадаева о том, что всеми своими достижениями западноевропейская цивилизация обязана христианству, равно как и то, что причиной отсталости России явился раскол церквей, который отрезал русскую историю от мирового (т. е. западного) исторического пути, выдвинула противопоставление церквей как центральное в культурном противопоставлении России и Запада. Спорить с этой идеей можно было только методом «от противного» — т. е., доказывая превосходство русского пути, а следовательно и преимущества этого разделения. Здесь возникал ряд трудностей, одной из которых была очевидная для современников проблема разрыва между большинством духовенства и образованной публикой вообще, а в особенности интеллектуальной элитой, которую отмечал Пушкин в своем известном письме к Чаадаеву (Пушкин 1979: 465). Идею русской исключительности или превосходства тем самым приходилось утверждать в плане поисков особой формы русской духовности, которая противопоставлялась материалистическому и рационалистическому Западу. Таким подтверждением и могла явиться Оптиная пустынь — как продолжатель исихастской традиции, как

подтверждение в настоящем всегда сомнительного прошлого. В конце своей жизни И. В. Киреевский записал в дневнике: «От того, что в Латинстве значит Папа и Совет его двора, то в Православии монастыри и святые отшельники» (Müller 1966: 184).

Из переписки Киреевского со старцем Макарием явствует, что для Киреевского, одного из двух главных идеологов-основателей славянофильского движения, отношение к Оптиной, особенно к ее издательской деятельности, носило программный характер. Быть может сближению с Макарием в издательской работе способствовал и тот факт, что Макарий происходил из дворян, обладал «эстетическими наклонностями, <...> имел склонность к ученым, кабинетным занятиям», был прекрасно начитан в своей области⁸. (Четвериков 1926: 46). Такому сближению мог также способствовать и тот факт, что обе стороны — и славянофилы и оптинские старцы — находились в несколько оппозиционном положении по отношению к официальным властям. Члены славянофильского круга, несмотря на разногласия, сходились во взгляде на существующее государственное устройство как зло, привнесенное Петром с чуждого России Запада, а пропагандируемой властями «официальной народности» противопоставляли свои теории «исконной» русской народности, которая определялась как духовно-религиозное и языковое единство всех сословий, по их мнению имевшее место в допетровской Руси. Власти относились к славянофилам с внимательным подозрением⁹. Подобным образом синодальная церковь смотрела с неодобрением на институт старчества вообще и особенно на последователей учения Паисия Величковского, по-видимому усматривая в них возможный очаг новой ереси¹⁰.

Как бы там ни было, не только тон и содержание писем, но даже и формы обращения указывают на двойственное отношение Киреевского к о. Макарию: с одной стороны Киреевский почитал в нем духовного наставника, с другой, искал в нем единомышленника, участника общей идеологической борьбы, так что учитель и ученик порой менялись ролями. В одно из посещений Макарием Киреевских «было решено начать издательство с жизнеописания старца Паисия, присое-

динив к нему некоторые из писаний и писем старца, а также его друга и единомышленника, старца Василия Поляномерульского» (49). С точки зрения Киреевского выбор, конечно не случайный: монашеский подвиг Паисия и его наследие и являлось искомым звеном, которое как бы устанавливало непрерывную связь настоящего с раннехристианским мистическим аскетизмом отцов церкви. Киреевский взял на себя работу по редактированию и публикации жизнеописания. Характерно, что житие было опубликовано в журнале «Москвитянин» (в № 4 за 1845 г.), который, как известно служил славянофильским форумом.

Сохранившиеся в переписке замечания Киреевского по поводу переводов и редакции текстов паисиева наследия выявляют идеологическую стратегию Киреевского. Во-первых, задача состояла в отмежевании от западных интерпретаций патристической традиции. При редактировании издания паисиева перевода Максима Исповедника, переложенного Макарием на более современную идиому, Киреевский взял на себя смелость вычеркнуть некоторые вставки, сделанные протоиереем Ф. А. Голубинским — профессором теологии Московской духовной академии, который был поставлен официальным цензором над Оптинским издательством — на том основании что они почерпнуты Голубинским «из рукописи латинской, изданной бернардийскими монахами». «Для чего же, — писал Киреевский к старцу с негодованием, — из этих латинских изданий брать речения, которых нет в переводе Паисия и приписывать их Паисию? <...> ибо латинские монахи в таких случаях не знают совести и легко присочиняют речение, чтобы приводить его в подтверждение против учения о Единой Вине Св. Троицы» (122)¹¹. Очевидно, что борьба за чистоту языка таким образом превращается в борьбу за восстановление чистоты православной традиции, и Киреевский оказывается более бдительным защитником истинного православия, чем профессиональный теолог Голубинский.

Во-вторых, Киреевскому было, очевидно, не менее важно, чтобы в оптинском переводе проявились и программные отличия по отношению к Троице-Сергиевой Лавре, которая рассматривается как представитель офи-

циального теологического академизма и потому — как идеологический оппонент. Например, в одном из писем Киреевский сравнивает три перевода текста из Исаака Сирина — Паисия Величковского, о. Макария, и лаврский. Он одобряет отступления Макария от перевода, сделанного в Лавре.

Однако, Киреевского не удовлетворяет и подход Макария, который в своем переводе, очевидно, исходил из соображения простоты и ясности изложения и заботился о том, чтоб переложить переводы Паисия на язык, идиоматически близкий современному литературному языку (108)¹². Из трех названных переводов Киреевский все же считает наилучшим паисиев и приводит в подтверждение тому доводы, которые освещают характер проводимой им лингвистической программы: «... перевод Паисия все еще остается превосходнее, и хотя смысл в нем иногда не совсем ясен с первого взгляда, но эта неясность поощряет к внимательному изысканию, а в других местах в Словесном переводе смысл полнее не только от выражения, но и от самого оттенка слова. Например, у Вас сказано: *сердце, вместо божественного утверждения, увлечется в служение чувствам*. В словесном переводе: *рассыпается бо сердце от сладости Божия в служение чувствам*. Слово: *рассыпается от сладости* может и не правильно по законам наружной логики, но влагает в ум понятия истинные, а между прочим это даст разуметь, что сладость Божественная доступна только цельности сердечной, а при несохранении этой цельности сердце может служить только внешним чувствам» (110-111; подчеркнуто Киреевским). Киреевский определенно предпочитает стиль, в котором слово обретает значение не сразу и не вполне ясное, затрудненное для понимания и требующее от читателя ассоциативной интерпретации.

Речь, очевидно, идет не только о конкретных проблемах перевода, но, скорее, об эпистемологических аспектах философии языка. Положения Киреевского о передаче смысла посредством языка обретают свое конкретно-историческое значение в общем контексте его славянофильских теорий, где кардинальное противопоставление России Западу концептуализировалось не только с точки зрения отличий в истории церкви и

государства, но и как два противоположных способа познания¹³. Эта идея, которую Киреевский развивал на протяжении многих лет и генезис которой вероятно имеет корни в раннем увлечении Киреевским немецкой идеалистической философией, в наиболее законченной форме сформулирована в его работе «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России» (1852)¹⁴. Посылая это эссе и о. Макарию, в сопроводительном письме Киреевский изложил свой основной тезис о характере «западного просвещения»: «Я показываю, — писал он, — что оно вышло из трех источников: из Рима языческого, из Римской церкви и из насилий завоеваний, и что все три источника эти направляли ум западного человека к наружности и к предпочтению рассудка (который разбирает внешнюю сторону мыслей и формальное сцепление понятий) перед разумом, который стремится к цельной истине» (114). Таким образом, рациональное мышление, основанное на законах логики, оценивается как характерное для западной культуры и как эпистемологически ложное и противопологается «истинному» знанию — то есть мистически трактуемому интуитивному, или «сердечному», в котором разум и чувство находятся в нераздельном единстве, неподотчетном логическому пониманию.

Эта идея Киреевского легла в основу славянофильской философии языка как принципиального посредника познания. В философской концепции Киреевского религиозная и лингвистическая стратегии идеологически дополняли друг друга, служили взаимным обоснованием, тем самым создавая впечатление той неразрывной, мистически понимаемой эпистемологической цельности, к которой он стремился. Такая цель высказана прямо в одном из писем к Макарию, которое дошло до нас неоконченным и не датированным: «Прошу Вас благословить меня написать и окончить сочинение, и чтобы оно было на пользу другим и мне самому. Мне хочется обозначить нити, которыми связываются наши понятия религиозные со всеми другими понятиями нашими о науках и жизненных отношениях, и показать, как эти понятия соответствуют

исповеданию латинскому и как из него произошли, <...>» (125).

Хотя этот труд и не осуществился, переписка показывает, как издательская деятельность пустыни стала для Киреевского полем последовательного приложения такой идеологической программы. Киреевский несомненно обладал обостренным чувством языка и в роли редактора неоднократно указывал Макарию на важность выбора слов и на необходимость последовательного их употребления, направляя старца по заданному идеологическому пути, в русле которого последовательно выбранные слова приобретают терминологический характер. В одном случае, Киреевский спрашивает старца, какого правописания тот предпочитает держаться — «СЛАВЯНСКИЙ, СЛОВЯНСКИЙ ИЛИ СЛОВЕНСКИЙ?» И тотчас же сообщает старцу свою точку зрения: «Я обыкновенно пишу *Словенский*, производя *словене* от слова, в противоположность *немцам*» (142—143)¹⁵. Киреевский, очевидно, использует слово «немцы» в его изначальном значении, в котором все иноземцы с Запада определялись как «немые» — т. е. «безъязыкие», не имеющие общего с русским, понятного языка. Кроме того, противопоставление «немцам» в данном случае возможно имеет и другую, не называемую прямо, но идеологически существенную, подоплеку — а именно, произведения этнонима «славяне» не от «слова» а от корня *sclav* или *slav*, означающего в нескольких западно-европейских языках «несвободного человека», т. е. «раба»¹⁶. В другом письме он спрашивает старца: «Для чего Вы предпочитаете слово *созерцание* слову *видение* или *зрение*? Первое новое, любимое западными мыслителями, и имеет смысл более *рассматривания*, чем *видения*. <...> Если же один раз необходимо греческое слово *Оеория* перевести *видение*, то не худо было бы, кажется, и всегда одному слову усвоить один смысл. Таким образом может у нас составиться верный философский язык, согласный с духовным языком словенских и греческих духовных писателей» (116)¹⁷.

Вопрос о том, в какой мере о. Макарий разделял идеологическую программу Киреевского, должен быть предметом особого исследования. Из переписки можно заключить, что он далеко не всегда соглашался со

своим редактором и наставником по части стилистики перевода. Однако, с точки зрения Киреевского и его соратников, связь с Оптиной очевидно освещала их деятельность особым ореолом. Брат Ивана Киреевского, Петр, предпочитал работать над своей знаменитой коллекцией русского песенного фольклора в Оптинском монастыре несмотря на то, что с этим были связаны существенные неудобства: хотя ему и было отведено специальное место в монастырской библиотеке, но пользоваться фортепиано, необходимым в его работе над нотными записями, на территории монастыря он не мог, и ему приходилось нанимать еще и помещение в лежащем на другом берегу Жиздры в трех верстах (около 6 км) от монастыря Козельске. Филолог С. П. Шевырев, который был одно время близок к славянофилам и был вовлечен в издательскую деятельность Оптинского монастыря, указывал о Макарию на то, что западные ученые еще не создали специального словаря по патристической литературе¹⁸. В этой связи он писал старцу о необходимости создания такого словаря в выражениях, которые выказывают идейное единомыслие с Киреевским по вопросу о миссии русского православия вообще и особом значении Оптиной пустыни в частности: «Это дело предлежит нашим духовным — и мне что-то чается, что оно совершится в Вашем скиту», — писал Шевырев (Письмо к Макарию от 25 октября 1852 г.; см. Четвериков 1926: 1).

Ко времени внезапной смерти Ивана Васильевича Киреевского в июне 1856-го года издательская деятельность монастыря насчитывала уже полтора десятка лет. За этот период была издана не только основная часть наследия Паисия Величковского, но и значительная библиотека аскетической литературы. Издание продолжалось конечно и без него, однако его расцвет несомненно приходится на время скитонаачальничества старца Макария (который скончался в 1860 г.) и особенно на годы сотрудничества с Киреевским¹⁹. С одной стороны, издательство религиозной литературы, направленно пропагандирующее исихастскую традицию, не могло не принести монастырю широкую известность по всей России и тем само по себе служило ему надежной рекламой. С другой, как самый факт сотрудни-

чества с монастырем интеллектуальной элиты, так и программный его характер послужили созданию и закреплению за Оптиным скитом определенной репутации в глазах образованной публики — а именно как русского средоточия исключительной по своим формам и «истинной» религиозности. Беспрецедентное в русской истории активное сотрудничество части интеллектуальной элиты, которая стараниями Киреевского была привлечена к деятельности пустыни, могло служить и опровержением разрыва между образованным обществом и духовенством, и утверждением их духовного «соборного» единства. Таким образом решался отчасти и вопрос о соотношении между религиозной и светской формами жизнедеятельности, которые принимали в интерпретации Киреевского взаимоподчиненный характер: связь с Оптиной давала его идеям религиозную санкцию, которая была необходима для поддержания славянофильской идеологии, а его теории тем самым принимали форму светского богословия.

После смерти Макария в скиту имел место своеобразный раскол: Макарий не назвал себе прямого преемника, а потому одна часть братии признала старческий авторитет бывшего его келейника, о. Иллариона, назначенного скитона начальником на место Макария; другая же часть перешла к старцу Амвросию (в миру Александр Михайлович Гренков), по-видимому, усматривая в нем продолжателя оптинской традиции, возможно потому, что он, «как окончивший семинарию и знакомый с древними языками», непосредственно помогал о. Макарию в издании трудов Паисия Величковского²⁰. Такое двуначалие существовало в скиту до смерти о. Иллариона в 1873 г.²¹ Но эти реальные проблемы жизни оптинской обители, так же как и роль направляющей руки Киреевского, оставались мало кому известны и понятны за пределами монастыря²², что несомненно способствовало тому, что образ Оптиной обретал мифологическую цельность и определенность.

* * *

К тому времени, когда появился в печати роман Достоевского «Братья Карамазовы», репутация Оптиной пустыни, очевидно, вполне определилась в кругах ин-

теллектуальной элиты. Во всяком случае, когда в первой книге романа Достоевский вводит в повествование монастырь, который играет важную роль в идеологической раскладке романа, он оперирует уже известными символами. Хотя повествователь в романе и признает, что не может дать определенного ответа на вопрос «что такое вообще старцы в наших монастырях», он, ссылаясь туманно на авторитет «людей специальных и компетентных», перечисляет черты, которые вошли в мифологический образ Оптиной: так, придерживаясь версии «поддержания традиции», он упоминает, что, возможно, старчество существовало на Руси и раньше, но в итоге признает, что эта форма монашества пришла недавно с Афона, и называет Паисия Величковского как ее возродителя, а Козельскую Оптину пустынь местом ее воплощения (14:26)²³. Монастырь, описанный в романе, не назван и представлен как связанный с Оптиной традицией старчества. Тем не менее, не может быть сомнений в том, что в своих идеологических чертах, как и в описании наружного ее облика, прототипом служила именно Оптина, и для тех из современников кто, как и сам Достоевский, был знаком с Оптиной, это не могло не быть очевидно²⁴.

Исследователями было предложено несколько вероятных прототипов старца Зосимы, который занимает в романе идеологически центральное место²⁵. Вряд ли интересно вести спор о том, на кого из этих возможных исторических лиц больше похож Зосима: в черновиках романа, где идейный замысел часто проступает открытым текстом, Достоевский называет этого центрального героя просто Старцем с заглавной буквы, так что очевидно, что для самого автора принципиального значения этот вопрос не имел. Центрообразующим аспектом этого собирательного образа несомненно является афилиация с Оптиной — в его композиции преобладают черты, заимствованные непосредственно из биографий трех главных Оптинских старцев, а в черновиках прямо отмечено: «Старчество из Оптиной» (15: 202). Имя старца, как и вообще его образ были важны лишь как некий общий символ особой концепции человека, который Достоевский связал в романе с Оптинским старчеством.

Какую же именно роль играет в романе Оптина в ее художественной интерпретации Достоевским? По характеристике М. М. Бахтина в основе художественного метода Достоевского лежит диалогическое сознание, в котором спор идет между идеологически противными точками зрения. Она применима и к структуре романа «Братья Карамазовы», если ее рассматривать в контексте культурно-идеологической полемики. С этой точки зрения старец Зосима был задуман, как известно, в противовес «Великому инквизитору». На замечание своего единомышленника и покровителя, обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева о том, что «атеистические положения»²⁶, изложенные в пятой книге романа «Pro и contra», содержащей главу о «Великом инквизиторе», требуют опровержения, Достоевский писал, что книга романа «Русский иннок» должна послужить ответом «Великому инквизитору» (Достоевский 1959: 109) Пожалуй, прав М. С. Гус (1971: 533) — опровержение получилось слабое, Достоевский и сам это, по-видимому, чувствовал, и вероятно поэтому часто читал на литературных вечерах главу о «Великом инквизиторе», а вот такой случай, когда он читал из части о старце Зосиме, зафиксирован только один.

Однако это лишь одна сторона идеологического спора. Автор позаботился о том, чтоб отчетливо отмежевать старчество не только от западного католического монастицизма, символизированного в романе инквизитором, но и от форм, традиционных в православной Руси. Так Достоевский упоминает, что «во многих монастырях старчество у нас было встречено почти гонением» (14: 27). Поэтому в романе Зосиме противостоят как и сомневающийся «обдорский монашек», приехавший в монастырь из любопытства посмотреть на прославившееся старчество, так и отец Ферапонт, знаменитый молчальник и постник и открытый противник старчества. Заметим, что эта последняя колоритная фигура очевидно важна Достоевскому еще и по другой причине: говорящий загадками, носящий власяницу и «тридцатифунтовые» вериги Ферапонт охарактеризован как юродивый. Достоевский акцентирует этот аспект: так, рассказчик нам сообщает, что Ферапонт «держал себя прямо юродивым» и что «видели в нем несомнен-

но юродивого». «Но юродство-то и пленяло», добавляет он. Как известно, явление юродства, уходящее корнями к началу христианства, получило особо сильное выражение в русской культурной и религиозной традиции, где юродивые почитались за святых или пророков. Очевидно, что Достоевский усматривал в юродстве, как характерно русском выражении «жизни во Христе», потенциальный мифологический конкурент старчеству: не случайно в романе так много внимания уделяется «прозорливости» Зосимы, а также подчеркивается «что Ферапонт был не просто «чрезвычайно опасный противник» Зосимы, но «и главное — старчества». (14: 151). С другой стороны, Ферапонт выступает также и символом «внешней» монашеской аскезы — его подвиг направлен на ущемление плоти, в отличие от аскезы более высокой, духовной, которую представляют в романе старец Зосима и его приближенные. Достоевский разоблачает этого идеологического противника тем, что мотивирует оппозицию Ферапонта старцам обыкновенной человеческой завистью: обвиняя старцев в гордыне, он сам явно впадает в этот грех, считая себя большим праведником, чем Зосима; например, ему обидно, что тот хоть и «варенье ел», а тем не менее будет похоронен по обряду более высокому (14: 304).

Напомним, что в образе Зосимы и его ученика Алеши нашла свое последнее выражение давнишняя мечта Достоевского явить обществу «положительно прекрасного человека». Это было также полемическим участием писателя в характерном для русской литературы поиске модели идеальной человеческой структуры, который с выходом романа «Отцы и дети» выдвинут был критикой на первый план. В частности, в «Братьях Карамазовых» Достоевский продолжал полемику со своим архи-врагом Н. Г. Чернышевским, который в романе «Что делать?» реинтерпретировал христианскую аскетическую модель достижения идеала «будущего человека», основанную на служении идеалу Христа и воплощаемую в монашеском подвиге самоотрешения от мира, привив к ней принципы коммуны и «разумного эгоизма» и снабдив читателя рецептами поведения «нового человека» во всевозможных аспектах быта — от устройства экономики и финансов, отношений между

полами, до принятия ежедневной ванны. (Заметим, что эта модель оказалась весьма влиятельной в культурной истории: в частности, в некотором преломлении она несомненно фигурировала в формировании этики большевиков, а позднее и в концепции героя в романе соцреализма).

Достоевский в качестве альтернативной модели решил претворить Оптинский миф в направлении осуществления монашеского подвига в миру. В. А. Котельников отмечает, вслед за Г. Флоровским, что Достоевский отводил старчеству исключительно важное место, потому что считал, что «старчество есть первые врата к соборности»²⁷. Однако трудно и не заметить, что мифологизированная в романе концепция старчества, как модель такого идеала, полна внутренних противоречий. Путь к «соборности» Достоевский видел в отказе от гипертрофированной индивидуальной воли. Например, он подчеркивает, что «обязанности к старцу не то, что обыкновенное послушание, всегда бывшее в наших монастырях»: «Старец — это берущий вашу душу в свою волю и в свою душу. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли» (14: 26). В подтверждение необходимости подчинения воле старца, Достоевский прибегает к легендам о чудесах, свершившихся в связи с нарушениями наказов старцев. Приводится, например, рассказ о том, как трижды гроб «с лежащим в нем телом мученика был извергнут из храма» по той причине, что «святой страстотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца» (14: 27)²⁸. Такой прием убеждения противоречит идеологической установке романа, по которой ожидание чуда должно ассоциироваться с дьявольским искушением: так, из контекста ясно, что название главы «Тлетворный дух» относится не столько к тому факту, что тело старца после смерти оказалось подвержено тле-

нию, сколько к самой атмосфере ожидания явления чуда, созданной теми маловерами, кто нуждался в нем как материальном или рациональном подтверждении святости старца²⁹. Тем самым возникает идеологически неудачная и в романе неразрешенная параллель с тезой Великого инквизитора, который среди самых сильных орудий основанной на вере власти называет, как известно, «чудо, тайну, и авторитет».

Характерно, что поучения старца, следующие за его житием, начинаются с рассуждения *«Нечто о иноке русском и возможном значении его»*, в заключительных словах которого старец Достоевского предсказывает, увы, не сбывшееся: «Народ встретит атеиста и поборет его, и встанет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ — богоносец» (14: 285). Эти идеи, развитые Достоевским из славянофильского комплекса, как известно, легли в основу националистической мифологии, в настоящее время вновь выдвинувшейся в центр культурно-идеологической полемики. Наставления старца звучат в романе лишь декларативным заклинанием извечными идеалами любви и братства вперемешку с художественно слабой пропагандой идеей о «народе-богоносце». А потому в устах этого художественного старца они и могут показаться фальшивыми, какими они и показались многим, в том числе и мыслителям, близким по идеологической ориентации к Достоевскому. Например, Константин Леонтьев писал с нажимом, что «в Оптиной “Братьев Карамазовых” правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож... У отца Амвросия прежде всего строго церковная мистика, а уже потом — прикладная мораль» (15: 490)³⁰. В тех мифологических пропорциях, которые получил в романе Зосима и его «соборное» учение, Леонтьев подметил утопические грезы Достоевского — а именно, ересь сродни хилиазму, проповедовавшему наступление царства Божия на земле. Он писал: «Братство по возможности и гуманность действительно рекомендуются св. писанием Нового завета для загробного спасения личной души; но в св. писании нигде не сказано, что

люди дойдут посредством этой гуманности до мира и благоденствия. Христос нам этого не обещал... Это неправда...» (15: 497).

Как заметил безыскусно другой современник, рецензировавший роман в «Донских епархиальных ведомостях», «всеобщее признание нравственного превосходства какого-либо лица над другими снискивается с величайшим трудом и едва ли достижимо» (15: 499). Можно добавить, что такая цель тем более проблематична для человека, ищущего достичь этого в мирском бытовании. А ведь старец Зосима завещает своему любимому ученику Алеше снять рясу и вернуться в мир, где Алеша и должен претворить идеал человека, достигнутый старцем: «Изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок» (14: 259). Однако осуществление этого наказа осталось за рамками действия романа — можно предположить, что не только по причине смерти автора, но и по причине, аналогичной той, по которой Гоголем не была написана третья, «райская», часть «Мертвых душ». Кто же сегодня не согласится с Достоевским в том, что, говоря словами Зосимы, «чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чем не сделаешься в самом деле всякому братом, на наступит братства»? (14: 25). Однако от реализации этого идеала человечество сегодня все так же далеко, как и сто лет назад, когда Достоевский писал свой последний роман, как и было оно в те далекие времена, когда первые христианские подвижники искали его в пустынном уединении.

В поучении Зосимы истинная свобода достигается путем духовного самосовершенствования — прежде всего, отказом от «приумножения и скорейшего утоления потребностей» путем «послушания, поста и молитвы» (14: 285). В связи с этой идеей Зосима приводит следующую притчу: «Я знал одного борца за идею, который сам рассказывал мне, что, когда лишили его в тюрьме табаку, то он до того был измучен лишением сим, что чуть не пошел и не предал свою идею, чтобы только дали ему табаку. А ведь такой говорит: “За человечество бороться иду”. Ну куда такой пойдет и на что способен? На скорый поступок разве, а долго не

вытерпит» (14: 285)³¹. Следует признать, что Достоевский ошибся: исторический опыт показал, что всегда найдутся желающие пострадать за Идею, основанную на эсхатологически-мессианской концепции истории — в частности, за идею коммунизма, идеологически альтернативную христианской, но имеющую с ней существенные пересечения, особенно в ее хилиастическом варианте. То, как в поисках положительной морально-этической структуры мирского человека Достоевский разрешал вопрос о соотношении монашеской и мирской жизни, можно объяснить и тем, что в отличие от истории западноевропейской цивилизации, русская история не знала Реформации. Большинство протестантских направлений отказалось от института монашества, но при этом определенные аспекты аскезы перенесены были на религиозно-этические нормы, ориентирующие поведение верующего в миру.

* * *

Повесть «Отец Сергей» можно рассматривать как полемику Льва Толстого с концепцией Достоевского о роли монашеского идеала, представленного оптинскими старцами, в создании христианской личности, выдвинутой в «Братьях Карамазовых». История отца Сергия имеет немало сюжетных параллелей с биографией Зосимы: оба героя происходят из дворян, обоих овдовевшие матери определяют в военную карьеру, оба преуспевают на этом поприще; для обоих в этот период цель жизни состоит в том, чтобы быть *comme il faut* в свете, соперничая с товарищами в умении острить, танцевать, говорить по-французски. Решение уйти в монастырь у обоих возникает как внезапное, мотивированное не склонностями характеров и предыдущим ходом их развития, а, напротив, драматическим событием, связанным с неудачей в любви, которое переворачивает эти характеры, направляет их на поиск другого идеала и в конечном счете, приводит в монастырь.

Однако, в отличие от Зосимы Достоевского, путь героя Толстого в монастыре не заканчивается, а лишь начинается заново. Концепция человека подчинена у Толстого не идеологической, а психологической реальности: для него поведение человека является следстви-

ем противоречивых и часто смутно осознанных психологических импульсов, которые могут вступать в различные комбинации, но для всех людей их набор останется постоянным. В каждом человеке, по Толстому, борются страсти, среди которых наиболее сильными Толстой считал гордыню и требования плоти. И эти идеи воплотились в истории об отце Сергии. Толстой записал в дневнике о замысле повести: «Начал писать “Отца Сергия” и вдумался в него. Весь интерес — психологические стадии, которые он проходит» (Толстой 1952, 51: 47). А в письме к Черткову пояснил: «Борьба с похотью тут эпизод или, скорее, одна ступень, главная борьба — с другим — с славой людской» (Гусев 1960: 19).

Князь Степан Касатский с молодых ногтей движим честолюбием, которое помогает ему добиться каждой из поставленных им перед собою целей. Даже любовь возникает у него из желания жениться на девушке, которая введет его в высший свет. Признание невесты, что она была любовницей императора (Николая Павловича) рушит все привычные представления Касатского о мире и о своем месте в нем. На этом кончается жизнь князя Касатского, и начинается, казалось бы, новая жизнь — жизнь монаха, отца Сергия.

Существенно, что Касатский поступает не просто в монастырь, а можно прямо сказать — в Оптиную пустынь. Хотя в повести монастырь и не называется, в описании его совмещены все уже упоминавшиеся отличительные черты Оптиной, которые составляли ее исключительную репутацию: «Игумен монастыря был дворянин, ученый писатель и старец, то есть принадлежал к той преемственности, ведущейся из Валахии, монахов, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игумен был ученик известного старца Амвросия, ученика Макария, ученика старца Леонида, ученика Паисия Величковского. Этому игумену подчинился, как своему старцу, Касатский». (Толстой 1959: 58-59). Заметим также, что Толстой, обычно внимательный к исторической правдоподобности в своих произведениях, в данном случае совмещает исторически невозможное: начало действия повести относится к сороковым годам, линия же старцев, изложенная в

ретроспективе, доведена до момента, современного написанию рассказа (Амвросий умер в 1891 году, что несомненно было известно Толстому, который, тем не менее, в повести называет преемника Амвросия наставником Касатского)³². Такое несоблюдение исторического времени вряд ли можно расценивать как случайный промах; скорее его можно объяснить тем, что Толстой оперирует на уровне к тому времени уже широкоизвестного мифологического образа Оптиной, в котором, как и во всяком мифе, конкретное историческое время не имеет значения.

Однако, Толстой показывает, что, уйдя от мира, человек не может убежать от себя: Касатский и отец Сергей встречаются с равнозначными препятствиями, источник которых в самом человеке, его психологическом складе. Как объясняет Касатскому старец, решением его уйти в монастырь руководила гордыня — т. е., все то же самолюбивое желание возвыситься над людьми, мнение которых вместе с тем служило ему мериллом его собственного «я» и в глазах которых он понес оскорбление. На первых порах в борьбе с гордыней помогает ему то, что, по обычаям выбранного им монастыря, ученик должен научиться целиком подчинять свою волю воле старца-наставника: «Всякая возможность сомнений в чем бы то ни было устранялась тем же послушанием старцу. Не будь послушания, он бы тяготился и продолжительностью и однообразием церковных служб, и суетой посетителей, и дурными свойствами братии...» (Толстой 1959: 5). Смирение однако дается с трудом и не может совершенно избавить послушника от страстей и соблазнов, равно как и молитва, искусству которой учит его старец. Всякий раз, когда он поневоле приходит в контакт с миром, он не в силах выстоять перед ее искушениями, которые остаются все те же — «похоть и гордыня». Нескромные взгляды и речи кокетливых прихожанок жгут его напоминанием о его не поддающейся умерщвлению сексуальной природе, а когда его посещает, из бездумного любопытства, его бывший полковой командир, отец Сергей срывается и выходит из себя. Снова возникает ситуация, когда ответственность за свою волю кажется ему невыносимой, и он пишет к старцу с просьбою

взять его назад в послушание. Старец в ответ посылает его жить отшельником.

И все повторяется снова. Мирская жизнь, которая течет неподалеку и как будто не касается до него, врывается в его уединение, напоминая ему о его человеческом тварном начале, и смущает достигнутое многими трудами равновесие духа. Даже победа над плотским соблазном (добытая отсечением себе пальца), несет неожиданные последствия — а именно, «с тех пор слава отца Сергия стала увеличиваться», а вместе с тем принесла и новые испытания: «Стали стекаться к нему издалека и стали приводить к нему болящих, утверждая, что он исцеляет их» (Толстой 1959: 5). Незаметно самолюбие опять овладевает им: ему приятно, что люди считают его угодником, «таким, чья молитва исполнялась. Он отрекался от этого, но он в глубине души сам считал себя таким». (Толстой 1959: 8). Толстой несомненно думал о себе, о своем пути, в котором борьбе с похотью и славой он стал придавать к концу жизни все большее значение. В дневниках второй половины лета 1890 г. заметкам, посвященным замыслу «Отца Сергия», сопутствует следующая запись, датированная 21 июля: «Думал о своих дневниках старых, о том, как я гадок в них представляюсь, и о том, как не хочется, чтобы их знали, то есть забочусь о славе людской и после смерти. Как страшно трудно отрешиться от славы людской, не заботиться о ней» (Толстой 1952: 65). А о центральной идее повести Толстой написал: «Там я хотел бы выразить две различные основы деятельности. То он <отец Сергий> думал, что живет для Бога, а под эту жизнь так подставилось тщеславие, что божьего ничего не осталось, и он пал; и только в падении, осрамившись навеки перед людьми, он нашел настоящую опору в Боге» (Письмо В.П. Золотареву от 14 марта 1891 г.; см. Гусев 1960: 23).

По логике повести Толстого уступка гордыне постепенно приводит и к падению перед похотью. Однажды приведенная к нему на исцеление слабоумная купеческая дочь соблазняет его, и отец Сергий не выдерживает соблазна. Так разрешаются последние сомнения: отшельническая монашеская жизнь не дает отцу Сергию победы над собой. Он возвращается в мир —

становится странником, и так учится смиряться в обиде и лишениях и презирать «людское мнение».

В том, как Толстой завершил историю о князе Степане Касатском — отце Сергии, несомненно отразились взгляды Толстого на монашество как морально-этическую форму бытия. Толстой пришел ко мнению, что «православие и христианство имеют общего только название» (Толстой 1952: 71). и очевидно рассматривал монашескую аскезу, в том числе и Оптиных монахов, как служение внешнее, изолированное от действительности, а потому «ненастоящее» и не пригодное для человека, ищущего спасения в миру, с его ежедневными трудами и заботами. Вскоре после поездки в Оптину в 1890 г. он писал в частном письме о том, что нашел там людей поистине горящих любовью к Богу и человечеству, но что поэтому ему особенно непонятно, как такие люди почитают необходимым проводить по несколько часов в день в церкви, соблюдать обряды — т. е., служить тому, что сам Толстой считал «предрассудками, парализующими жизненные силы» (см. письмо Н. П. Вагнеру от 25 марта 1890 г.; 51: 23).

В дневниковой записи, сделанной во время поездки, он записал об Оптиных старцах: «Горе их, что они живут чужим трудом. Это святые, воспитанные рабством» (28 февраля 1890 г.; 51: 23). Толстой был несправедлив, обвиняя Оптиных монахов в тунеядстве. По утверждению хорошо осведомленного историка «весь обиход своей жизни, как богослужебной, так и хозяйственной, Оптина пустынь всегда обслуживала своими собственными силами, не прибегая к наемному труду... за исключением тех случаев, когда требовались какие-либо специальные знания» (Четвериков 1926: 23). Однако, эта сторона их жизни не была существенным компонентом того мифологического идеального образа оптиных подвижников, с которым полемизировал Толстой.

Таким образом, Толстой обращается к тем же проблемам, что и Достоевский — т. е., к размышлениям о том, как найти «человека внутреннего» в «человеке внешнем», которые он, как и Достоевский, проецирует на оптинское старчество, но не принимает этого ми-

фологизированного идеала. О том, как Толстой разрешал вопрос о соотношении мирской и божеской жизни и возможности реализации последней в миру, свидетельствует также и следующая дневниковая запись: «Есть злая мирская жизнь и есть божеская святая жизнь. Утверждать, как это делают многие, почти все, что мирская злая жизнь и есть та, которая должна быть — неправильно и вредно. Но и думать, что святая божеская жизнь осуществима на земле и устраивать жизнь, к<оторая> казалась бы такою себе и другим и даже себе — тоже неправильно и вредно. Хорошо то, чтобы отречься от дьявола и всех дел его, этой злой мирской жизни, и не спуская глаз с идеала этой жизни, уходить от мира и приближаться к святой, сколько можешь, не заботясь о том, похоже или непохоже это на святую жизнь» (Толстой 1952: 55).

Толстой считал, что и тот, кто со стороны кажется святым, все равно в глубинах души остается человеком, несвободным от борьбы и сомнений: «Самое главное, что думал, это о том, что *самому* самого себя победить нельзя. Самый святой сам — сам черт. Надо устроить в себе обиталище Бога, чтобы он пришел и вселился» (Толстой 1952: 48; выделено Толстым).

Несмотря на очевидную переключку со словами Зосимы о том, что для создания «прекрасного будущего» человек должен прежде всего психологически переделать самого себя, очевидно и парадоксальное различие в подходе двух писателей: взгляд Достоевского сквозь индивидуального человека напряженно вглядывается в общечеловеческое будущее, которое он понимал в messiанистически-националистическом плане и которое, в конечном итоге, больше всего и интересовало этого писателя. Толстой, в своей трактовке спасения, рассматривал общечеловеческий идеал в его плюралистических формах и признавал их равноценными, сближаясь отчасти с протестантским пониманием подвижничества жизни, как, впрочем, и с буддистским. Но в конечном итоге, он заключает, что найти его человек может только в себе: «Помню себя, как я предполагал осуществление всего доброго в крестьянской жизни; вижу людей, верящих в осуществление идеала в европеизме, в монашестве, у тодов в горах Индии. Все

молодые люди, созерцая идеал, всегда надеются найти его где-нибудь и спешат искать. Они не знают и не хотят верить, что его не надо искать там и здесь, в пространстве и времени, а что идеал затем дан, чтобы осуществлять сейчас, здесь. *Царство Божие внутри нас и достигается усилием*» (Толстой 1952: 51).

Рассмотренные нами вехи развития мифологического ореола Оптиной пустыни в культурном дискурсе девятнадцатого века показывают, что этот комплексный символ не был исторически и идеологически постоянен — напротив, в культурной полемике не только менялась его конфигурация, но и возникали вполне противоположные его интерпретации. Основы этого мифологического комплекса были заложены в непосредственной связи с формированием славянофильской идеологии и в нем нашли выражение центральные ее представления об отличительной форме христианства.

С точки зрения Ивана Киреевского институт оптинского старчества служил подтверждением в настоящем, во-первых, продолжения на Руси исконной исихастской традиции; во-вторых, эта форма монастицизма пропагандировалась как специфически русская и духовно превосходная по отношению как к католичеству, так и к общепринятой форме, санкционируемой эстаблишментом русской церкви. Достоевский, с одной стороны, довел мессианистически-националистический потенциал этого символа до его логического конца: в его романной интерпретации Оптина пустынь стала символом «русской идеи» — т. е., подтверждением «святости Руси» и богоизбранности русского народа и его общечеловеческой спасительной миссии. Кроме того, он перенес проблему старчества, как формы монастицизма, в плоскость культурной полемики о моделях подвижнического поведения в мирской жизни. В проекции идеала старца на мирскую жизнь он чаял указать формы духовного воскрешения общества. Толстой развенчал Оптинский миф — игнорируя его националистический аспект, он доказывал несостоятельность его как христианского этического идеала. Толстой же ратовал за духовное перерождение общества, но видел его исключительно в психологическом повороте самого себя — т. е., каждого отдельного человека. Его интерпре-

тация Оптинского мифа очевидно исходит прежде всего из «толстовства», однако она идейно связывает Оптинский миф и с поисками обновления христианства, которые на рубеже столетия, под влиянием Ницше и Владимира Соловьева, выдвинулись в культурном дискурсе на первый план.

Сегодня, с восстановлением Оптиной обители, открылась и новая страница в культурной истории этого монастыря, которая, очевидно, непосредственно связана с поиском концепции национальной истории — как и в то время когда закладывались основы Оптинского культурного мифа. Славянофильскую идею русской истории можно охарактеризовать как утопию, обращенную в идеализированное Прошлое — в отличие от большевистской коммунистической утопии, которая проецировалась в идеальное Будущее. От того, как сложится новая система культурных идейных ценностей и какая в ней возникнет иерархия, зависит и интерпретация истории — прошлой и настоящей.

Примечания

¹ См., например, эссе «Время собирать камни» в одноименном сборнике Владимира Солоухина (Солоухин 1980), посвященном различным памятникам русской культурной истории, а также очерк «Сияла Оптина пустынь» в тоже одноименном сборнике статей Александра Нежного (Нежный 1988), посвященном памятникам религиозного прошлого. Тот факт, что оба сборника, несмотря на некоторое различие в их тематике и подходе их авторов, названы по заголовкам очерков об Оптиной пустыни, подчеркивает то первостепенное значение, которое отводится ей в складывающейся новой иерархии культурно-идеологических ценностей.

² Среди работ такого характера можно назвать, например, обширную статью В. А. Котельникова (Котельников 1989), которая в некоторых своих аспектах вызывает на полемику.

³ Рассматривая во введении вопрос об истории старчества, автор предлагает различать «старчество» и «духовенство» на том основании, что последнее знало ас-

кетическую литературу «лишь теоретически» (с. 11). О традиции «старческого окормления» в Оптиной см. также вып. 8 альманаха «Надежда» (Надежда 1984), почти полностью посвященного самому последнему из оптинских старцев — о. Никону (Николаю Беляеву, 1888-1931), который погиб в советском лагере.

⁴ «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

⁵ В этой технике, направленной на умственное сосредоточение, а также и в способе обучения ей, можно найти параллели с методой индийских йогов.

⁶ Впервые письма Макария к супругам Киреевским были опубликованы в четырехтомном издании писем старца «к духовным и мирским особам», предпринятом вдовой Киреевского после смерти старца в 1860 г. Письма Киреевского были впервые опубликованы в «Историческом описании Козельской Оптиной пустыни»; шесть писем были затем переизданы Гершензоном в 1911 в «Полном собрании сочинений И. В. Киреевского», а в приложении к вышеупомянутой книге Четверикова в 1926 г. опубликовано 26 писем Киреевского к Макарию. Датировка некоторых писем в публикациях Четверикова и Гершензона не совпадает.

⁷ См. письмо митрополита Филарета Н. П. Киреевской (Четвериков 1926: 159-160).

⁸ Здесь и в дальнейшем все ссылки на переписку Киреевского с Макарием указываются по публикации Четверикова с указанием страницы в тексте.

⁹ Закрытие в 1832 г. журнала «Европеец», издаваемого Киреевским, могло только способствовать росту взаимного недоверия, которое со стороны правительства выражалось с строгим цензурном и полицейском надзоре. Так например, Третье Отделение завело дела на всех ведущих членов славянофильского кружка (как, впрочем, и на Чаадаева и историка С. М. Соловьева). Вероятно, это было связано с раскрытием зимой 1846-47 года украинского «Общества Кирилла и Мефодия», которое развивало идею украинской автономии, — и, несмотря на то, что никто из славянофилов, как кажется, не поддерживал идеи украинского сепаратизма (Хомяков, например, напротив, весьма определенно высказывался против автономии Украины). В 1852 г.

был «зарезан» второй том славянофильского «Сборника», а Ивану Киреевскому, Хомякову и братьям Аксаковым было предписано представлять все свои сочинения непосредственно в Петербург в главное цензурное отделение.

¹⁰ «Добротолюбие» до 1793 г. числилось в списке запрещенных книг, и хотя и было в начале века издано в Петербурге, фактически только переложение и оптинская публикация этого труда сделали его общедоступным. Известно также, например, что о. Лев (Леонид) подвергался гонениям: ему запрещено было, по-видимому, епархиальным Владыкой, принимать народ, а настоятелю монастыря предписано было следить, чтоб этот запрет не нарушался, но он все же постоянно нарушался (см. Четвериков 1926: 41-42).

¹¹ Речь идет о теологических разногласиях по поводу догмата о «вине» — то есть причине или происхождении Святой Троицы, которые, как известно, послужили одним из основных источников раскола западной и восточной церквей и который Киреевский поэтому считал основополагающим в определении православия.

¹² На конкретный вопрос Макария о том, хорошо ли звучит по-русски такое-то выражение, Киреевский уклончиво отвечает, что давно уже не следит за литературой и потому не знает, «что делается с нашим языком». Такой ответ беллетриста и журналиста, каким был в свое время Киреевский, можно объяснить тем, что литературный язык, сложившийся к тому времени на прозападнической базе Карамзинской школы, не мог служить эталоном для той идеологии языка, которую разрабатывал Киреевский.

¹³ По вопросу о гносеологических воззрениях И. Киреевского см. также содержательные краткие замечания Ю. В. Манна (Манн 1991).

¹⁴ Этот комплекс идей присутствует уже в статье Киреевского «Девятнадцатый век», опубликованной в 1832 г. (и из-за нее-то и был закрыт цензурой «Европеец»), где Киреевский ставит вопрос об отношении русского просвещения к европейскому и выдвигает требование «большого сближения Религии с жизнью людей и народов», а осуществление такого сближения провозглашает идеалом, обещающим «благоденствие

обществ» (Киреевский 1911: 94-99). О роли немецкой идеалистической философии в формировании идей Киреевского, см. Christoff 1972.

¹⁵ См. также сетования Киреевского на неудачный, с его точки зрения, выбор слов, предложенных в исправлениях профессора Голубинского. Например, Киреевский пишет, что «слово *смотрение* он напрасно заменяет словами *цель* или *намерение*», усматривая, очевидно, в этих теологически-определенных словах рационалистический дух (122).

¹⁶ О возможных интерпретациях происхождения этого слова см. Фасмер 1971: 551—552. Заметим мимоходом, что предлагаемая Киреевским этимология подразумевает языковую общность как основную отличительную особенность, предвосхищая тем самым важный аспект славянофильской идеологии на ее панславистском этапе.

¹⁷ Слово *созерцание* Киреевский отвергает, вероятно, потому, что подозревает в нем словообразовательную кальку с латинского или с его западных родственников, каких, как известно, в 18-ом веке действительно много вошло навсегда в русский язык. Однако, на этот раз его подозрение кажется безосновательно: согласно Срезневскому (Срезневский 1903: 711), оно встречается в памятниках 11-го и 12-го веков, и видимо является калькой с греческого.

¹⁸ По-видимому, Шевырев отвечал на просьбу Макария прислать такой словарь. Шевырев снабжал скитских издателей необходимыми книгами, хотя наверное и в меньшей степени, чем супруги Киреевские: в одном из писем Макарий благодарит супругов Киреевских за присланную подводу с книгами, «в четырех коробах — 315 книг». (179).

¹⁹ Список оптинских изданий опубликован (Старцы 1909: 46—63).

²⁰ Впрочем, по мнению историка, у старца не было особенной склонности к книжным и кабинетным занятиям и издательская деятельность отнюдь не стала средоточием старческих трудов Амвросия (см. Четвериков 1926: 65—66).

²¹ Или в 1874? — у Четверикова (1926: 55, 60) указаны обе даты.

²² Среди тех немногих светских лиц, близких к монастырю, кто знал об этом расколе авторитета, была вдова Киреевского. Однако, Наталья Петровна дипломатично воздерживалась от участия в спорах, в которые, как видно, ее пытались вовлечь: на вопрос, который из двух старцев «выше», она отвечала, что «оба лучшие» (Четвериков 1926: 60).

²³ Здесь и далее все ссылки на роман Достоевского даются в тексте по: (Достоевский 1976) с указанием тома и страницы.

²⁴ Достоевский посетил Оптину в июне 1878 г. во время работы над романом. Его спутником в этом паломничестве был философ Владимир Соловьев.

²⁵ Поискам прототипа Зосимы посвящено несколько специальных работ. См., напр. Dunlop 1972, а также Уделов 1971. Итог этим поискам подведен в книге шведского слависта Свена Линнера (Linner 1976).

²⁶ Выражение самого Достоевского. См. Достоевский 1959: 109.

²⁷ Или так считает и сам автор статьи? (См. Котельников 1989, 3: 26).

²⁸ Этот эпизод из Пролога приводится в книге «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни», которая имела в библиотеке Достоевского и которую, возможно, прислал ему Победоносцев вместе с рядом других книг и материалов по истории и обрядам православной церкви.

²⁹ См. также черновые тетради романа, 15:49.

³⁰ Подчеркнуто Леонтьевым. Котельников (1989, 3: 24) высказывает сомнение по поводу достоверности оценки Леонтьевым отношения оптинских монахов к роману на том основании, что в летописи монастыря не сохранилось документальных тому подтверждений. Однако, за отсутствием таких свидетельств, приходится признать, во-первых, что далеко не все, что высказывается в частных беседах, бывает зафиксировано в официальных анналах (тем более, что тот факт, что Достоевский пользовался поддержкой Синода, был, как видно, довольно широко известен); во-вторых, К. Леонтьев, тесно связавший свою жизнь с монастырем, в отличие от Достоевского, знал жизнь Оптиной не по книгам и не по одному визиту; в-третьих, наставления Зосимы

действительно не соответствуют ни по тону и стилю, ни по содержанию письмам Макария к духовным и мирским особам.

³¹ На примере эпизода, тоже связанного с привычкой к курению, интересно сравнить, как Киреевский на личном опыте понимал вопрос о подчинении мирянина воле старца. О. Макарий на правах духовного отца настаивал на том, чтоб Киреевский бросил вредную для здоровья привычку курения табаку, которая, заметим кстати, пришла в Россию с «немцами» и в народе долгое время воспринималась как дьявольский соблазн. Однако Киреевский, который, по его собственным словам, курил с тринадцатилетнего возраста не смог навсегда отказаться от укоренившейся привычки и в какой-то момент попросил у старца благословения «на возобновление оставленного курения». Решительный отказ Макария вызвал глубокий протест Киреевского, который он выразил в письме старцу в следующих словах: «Прежде всего прошу Вас припомнить, милостивый батюшка, что при самом начальном решении моем оставить курение, я ясно и определенно оговаривался против всякого заклятия или обета оставлять курение навсегда. Я даже решительно не принял Вашего благословения, когда Вы хотели дать его на совершенное оставление курения. Поэтому в этом отношении я не могу почитать себя ничем связанным» (Четвериков 1926: 126).

³² Толстой был хорошо информирован о жизни Оптиной: он сам побывал в обители несколько раз — впервые в детстве, на похоронах своей тетки А. И. Остен-Сакен, заменившей ему мать, затем в 1877 и 1881 гг. (на этот раз совершил паломничество из Ясной Поляны пешком), а потом в 1890 году (в это посещение имел продолжительную беседу с Амвросием, незадолго до смерти последнего в 1891 г.); ну а в последний раз привела судьба Толстого в Оптину после рокового ухода из Ясной Поляны, когда оставались его жизни считанные часы. Кроме того, сестра Толстого, Марья Николаевна, жила в постриге в Шамординской женской общине, которая была устроена неподалеку от Оптиной по инициативе о. Амвросия.

Библиография

- Гус 1971 — Гус М. Идеи и образы Достоевского. Изд. 2-е. М., 1971.
- Гусев 1960 — Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. 1890-1891. М., 1960.
- Достоевский 1959 — Достоевский Ф. М. Письма. Т. 4. М., 1959.
- Достоевский 1976 — Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 14-15. М., 1976.
- Киреевский 1911 — Киреевский И. Собр. соч. Т. 1. М., 1911.
- Концевич 1970. — Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время. New York. 1970.
- Котельников 1989 — Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература // Русская литература. 1989. № 1. С. 61-86; № 3. С. 3-31; № 4. С. 3-27.
- Манн 1991 — Манн Ю. В. Иван Киреевский и Гоголь в стенах Оптиной // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 106-124.
- Надежда 1984 — Надежда. Христианское чтение. 1984. Вып. 8
- Пушкин 1979 — Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. Л., 1979.
- Солоухин 1980 — Солоухин В. Время собирать камни. М., 1980
- Срезневский 1903 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 3. СПб., 1903.
- Старцы 1909 — Старцы отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский. М., 1909.
- Толстой — Толстой Л. Н. Полное собр. соч. (юбилейное). Т. 51. М., 1952.
- Толстой 1959 — Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 12-ти т. Т. 12. М., 1959.
- Уделов 1971 — Уделов Ф. И. Достоевский и Оптина пустынь // Вестник русского студенческого христианского движения. Вып. 1. Париж; Нью-Йорк, 1971. С. 4-16.
- Фасмер 1971 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.

Четвериков 1926 — Четвериков С. (Протоиерей).
Оптина пустынь. Paris. 1926.

Christoff 1972 — Christoff P. K. An Introduction to
Nineteenth-century Russian Slavophilism: A Study in Ideas.
v. 2: I. V. Kireevskij. Paris, 1972. P. 182—186.

Dunlop 1972 — Dunlop J. Starets Amvrosy: Model for
Dostoevsky's Starets Zosima. Cambridge Mass. 1972.

Linner 1976 — Linner S. Starets Zosima in 'The Brothers
Karamazov': A Study in the Mimesis of Virtue. Stockholm,
1976.

Müller 1966 — Müller E. Das Tagebuch Ivan Vasil'evic
Kireevskijs, 1852-1854 // Geschichte Osteuropas. B. 14.
№ 2. 1966.

М. А. Золотоносов
С.-Петербург

ЗК: Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл

*Дюжина гостей весело провела время, выпила,
закусила, наблевала, а литературный уборщик
Булгаков ползает по полу, бережно подбирает
объедки и кормит ими публику <...>.*

(Якубовский 1926)¹

Странно, на первый взгляд, говорить о «загадках» в «Зойкиной квартире» (ЗК) после, по крайней мере, двух комментированных изданий пьесы (Булгаков 1989; Булгаков 1990а). Оба комментария, однако, не решили главной проблемы: так и не определили «отправную точку», по поводу которой вторая жена Булгакова написала в мемуарах: «<...> Просматривая как-то отдел происшествий в вечерней “Красной газете” (тогда существовал таковой), Михаил Афанасьевич натолкнулся на заметку о том, как милиция раскрыла карточный притон, действующий под видом пошивочной мастерской в квартире некой Зои Буяльской. Так возникла идея комедии “Зойкина квартира”. Все остальное в пьесе — интрига, типы, ситуация — чистая фантазия автора» (Белозерская 1988: 200).

В комментарии к ЗК, опубликованном в «Пьесах 1920-х годов», эта цитата приведена, но ею все и исчерпывается (Булгаков 1989: 539). В пятитомнике же после констатации: «Данное сообщение не разыскано, но схожих сюжетов в журналах тех лет немало» (Булгаков 1990а: 621), — комментатор в поисках источника фабулы почему-то обратился к журналу «Красный ворон» (очевидно, потому, что в названии, как и у газеты,

есть слово «красный»), в котором обнаружил рассказ М. Зощенко «Веселая масленица», стихотворение Д. Цензора «Квартирка» и некую карикатуру, близкую по тематике. «Красная газета» оказалась забытой.

К сожалению, в булгаковедении еще не сложилась традиция научно-критического отношения к воспоминаниям вообще и мемуарам Л. Е. Белозерской, в частности. У нас же к ним относятся без учета двух самоочевидных обстоятельств:

а) воспоминания создавались с учетом произведений самого Булгакова, как глубоко вторичный комментарий, достаточно вольно трактующий реальные события, к тому же созданный много позже описываемых событий — в 1968—1969 гг.;

б) слишком назойливо в воспоминаниях подчеркнута собственная роль мемуаристки. «Софья Андреевна, — замечал В. Б. Шкловский в связи с проблемой прототипов “Войны и мира”, — хотела, чтобы Лев Николаевич писал про нее или по крайней мере про ее близких. Близкие собирались сесть в экипаж, поданный к их крыльцу» (Шкловский 1963: 391—392).

В воспоминаниях Л. Е. Белозерской характерно проявилась психология *писательской жены*, садящейся в экипаж, с одной стороны, и теневая фигура литограбочка мемуаров, с другой, о чем великолепно написал С. Боровиков в статье «Нечто, снятое с якоря...»: «Может быть, что-то в истоках этих особенностей книги Л. Е. Белозерской прояснит любопытная опечатка (ли?) на странице 91, когда повествовательница вдруг говорит о себе в мужском роде» (Боровиков 1990: 166).

Поэтому далеко не всем утверждениям Л. Е. Белозерской можно верить (в частности, это касается ее комментария к константинопольским эпизодам «Бега»).

Что же касается замечания Л. Е. Белозерской о заметке из вечернего выпуска «Красной газеты», то оно дает лишь правильную ориентировку. Ибо сообщения о «карточном притоне Зои Буяльской» в газете *не было*², зато был целый ряд других сообщений, которые прямо проецируются на ЗК.

Прежде всего, к таким сообщениям относится наполненная старыми сплетнями статья «Лидвалиада», фактическая сторона которой целиком подтверждается

воспоминаниями В. И. Гурко, упомянутого в статье³. Автор, Иосиф Лейбович Оршер, О. Л. Д'Ор, к лету 1925 года высланный из Ленинграда и, видимо, потому укрывшийся за псевдонимом «Старый журналист», вспоминал в 1925 году времена дореволюционные, поскольку фигура дамской портнихи была значима в «пречистенской среде», в которую вошел Булгаков (Чудакова 1988а: 311—314), с особым интересом Михаил Афанасьевич должен был прочитать о салоне «Эстер», продолжавшем старую петербургскую традицию⁴.

«Эстер имела салон мод на Караванной. Там хотя и много шили, но суть была не в шитье. Каждая красивая женщина могла получить у Эстер любые наряды, не платя ничего.

— Сосчитаемся, — любезно успокаивала Эстер клиентов, волновавшихся по поводу цен на наряды.

И сосчитывались.

Валюта — натура.

Тут же при салоне были уютные комнаты» (Д'Ор 1925).

Описание И. Л. Оршера (возможно, основанное на личном опыте) напоминает соответствующую сцену из ЗК (акт 2, картина 1), в которой использована идея Эстер, а Зоя Пельц уговаривает красавицу Аллу стать в мастерской «моделью» и покупает ее тело как товар (не случайно над ними висит портрет автора «Капитала»):

«АЛЛА (в ошеломлении). Вот так мастерская! Поняла. Вечером. Знаете, Зойка, кто Вы? Вы черт!» (Булгаков 1989: 185).

Использование в ЗК подобного сюжета, сходного с мотивом из «Лидвалиады», было закономерно: в булгаковской пьесе столкнулись три культурных плана, как это и происходило в середине 1920-х годов: дореволюционный «классический» (XIX век), дореволюционный (довоенный) модерн начала XX века (его возрождение составляло душу «нэповской» культуры, «нэповского ренессанса»⁵) и пролетарский «революционный»⁶. Точка зрения Булгакова как автора ЗК была «классична», с этих позиций Булгаков смотрел и на нэп, сопротивлявшийся пролетарской атаке и активно порождавший собственную «советскую необуржуазную культуру», и на

«пролеткультурный» авангард, противостоящий «буржуазному» булгаковскому театру.

Главными составными частями необуржуазной культуры были: криминальный бизнес, давший фигуры афериста и авантюриста типа Аметистова (см. Кондурушкин 1927); «светская» веселая жизнь, возрождавшаяся по унаследованным от 1900—1910-х гг. образцам⁷; мода в одежде; проникавшие всюду идеи модерна и главная из них о преобразовании полезного в прекрасное (см. Кириченко 1978: 188—204)⁸; развлекательное искусство («Пассаж» С. Ф. Сабурова, переводной приключенческий роман); забота о *красоте*; женщина, не чуждая эпатажа и жаждущая секса, денег, приключений и Парижа⁹.

ЗК и показала эту культуру, но показала с высокомерием и неприязнью, которые, конечно, не были уловлены пролеткритикой. Между тем, в «Путешествии по Крыму» Булгаков именно так описал буржуа: «<...> В твердой соломенной шляпе, при галстукe, пиджаке и брюках с отворотами. <...> С ними жены и свояченицы: губы тускло-малиновые, волосы завиты, бюстгалтер, кремовые чулки и лакированные туфли. <...> Нэпман ни за что не разденется. Хоть его озолоти, он не расстанется с брюками и пиджаком. В брюках часы и кошелек, а в пиджаке бумажник».

Это почти *ненависть социалиста*, Шарикова: к ухоженным головкам, бюстгалтерам, чулкам и бумажникам¹⁰. К слову сказать, описание не вполне достоверно, журналисты в середине 1920-х годов сообщали, что нэпманши на пляжах любили медленно стягивать с себя платья и демонстрировать дорогое нижнее белье. Специальная одежда для пляжа тогда ассоциировалась с физкультурой.

В ЗК Зойка бранит нэпманш («... Эти нэпманши хуже кухарок» — Булгаков 1989: 183—184), однако, для Булгакова, конечно, и Зойка — «ловешка», содержательница борделя, не более того. Взгляд Булгакова напоминает о той резкой характеристике, которую дал петроградской богеме в письме к Г. И. Чулкову от 20 янв. 1921 г. В. Ф. Ходасевич: «<...> Повальный эстетизм и декаденство. Здесь говорят только об эротических картинках, ходят только на маскарады, все влюблены,

пьянствуют и “шалют”. Ни о каких высоких материях и говорить не хотят <...>» (Ходасевич 1982: 519).

ЗК показывает подражание тому, о чем писал В. Ф. Ходасевич, карикатуру на эту среду, возникшую в обстановке нэпа. М. О. Чудакова упоминала «Мансарду» Б. Пронина в Москве как образец «салона» Зойки (Чудакова 1988а: 330). Во всяком случае, подобная «богема», деградировавшая до «веселого дома», до «красного фонаря», где Эрос окончательно победил Логос, — это то, о чем писал Булгаков, конечно, имея в виду самые разные «первоисточники», связанные со стилем жизни «творческой интеллигенции». Но одновременно — и это очень важно! — Булгаков изображает «разложившихся партийцев»: не случайно никак не понять, к какой группе относится Гусь-Ремонтный, к нэпманам или большевикам, о которых в 1924 г. писал Илия Британ: «<...> Вдруг полюбили особняки (неприменно — особняки: квартиры хоть в 20 комнат — им мало!), шампанское, кокоток, да которые подороже, из балета, собственные поезда, “тридцать тысяч курьеров”, а жены их — бриллианты в орех (“нельзя ли с царицы?”), альфонсов и, конечно, десяток новых платьев в месяц, если не из Парижа, то хотя бы (с кислой миной!) от Ламановой <...>» (Британ 1990: 155)¹¹.

Метил Булгаков, безусловно, и в эту мишень, ощущая то, о чем в 1926 году писал философ Г. П. Федотов: современная Россия проникнута «жаждой жизни, наживы, наслаждений»; «Повсюду — в городе и в деревне, в высших слоях еврейского нэпа, в разлагающемся коммунизме и в предприимчивой крестьянской молодежи — царит один и тот же дух: накопления, американизма, самодовольства» (Федотов 1991: 99).

Таков в самых общих чертах социокультурный контекст, в котором появилась ЗК. Что же касается истинности сообщенных в «Лидвалиаде» фактов, то, как показывают книги «Весь Петербург» за дореволюционные 1910-е годы, действительно, на Караванной, 18 существовал салон под названием «Эстер»¹², а его владелицей была *Александра Ивановна Цеховая*, тонко почувствовавшая подсознательное желание некоторых женщин: «я вся чистенькая, иди запачкай меня» (Джойс 1993: 286)¹³.

Есть все основания предполагать, что Булгаков был знаком с «Лидвалиадой»: текст этой статьи был напечатан на пятой странице вечерней «Красной газеты», а на четвертой странице того же номера располагался очерк Булгакова из цикла «Путешествие по Крыму» (и, кстати, приведенная выше цитата взята именно из той главки «Путешествия по Крыму», которая напечатана в одном номере с «Лидвалиадой»).

Можно, однако, предположить, что Булгаков читал не только те номера вечерней «Красной газеты», в которых печатали его самого. Не исключено, что ему были известны две серии (или, по крайней мере, одна из них) судебных репортажей Эрнеста Гарда¹⁴, посвященных нашумевшему делу о притонах разврата. Осенью 1924—1925 года это был «гвоздь сезона», и о нем писали «Ленинградская правда», «Новая вечерняя газета», «Красная газета», отклики были в берлинском «Руле» и парижских «Последних новостях». Судя по тому, что в репортажах трех ленинградских газет *подробности не повторялись*, можно предположить, что это результат действий цензора или специального куратора из «органов». В целом же сообщения об этом суде над содержательницами «притонов разврата» (термин из первого советского Уголовного кодекса, сохранившийся до конца XX века) оказались первым в советской истории развернутым публичным описанием садизма и мазохизма. Другим таким описанием, вторым и последним, были очерки о суде над Б. М. Уссасом (см. примеч. 16), входившие в общую серию разоблачений.

Газетный материал, о котором идет речь, впервые упомянул булгаковед-краевед Б. С. Мягков (Мягков 1987: 201—202), при описании первой серии судебных очерков (о второй краевед не знает) допустив множество грубых фактических ошибок, которые через шесть лет были скрупулезно перенесены в книгу «Булгаковская Москва» (Мягков 1993: 59—60, 208). К тому же Б. С. Мягков не предпринял попытки вскрыть взаимосвязи газетных материалов и ЗК, ограничившись туманным предположением, что, возможно, «дела уголовных элементов Булгаков перенес в свою явно московскую пьесу <...> с берегов Невы» (Мягков 1993: 59).

Но высказана эта догадка была столь неубедительно, что В. Гудкова, комментировавшая пьесу (Булгаков 1990а), даже не сочла возможным сослаться на работу Б. С. Мягкова. К тому же он (Мягков) не проанализировал и культурно-политический контекст, внутри которого появились судебные очерки, а вслед за ними и ЗК. Контекст же очень важен: в самый разгар борьбы ЦК и ЦКК с развратом и «половым хаосом» Булгаков смачно изображает «соблазнительный предмет», с которым эта борьба велась. Эксплуатируя модную тему, писатель *назло партии* создал откровенно «клубничный» фарс, вдохновившись эпатажным газетным материалом и прихотливо его трансформировал.

В вечернем выпуске «Красной газеты» первая серия статей под заглавием «Ленинградские “маркизы де-Сад”»: Дело о притонах разврата» публиковалась 1 и 7—15 октября 1924 г. Вторая серия, названная «“Господа Сечинские”: Дело о притонах разврата» вышла ровно (!) полгода спустя, 7—15 апреля 1925 года. Как выяснилось из газетных публикаций, сопоставление со знаменитым маркизом имело веские основания, ибо подробности судебных очерков, действительно, напоминали «120 дней Содома».

«Он укладывает шесть девиц на свой обеденный стол, у каждой в задку по огарку свечи; тем временем он неторопливо ужинает» (Сад де 1993: 256).

«Он обходит четырех женщин и наносит каждой по шестьсот ударов розгами» (Сад де 1993: 259).

«Он гасит в большом количестве свечи в ее щелке, заднице и о ее груди» (Сад де 1993: 272)¹⁵.

Нарочитая «симметрия» (разница в полгода, соблюденная с точностью до одного дня; судебный процесс, оба раза освещавшийся в газетах в течение ровно девяти дней), наводит на мысль о тщательно подготовленных спектаклях¹⁶. Судили «бывших», судили весь «старый мир», русскую культуру модерна, дореволюционный «декадентский» образ жизни, судили людей, которым, как тогда объявляли, нет и не может быть места в новой жизни.

«Пролетарский суд, — вещал общественный обвинитель Некрасов, — отвернул занавес, и мы увидели не “измученную интеллигенцию”, <...> мы увидели ис-

тинное лицо и истинные занятия буржуазной интеллигенции!.. Кто сейчас перед нами? Тростянская — быв. содержанка бывшего генерала Дутого, приятельница кн. Путьято <...>»¹⁷.

Процесс в Ленинграде над «господами Сечинскими» был одним из первых в ряду большевистских судебных спектаклей над интеллигенцией. Пытаясь ее скомпрометировать, ей приписали «богемность», а к интеллигентам отнесли проституток с «интеллигентным» прошлым и нэпманов¹⁸. Совершенно в духе времени писатели и проститутки оказались в одном социальном разряде — «свободная профессия» (в смысле финансовой независимости от пролетарского государства, от службы ему). 4 сентября 1925 г. К. И. Чуковский записал в дневнике: «Свободная профессия — в современном русском быту — это нечто не слишком почтенное. 2-го сентября судили какую-то женщину, и одна свидетельница на суде оказалась нашей сотоваркой:

“Леля с Казанской улицы” — совсем молоденькая, в скромном синем костюме, на вопрос: чем занимаетесь? — отвечает громко и отчетливо, даже с бравадой:

— Свободной профессией!

— Какою же?

— Я — проститутка!» (Чуковский 1991: 349—350).

Атаки на «свободные профессии» велись со всех сторон и всеми способами. В апреле того же 1924 года, когда власти Ленинграда организовали первый суд над «сечинскими», после чтения Ахматовой «Новогодней баллады» (где был упомянут Н. С. Гумилев) на вечере «Русского современника» (17 апр. 1924 г.) она «решением ЦК была изъята из обращения до 1939 г.» (Ахматова 1989: 14). В этом же году власти объявили настоящую войну «Русскому современнику», последнему прибежищу «бывших». И не случайно за месяц до процесса над ленинградскими «маркизами де Сад» в той же «Красной газете» появилась примечательная статья «Пыль».

«Вот они — вытряхнутая революцией людская труха, те, кого привычный глаз наш метит красноречивым ярлычком: “бывшие люди”. <...> Ведь это так исторически законно и возможно, что какой-нибудь ограни-

ченый сенатор доживает свой век в ночлежном доме губсобеза, а его какая-нибудь тоже знатная родственница пляшет и поет нелепую “шансонетку” по дворам <...> Не все ли равно: пыль, гонимая ветром, попасть может в разные поры! На то она — только пыль...» (Эм-ка 1924)¹⁹.

«Приказ направить все силы на борьбу с пагубным влиянием остатков интеллигенции был дан сверху, и можно себе представить, с каким радостным усердием принялась за осуществление этого призыва мелкая коммунистическая сошка <...>», — писали «Последние новости», характеризуя Г. Зиновьева как *застрельщика* «борьбы на культурном фронте» (Отшельник 1924).

А некто Б. Филистинский в 1944 г. в издававшейся в Берлине газете вспоминал: «В 1924 году, в Невской столице, уже переименованной в Ленинград, мы составили не один подпольный кружок. Да, уже подпольный. Ибо наступили годы, когда ни о каком открытом занятии философскими системами идеализма, не говоря уже о критике марксистской идеологии, нельзя было и думать. Да, конечно, мы вовсе не занимались политикой в собственном и узком смысле этого слова. Мы занимались лишь общими вопросами мировоззрения. Но и этого было достаточно» (Филистинский 1944).

В этой обстановке развернутого наступления на интеллигенцию и начинался процесс над содержательницами «притонов разврата», которые к интеллигенции не имели ни малейшего отношения, но, по замыслу властей, должны были «дионисическую» интеллигенцию *символизировать*.

Примечания

¹ С. Якубовский — автор коммунистического гиньоля — пьесы «Беда» (1921); вероятно, служил в Киевском гублите или реперткоме.

² Из множества фамилий притонодержателей привлекают внимание — в связи с ЗК — две: Лю-Фу-Сен, содержатель притона курильщиков опиума на Садовой-Спасской, 19 (см.: Вечерняя Москва. 1925. 1 июня) и

Джюль-Узолин (Аноним 1925в), напоминающая о китайце Газолине.

³ Речь шла об афере Гурко-Лидваля (Gurko 1939: 506—509).

⁴ В «Записках из подполья» описан «модный магазин», ночью превращающийся в веселый дом: «Днем и в самом деле это был магазин; а по вечерам имеющим рекомендацию можно было приезжать в гости» (Достоевский 1973: 151).

⁵ Модерн после 1917 года стал заманчивым символом прежней жизни. В набросках повести о Гражданской войне, которые А. Малышкин делал в 1923—1925 гг., он изобразил «когда-то полуевропейский отель», занятый Красной армией. Характерно, что описание отеля воспроизводит именно дух модерна, так и не уничтоженный революцией: «<...> В коридорах и номерах сохранялось еще кое-что от отеля — портьеры, ковры, шикарная когда-то мебель модерна <...>» (Малышкин 1983: 170). В 1925 г. эти обломки «шикарной» жизни опять поднялись в цене, прежде всего, в среде богатой сов- и партэлиты, для которой *шик модерна* был детским образом «рая».

⁶ О культурном многоязычии подробнее см.: Золотоносов 1989: 119—120.

⁷ «Люди 20-х годов в удовольствиях видят форму компенсации за нанесенный им ущерб: наслаждение жизнью должно заменить утраченные жизненные идеалы. <...> В 20-е годы то тут, то там вырываются на поверхность грубые витальные силы и вместе с тем утверждается беззаботный, легкомысленный стиль поведения» (Зингерман 1979: 242).

Характерна история, рассказанная в книге журналиста «Правды» Матвея Либермана. Он писал про бухгалтера Убыльского и его сначала любовницу, а потом жену Симу Виан. Ему было под сорок, а ей семнадцать, когда в 1919 году, в самое голодное время, она стала его любовницей. Он тогда был завхозом ЦУПВОСО (Центрального управления военных сообщений), она там же — лифтершей и курьером. Затем Убыльский бросил жену, стал жить с Симой. «Серафима Виан восприняла объявленную к тому времени новую экономическую политику как разрешение “начальства”

вновь пользоваться хорошей жизнью, что означало, по ее мнению, иметь возможность тратить деньги на дорогие наряды, приятно и весело проводить время <...>» (Либерман 1931: 141). Вскоре Убыльский стал бухгалтером Государственной карточной монополии. Боязнь потерять Симочку «превратила его в бессловесного и послушного раба жены; она всячески третировала его и изводила причудами своего взбалмошного и капризного характера» (Либерман 1931: 142). Вскоре Сима поступила в школу классической буффонады (Москва), а Убыльский стал там коммерческим директором. Причиной такого его поступка стало открытие им у себя на службе в 1924 г. возможности похищать государственные деньги. На эти деньги в школе готовилась постановка «Дон-Жуана» (премьера 16 июня 1926 г.), Убыльский же вел жизнь мецената-миллионера, оплачивая «дорогие ужины с устрицами, шампанским и фруктами в фешенебельных ресторанах» (Либерман 1931: 149) и декларируя свою любовь к искусству. В итоге афера раскрылась, сумма хищений составила 43 тысячи 254 рубля. Убыльский вместе с подельником Лобановым был расстрелян. Аналогичный сюжет с «меценатом» использовал в «Воздушном пироге» Б. С. Ромашов, создавший образы коммерческого директора Семена Рака и «примадонны» Риты Керн.

⁸ Не менее важными в 1920-е гг. оказались в «нэповском модерне» по-своему осмысленные эпатаж, погоня за красотой, вызов общепринятому, фантастика, отказ от голого утилитаризма, орнаментальная «бесмыслица», отказ от логоцентризма, влияние Востока, алогизм, «декадентство», конструирование «искусственного тепличного мира для узкого круга привилегированных лиц», снобизм, усталость, пресыщенность.

«Стиль модерн возник на волне довольства, он утверждал, а не отрицал. Он был устремлен в настоящее, а не в будущее» (Бачелис 1993: 63).

Модерн характеризуется общедоступностью пропагандируемой им красоты (Сарабьянов 1989: 14), а гротеск превращается в нем в ироническое любование китчем, художественной пошлостью, от которой не спрятаться нигде (Сарабьянов 1989: 15).

В «нэповском» же модерне 1920-х годов ирония исчезает, художественная пошлость делается серьезной.

⁹ Кстати, именно такой женщиной была Л. Е. Белозерская, *вторая жена* (до октября 1932 года). *Первая* олицетворяла спокойный провинциальный XIX век; *третья* — буйный любовный дух и агрессивную страсть, запечатленную в образе Маргариты.

О связанных с Л. Е. Белозерской «швейных делах» в «пречистенской среде» см.: Чудакова 1988б: 311—312, 313—314.

На вопрос Л. Паршина, рвался ли Булгаков к славе, первая жена, Т. Кисельгоф, с обидой ответила: «Очень рвался, очень рвался. Он все рассчитывал, и со мной из-за этого разошелся. У меня же ничего не было больше. Я была пуста совершенно. А Белозерская приехала из-за границы, хорошо была одета, и вообще у нее что-то было, и знакомства его интересовали, и ее рассказы о Париже... Толстой так похлопывал его по плечу и говорил: “Жен менять надо, батенька, жен менять надо”. Чтобы быть писателем, надо три раза жениться, говорил» (1991: 102).

10 Ср. с заметкой о суде по делу ресторана «Бар» (Москва, март 1925 г.): тут видна та же социалистическая ненависть. «Зал Губсуда, может быть, впервые <...> увидел такую публику. Оголенные плечи, декольте, запах пудры и духов, смешанный с горьким миндалем.. На первых двух скамьях “цвет” сцены кабаре “Бар”: свидетельницы, они же и потерпевшие. Это те, которых сводили “владельцы белых рабынь” с нэпманами из посетитель» (М-ва 1925). Запах миндаля отсылает к тексту ЗК: Аметистов предлагает миндаль Гусю (Булгаков 1989: 191).

Можно предположить, что Булгаков со своей «ненавистью социалиста» просто подчиняется идеологическим штампам. Но это не так.

¹¹ В одном из вариантов ответственная заказчица Зойкиного ателье именовалась «Ларисой Карловной» (Булгаков 1989: 365), что пародийно воспроизводило имя героини романа С. Ричардсона «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов», намекая на актуаль-

ные и в 1920-е годы принципы *брака по расчету*, которые родители внушали Клариссе: «Я тебе говорила, и ты не можешь позабыть, что требуются из Лондона образчики самых богатых материй. <...> Материи сии самые новейшие и лучшие, какие только можно было найти. Мы желаем, чтобы они приличны были достоинству, которое мы в свете занимаем <...>».

Отец твой хочет тебе подарить шесть перемен полного платья со всеми приборами, из коих одна совсем новая <...>. Г. Сольмс (ненавистный жених, выбранный родителями — М. З.) намерен тебе поднести убор из алмазов <...>. Итак, возражения твои против качеств такого человека, о котором ты не столь хорошее имеешь мнение, как бы надлежало, не имеют <...> истинного основания <...>» (Ричардсон 1791—1792: 195—197). Не менее вероятно, что под «Ларисой Карловной» Булгаков имел в виду *Ларису* Рейснер, которая, по слухам, в последние годы своей жизни была любовницей *Карла* Бернгардовича Радека.

¹² От «Эсфирь» (евр. Esther), героини иудаистической мифологии, главного персонажа Книги Есфири. С мифом связан мотив собирания Ксерксом прекрасных девиц со всего царства, из которых Эсфирь была отобрана как самая красивая и стала царицей. Этот сюжет объясняет смысловую связь названия салона мод и его тайной сути. Последняя не столько криминальна, сколько мифологична: *подлинная власть над человеком — это власть над его гениталиями, без власти над гениталиями нет власти над человеком*. В 1925 г. Булгаков коснулся этой темы в ЗК и подробно рассмотрел в «Собачем сердце». Отголоски остались в дневнике, где в ночь на 28 дек. 1924 г. было записано: «<...> Подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко <...>».

¹³ Об этом же писал И. А. Бунин в «Окаянных днях» в связи с фигурой А. М. Коллонтай: «Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток» (Бунин 1990: 116).

Булгаков изобразил этот женский тип в образе Аллы Вадимовны, предвосхитив роман Жозефа Кесселя «Belle

de jour» («Дневная красавица»), написанный в 1929 г. Дневную красавицу зовут Северина — женский вариант героя-мазохиста по имени Северин из «Венеры в мехах». В фильме Л. Бунюэля первый разговор 23-летней Северины с хозяйкой публичного дома мадам Анаис напоминает диалог Аллы (ей 25 лет) и Зойки: «Анаис. Вы милы, вы свежи, вы в том жанре, который здесь в ходу. (*Северина опускает глаза*). О, я хорошо знаю, вначале это довольно трудно, но у кого же иногда не было нужды в деньгах? (*Она берет Северину за подбородок и говорит, глядя ей в глаза*). Половина вам, половина мне. У меня расходы...

Северина. Я вам очень благодарна. (*Встает*). Но мне надо идти» (Бунюэль 1992: 120).

Несомненно, что красавица Алла Вадимовна не только нуждается в деньгах, но и обнаруживает мазохистское наслаждение в продаже себя.

В то же время и Северина из «Дневной красавицы», и Алла из ЗК — это плоды однотипных мужских фантазий, в которых женщина должна доставаться за деньги и в публичном доме. Не случайно страсть Гуся вспыхивает с новой силой, когда он получает Аллу униженнсь, полуголой, продажной «женщиной общего пользования». Это тот классический случай, о котором писал З. Фрейд в статье «Об особом типе “выбора объекта” у мужчины»: «<...> Чистая, вне всяких подозрений, женщина никогда не является достаточно привлекательной, чтобы стать объектом любви, привлекает же в половом отношении только женщина, внушающая подозрение» (Фрейд 1989: 96), кокетка, «жрица любви». Этот аспект надо серьезно учитывать при анализе чувств, которые Булгаков испытывал ко второй жене, привезенной из Берлина И. М. Василевским в качестве жены собственной: поводы для ревности, которые Любовь Евгеньевна все время давала, Булгакова явно возбуждали. Ср. со сценкой «Стенограмма» (Булгаков 1990б: 103—104), в которой Булгаков изобразил телефонный разговор с пьяным знакомым «кошечки» по манежу, *Константином Аполлоновичем*. Этот персонаж — тот самый Грек, Третий, садистский мужчина из «Венеры в мехах», которого Ж. Делез считает обя-

зательным компонентом мазохистского фантазма (см.: Захер-Мазох 1992: 239—246). Вероятно, по этой причине столь важное место в дневнике Булгакова «Под пятой» занял И. М. Василевский.

Что же до самой Л. Е. Белозерской, то «подозрение», надо полагать, внушали рассказы о ее заграничной жизни, скажем, о том, как она танцевала в «Folies Bergeres»: «<...> Серебряный лиф, юбка из страусовых перьев двух тонов <...>. Для вальса Крейсlera (подразумевалось, я — юноша) мне сшили полупрозрачные штанишки, украшенные маленькими ромашками» (Белозерская-Булгакова: 59).

Образ «женщины под подозрением» Булгаков зафиксировал в «Беге» (Серафима).

¹⁴ В генеральном алфавитном каталоге РНБ (Петербург) указано, что «Эрнест Гард» — это псевдоним писателя Гарда Николая Александровича, автора брошюр: «Голова в 10000»: Убийство Судейкина. Л.; М., 1924; Заметки судебного репортера. Л., 1926; Рассказы. Л., 1926 и др. Э. Гард публиковался также в журнале «Суд идет!» (1924—1925 гг.).

¹⁵ Вполне вероятно, что Сергей Якубовский, автор хамской рецензии на спектакль ЗК в «Киевском пролетарии» [(см. *эпиграф*),] имел в виду этот же роман де Сада. В «120 днях Содома» Дюкло рассказывает среди прочих об одном извращении, связанном с иступленным, экстатическим пожиранием того, что извергается при рвоте (Сад де 1993: 101). Может быть, не случайно С. Якубовский обрушился на «нэповскую» извращенную публику, которая с восторгом пожирала «объедки»?

¹⁶ Можно не сомневаться, что акция с разоблачением «притонов разврата» была тщательно спланирована заранее, что губернский суд в Ленинграде действовал по указаниям из Москвы, где 3 окт. 1924 г. открылся II пленум ЦКК, на котором с докладом «О партэтике» 5 окт. выступил Ем. Ярославский. После доклада Ярославского состоялись прения, а после них Ярославский выступил с заключительным словом.

Накануне открытия пленума «Правда» поместила большую статью Ем. Ярославского все под тем же

заголовком «О партэтике», где, в частности, указывалось на недопустимость «безумной растраты половой энергии на половой почве» (Ярославский 1924а). Эта мысль вместе с идеей о том, что надо запретить половую жизнь в раннем возрасте, была основной и в докладе (специальный раздел «Семейные отношения»).

Доклад был напечатан в составе стенографического отчета о пленуме (Ярославский 1924б). В переработанном виде и под другим заголовком доклад Ярославского был вскоре опубликован в кн. «Половой вопрос» (Ярославский 1925). Там же напечатали и заключительное слово на пленуме ЦКК (в книге оно названо «О половой распущенности»).

Симптоматично, что дата: «26 окт. 1924 г.» стоит под предисловием, которое написал ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова М. Н. Лядов к книге А. Б. Залкинда «Революция и молодежь», включавшей знаменитые 12 половых заповедей. XI заповедь требовала: «Не должно быть половых извращений», а XII объявляла: «Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая» (Залкинд 1925: 89—90).

Что касается *апрельской акции 1925 года*, то еще 24 марта 1925 г. в «Правде» появилась большая статья сотрудника аппарата ЦКК С. Н. Смидович (1872—1934) «О любви»: «Неблагополучие в области половой жизни широких слоев нашего пролетарского юношества стало почти общим местом <...> Мещанством как раз следует квалифицировать индивидуалистический подход к вопросам, связанным с деторождением, стихийное, почти мистическое отношение к половому влечению <...> Самое невоздержанное животное — это буржуа, давший волю всему своему прогнившему естеству. Отношение к женщине как к самке, которая должна служить орудием наслаждений для своего господина, — это наследие неизжитого еще нами прошлого» (Смидович 1925а).

На эту статью С. Н. Смидович откликнулась

А. М. Коллонтай материалом «О любви и еще кое о чем» (Коллонтай 1925). Естественно, были отклики и «на местах». Скажем, в газете ленинградского ГИМЗ (Государственный институт медицинских знаний), многотиражке «Ленинские всходы», в номере за 6 апр. 1925 г., некий Брянский откликнулся на статью С. Н. Смидович заметкой «О нашей болезни»: «Мы рискуем получить из пролетарского студента буржуазную слякоть. Вот примерно высказанный взгляд одного комсомольца о быте на комсомольском собрании: “Сегодня ел репу, завтра она уже не вкусна, хочется редьки, так и женщина — одна приедается”. За что это говорит. Это говорит за то, что данный комсомолец болен налетом буржуазной идеологии» (Брянский 1925; Залкинд 1925б; Смидович 1925б).

29 марта 1925 г. «Правда» сообщила о том, что в Московском губернском суде слушается дело о сводничестве. Обвиняемые:

1) Ирин — Бейлиц — Гейман Александр Семенович, 36 лет, гражданин гор. Москвы, по профессии артист-юморист;

2) Розенталь Яков Данилович, 31 года,

3) Алексеев Александр Гаврилович, 48 лет.

Первый — зав. программой и конферансье ресторана «Бар»; второй — зав. рестораном, третий — распорядитель. Помимо сводничества все трое вербовали женщин для проституции. См. также заметки об этом суде в «Правде» (1925. 31 марта, 4 апр.), «Известиях» (1925. 7 апр.) и «Вечерней Москве» (1925. 26 марта, 28 марта, 31 марта).

Одновременно с публикациями в «Красной газете» состоялся диспут «Любовь, быт и половая жизнь» в б. театре «Аквариум» 12 апр. 1925 г., на котором с докладом «Вопросы полового воспитания» выступил нарком Н. А. Семашко (Семашко 1925а; Семашко 1925б).

Тогда же, 15 апр. 1925 г., в ленинградском губернском суде состоялось заседание по делу ксендза Уссаса Бронислава Матвеевича, члена делегации Польской республики, прибывшей после подписания Рижского мирного договора. Это дело очень широко освещалось в печати. Уссас спускал со своих сотрудниц панталоны

и сек по обнаженным половым органам и ягодицам (Уссас 1925: 402—403).

В печати подчеркивалось, что 39-летний ксендз был сыном врача, уроженцем Парижа, имел высшее образование. Его отец, Матвей Станиславович Уссас (1841—1907) в 1870-е гг. был ординатором Калинкинской больницы; зафиксирована его статья «К вопросу о прививке сифилиса и шанкра» (Уссас 1874).

Из обвинительного заключения: «Вскоре, по поступлении ее машинисткой в польскую делегацию, Я., по приказанию Уссаса явилась на службу в 9 часов утра. Здесь ей Уссас предложил отнести какие-то книги чуть ли не на чердак, и там, закрыв на ключ двери, Уссас набросился на Я., повалил ее на ящики, сорвал панталоны и высек по голому телу розгами раз десять, после чего предложил поцеловать эти розги, что Я. и исполнила. Во время сечения, по словам Я., Уссас был “каким-то ненормальным”. Подвергалась она этой экзекуции раз шесть-семь» (Уссас 1925: 403).

«В миссии все были осведомлены о “тайне кабинета Уссаса” и его “знаменитого ведра с розгами”... Служащие так прямо и спрашивали “барышень”:

— Ну что, получили уже сегодня розочки?.. (Гард 1925). На суд в Ленинград Уссас был доставлен из Москвы 6 апр. 1925 г., содержался в ДПЗ; пользуясь дипломатической неприкосновенностью, вскоре вернулся в Польшу, несмотря на приговор — 6 лет строгой изоляции. (См. также: М. Д. 1925; Аноним 1925а; Аноним 1925б).

Таков контекст, в котором возникли очерки о «господах Сечинских» и основанная на этом газетном материале ЗК.

¹⁷ «Дутый» — искажение фамилии «Дутов»; «кн. Путьято» — искажение фамилии князя Путьятина (ср.: Ленинградская правда. 1924. 12 окт.). Впрочем, существовал и князь Всеволод Владимирович Путьята (1869—1936). Под церковным именем «Владимир» был известен как епископ Кронштадтский, Омский, Полоцкий, архиепископ Донской и Пензенский.

Но истинность обвинений в суде и газетных сообщениях никакого значения вообще не имела, ибо «само

рассуждение есть насилие» и «должно разделяться слушателем, к которому оно обращено, не в большей степени, чем удовольствие — тем объектом, который его доставляет» (Делез 1992: 195).

Иначе говоря, бездоказательные рассуждения — это прерогатива насильников, в роли которых выступили судьи, обвинители, адвокаты, газетчики. В итоге судебный процесс над насильниками-садистами превратился в гипернасилие государства над старым миром. Подсудимые оказались метонимией «буржуазной интеллигенции», а судьи — садистами, получающими наслаждение от издевательств над ней, от смакования подробностей в закрытых заседаниях.

18. Для такого «смешивания» характерен вульгарирующий контекст, внутри которого развернулась полемика о творчестве Ахматовой в 1923 году. В «Молодой гвардии» выходят одна за другой: статьи старого большевика Пантелеймона Лепешинского (1868—1944) «Проблемы любви» (Лепешинский 1923); статья А. М. Коллонтай об Ахматовой (Коллонтай 1923а) и знаменитая статья той же Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу!». А в «Красной нови» Полина Виноградская в статье «Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай» уже специально обращает внимание на проповедь «половой контрреволюции» в стихах Ахматовой: «Усиление интереса к вопросам пола, любви; увеличение удельного веса этих вопросов в литературе в период не законченной классовой борьбы должно говорить об усилении реакционно-буржуазно-дворянских тенденций за счет пролетарских; о передвижке в идеологической области от революционного класса в сторону его классовых врагов» (Виноградская 1923: 206). Естественно, что П. Виноградская цитировала и знаменитую строчку о «бражницах» и «блудницах», тем самым закладывая традицию, подхваченную впоследствии А. А. Ждановым.

¹⁹ Через два года веселые соавторы, булгаковские знакомцы, с радостью писали: «Она шла по двору, тяжело передвигаясь на плоских ступнях. Ее полуразвалившийся бюст вяло прыгал в перекрашенной кофточке. На голове рос венчик седеющих волос. Она была старухой, была грязновата, смотрела на всех по-

дозрительно и любила сладкое. Если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда не узнал бы Елены Боур, старой своей возлюбленной <...>» (Ильф, Петров 1986: 49).

Таков взгляд детей, для которых пятьдесят лет — преддверие смерти, а радостная ненависть к старости естественна в силу «возрастного расизма». Такому отношению и учила советская пропаганда. Не случайно на женских портретах В. В. Лебедева 1933 года женские груди и соски распирают майки, стремясь в экстазе наружу.

(Окончание следует)

Библиография

Аноним 1925а — Аноним. К делу Усаса: Перед началом процесса // Красная газета. Веч. вып. 1925. 15 апреля.

Аноним 1925б — Аноним. Осуждение ксендза Усас // Медицинский работник. 1925. № 16. 25 апреля (2 с. обл.).

Аноним 1925в — Аноним. Еще притон разврата // Красная газета. Веч. вып. 1925. 18 июня.

Ахматова 1989 — Ахматова А. А. Из дневниковых записей // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 62—77.

Белозерская 1988 — Белозерская Л. Е. Страницы жизни // Воспоминания о Михаиле Булгакове. — М., 1988. С. 192—236.

Белозерская-Булгакова 1989 — Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1989.

Боровиков 1990 — Боровиков С. Г. «Нечто, снятое с якоря...» // Волга. 1990. № 10. С. 159—169.

Британ 1990 — Британ И. Ибо я большевик! Или неизвестное письмо Н. Бухарина // Наш современник. 1990. № 8. С. 152—159.

Брянский 1925 — Брянский. О нашей болезни // Ленинские всходы. 1925. 6 апреля.

Булгаков 1989 — Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Л., 1989.

Булгаков 1990а — Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1990.

Булгаков 1990б — Булгаков М. А. Стенограмма // Русская литература. 1990. № 3. С. 103—104.

Бунин 1990 — Бунин И. А. Окаянные дни: Воспоминания. Статьи. М., 1990.

Бунюэль 1992 — Бунюэль Л. Дневная красавица // Искусство кино. 1992. № 6. С. 111—142.

Виноградская 1923 — Виноградская П. С. Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай // Красная новь. 1923. № 6.

Гард 1924 — <Гард Н. А.>. Э. Г. Ленинградские «маркизы де-Сад» // Красная газета. Веч. вып. 1924. 13 октября.

Гард 1925 — <Гард Н. А.>. Э. Г. Дело Усаса в губсуде // Красная газета. Веч. вып. 1925. 16 апреля.

Делез 1992 — Делез Ж. Представление Захер-Мазоха // Захер-Мазох Л., фон. Венера в мехах. М., 1992. С. 191—313.

Джойс 1993 — Джойс Дж. Улисс. М., 1993.

Д'Ор 1925 — Д'Ор О. Л. Лидвалиада // Красная газета. Веч. вып. 1924. 22 августа.

Достоевский 1973 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 5. Л., 1973.

Залкинд 1925а — Залкинд А. Б. Революция и молодежь. М., 1925.

Залкинд 1925б — Залкинд А. Б. Молодежь и любовь // Вечерняя Москва. 1925. 27 мая.

Захер-Мазох 1992 — Захер-Мазох Л., фон. Венера в мехах. М., 1992.

Зингерман 1979 — Зингерман Б. И. Очерки истории драмы 20 века. М., 1979.

Золотонос 1989 — Золотонос М. А. Концепция личности в советском драматическом театре 1920-х годов: Диссертация. Л., 1989.

Ильф, Петров 1986 — Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1986.

Кириченко 1978 — Кириченко Е. И. Русская архитектура 1890—1910-х годов. М., 1978.

Коллонтай 1923а — Коллонтай А. М. Письма к трудящейся молодежи: Письмо 3-е. О «Драконе» и «Белой птице» // Молодая гвардия. 1923. № 2. С. 162—174.

Коллонтай 1923б — Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 110—124.

Коллонтай 1925 — Коллонтай А. М. О любви и еще кое о чем // Правда. 1925. 3 апреля.

Кондурушкин 1927 — Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом: Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918—1926 гг. — М.; Л., 1927.

Лепешинский 1923 — Лепешинский П. Н. Проблемы любви // Молодая гвардия. 1923. № 1. С. 94—111.

Либерман 1931 — Либерман М. Романы новой жизни. М., 1931.

М. Д. 1925 — М. Д. Католическая церковь — Усас — Сечинский // Красная газета. Веч. вып. 1925. 14 апреля.

М-ва 1925 — М-ва З. Торговцы «живым товаром»: Зарисовки с натуры // Вечерняя Москва. 1925. 28 марта.

Мальшкин 1983 — Мальшкин А. Г. Без заглавия. Из незаконченной повести о гражданской войне // Из истории советской литературы / Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 161—189.

Мягков 1987 — Мягков Б. С. Зойкины квартиры // Нева. 1987. № 7. С. 201—202.

Мягков 1993 — Мягков Б. С. Булгаковская Москва. М., 1993.

Николаев 1925 — Николаев П. Ресторанные нравы: (Впечатления) // Известия. 1925. 7 апреля.

Отшельник 1924 — Отшельник. Нажим на «культурном фронте»: Письма из Петербурга // Последние новости (Париж). 1924. 14 октября.

Паршин 1991 — Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991.

Ричардсон 1791—1792 — Ричардсон С. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов. СПб., 1791—1792.

Сад де 1993 — Сад А.-Ф., де. 120 дней Содома. М., 1993.

Сарабьянов 1989 — Сарабьянов Д. В. Стилль модерн: Истоки. История. Проблемы. М., 1989.

Семашко 1925а — Семашко Н. А. Половой вопрос. М., 1925.

Семашко 1925б — Семашко Н. А. Отчет о диспуте в б. театре «Аквариум» // Правда. 1925. 15 апреля.

Смидович 1925а — Смидович С. Н. О любви // Правда. 1925. 24 марта.

Смидович 1925б — Смидович С. Н. Молодежь и любовь // Вечерняя Москва. 1925. 27 мая.

Уссас 1925 — Дело Уссаса в Ленинградском Губернском Суде 15 апреля 1925 г. // Суд идет! 1925. № 7. С. 385—442.

Уссас 1874 — Уссас М. С. К вопросу и прививке сифилиса и шанкра // Медицинский вестник. 1874. № 31—34.

Федотов 1991 — Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. — СПб., 1991. — С. 66—101.

Филистинский 1994 — Филистинский Б. Подпольные кружки молодежи в СССР // Новое слово (Берлин). 1944. 27 февраля. № 17 (607).

Фрейд 1989 — Фрейд З. Психология сексуальности. [Вильнюс. 1989].

Ходасевич 1982 — Ходасевич В. Ф. Письмо Г. И. Чулкову // Александр Блок: Новые материалы и исследования / Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982.

Чудакова 1988а — Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.

Чудакова 1988б — Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Изд. 2-е. М., 1988.

Чуковский 1991 — Чуковский К. И. Дневник: 1901—1929. М., 1991.

Шкловский 1963 — Шкловский В. Б. Лев Толстой. М., 1963.

Эм-ка 1924 — Эм-ка. Пыль // Красная газета. Веч. вып. 1924. 6 сентября.

Якубовский 1926 — Якубовский С. Уборщик Зой-

киной квартиры // Киевский пролетарий. 1926. 29 октября.

Якубовский 1929 — Якубовский С. Пройдохи и графоманы: Из сорной корзины Гублита и реперткома. Киев, 1929.

Ярославский 1924а -- Ярославский Е. М. О партэтике // Правда. 1924. 2 октября.

Ярославский 1924б — Ярославский Е. М. О партэтике // Пленум Центральной контрольной Комиссии РКП(б) созыва XIII съезда партии: Стенографический отчет. М., 1924.

Ярославский 1925— Ярославский Е. М. Семейные отношения и половой вопрос; о половой распущенности // Половой вопрос. М., 1925. С. 4—8.

Gurko 1939 — Gurko V. Features and figures of the past // The Hoover Library on War, Revolution and Peace. Publication № 14. Stanford; L., 1939.

Э. Найман
Беркли

«Из истины не существует выхода» — Андрей Платонов между двух утопий

Вторая половина 30-х годов — чрезвычайно сложный и плодовитый период в творчестве А. Платонова. Хотя и в конце предыдущего десятилетия Платонов писал невероятно быстро и много, 1936—1940 годы изобилуют именно опубликованными работами — писатель стал более приемлемым для советской общест-венности. Исследователи оценивали по-разному значение этого процесса; М. Геллер оспаривает взгляд целого эшелона критиков, считающих, что стиль и сюжеты Платонова в это время изменились к лучшему (Геллер 1982: 351). В настоящей статье, основываясь на опубликованных и неопубликованных материалах, мы постараемся пролить свет на то, как Платонов сам воспринимал процесс своего сближения с мировоззрением «писателей и прочих примазавшихся к ним людей» (Платонов. Среди животных и растений: 27), редакторов и вождей.

В конце рассказа «Бессмертие» герой приходит к печальному выводу, что как бы ни была важна или даже бессмертна его работа в качестве начальника железнодорожной станции, ему не будет места в завтрашнем коммунистическом обществе.

«Какой он скучный человек! Разве может с ним интересно жить какой-нибудь другой человек? Едва ли!.. Сколько еще осталось жизни? Ну лет двадцать, нет — меньше, надо прожить скорее; ведь неудобно будет в светлом мире, в блестящем обществе существовать такой архаической фигуре [...]

Расширенный вариант настоящей статьи публикуется журналом «Новое литературное обозрение» 1994. № 9.

Левин вспомнил детей, когда они слушают слепого старика. Они не понимают его слов и не придают им значения. Они смотрят на его глаза, на ветхое лицо, их интересует лишь, что он старый, слепой, а не умирает: они бы на его месте умерли» (Платонов 1984: 174).

Это мрачное настроение и ощущение безнадежности характеризуют творчество Платонова в середине 30-х годов. Маленькие отрывки из переписки с женой, которые опубликованы к настоящему времени, свидетельствуют о том, что писатель в это время был глубоко несчастлив, равнодушен к темам, раньше стимулировавшим его работу.

«Природа отстала от меня. Легко понять — почему, но говорить неохота... Смерть, любовь и душа — явления совершенно тождественные. Это ты знаешь и без меня хорошо...

Кончим об этом. Я не сумел сделать просто из жизни то, о чем мечтал в ранние годы. [...]

...Я негармоничен и уродлив — и так и дойду до гроба, без всякой измены себе» (Платонов 1975: 173).

Мы знаем слишком мало о жизни Платонова в 1935 и 1936 годах, чтобы сделать окончательные выводы о причинах его депрессии, хотя из переписки ясно, что она сильно влияла на его домашнюю жизнь. Более важной, чем факты его личной биографии, является манера, в которой депрессированное психологическое состояние проникало в его искусство. Его рассказы этого периода по-разному отражают разнообразные попытки автора понять официозную утопию. Как свидетельствует цитированное выше письмо, Платонов решил отстаивать свои ранние мечты. Однако в конце концов он отрекся от них, и его работа все более стала отвечать требованиям официальной политики, нежели космическим, мифологическим задачам, которые он ставил перед собой в начале предыдущего десятилетия. И тем не менее, отступление писателя от своих идеалов привело к созданию нескольких шедевров советской прозы; рассказы Платонова этого времени, прекрасно передающие боль отречения, служат памятниками трагедии советской истории и, в частности, того поколения и класса, к которому Платонов принадлежал.

Ранний утопизм Платонова, главным образом, ос-

новывался на отказе от «мелких дел», на пристрастии к гигантским проектам, и на предпочтении сознания его злейшему врагу — полу. Более того, если «пол — душа буржуазии» (Платонов 1920а: 2), то объект полового желания внушал даже большее отвращение утопическому мечтателю: «Кто больше боялся смерти, тот больше любил женщин» (Платонов 1920а: 3). «Коммунистическое общество, — писал Платонов в 1919 году, — это общество мужчин по преимуществу» (Платонов 1920б: 1). В своих работах второй половины 20-х годов Платонов высмеивал свой юношеский фанатизм, показывая в «Чевенгуре» и «Котловане», куда могла бы привести логика радикальной мысли. Полностью от этого радикализма Платонов, однако, тогда не отказался; этот ранний фанатизм оставался существенным структурным элементом в его прозе, несмотря на то, что он часто представлял в гротескном плане.

Во второй половине 30-х годов Платонов постепенно отходит от своего раннего радикализма, но этот процесс изображается в грустных и приглушенных тонах, далеких от неистовой атмосферы ранних работ, где страстное противостояние действительности и конформизму осязательно выражалось в образах чудовищного насилия. Почти каждое произведение этого времени следует воспринимать как траур по уходящему утопическому идеалу. Отказ от «антисексуальных» аспектов раннего фанатизма и от предпочтения материнского идеала физиологической реальности женщины выдвигается на первый план в рассказе «Река Потудань». Ранее нам уже пришлось комментировать тему отречения (и его фрейдистские обертоны) в этом произведении (Naiman 1988); здесь мы ограничимся замечанием о том, что Платонов иллюстрирует дилемму героя при помощи ленинских цитат об утопии. Так, ленинская ассоциация утопического мышления с «кукольной игрой» (Ленин 1977: 53—54) перекликается с тем, как Никита Фирсов лепит из глины фигуры людей и другие «игрушки», от вида которых клонит ко сну. Напрасная попытка героя избежать половой жизни и найти убежище в жалких остатках антибытовой утопии на базаре в Кантемировке напоминает о ленинском предостережении об излишней мечтательности и его про-

рочестве: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира» (Ленин 1964: 225) (см. эпизод об аресте Никиты на базаре и слова отца, выходящего из отхожего места: «или и отсюда добро воруют?») (Платонов 1978: 104-105).

В «Реке Потудань» квинтэссенция страха перед необходимостью отречения от утопии выражается в описании сна героя, где Никита, в сущности, изнасилован животным, символизирующим естественные, не утопические силы и долго подавляемое половое желание. Нападение этого «слепого, жалкого», «упитанного» «полевого зверька» с его «горячей шерстью» предвещает необходимость героя примириться со «слепой силой» воспроизводства и смерти, с мировоззрением Шопенгауэра, — мировоззрением столь ненавистным для кумира юного Платонова, Н. Ф. Федорова, назвавшего главный труд немецкого философа — «Мир как похоть» (Федоров 1906: 405). Принятие идеи смены поколений и невозможности бессмертия как нельзя лучше выражено в образе, выросшем из авторской записной книжки:

«Сверчок, уже которое лето, жил себе в заваленке дома и напевал оттуда в вечернее время — не то это был тот же самый сверчок, что и в позапрошлом лето, не то внук его» (Платонов 1978: 82; Платонов 1967а: 6).

Это место является художественной переработкой одного из основных принципов Шопенгауэра:

«Растения и насекомые умирают в конце лета, животные и люди после нескольких лет; неутомимо жнет смерть. Но несмотря на это, на самом деле, как будто этого не было, все всегда существует и находится на своем месте, как будто все бессмертно. [...] Спроси себя, отличается ли ласточка этой весны от ласточки первой весны, и не повторялось ли на самом деле чудо сотворения из праха миллион раз, ради того, чтобы тот же миллион раз способствовать процессу уничтожения» (Schopenhauer 1958: 478, 482).

Эта тема смены поколений, как необходимая, но все еще причиняющая горе сторона действительности, выступает особенно ярко в конце рассказа «Третий сын».

«Утром шестеро сыновей подняли гроб на плечи и

понесли его закапывать, а старик взял внучку на руки и пошел им вслед; он теперь привык тосковать по старухе и был доволен и горд, что его также будут хоронить эти шестеро могучих людей, и не хуже» (Платонов 1978: 46).

Заслуживает внимания один момент работы над рассказом. В окончательном тексте третий сын, за которым тревожно следят отец и дочь, стоит над гробом матери:

«Третий сын вдруг выпрямился, протянул руку во тьме и схватился за край гроба, но не удержался за него, а только сволок его немного в сторону, по столу, и сам упал на пол. Голова его ударилась, как чужая, о доски пола, но сын не произнес никакого звука, — закричала только его дочь» (Платонов 1978: 46)¹.

В определенный момент в своей работе, Платонов намерен был объяснить причину этой потери сознания. На полях рукописи он вписал, а потом вычеркнул следующее:

«Опершись обнимающей рукой на мать. От давления его руки внутри матери с бормочащим звуком тронулась жидкость. Третий сын не успел удержаться другой рукой за край стола и упал на пол» (Платонов. Третий сын).

Таким образом, этот рассказ, как и «Река Потудань», содержал момент величайшего ужаса перед физиологическими процессами, но образ, вызывающий сильное отвращение героя, автор вытеснил с поверхности рассказа, подавляя его так же, как свою склонность к утопии. В утопизме Платонова идеи материнства и рождения всегда занимали почетное место, а этот неукротенный, голо физиологический образ, где жидкость «трогается» в гротескном извращении процесса родов, символизирует распад утопической мечты.

В то время, как Платонов мучительно прощался со своим юношеским понятием утопии, он старался заставить себя примириться с другой утопией — сталинской. Можно проследить этот процесс в некоторых текстах, чей «успех» измеряется числом их публикаций в доперестроечной России. Во «Фро» Платонов ближе всего подошел к непроблематичному принятию мира, где «жить стало лучше, жить стало веселее». В. Чалмаев и

А. Жолковский обратили внимание на то, что чеховская «Душечка» послужила прототипом для «Фро» (Чалмаев 1984: 182; Жолковский 1989: 32), [(ср. чеховское «ветеринар уехал [...], уехал навсегда, [...] очень далеко, чуть ли не в Сибирь» (Чехов 1977: 109) и платоновское «он уехал далеко и надолго, почти безвозвратно» (Платонов 1978: 47), чеховское «пожить оседлой жизнью» (Чехов 1977: 111) и платоновское «обратно к оседлой жизни» (Платонов 1978: 47)]. Но при этом нельзя забывать, что «Душечка» повествует о том, как человек строит свой характер в соответствии с требованиями и нуждами других, процесс, к которому Платонов прибегал на метатекстуальном и политическом уровнях. В своей попытке ассимилироваться Платонов ориентировался на другую, более авторитетную героиню XIX века² — Веру Павловну из романа «Что делать?». Во «Фро» слова «счастье» и «радость» упоминаются чрезвычайно часто, даже по сравнению с другими платоновскими текстами. В этом отношении особенно важным является описание танца в рабочем клубе. Почему Фро танцует «в легком сне» (Платонов 1978: 55), для чего она названа «ночной подругой» (Платонов 1978: 55) Наташи? И какие интонации улавливает читатель в Наташиных вопросах: «Что ж, при социализме-то все комнаты такие будут аль нет» (Платонов 1978: 55), и в ответах героини: «Конечно такие», «Ну конечно, нет», «Ну конечно, да!» (Платонов 1978: 55)? Почему в рассказе упоминается вторая Ефросинья, подпись которой похожа на «Еву»? Почему Фро отрицает, что она русская? Что скрывается за вопросом ее «кавалера»: «Ну как же Вас зовут? Мне знакомо Ваше лицо» (Платонов 1978: 55)? С какой целью упоминается «бой цветов», предшествующий танцу? В сущности, сцена в клубе является конденсированной и модернизированной переработкой кульминационной сцены в «четвертом сне» Веры Павловны, повествующей о радостях досуга после рабочего дня в светлом будущем. «И все так будут жить?» — спрашивает Вера (Чернышевский 1975: 286), «это разве простой будничным вечер» (Чернышевский 1975: 288). Фро и ее подруга после нескольких часов физической работы ищут развлечения в клубе. Для юного Платонова такое праздное препровождение

времени было бы неприемлемо — тяжелый процесс завоевания космоса никогда не должен был прерываться. Вторжение Чернышевского в платоновский текст заставляет автора и его героев поверить в то, что аскетизм уже не нужен, что при таких условиях наслаждение не воспрещается:

«Только такие люди могут вполне веселиться и знать весь восторг наслажденья! Как они цветут здоровьем и силою, как стройны и грациозны они, как энергичны и выразительны их черты! Все они — счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения, — счастливицы, счастливицы!» (Чернышевский 1975: 289).

Жолковский блестяще анализирует, до какой степени «Фро» насыщен архетипами: по ходу рассказа «упоминаются» Психея, Эвридика, Ева, Ефросинья, Афродита, Эхо и Мария. Фро могла бы ответить не только своему кавалеру, но и всем своим исследователям:

«У меня много имен. У меня разные имена. Кому как надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью к людям. Это и есть мое настоящее имя» (Чернышевский 1975: 82 — из первого сна).

Создание образа Фро на основе четвертого сна Веры Павловны не лишено, однако, пародийных аспектов. Частое повторение слова «счастье» звучит пустым в контексте рассказа; герои Платонова как будто невольно заставляют себя стать «счастливицами, счастливицами» Чернышевского. Но гораздо более сатирическим был другой рассказ, до сих пор редко переиздаваемый и неоднократно подвергавшийся купированию — «Среди животных и растений». В нашем обсуждении примирения Платонова со сталинизмом мы остановимся на этом рассказе, так как он проливает свет на понимание самим Платоновым этого процесса.

Толчком к созданию рассказа послужило назначение Л. М. Кагановича наркомом путей сообщения и последовавшее за этим сосредоточение внимания страны на труде железнодорожников. 30 июля 1935 года Сталин и Каганович выступили перед героями-железнодорожниками, собравшимися в Кремле; это торжество было увековечено в книге под названием «Люди великой

честь». В предисловии к этой книге подчеркивалось, что все железнодорожники играют важную роль в великих достижениях страны.

«Есть у железнодорожников работники на больших постах и работники, стоящие на небольших постах, но нет на транспорте людей ненужных или незначительных начиная от самых больших руководителей и кончая “малыми” работниками, вплоть до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы, — все велики, все значительны...» (Люди великой чести 1935: 3).

Каганович обратил особое внимание на то, что в стране нет ни одного, даже самого заброшенного уголка, «где [не] расцветает новая светлая жизнь и [не] поднимается новый человек, который победит во всем мире» (Люди великой чести 1935: 10).

26 и 27 января 1936 года члены секции драматургии Союза писателей встретились с железнодорожниками-орденоносцами и обсудили план коллективной работы над книгой «Люди железнодорожной державы», которая должна была рассказать о подвигах героев-железнодорожников. На первом из этих двух собраний В. Ермилов изложил цели книги:

«Л. М. Каганович поставил перед нами вопрос о превращении железнодорожников в самых передовых и самых культурных пролетариев.

Л. М. [Каганович] поставил вопрос о том, что нам необходимо сейчас же на ж[елезно]д[орожном] транспорте создать подлинно-художественную, настоящую литературу. [...]

Нам нужно показать в этой книге настоящих, живых людей, которые были на транспорте в полосе неудачи, а сейчас, под большевистским руководством, поднялись и научились совершать героические дела. [...]

Я считаю, что главный вопрос, который мы должны сегодня решить, заключается в том, что драматургам необходимо заглянуть на транспорт. Необходимо, чтобы драматурги увлеклись той транспортной тематикой, которая сейчас волнует всю страну. [...]

Громаднейшая армия машинистов в этом году по-настоящему начала налаживать свою семейную жизнь. Раньше люди уезжали на 2 суток, а то и больше. Сейчас машинист возвращается в тот же день и живет со своей

семьей. Это чрезвычайно важное обстоятельство, которое должно быть глубже оценено подлинным, настоящим художником при ознакомлении с практической жизнью железнодорожников» (Ермилов 1936).

Платонов был одним из этих «настоящих художников», и решение этой задачи привело к созданию двух рассказов, основанных на подвигах Э. Г. Цейтлина и И. А. Федорова: «Бессмертие»³ и «Среди животных и растений». Вторая работа отвечает почти всем главным элементам ермиловского заказа, но как мы увидим далее, платоновский отклик отражает не подъем и радость, а смущение и тревогу.

Сама по себе задача писать о железнодорожниках для Платонова не была нова, но в этот раз он должен был изображать включение железнодорожников в сталинскую культуру и показать своих героев в контексте нормальной семейной жизни. Раньше поезда часто служили Платонову как средство извлекать героя из буден и из семьи и его вводить в революционную борьбу, а теперь надо было железную дорогу укротить. Этот сдвиг влек за собой важные философские последствия. Творческий путь Платонова можно рассмотреть через философический график с федоровскими и розановскими осями; культурные ценности 30-х годов, выделяющие зажиточность, семью, рост населения и ежедневный комфорт, могли склонять Платонова в сторону взглядов второго философа. Розанов, конечно, громко объявил о своем отвращении перед всякими формами утопизма: «Какая же чепуха эти “Солнечный город” и “Утопия”: суть коих вечное счастье. [...] Это не “будущее”, а смерть» (Розанов 1970: 102). Презирая аскетические проекты для коренного преобразования общества, он возносил очаг, супружескую любовь и роды. Уникальным, извращенным пафосом 30-х годов, однако, можно считать процесс, по которому точно эти, раньше анти-утопические ценности, ценности, не подходящие к строительству утопизма, теперь объявлялись знаками утопии в действии. Работа Платонова во второй половине 30-х годов, «Среди животных и растений» и «Счастливая Москва» в особенности, пытается придти к идеологическому пониманию этого философского извращения.

Архив Платонова в ЦГАЛИ содержит рукопись под названием «Лобская гора» (Платонов. Лобская гора), литературная жемчужина, начатая два раза, но не оконченная, которая публикуется впервые в приложении к нашей статье⁴. Как и «Семен», «Лобская гора» — «рассказ из старинного времени», грустное, трогательное повествование о дореволюционной жизни батрака. В рассказе мало намеков на героическую или железнодорожную тему, и можно предположить, что Платонов приступил к нему с мыслью создать произведение, имеющее мало общего с жизнью И. А. Федорова — реального прототипа героя «Среди животных и растений». В определенный момент, однако, он начал подгонять материал из «Лобской горы» к рассказу о Федорове. Когда «Лобская гора» и «Среди животных и растений» прочитываются вместе, становится ясно, что первый повествует о встрече родителей фиктивного персонажа Федорова — карельского батрака и вдовы. Весной 1936 года Платонов послал рассказ «Среди животных и растений» в редакцию «Октября», «Нового мира» и альманаха «Год XIX». Первые два журнала решили напечатать рассказ с несколькими изменениями (Платонов. Среди животных и растений. Редакции)⁵, на которые Платонов, однако, не согласился и забрал работу назад, чтобы расширить ее, перед тем как ее представить на обсуждение секции драматургии Союза писателей (Стенограмма)⁶. 13 июля 1936 года состоялось собрание секции, на которой рассказ не только хвалили, но и критиковали. Особенно резкой критике подверглось изображение безрадостной жизни героев. Представитель НКПС заметил: «Вне всякого сомнения, что при чтении этого рассказа получится у читателя, особенно у железнодорожника, неприятный осадок» (Стенограмма). В дальнейшем Платонов внес значительные изменения в текст, дал новое имя герою — Сергей Сергеевич Пучков, и новое название самому рассказу — «Жизнь в семействе».

Сопоставление машинописного текста «Жизни в семействе», хранящегося в ЦГАЛИ и исправленного рукой автора (Платонов. Жизнь в семействе. ЦГАЛИ) с другими архивными источниками указывает на несколько уровней исправлений. Первый уровень отобра-

жен в машинописном тексте, находящемся в Пушкинском доме (Платонов. Жизнь в семействе. ИРЛИ) и почти идентичном рассказу, опубликованному в 1940 году в «Индустрии социализма» (Платонов 1940а); в журнальном варианте отсутствует только несколько натуралистических образов. Машинопись в Пушкинском доме отражает не все исправления, сделанные рукой в машинописи в ЦГАЛИ. Полагаем, что после того, как машинопись в Пушкинском доме была напечатана на основе машинописи в ЦГАЛИ, машинопись, хранящаяся в ЦГАЛИ, была вторично исправлена рукой; были вычеркнуты прямые упоминания Кагановича и косвенные упоминания Пильняка и Шостаковича. Этот дважды отредактированный текст был опубликован в 1966 году в журнале «Наш современник» (Платонов 1966). При издании сборника «Течение времени» из журнального варианта была изъята одна натуралистическая сцена (Платонов 1971)⁷. Эта последняя поправка была сделана более чем через четырнадцать лет после смерти писателя и никоим образом не отражает окончательную, даже подавленную, волю писателя.

«Среди животных и растений» являет яркий пример тяжелого процесса подчинения сталинской утопии. Современный исследователь мог бы ужаснуться таким искажением оригинального текста, но в данном случае искажение вполне закономерно, так как темы увечья и искривления, играющие большую роль в сюжете, присутствовали и в самой истории создания рассказа. Если во «Фро» сталинская утопия представляется немного смешным, даже ироиколическим *fait accompli* («Душенька» Богдановича как новая женщина), и если «Река Потудань» повествует о болезненном отречении от юношеской, аскетической, не-сталинской утопии ради принятия ежедневной жизни, то в рассказе «Среди животных и растений» описывается герой, который знает о существовании утопии, но она ему недоступна. Более того, в этом рассказе Платонов перевертывает обычный порядок утопических вещей, в котором утопия — изолированная, скрытая точка, окруженная глубоко несовершенным миром. Мир героев ограничен маленькой деревней, а утопия существует вокруг в недоступном внешнем мире. Они улавливают ее звуки, видят ее

мельком, но с отчаянием чувствуют, что не могут принять участие в ней. Утопия приходит к ним в частичных и искаженных формах, которые мешают цельному восприятию совершенного внешнего мира.

В этом отношении интересно, как Платонов перерабатывает эпизод из «Утопии» Томаса Мора, в котором кашель, заглушающий голос путешественника, мешает повествователю (и читателю) узнать местонахождение острова Утопии. В рассказе «Среди животных и растений» отец Федорова / Пучкова едет в Петрозаводск, чтобы узнать, «говорит ли правильно» его радиоприемник. Он велит своей жене остаться дома и ждать, пока он не придет на радиостанцию, где ему позволят произнести несколько слов в эфире:

«Это я, Семен Кириллович Пучков, житель деревни Лобская гора, старик-человек, чтоб ты не думала, что это не я, — это я, радио — это правда, сейчас я покашляю — ты сразу меня узнаешь (здесь Семен Кириллович действительно покашлял раза три), — и слышишь?» (Платонов 1971: 373).

Таким образом, комическая ситуация Мора комически перевернута: кашель должен служить подтверждением связи окружающей утопии с обособленной действительностью. Напрасно. В тот день радио в доме Пучковых так и не заработало.

«Но в Лобской горе Семена Кирилловича услышать в тот день не могли: радио испортилось, в нем что-то засохло или лопнуло. Старуха его, правда, сидела у рупора без отлучки, и ей даже иногда казались какие-то звуки из трубы, а это был обман» (Платонов 1971: 374).

С самого начала рассказа Платонов подчеркивает расстояние между своими героями и недостижимым, но вездесущим Городом. Пучков слышит свисток паровоза и представляет себе музыку внутри вагонов и пассажиров, которые «розовую воду пьют из бутылки и разговор разговаривают» (Платонов 1971: 370). Он мало видел из окружающего мира, и «ему обидно было, что он не знает науки, не ездит в поездах с электричеством, не видел мавзолеей Ленина и только раз нюхал духи из флакона у жены начальника десятого разъезда (Платонов 1971: 370 — не видел Москвы; Среди жи-

вотных и растений: 3). Он постоянно прибегает к своему воображению в попытке составить образ утопии, он находит следы утопии повсюду, но не понимает их значения. Даже в безлюдном лесу присутствует Город:

«Лес походил на многолюдный город, в котором охотник еще ни разу не был, но зато давно его воображал. Лишь однажды он проезжал Петрозаводск, и то мимо... Вопли, писк и слабое бормотание наполняли лес, может быть, означая блаженство и удовлетворение, может быть, гибель» (Платонов 1971: 369).

Временами попытки Пучкова интерпретировать знаки утопического мира кажутся причудливыми. Следующий абзац был изъят из всех опубликованных вариантов, кроме текста в «Нашем современнике», где он дается в сокращенном виде:

«[Однажды Пучков нашел маленький женский платок, хорошо пахнувший, влажный и со свежей кровью посередине.] Иван Алексеевич попробовал влажное место на язык, влага была соленая, наверно это были слезы. [Он надолго задумался, чтобы представить себе таинственную миловидную женщину, обронившую платок из тамбура вагона, во время слез и тоски по своему дороговому человеку, кашляя в платок кровью от горячей чахотки в груди. Потом Пучков увидел эту женщину во сне: ее маленькая девочка-дочка прикусила до крови язык и заплакала: мать вытерла ей кровь во рту, вытерла слезы, посмотрела в открытое вагонное окно, выбросила наружу платок и улыбнулась стрелочнику: “Заведи патефон!”, — крикнул той женщине Сергей Семенович. — “На обратном пути!”, — ответила пассажирка. — “Ладно, погромче!”, — согласился стрелочник во сне.] (Платонов 1966: 54; Платонов. Среди животных и растений: 21)⁸.

Эта довольно натуралистическая сцена показывает степень, до которой Пучков склонен идеализировать даже «отходы» утопии, склонность, напоминающая возмущение Шопенгауэра против идеалистического мировоззрения: «Изуродованное понимание, при котором являлось возможным всерьез рассказывать анекдоты о романтических героях, выбрасывающих розовую вату вместо экскрементов» (Кашина-Евреина 1923: 11).

Вся семья Пучкова идеализирует внешний мир,

сравнивая его богатство со скудностью своей жизни. «Там были наука, слава, высшее образование, метрополитен, а здесь леса, животные, семейство, обычная вещь, но нужно пока терпеть и не ссориться» (Платонов 1971: 373). Пучков напрягает слух, чтобы услышать музыку в пронсящих мимо него вагонах, его отец жадно слушает радио, «где происходит, как он говорил, всемирная история, где звучат голоса великих людей» (Платонов 1971: 373; Платонов. Среди животных и растений: 11). Передачи по радио подчеркивают и совершенство внешнего мира, и его недоступность.

«Потом хор девичьих голосов начал песню о героическом социализме, о счастливых людях и об их интересной жизни. Девушки пели на дальнем расстоянии отсюда, но все равно чувствовалось, что нужно жить в блаженстве, а не в нужде и мученье» (Платонов 1971: 374 — теперь нужно жить по-хорошему; Платонов. Среди животных и растений: 13).

Употребление и удаление здесь Платоновым слова «блаженство» имеет интересную предысторию. В статье, недавно опубликованной, но написанной для включения в 1935-ом году в горьковский альманах «Записные книжки», Платонов писал:

«Надо не высовываться и не упиваться жизнью: наше время лучше и серьезней, чем блаженное наслаждение. Всякий упивающийся обязательно попадает и гибнет, как мышонок, который лезет в мышеловку, чтобы “упиться” салом на приманке. Кругом нас много сала, но каждый кусок на приманке. Надо быть в рядах обыкновенных людей терпеливой социалистической работы, больше ничего» (Платонов 1991: 145)⁹.

Не владея чутьем и проникновением своего создателя, герои Платонова стремятся к этому заманчивому салу. Они понимают, что они обязаны жить «в блаженстве», но ежедневная их жизнь служит им постоянным напоминанием о недостатках их существования. Искаженные сигналы, доходящие до него извне, Пучков пытается компенсировать тем, что нарочно читает их в искаженной манере. Следующее место, частично изъятые из посмертных публикаций рассказа, помогает читателю проникнуть в самую суть мировоззрения писателя и его герои:

«На разъезде нет ни театра, ни библиотеки, есть одна гармоника у дорожного мастера, но он приезжает

на разъезд редко и часто забывает взять гармонию, хотя бы обещал местному возить ее с собой неразлучно и играть повсюду в красных уголках новый репертуар, **кроме сумбура, осужденного в центральных газетах.** Приезжал еще среди лета член Союза писателей и делал доклад о творческой дискуссии; Пучков тогда задал ему шестнадцать вопросов и взял в подарок книгу «Путешествие Марко Поло», а писатель потом уехал. Книга та была очень интересной; Сергей Семенович сразу начал ее читать с двадцать шестой страницы. Вначале писатели всегда только думают, и поэтому от них бывает скучно, самое интересное бывает в середине или в конце, и Пучков читал каждую книгу враздробь — то на странице пятьдесят, то двести четырнадцатой. И хотя все книги интересные, но так читать еще лучше и интересней, потому что приходится самому соображать про все, что пропустил, и сочинять на непонятном или нехорошем месте заново: как будто ты тоже [автор, член всесоюзного союза писателей.

Одну книгу под названием “Известь” — или, кажется “Камень”, Сергей Семенович от увлечения прочитал с конца до самого начала и понял, что книга хорошая, но если читать с начала, то получается неверно и мало выдержанно.]» (Платонов 1971: 3, где цитата кончается словами «ты тоже писатель»; Платонов 1940а: 21; Платонов. Среди животных и растений: 22).

Две упомянутые книги косвенно указывают на произведения двух коллег Платонова из коллектива, работающего над заказанной книгой. Пучков одобряет книгу В. Шкловского «Марко Поло» (Шкловский 1936), потому что она отвечает его желанию познать великий внешний мир. Упоминание второй работы легко расшифровывается. Рассказ Б. Пильняка «Камень, небо» был опубликован в декабрьском номере «Нового мира» 1934 года. Довольно грубо пропагандистское произведение, действие которого, как и в рассказе Платонова, происходит на Севере, «Камень, небо» упорно отстаивало идею о том, что при коммунизме изоляции индивидуума, преобладающей при капитализме, больше не существует. Даже колхозники уверены, что играют важнейшую роль в жизни идеального общества. «Это основа их мироощущения и оправдание не очень эстетического занятия, вроде уборки навоза» (Пильняк

тического занятия, вроде уборки навоза» (Пильняк 1934: 42). Ирония пучковского метода чтения состоит в том, что некоторые из работ Пильняка почти лишены сюжета и вполне могли бы читаться, как их читает Пучков (действительно, Пильняк в начале 20-х годов включал отрывки из уже опубликованных произведений в новые). Более важным, однако, является фундаментальное несогласие Платонова с оптимизмом его старшего коллеги. Пучков с семьей постоянно пытается убедить себя в том, что они не обособлены, но время от времени спасительная сила утопического и радостного воображения их подводит.

«Но изредка музыка и чтение вдруг перестали на него действовать, даже более того — Иван Алексеевич приходил в отчаяние или раздражение, не видя той светлой перспективы, которую всегда ему обещали музыка, чтение, искусство фантазии и волнение чуткого сердца. Он вдруг как бы вскоре же становился ненужным и равнодушным. Прочтя книгу по диамату, Федоров понял, что внутри его действует противоречие, и поэтому бывает с ним темная, чужая печаль. Поскольку это было истиной, как жалко было ему, что из истины не существует выхода» (Платонов. Среди животных и растений: 27-28).

В такие моменты герои оказываются на краю опасного разочарования; иллюзия утопии начинает рассеиваться и читатель понимает, что Пучков не так уж отличается от спящих животных, за которыми он наблюдает в начале рассказа:

«Животные часто, почти всегда видят счастливые сны; их ум не может освободиться от впечатлений переживания жизни, он слаб и легко поддается обману воображения, спящей радости, потому что беспомощен и ничтожен во сне» (Платонов. Среди животных и растений: 7)¹⁰.

Все члены семьи пытаются преодолеть ощущение собственной незначительности. Отец мечтает «о всенародной знатности» (Платонов 1971: 373): «Он попробовал свои мускулы, погладил себе голову, содержащую, по его мнению, ум, и ощупал остальное тело, осталась ли еще в нём сила для могучего действия на славу и на премию» (Платонов 1971: 383; Платонов.

страдала завистью к высшей государственной жизни, где есть теперь геройство, молодость и знатность, где юность и силы старой женщины, прожитые в старину, напрасно, скудно и страшно, теперь требовались вновь и находили себе возвращение и оправдание» (Платонов. Среди животных и растений: 32). Герой рассказа успокаивает жену словами «ты станешь знаменитой и странной женщиной» (Платонов 1971: 379). Но Катерина Васильевна не утешается: «Она отвернулась лицом и заплакала: у людей и патефоны, и кофты, и мужья начальники, а у нее мало всего, одна изба, и то пополам со свекровью» (Платонов 1971: 384).

Честолюбие жены пугает Федорова/Пучкова: «Сергей Семенович глядел в окно, в лес: убежать туда, что ли! Начальником каким-либо он все равно стать не может — там надо дышать специально» (Платонов 1971: 384; Платонов. Среди животных и растений: 34). Но в конечном счете ему удастся выбиться в касту «знатных людей». Его способ приобретения известности прекрасно подходит как к тематике, так и к истории создания рассказа: Пучков уродует себя, предотвращая железнодорожную аварию, становится калекой. Ранний вариант рассказа содержит намек на то, что Пучков предвидит возможность несчастного случая и даже подсознательно готовится к нему:

«— Ты бы, Иван Алексеевич, крушение какое предупредил, — сказал один раз отец, — геройство теперь вещь милая...

— Обдумал тоже, пень-человек, — сказала мать-старуха, — тебе надо, чтобы малый помер.

Старик не согласился.

— Умирать ему не время. Пускай крушение будет маленькое, так — вроде нарочной шутки» (Платонов. Среди животных и растений: 29).

Стоя над его постелью в больнице, мать героя, в этой версии, восклицает: «Ванюшка, что же ты наделал над собою», как будто повреждение его не случайно (Платонов. Среди животных и растений: 39)¹¹. Именно в больнице состояние Федорова/Пучкова полностью отвечает заказу Ермилова и Кагановича, что железнодорожники станут «самыми культурными пролетариями»: «Кругом тихо и чисто, постель большая, чувствуется,

«Кругом тихо и чисто, постель большая, чувствуется, что здесь все культурно и научно» (Платонов 1971: 386; Платонов. Среди животных и растений: 39)¹². Изуродованному герою дают орден [(«Орден же важней одной руки» (Платонов. Среди животных и растений: 41)] и приглашают в Москву. Это искажение человеческого тела¹³ предсказано не только методом чтения героя и его «рябым лицом», но и самой его второй фамилией, которая является искажением раннего, также комического, но не идущего на компромисс платоновского героя — Пухова; искажение этой фамилии мог бы подсказать роман Л. Леонова «Вор», в котором Емельян Пухов, «слесарных дел мастер», стал Пчховым, после того, как неправильно написал свою фамилию на вывеске мастерской (Леонов 1928: 23)¹⁴.

В своем исследовании искажающих процессов, определяющих доступ к сталинской утопии, Платонов боролся и против искажения своего собственного художественного таланта. История переработки рассказа указывает на поражение автора (писатель сам себе наносит «увечье») перед окружающей системой¹⁵. Оба названия рассказа — «Среди животных и растений» и «Жизнь в семействе» — намекают на отказ Платонова от его раннего радикализма, презирующего и отвергающего семью ради более глобальных проблем и основанного, подобно работам таких влиятельных мыслителей, как Федоров, Соловьев и Бердяев, на отличии человека как особого существа от животных и растений (и может быть, женщин). Разные концовки рассказа показывают в миниатюре процесс ослабления ранних идеалов и свидетельствуют о победе розановской линии в творчестве писателя, точно федоровская линия наконец признается в правде розановских мыслей о воспроизводстве. («Да чем животные плохи?» спросил Розанов своих утопически настроенных противников) (Розанов 1911: 112). В течение всего рассказа женщины отождествляются с властью над человеком, неутопической действительностью и физиологией, они олицетворяют жадность, половое желание и внутренний стимул к воспроизводству — торжество рода над личностью¹⁶. Эти черты характера в рассказе делают женщину идеальным жителем сталинской утопии, в кото-

рой лучшая, веселая жизнь ассоциируется с «зажиточностью» и приростом населения¹⁷.

Вариант «Среди животных и растений», хранящийся в ЦГАЛИ в фонде Платонова, заканчивается тем, что герой идет в лес искать отца, оставляя в доме жену. Эта сцена с федоровскими обертонами близка концу «Чевенгура». А в опубликованных вариантах Платонов оставляет героя у жены — намек на то, что герою не удалось устроить перед соблазнами счастливого сталинского мира¹⁸....

На собрании драматургов Я. Рыкачев констатировал: «Сам Платонов чрезвычайно сложная фигура, и он в себе разбирается так же плохо, как мы в нем разбираемся» (Стенограмма). В процессе примирения с «радостями» советского общества конца 30-х годов Платонов, наверное, отдавал себе отчет в том, что он борется против самого себя. Он отнес понятие «уродливости» не только к Радеку и Пятакову (Платонов 1937а: 5), но и к себе (Платонов 1975: 173). И на собрании редакции «Красной нови» в 1937 году, где писатели должны были «сделать выводы из процесса над троцкистско-зиновьевской группой» и где его братья по перу, следуя примеру А. Фадеева, выступали с нападками на уже арестованных коллег, Платонов упрекал только себя.

«Тов. Левидов сказал, что самое главное в бдительности — это бдительность по отношению к самим себе.

По многим обстоятельствам эта формула может быть больше всего применима ко мне.

Но в чем же эта бдительность к самому себе может выражаться? В особом отношении к своей художественной работе, а именно — надо помнить, что те художественные произведения, над которыми человек работает, должны служить новому, с социалистической душой, человеку, должны помогать всем, строящим социализм.

Хорошее выступление было здесь у тов. Усиевич и мне кажется, что к этому выступлению мы все присоединимся.

Тов. Усиевич говорила, что среди нас могут быть еще люди-враги. Об этом, конечно, мы все время дол-

жны помнить и поэтому мы так ставим вопрос о бдительности.

Еще о новой душе человека. Только с этой точки зрения мы можем наблюдать за произведениями, чувствовать к ним определенный интерес. Мне кажется, что сейчас можно было бы на чрезвычайно интересную тему написать целый ряд произведений. Я кое-какие попытки сейчас делаю и считаю, что мы в своих произведениях все должны доказать, как мы живем, какая атмосфера может быть у нас.

Вот, товарищи, все, собственно говоря, что я хотел сейчас сказать» (Платонов 1937б: 98)¹⁹.

Рассказы, созданные Платоновым в 1935 и 1936 годах, правдиво показывают «как мы живем, какая атмосфера может быть у нас». Они передают, может быть, лучше любого другого произведения этого времени, боль гения, примиряющегося с тем, что раньше казалось бы ему политическим и биологическим тиранством. В течение трех лет, однако, Платонов окончательно капитулировал перед новой утопией. В пьесе «Голос отца», написанной около 1939 года, Платонов окончательно отрекается от философии Федорова ради сталинской идеологии. Диалог Якова с голосом его покойного отца изобилует уверениями в вечной сыновней верности и невозможности предательства, но тем не менее, пьеса служит знаком того, что воскресение умерших родителей уже не нужно; отец утешает сына словами: «Уходи с могилы и живи, я буду теперь навсегда мертвым и спокойным. Ты не изменишь мне никогда, и в этом моя вечная жизнь» (Платонов 1967б: 83) Но как сын Исаака предает своего библейского отца, так же и «Голос отца» изменяет философскому наставнику юности Платонова. В текстах, хранящихся в двух архивах, идея пьесы сводится к тому, что биологические отцы могут спокойно остаться в могиле, потому что у Якова и других советских сыновей теперь есть общий, более важный отец. Когда пьеса была опубликована в «Звезде Востока» в 1966 году, существенная ее часть была изъята:

«Голос отца: Не знаю, как у вас теперь. Но я знаю, что я думал неправильно, я ошибался. В руках зверя

и негодя самая высокая техника будет лишь оружием против человека.

Яков (в волнении): Ты прав, отец! Так делают теперь враги людей, но мы их раздавим, потому что самая лучшая техника — это высший человек, а высший человек живет у нас в Советском Союзе.

Голос отца: Откуда ты это знал? Высший прекрасный человек — вот в чем тайна, которую мы не могли открыть и поэтому мы умерли в тоске.

Яков: Я научился этому у Сталина.

Голос отца: В чем его учение?

Яков: Я еще сам не научился всему его учению. Но я знаю, что Сталин учит всех людей быть верными детьми своих отцов, он велит никогда не изменять тому, что было в отцах высшим и человеческим, он хочет сделать героическую душу человека законом всей земли. Он сам ученик Маркса и Ленина» (Платонов. Молчание)²⁰.

Обожаемый отец уступает место политическому деспоту. В 1937 году в статье по поводу второго большого показательного процесса Платонов писал: «У нас, у нескольких советских поколений есть общий отец — в глубоком, в проникновенном смысле. Мы идем вслед за ним». (Платонов 1937а: 5). В «Голосе отца» эта мысль выражается в художественной переработке. Имя Якова, принадлежащее старшему сыну Вождя, особенно значительно в этом контексте, символизируя не только отречение от раннего идеала, но и обет верности новому порядку. Задача воскрешения мертвых предков устраняется утверждением покорности подданного живому Вождю. Когда голос отца окончательно замолкает, Яков ему велит: «Спи, отец, вечно в земле. Прощай» (Платонов 1967б: 83).

В этом же году Платонов написал рассказ, опубликованный под названиями «Алтеркэ» (Платонов 1940б) и «Мучение ребенка» (Платонов 1940в — Вторая публикация отсутствует в основных библиографиях писателя). Это произведение, повествующее о еврейском мальчике, избиваемом поляками и спасенном вступающими в Польшу красноармейцами, является платоновским вариантом «Клеветникам России», оправдывающим недавнее нападение на Польшу Красной армии.

В момент своего спасения Алтеркэ смотрит на красноармейца. «Алтеркэ увидел на рукаве солдата красную звезду, но он не знал, какие бывают звезды вблизи, и не понял, что это такое» (Платонов 1940в: 47). Трагедия судьбы Андрея Платонова и многих его современников заключается в том, что они изменили, некоторые после долгого сопротивления, своим космическим мечтам ради службы людям, олицетворяющим самые низкие, отнюдь не революционные, человеческие эмоции. Они обменяли небесные звезды на суконные. У Платонова этот процесс проходил болезненно и неохотно; хотя он привел к созданию нескольких шедевров советской прозы, Платонову тоже, в конечном счете, пришлось узнать, «какими бывают звезды вблизи».

Примечания

¹ Ср. «Третий сын вдруг выпрямился» и «Вдруг Фирсов поднялся» — фразу, вводящую описание сна в рассказе «Река Потудань».

² См. его замечание о волосах героини, — сделанное без какой-либо очевидной цели: «такую прическу носили когда-то в девятнадцатом веке» (Платонов 1978: 47).

³ В недавней публикации этого рассказа (Платонов 1988), первой с 1937 года, заказ сверху приглушен редакторскими купюрами. Имя Кагановича пропущено не меньше десяти раз.

⁴ На первой странице рассказ называется «Любская гора», но везде в тексте место действия дается как «Лобская гора».

⁵ Об отзывах редакторов альманаха мы никакими сведениями не располагаем.

⁶ Стенограмма этого совещания готовится к печати с комментариями Н. Корниенко в издательстве «Советский писатель». Мы выражаем свою благодарность Н. Корниенко за разрешение познакомиться с ее работой, которая тоже указывает на важность Кагановича и книги о железнодорожниках в истории создания рассказа. В своих комментариях Н. Корниенко публикует письмо Платонову от И. Гронского, датированное 10

мая 1936 года, сообщающее о желании «Нового мира» напечатать рассказ с «поправками».

⁷ В нашей статье мы будем цитировать рассказ по этому изданию. Выделенные части цитат отражают неопубликованные места из рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ (Платонов. Среди животных и растений), на основе которой Платонов подготовил вариант, обсуждавшийся на совещании драматургов. Части цитат в квадратных скобках отражают места, опубликованные только в «Индустрии социализма». Цитата в двойных квадратных скобках отражает место, опубликованное в «Нашем современнике» и пропущенное, когда рассказ печатался в «Течении времени». Здесь не лишне будет заметить, что сокращенный, упрощенный вариант рассказа, сильно переработанный редактором, был опубликован в журнале «Колхозные ребята» (Платонов 1936). Платонов немедленно заявил протест против этой публикации (Платонов 1937). См. приложенную схему.

⁸ Этот абзац присутствует и в машинописи, хранящейся в ИРЛИ (ф. 80, № 76). Он пропущен в «Индустрии социализма» и в «Течении времени». В «Нашем современнике» выделенное предложение из рукописи пропущено. Напомним читателю, что в рукописи в ЦГАЛИ героя зовут Иван Алексеевич Федоров, а в других вариантах его зовут Сергей Семенович Пучков.

⁹ См. также чрезвычайно интересный комментарий Л. А. Аннинского (Аннинский 1989: 13—15).

¹⁰ С этой точки зрения эпизод о путешествии отца героя на радиостанцию получает новый, более саркастический оттенок. Последние слова в предложении «Старуха его, правда, сидела у рупора без отлучки, и ей даже иногда казались какие-то звуки из трубы, а это был обман» недвусмысленно намекают на соотношение правды и лжи в передаваемой по радио информации в 1936 году.

¹¹ Ср. «Сереженька, что же это сделалось с тобою!» (Платонов 1971: 386).

¹² Одним из самых явных сатирических откликов на ермиловский заказ, подвергшимся критике на совещании драматургов, было следующее место: «Поезд безжалостно проработал стрелку и засосал весь воздух за собой. “Ого, [здорово вас Каганович шурует:] из леса

показался — опаздывал на четыре минуты, а на стрелке уже на три, — сообразил Сергей Семенович, — вот это [драматургия]» (Платонов 1940а: 20; Платонов 1978: 378 — «вот это нам полезно».)

¹³ В этом контексте *добровольного* жертвования собственного тела, см. интересную работу Т. Зайфрида о мазохистических аспектах творчества Платонова (Seifrid 1961). См. также: Смирнов 1987.

¹⁴ Само название деревни — «Лобская гора» — может быть растолковано как искажение одного из самых центральных мест в бывшей империи: Лобное место.

¹⁵ И. Зайфрид (Seifrid 1961) и Н. Корниенко (1989: 31) цитируют письмо 1941-го года Платонову от писателя Л. Гумилевского: «За все почти время нашего знакомства [с 36-го года] Вы находились в каких-то ненормальных условиях душевного состояния, условиях, созданных как бы роком, странным, нисколько не зависящим от Вас, стечением обстоятельств и законно, хотя бы и бессознательно (тем более справедливо) относились к себе, как почти к человеку, пораженному случайным заболеванием, что ли, или потерей конечностей при трамвайной катастрофе». Гумилевский мог познакомиться с «Жизнью в семействе» в рукописи или в «Индустрии социализма» (в 40-м году), и возможно, что он здесь указывает «хотя бы и бессознательно» на символическую, автобиографическую связь Платонова с его героем.

¹⁶ В этом отношении следующие места особенно значительны:

«Бабы спокон веку зажиточность любят, — сказал отец Сергея Семеновича, — чтобы всего было много: и белок, и рябчиков, и материя в сундуке, — по теперешнему они социалистки, — их дело такое: и детей и добро при себе держать...» (Платонов 1971: 373; Платонов. Среди животных и растений: 11).

«Сергей Семенович слушал радио и ласкал свою дочку; он гладил ладонью ее головку, грудь и живот, в котором когда-нибудь зачнутся и вырастут ее дети — они будут высшие люди, а он, их дед, ничто-человек». (Платонов 1971: 384 — «и надеялся про себя, что его дочь будет высшим ученым человеком, а он, ее отец,

проживет неважно»; Платонов. Среди животных и растений: 13).

«Катерина Васильевна заплакала, она подумала, что муж теперь разлюбит ее и не вернется. А дочь — ничего, она еще не понимала, но ей нравилось, когда ее целуют, она уже привыкла целоваться, — это ей стало понятно». (Платонов 1971: 387 — «а дочь ничего еще не понимала, она только прижалась к отцу на прощание»; Платонов. Среди животных и растений: 41).

«Катерина Васильевна встретила его в тоске и в ревностной злобе; она была уверена, что муж ее явно любит другую, лучшую женщину, неизвестную ей прекрасную злодейку.

Злодейке все равно, что ее любовник идет обратно к жене, она свое уже получила, она ведь равнодушная злодейка. Стрелочник пробовал объяснить жене, что каждая злодейка это тоже женщина, и стало быть, она похожа на всякую жену» (Платонов 1971: 380; Платонов. Среди животных и растений: 29).

«Женщины иногда сильно томят душу и заставляют сдаваться» (Платонов. Среди животных и растений: 29).

¹⁷ Ср. следующие сталинские цитаты с отрывками из рассказа в предыдущем примечании:

«Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества» (Сталин 1967а, 14: 81).

«У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. (Веселое оживление в зале.) (Сталин 1967б, 14: 106).

¹⁸ Рукопись в ЦГАЛИ заканчивается так:

«Иван Алексеевич усадил ребенка на колени жены, вынул чистый платок и вытер Катерине Васильевне лицо.

— Не плачь! — сказал он. — Я тебе восемьсот граммов московских конфет привез и библиотеку начинающего читателя!

Федоров вышел наружу и пошел в лес — искать отца среди животных и растений» (Платонов. Среди животных и растений: 44)

В машинописном тексте рассказа «Жизнь в семействе» последний абзац отсутствует. Вместо него там напечатано два новых абзаца:

«Катерина Васильевна перестала плакать и с удивлением поглядела на мужа: кто он такой у нее?.. Сергей Семенович застенчиво и грустно смотрел на жену. Он словно желал что-то сказать Катерине Васильевне, но затруднялся или стыдился, и лишь положил ей свою руку на голову и погладил ее волосы.

Катерина Васильевна отпустила девочку с коленей и прижалась лицом к руке мужа в любви и понимании» (Жизнь в семействе. ЦГАЛИ: 83).

Этот вариант отражен в машинописи, хранящейся в ИРЛИ и в тексте напечатанном в «Индустрии социализма».

Машинопись в ЦГАЛИ исправлена рукой, вычеркнувшей последний абзац (это является второй поправкой машинописи, которая также устранила упоминания Кагановича. Эта поправка отражена в текстах, опубликованных в «Течении времени» и в «Нашем современнике»).

¹⁹ Левидов, Борис Михайлович (1898—1940), советский критик, печатавший статьи в «Литературной газете»; Усиевич Елена Феликсовна (1893—1968), сотрудник журнала «Литературный критик», защищавшего и публиковавшего Платонова в то время.

²⁰ В варианте ИРЛИ пьеса называется «Молчание» и слова «враги людей» заменили первоначальное слово «фашисты», изменение, которое указывает на то, что работа над пьесой велась в августе 1939 г. (См. также: Платонов. Голос отца: 6). Вариант в ИРЛИ более ранний, в нем отсутствует сцена с милиционером.

Библиография

Аннинский 1989 — Аннинский Л. Откровения и сокровение: Горький и Платонов // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 13-15.

Геллер 1982 — Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж. 1982.

Ермилов 1936 — Ермилов В. Выступление на секции драматургии 26 янв. 1936 г. // ЦГАЛИ. Ф. 631, оп. 2, ед. хр. 140, л. 8, 9, 10, 11.

Жолковский 1989 — Жолковский А. «Фро»: Пять прочтений. // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 23-25.

Кашина-Евреинова 1923. — Кашина-Евреинова А. Подполье гения (сексуальные источники творчества Достоевского). Пг. 1923.

Корниенко 1989 — Корниенко Н. О живых и мертвых. Андрей Платонов: 1941—1951 // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 31-39.

Ленин 1964 — Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Полное собр. соч. (изд. 5-ое). Т. 44. М. 1964. С. 221-229.

Ленин 1977 — Ленин В.И. Полное собр. соч. (изд. 5-ое). Т. 38. М., 1977.

Леонов 1928 — Леонов Л. Вор. Т. 1. Рига, 1928.

Люди великой чести 1935 — Люди великой чести: Сборник. М., 1935.

Пильняк 1934 — Пильняк Б. Камень, небо // Новый мир. 1934. № 12. С. 34-45.

Платонов 1920а — Платонов А. Культура пролетариата // Воронежская коммуна 1920. 20 октября. № 235.

Платонов 1920б — Платонов А. Будущий октябрь. // Воронежская коммуна. 1920. 9 ноября. № 252.

Платонов 1936 — Платонов А. Стрелочник // Колхозные ребята. 1936. № 12. С. 6-10.

Платонов 1937 — Платонов А. Письмо в редакцию // Литературное обозрение. 1937. № 6. С. 61.

Платонов 1937а — Платонов А. Преодоление злодейства // Литературная газета. 1937. 26 января. № 5.

Платонов 1937б. Платонов А. Выступление в редак-

ции «Красной нови» // ЦГАЛИ. Ф. 631, оп. 15, ед. хр. 74, л. 98.

Платонов 1940а — Платонов А. Жизнь в семействе // Индустрия социализма. 1940. № 4. С. 18-24.

Платонов 1940б — Платонов А. Алтеркэ // Дружные ребята. 1940. № 2. С. 1-7.

Платонов 1940в — Платонов А. Мучение ребенка // Общественница. 1940. № 4/5. С. 43-47.

Платонов 1966 — Платонов А. Жизнь в семействе // Наш современник. 1966. № 11. С. 47-62.

Платонов 1967а — Платонов А. Из литературных книжек. // Литературная газета. 1967. 29 ноября. № 48.

Платонов 1967б — Платонов А. Голос Отца // Звезда Востока. 1987. № 3. С. 80-85.

Платонов 1971 — Платонов А. Среди животных и растений // Течение времени. М., 1971. С. 369-388.

Платонов 1975 — Платонов А. Живя главной жизнью // Волга. 1975. № 9.

Платонов 1978 — Платонов А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М. 1978.

Платонов 1988 — Платонов А. Котлован. М., 1988. С. 290-311.

Платонов 1991 — Платонов А. Из неопубликованного. // Новый мир. 1991. № 1. С. 130-155.

Платонов. Голос отца — Платонов А. Голос отца // ЦГАЛИ. Ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 87.

Платонов. Жизнь в семействе. ИРЛИ — Платонов А. Жизнь в семействе // ИРЛИ. Ф. 780, № 76.

Платонов. Жизнь в семействе. ЦГАЛИ — Платонов А. Жизнь в семействе // ЦГАЛИ. Ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 53, л. 45-83.

Платонов. Лобская гора. — Платонов А. Лобская гора // ЦГАЛИ. Ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 57.

Платонов. Молчание — Платонов А. Молчание // ИРЛИ. Ф. 780, № 15.

Платонов. Среди животных и растений — Платонов А. Среди животных и растений // ЦГАЛИ. Ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 53.

Платонов. Среди животных и растений. Редакции — Платонов А. Среди животных и растений // ЦГАЛИ. Ф. 622, оп. 1, ед. хр. 229; ЦГАЛИ. Ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 24; ЦГАЛИ. Ф. 19, оп. 1, ед. хр. 1482.

Платонов. Третий сын — Платонов А. Третий сын. Черновик // ЦГАЛИ. Ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 53.

Розанов 1911 — Розанов В. Люди лунного света: метафизика христианства. СПб., 1911.

Розанов 1970 — Розанов В. Избранное. Париж. 1970.

Смирнов 1987 — Смирнов И. П. *Scriptum sub Specie Sovietica* // *Russian Language Journal*. 1987. V. 41. № 138-139. С. 115—138.

Сталин 1967а — Сталин И. В. Речь на 1 Всесоюз. совещании стахановцев. Ноябрь 1935г. // Сталин И. В. Соч. Т. 14. Stanford, 1967.

Сталин 1967б — Сталин И. В. Речь на совещ. передовых комбайнеров. Декабрь 1935 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 14. Stanford, 1967.

Стенограмма — Стенограмма заседания секции драматургов Союза писателей 13 июня 1936 г. // ЦГАЛИ. Ф. 31, оп. 2, ед. хр. 162.

Федоров 1906 — Федоров Н. Философия общего дела. Т. 1. Верный, 1906.

Чалмаев 1984 — Чалмаев В. Андрей Платонов: Очерки жизни и творчества. Воронеж, 1984.

Чернышевский 1975. — Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975.

Чехов 1977 — Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем. Т. 10. М., 1977.

Шкловский 1936 — Шкловский В. Марко Поло. М. 1936.

Naiman 1988 — Naiman E. Andrei Platonov and the Inadmissibility of Desire // *Russian Literature*. 1988 V. 23, № 4. P. 345-355.

Platonov 1984 — Platonov A. *Starik i starucha*. München. 1984.

Schopenhauer 1958 — Schopenhauer A. *The World as Will and Representation*. Vol. 2 (Supplement to the Fourth Book, ch. XLI). New York. 1958.

Seifrid 1961 — Seifrid Th. Literature for the Masochist 'Childish' Intonation in Platonov's Later Works // *Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 31. 1961. S. 463—480.

Приложение 1

А. Платонов. «Лобская гора»

(ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 57, л. 1-16)¹

По берегу Онежского озера шел в старину батрак из Карелии. Вековая серая природа была покрыта по своему лицу камнями, мертвыми корнями, сором прохожих редких людей и прочей нечистотой, будто земля была здесь слепая и никогда не видела сама себя, чтобы устроиться.

Батрак огляделся в пустынном свете воды, воздуха и земли. Он хотел прижиться где-нибудь, потому что желал существовать до истечения жизни. Вскоре он увидел большой бугор или гору, невдалеке от берегового уреза озерной воды. На той горе, как созвездие бедных звезд, стояла деревня в четыре избышки, одна изба топилаь по-черному, на крыше другой сидел человек, размером в половину самой избы, и смотрел оттуда на Онежское озеро, в далекое место. Карельский батрак остановился. Идти ему было некуда, в теле его лежали слабые силы. Добро, одетое на нем, стоило всего копеек двадцать, если продать его в Петрозаводске в базарный день; отец и мать давно умерли на чужом дворе у богатого финна. Он ушел тогда в Финляндию, все еще надеясь, что жизнь его развернется, потому что он может много работать, а сердце его целиком приспособлено к счастью. В Финляндии он нанялся работником к хозяину, который разводил молочных коров и делал из молока сливочное масло. Там, на богатом и скучном дворе, он полюбил дочь хозяина, а она боялась отца и мать [так!], чтобы тоже любить его или кого-нибудь другого. Девушка жила (одинок)² от страха перед своим семейством одиноко, некрасивая, но добрая. Она тоже была несчастная, потому что отец и мать приучали ее любить лишь животных и дворовое, издавна нажитое имущество, а ей (уже) пора настала уже знать незнакомого человека. С кротостью и ужасом она (обнимала) обняла карельского батрака, когда он, по обыкновению, мучился около нее от любви и кругом

их было глухое подворье. Вскоре хозяева-родители заметили беременность дочери, которая тоже у них жила на положении батрачки. Они ей ничего пока не говорили, но наполнились тайным бешенством. Им, наверно, стало обидно, что сразу появятся два новых едока на дворе — ребенок и муж дочери, и то, что дочь теперь пожелтела, обессилела, не может иметь всего прилежания к хозяйству и слишком много спит. Батрак работал тогда изо всех своих усердных сил, чтобы оправдать перед хозяином с хозяйкой жену и прокормление будущего человека. Родители дочери ничем ее не попрекнули и не прогнали батрака прочь, хотя конечно догадались про их симпатию и нежную жизнь. Они скупно хранили свою злобу, как нужное добро, которое не следует преждевременно кому-либо открывать, чтобы не продешевить его. Родился ребенок внезапно, в одну деревенскую ночь, его принимала сама хозяйка, бабушка младенца, а хозяин-дедушка сбивал в другой комнате маленький гроб из старых досок, много раз обернувшихся в хозяйстве. Отец-батрак стоял снаружи дома в ночной тьме, в затаенном месте. Он услышал страшный крик своего ребенка, впервые попавшего в жизнь и с непривычки сразу заболевшего от нее. Отец рожденного опустил на колени, прижался лицом к каменному фундаменту и дрожал от волнения. Он слышал шаги хозяйки и стук молотка из далекой комнаты, не понимая значения ночной работы хозяина. Ребенок заплакал и перестал: он умер, прожив немного времени, может быть — часа два; как будто он лишь приоткрыл дверь в этот свет, но не вошел в него, потому что ошибся, не туда попал. Наутро вышла к своему невенчанному мужу слабая, обезумевшая хозяйская дочь. Она сказала ему, что родился мальчик и он умер, он задохнулся под подушкой, которую положила на лицо ребенка ее мать. А она сама спала, и из нее текла кровь, и сейчас еще течет. Вечером хозяин унес со двора в самодельном гробу тело ребенка. Дочь жила потом еще два дня, она ходила по всему двору, трогала руками и ласкала траву, предметы, постройки, инвентарь. Отец-хозяин запер ворота, но дочь и не пробовала их отворять. Слабая, родившая, взмокшая кровью по

ногам, она жила теперь без сна и все время двигалась в огороже родительской усадьбы. Но мать не велела дочери ходить без дела: пусть она носит воду для телят хоть маленьким, легким ведром. Дочь взяла ведро и пошла на колодезь. В глубине его темноты, в зеркале дальней воды она увидела голубое небо весны, край белого облака, но облако увел ветер, в зеркале покойной воды появилось мертвое лицо ее ребенка — живым она его не видела никогда — и к тому далекому лицу склонялась какая-то женщина; в этой женщине она увидела сама себя. Мать умершего целовала своего скончавшегося ребенка на дне колодца, но вдруг она исчезла там; и опять остался один мертвый мальчик. Его лицо покрылось плывущим по небу облаком и стало невидимым. Девушка-мать забыла у колодезного сруба маленькое пустое ведро и пропала в колодце, чтобы скорее увидеть своего ребенка через небесное облако, покрывшее его лицо. Батрак тогда [соскучился — в рукописи вычеркнуто] от жизни, он перелез через каменную огорожу богатого, чужого двора и ушел от хозяина, не получив расчета.

Теперь батрак стоял на берегу Онежского озера, где был край воды и край земли. Он почувствовал, что дошел до конца своей жизни; дальше тоже можно существовать, но незнакомой новости уже не будет — ни в счастье, ни в бедствии. Его сердце знает пределы того и другого.

Он поднялся на гору и спросил у человека, сидевшего на крыше: Какое это место?

— Это Лобская гора, а то что же! — сказал ему человек с крыши.

— А деревня? — спросил прохожий батрак.

— И деревня тоже Лобская гора: одинаково, — ответил местный житель. — На всем свете она одна, ее все знают...

— А чего видно оттуда, чего ты на крыше сидишь? Проломишь! — сказал прохожий.

Человек на крыше был в больших годах, но бритый как богатый или ученый.

— Я ветер на озере гляжу, потом воду мерить пойду, — сказал с крыши старик с оскобленным, тщатель-

ным лицом, — мы здесь на службе состоим в Императорской Академии Наук, воду и бурю мерим, — мы в качестве пункта...

Батрак тоже согласился бы сейчас быть пунктом, — хоть чем-нибудь, лишь бы давали немного харчей, — но кто его возьмет на должность? Там бриться надо, писать и разговаривать... Он выбрал самую худую, невидную избу и пошел к ней, желая приютиться там от усталости. Деревянная крыша избы сопрела и поросла ветхим мхом, нижние венцы погреблись в землю, возвращаясь обратно в глубину своего родного места, и оттуда, из самого тела избушки, росли уже две новые, слабые ветви, которые будут могучими дубами и съедят когда-нибудь в своих корнях прах этого изжитого, истраченного ветром, дождями и человеческим родом жилища. Избушка стояла на своем пустом дворе, который был огорожен кольями, камнями с берега Онеги, сложенными внаброску, ржавыми листами кровельного железа, принесенными сюда наверно бурей из дальнего города, и прочим дешевым или случайным матерьялом. Но эта огорожа уже не держалась, — камни разваливались, колья накренились, издавна сотлев, изморившись в почве.

Нуждаясь в существовании, но не зная, как теперь ему прижиться к чужим людям и чем угодить им, пришлый батрак начал поправлять огорожу — складывать камни в порядок, устанавливать колья и убирать различные ветхие ошурки с земли. На крыльцо избы вышла женщина, не старая еще и приятная, полноличная собою — может вдовица, может быть чья-нибудь поздняя пожилая дочка-девка.

— Ц ким брался, ципина харя, — зачѣм приехал к нам на Лобску гору? — заговорила та женщина.

Прохожий человек попробовал себе лицо — оно было не очень щипаное и не рябое, иные девки его даже умильным называли в прежнее время.

— Приц скурей иди от нас! — сразу сказала неизвестная хозяйка, и ушла в свой дом.

Батрак в недоумении сердца опять стал перебирать дворовую огорожу, хотя это дело было теперь бесполезно. Уже темнело. Но горевать было скучно, поэтому

пришлый человек доделал работу до конца, чтобы на этом чужом дворе жить было красиво. Деревянные ворота хоть и вовсе стали плохие, но если их постругать, покрасить, они бы послужили еще. Батрак с сожалением потрогал петли, на которые были навешаны ворота, из этих петель вышли наружу давние гвозди, — он их забил обратно камнем, и больше ему нечего стало работать. Он сел на землю, прислонившись спиной к камню; вечерняя тьма увеличила тишину — теперь слышно было грустное движение воды у берега Онежского озера.

В избе открылась дверь, наверно опять хозяйка вышла, чтобы прогнать от ворот чужого человека. Батрак загодя поднялся сам, желая уйти отсюда в пустое место и там заночевать.

— Чего скучно тебе — на кого сердце клáде? — спросила женщина. — Приц скорей иди сюда!

Чужой человек пошел в избу на приглашение, поел теплых щей и лег спать на лавке. Хозяйка улеглась на печке и оттуда долго глядела на уснувшего прохожего, пока не затлел фитиль в лампе, потому что керосин выгорел до дна.

— А у него не цыпаная харя! — сказала хозяйка сама себе перед сном. — Он ничего человек, только худощавый, небогатый!..

Утром батрак, пока еще спала хозяйка, прибрал избу, затопил печь на всякий случай. Женщина заворочалась на печке, она давно уже не спала, она нежилась. Других людей не было в жилище.

— Ты вдовица, чтоль? — спросил ее прохожий.

— А чего нет! Я вдовая! — ответила хозяйка. — Муж мой умер: какая я теперь!..

— Умер, — сказал батрак. — Ну да: это бывает!

Они замолчали.

— Налей воды в чугунок, — сказала вдовая женщина, — да крупу засыпь туда, пусть в печке стоит: день пойдет, есть захочешь!

Исполнив хозяйство, чужой человек спросил:

— Одна живешь?

— Одна, — сообщила хозяйка. — Мужики набиваются — я ведь пышная, а я берегу себя, не трачу, —

я теперь сама своей судьбой трясу, я без мужика обхожусь...

Скорбь прошла по сердцу внутри батрака; раз хозяйка безо всех мужиков обходится, то он ей вовсе не нужен.

— Я мужиком не буду, — сказал гость вдовы. — Я им сначала был, а потом перестал — женщина одна умерла.

— Не будешь? — спросила хозяйка.

— Нет, — отказался батрак, — ты живи себе непричем, жируй в своей избе, а я тебе стряпать буду, хозяйство постерегу, рыбки пойду поймаю, что порвется — заштопаю...

Полноличная вдовица умно глядела на нечаянного гостя.

— Ну живи — терпи: значит тебе горько, что на вдовый хлеб пришел, — сказала она. — Покоя нету от вас, врагов!

— Покоя нету, — согласился батрак и, взявши табуретку, вынес ее далеко во двор, чтобы там (бесшумно) починить ей ножки без шума, потому что хозяйке нужен покой.

В короткое время работник обрядил хозяйство и стал заниматься рыболовством в мелких озерах, что лежат отдельно от Онеги; для большого озера у него снасть была плоха. Рыба требовалась для пропитания себя и хозяйки. Но однако женщине вскоре надоела постная озерная рыба и она велела ему пойти на лесопромышленный завод — там можно заработать деньги, чтобы купить говядины и материю на юбку.

Прижившийся гость пошел на завод и стал там работать с шести часов утра до шести вечера. Он мог работать лишь по черному труду, поэтому его поставили накатывать вручную кряжи к лесопильной раме. Все тело его к вечеру становилось пустым и равнодушным от потери жизни в долгом труде и, возвращаясь на ночлег, он садился прежде у ворот вдовьего двора, не чувствуя больше никакого наслаждения, что он живет. Чужая женщина ждала его с ужином, посидев наружи, гость являлся потом в избу и кормился с хозяйкой из одной посуды.

Ночуя, пришлый человек иногда просыпался вдруг в темной тишине; его сердце болело, а голова была бессмысленна и он не хотел, чтобы в нем появилась мысль или воспоминание³. Чуть слышалось береговое волнение воды на Онеге, — наверно какой-нибудь дальний ветер расшевелил озеро, и вода бежала от него до самого здешнего берега. Гость, хотя и работал и питал хозяйку своим заработком, но все же боялся немного, что его скоро прогонят отсюда. Может быть, наутро в хозяйку придет раздражение, возникнет злоба в ее большом теле — она ведь сама не знает, что в ней случится, и ни один человек не управляет собой, раз он довольно, без горя и страха живет, — и тогда чужому человеку откажут от приюта. Но робкое, редкое плескание воды о пустой берег Онеги давали успокоение в душу прохожего гостя; если нельзя быть человеком и нужно постоянно чего-нибудь бояться, то и не надо быть человеком: можно стать водой, землей или ветром. Жена и ребенок его тоже перестали быть людьми, но где-нибудь они существуют, пусть даже они ветер, вода и земля, и все-же они близко, — и он чувствует их вместе с собою, в одном мире и в одном своем сердце.

Месяца через два после поселения карельского батрака у вдовы лесопромышленный завод остановили, а всех рабочих (отпустили) выпустили: больше не надо было ни досок, ни бревен, ни оболонок.

Но что же делать людям в природе, которая сама бедна и еле живет от нищеты? Ведь солнце в Карелию даже среди лета светит косо, и тепло его летит мимо земли в пустой воздух.

Деревня Лобская гора живет на горе у Онежского озера: издали она похожа на бедное созвездие звезд первоначального вечернего неба, когда в высоком пространстве еще мало тьмы и оно пусто. В той деревне избы маленькие, небогатые и некрашенные, но зато в них уютно бывает жить, и поэтому они кажутся достаточными, даже обширными, хотя жилища небольшие. На Украине хаты немного красивее, потому что там окна со ставнями, а здесь ставен нет и окна глядят на свет открыто, не смежаясь никогда, точно невидящие

слепые. Под самой Лобской горой есть другое озеро, кроме Онеги, — оно маленькое, но холодное; в этом Лобском озере изо всех рыб живут одни окуни, а больше никто. Но и окуни те живут в озере не постоянно: лет двадцать они бывают, а потом лет шесть или семь умирают на отдых, и тогда озеро стоит с пустою водой, одна лишь трава жирует в нем в жаркое лето. Отдохнув на дне озера, в покойном иле, в таинственной смерти окуни оживают опять или рождаются заново из обмершей икры в раздвинувшихся, ненужных костях родителей.

Несколько раз в лето из Лобской деревни приходил на это озеро один еще не старый старик и подолгу глядел в зеркало воды, наблюдая на поверхности озера следы движения рыб. Но только слабый ветер бродил в покое воды, давая ей дыхание.

— Не пора! — говорил старик, и уходил обратно в избу, где он жил издавна с одной старухой. Когда-то она была молодою вдовой, тогда он женился на ней и нарожал детей — больше всего девок, а мальчик вышел лишь один. Но это ничего, девки теперь тоже учатся, они постепенно умнеют, обсуждают положение государства и бывают дорогие; их, кто моложе, даже любит — иногда хороший человек.

Одну рябоватую дочь старик, по совету сына, решил отправить в Петрозаводск — пусть она там научится какому-то либо фокусу или делу: умелый человек милее для свадьбы. В прошлом году к леснику приехала красивая дочь из Ленинграда — девка тоже худая и неудобная, однако теперь к ней сватаются ребята, потому что у ней есть сейчас важность и видимость в лице, она прошла учение и одевается в кожаную ту-журку.

В избе старик брал ружье и охотничье добро, потом прощался с женой: лес велик и серьезен, мало ли что встретишь там — может быть, смерть.

— А рыба как? — спрашивала хозяйка мужа.

— Не рожается еще! — отвечал старик. — Умерла, — и спит-лежит.

Старик уходил в лес, а старая женщина долго следила за ним из некрашеного окна и утирала несколько

слез со своего лица, чтобы утешиться, но затем она опять раздражала себе сердце страхом за мужа и слезы снова выходили из ее глаз. Она кликала себе горе в душу, потому что в деревне тихо, привычно, а жить надо чем-нибудь новым. Охотник скрывался в лесу с важностью, не спеша переставляя ноги, и с опушки оглядывался на деревню, на весь белый свет на открытой поляне, точно прощался на смерть со всею прелестью мира. В лесу он убивал птицу, [мелких зверей, дрожащих от страха собственного существования — вычеркнуто].

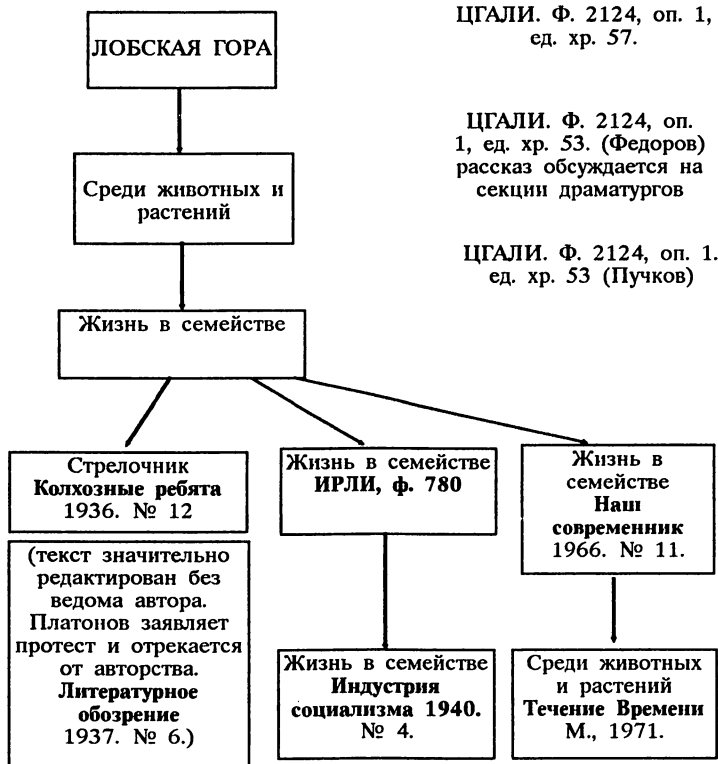
Примечания

¹ На первой странице название рассказа дано как «Любская гора», но в тексте рассказа встречается только «Лобская гора».

² Слова в скобках вписаны рукой.

³ Здесь на полях вписано: «арест [слово неразборчиво]финна — отца дочери по обвин. в убийстве ребенка конец» По-видимому, здесь Платонов наметил, чем рассказ должен был кончиться.

Приложение 2

КОММЕНТАРИИ

Ж.-Ф. Жаккар
Женева

Между «до» и «после»

*Эротический элемент
в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»**

Среди вопросов, которые вызывает анализ поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», один из самых сложных — это вопрос об организующем принципе. Проблема в первую очередь связана с определением жанра, к которому принадлежит поэма. Сразу после ее публикации в 1820 году этот вопрос стал главным предметом споров, хотя, как мне кажется, эти споры не дали никакого результата. Со своей стороны, я не собираюсь разрешить эту задачу, но кажется небесполезным напомнить, что в поэме представлена удивительная смесь разных жанров, и что эта смесь как раз и является главным ее своеобразием. Основным материалом являются, конечно, мотивы русского фольклора — старинных сказок и былин. В русской литературе тем же материалом пользовался Жуковский в балладе «Двенадцать спящих дев». Из общеевропейских источников необходимо упомянуть, прежде всего, «Неистового Роланда» Ариосто, «Орлеанскую девственницу» Вольтера и «Оберон» Виланда. К этому надо прибавить еще влияние эротической поэзии, в частности, Эвариста Парни, некоторые стихи которого переложены почти буквально в «Руслане и Людмиле». Каждый из этих возможных источников заслуживает отдельного разговора, но, повторяю, интереснее задуматься над тем, как Пушкин их синтезировал, преобразуя в свою оригинальную сис-

* Статья является письменным вариантом доклада, прочитанного в Будапеште в сентябре 1993 г.

тему. По-моему, подход Пушкина к проблеме жанра в «Руслане и Людмиле» показывает, что он играет в некую литературную игру: блестящее чередование сказочного и эпического, волшебного и лирического, средневекового и современного является самым большим достоинством поэмы. Всякая попытка свести ее только к одной из этих характерных черт обречена на неудачу.

Интрига также требует некоторых предварительных замечаний, поскольку она связывает «Руслана и Людмилу» с целой традицией европейского литературного наследия, а именно со средневековым рыцарским романом. Мотив похищения жены, невесты или любимой женщины очень распространен в ирландском и бретонском циклах. Стоит упомянуть роман XII века Кретьена де Труа «Рыцарь телеги», в котором герой Ланселот разыскивает свою любовницу, королеву Джиневру. Еще ближе поэма Пушкина оказывается к некоторым старинным ирландским сказкам (Briggs 1976; Gross, Slover 1969). Можно упомянуть довольно известную «Любовь к Этайн», но еще больше «Руслан и Людмила» походит на другую ирландскую сказку — «Этна новобрачная»: героиня со своим супругом, так же, как и пушкинская пара, только что поженились, и во время праздника в замке она вдруг глубоко засыпает; немного спустя ее похищает король-волшебник Финварра. Как и в поэме Пушкина, она спит очень долго и просыпается, благодаря чудесному предмету. Нужно назвать еще лэ «Сэр Орфео», в котором королева Юродис, также после долгого летаргического сна, в котором она видит предшествующие события, похищена магической силой (Brouland 1990: 19¹) и насильственно водворена в очень богато обставленном дворце.

Можно еще упомянуть сказку «Супруга Бальмачизского Владельца», в которой у героя похищают жену и подменяют ее двойником, или «Мэри Нельсон», которую волшебная сила уносит в ту ночь, когда она должна рожать, и т. д. Мотив восходит к греческой мифологии: вспомним исчезновение жены Орфея Эвридики, которое, кстати говоря, является источником вышеупомянутого лэ «Сэр Орфео». Однако, у Пушкина движение фабулы подчиняется известным правилам построения, восходящим к средневековым рыцарским романам (вызов, блуждания, поиск, препятствия, сражения, кур-

туазная любовь и т. п.), хотя, конечно, очевидно, что здесь присутствует пародийный момент: на самом деле эти правила постоянно нарушаются и составляют в конце концов лишь условную псевдосредневековую рамку.

Фабула неизменна: королеву или княжну похищает какая-то сверхъестественная сила (бог или нечистая сила), и доблестный герой должен освободить эту женщину, но на его пути возникают препятствия (волшебства, обольщения, соперники, бои и т. д.), которые ему нужно мужественно преодолеть. «Руслан и Людмила», по-видимому, вписывается в старинную традицию. Однако, нельзя не заметить, что Пушкин уходит от героического аспекта, сосредоточиваясь почти целиком на последствиях похищения — на неудовлетворенности сексуального желания и дальнейшем вынужденном воздержании героя. Этот параметр присутствует, конечно, и в рыцарском романе, но на периферии сюжета. Известны в «Рыцаре телеги» томления Ланселота, который забывает все, вплоть до собственного имени, ибо мысль о королеве Джиневре наполняет его существо полностью. После того, как он расстался с Говеном, он впадает в такое же бессознательное состояние, что и Руслан после расставания с соперниками — Фарлафом, Ратмиром и Рогдаем. Оба во власти неотвязной мысли, «бросают узду» и предоставляют лошади выбирать дорогу самой:

«[Рыцарь] телеги замечтался, как человек без сил и без защиты перед Любовью, владеющей им. И в своих мечтах он достиг такой степени самозабвения, что уж и не знал, есть он или нет его. Своего имени не помнит и не знает, вооружен он или нет. Не знает, ни откуда приехал, ни куда едет. ничего не помнит, кроме одной вещи, только одной, которой ради все остальные канули для него в забвение. Только о ней он и думает, и так много, что ничего не видит и не слышит. Однако его быстро уносит конь, не отклоняясь от прямого пути» (Chrétien de Troyes 1992: 710—726)².

Руслан томился молчаливо,

И смысл и память потеряв (Пушкин 1963: 17)³.

Что делаешь, Руслан несчастный,

Один в пустынной тишине?

Людмилу, свадьбы день ужасный,

Всё, мнится, видел ты во сне.
 На брови медный шлем надвинув,
 Из мощных рук узду покинув,
 Ты шагом едешь меж полей,
 И медленно в душе твоей
 Надежда гибнет, гаснет вера (19).

Этот мотив у Пушкина занимает тем больше места, что, в противоположность рыцарям Средневековья, которые почти беспрестанно сражаются с врагами, Руслан проводит намного больше времени, вздыхая и мечтая об удовлетворении своего желания, чем совершая отважные поступки. Такие поступки немногочисленны и, вдобавок, поданы гротескно (сражение с головой, с Черномором, с печенегам). Становится очевидным, что в поэме главное — игра эротической тематикой. На эту особенность, впрочем, обратил внимание еще в 1821 году «благонамеренный» критик, пожалев, что «перо Пушкина, юного питомца муз, одушевлено не чувствами, а чувствительностью» (Кутузов 1821). Как бы то ни было, если прочесть «Руслана и Людмилу» с этой точки зрения, поэма становится особенно забавной.

Такое прочтение я и хочу предложить в этой статье, исходя из трех постулатов. Во-первых, мне кажется, что основной замысел Пушкина состоит в игре. Эта игра столько же стилистическая (жанровая смесь), сколько тематическая. Во-вторых, тот факт, что герой проводит больше времени в бездействии, вздыхая, ожидая, словом, претерпевая события, вместе того, чтобы их подчинить себе, показывает, что произведение выходит за рамки жанра, к форме которого восходит поэма Пушкина (рыцарский роман). Тут драматическая динамика зависит почти исключительно от любви в крайнем выражении ее куртуазного варианта, т. е. от секса. Как мы увидим, самое главное для Руслана, у которого похитили жену в брачную ночь, в самый разгар его желания, в самом начале полового акта и даже, по всей видимости, во время его, цель поиска очень проста, и даже прозаична: он хочет закончить то, что начал, т. е. удовлетворить свое желание. Есть, видимо, некое наслаждение в задержке сексуального удовлетворения, но есть также наслаждение, связанное с *выражением* этой затыжки, и это третий важный момент: существует прямая связь между желанием и процессом писания.

Последний зависит от первого, и можно сказать, что вся поэма развивается в крайнем напряжении, которое представляет собой такое обострение желанья. Мы увидим, что Пушкин тут утрирует другой старинный прием рыцарского романа.

* * *

Начиная с «Посвящения», поэма поставлена под знак эротизма, поскольку рассказчик утверждает, что он сочиняет стихи для красивых женщин, и для них исключительно:

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал (9).

Как мы увидим в дальнейшем, цель рассказчика — не изложить отважные поступки храброго рыцаря, а возбудить в душе слушательниц любовное волнение. Причем, с самого начала установлено динамическое отношение желанья (писания). В первых же строках признается далекий от добродетели характер этого «труда игривого»:

Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои (9).

Проследим теперь за ходом приключений Руслана и Людмилы.

Песнь 1

Рассказ начинается совершенно традиционным в рыцарских романах образом — с пира во дворе царствующего короля, в данном случае Владимира-Солнца, в честь своей дочери, которая выходит замуж за Руслана. Однако, последний отнюдь не веселится: «храбрый Руслан» (13) томится в ожидании того момента,

когда он останется один на один со своей красивой супругой:

Но, страстью пылкой утомленный,
не ест, не пьет Руслан влюбленный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья (14).

Первое появление героя не очень героическое: на самом деле, он собой не владеет.

Неудовлетворенность усиливается еще тем, что присутствуют все три соперника героя и особенно хан Ратмир, «полный страстной думы» (14) и уже обнимающий Людмилу в своих мечтах (18). Следует отметить, что одного лишь Ратмира ведет исключительно сексуальное желание, без всякого духа соперничества, который воодушевляет остальных. Отметим также, что желание Ратмира направлено на эротическое наслаждение вообще, а не на Людмилу как таковую; при первой возможности он этому наслаждению и предается, усугубляя «фрустрацию» Руслана. К этому мы еще вернемся.

Пир наконец окончен, и Руслан оживляется:

И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених (14).

Все уходят, и Руслан воспламеняется. Однако, все остается воображаемым (как это будет, впрочем, в течение всей поэмы):

Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в *воображенье*
Стыдливой девы красоту (15).

В конце концов наступает самый момент, когда ведут «невесту молодую» на «брачную постель» и начнутся первые любовные ласки, изображаемые через клише из эротической поэзии Парни:

Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры (15).

Поэт настаивает на этих предварительных ласках, подчеркивая мотив ожидания (см. слова «готовятся» в этой цитате, «заране» в следующей), чтобы потеря вышла еще болезненнее. Следует отметить, что похищение происходит после «последней робости», т. е. уже после начала акта (см. слово «настали»):

Вы слышите ль влюбленный шепот
И поцелуев сладкий звук
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует *заране*;
И вот они настали... Вдруг (15).

Что потом — известно: Людмила пропала, «похищена безвестной силой», а бедный Руслан, который уже в этой цитате получил звание «супруга», становится опять только «женихом», к тому же — женихом «испуганным», так же как Людмила, называвшаяся до сих пор «невестой», становится в следующей строфе «минутной супругой». На самом деле, термин «супруг» оказался предвосхищением несостоявшегося акта. Это лексическое колебание вполне вписывается в логику напряжения между «до» и «после», на которой строится вся поэма. В этих строках следует еще отметить мастерское употребление Пушкиным переноса, передающего нетерпение Руслана. Герой должен еще потерпеть, и это состояние воздержания будет его долей в течение всей поэмы. Поэтому переносов немало, когда речь идет о Руслане и, в основном, — о его действиях или перемещениях. Например:

В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей (20).

Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня (28).

Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей (33).

Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан
И видит (51).

И мщенье бурное падет
В душе, моленьем усмирненной (55).

Зима приблизилась — Руслан
Свой путь отважно продолжает (66).

Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражен (72).

.....Ходит он
Один среди храмин горделивых
Супругу милую зовет (74).

«Быть может, горесть... плен угрюмый...
Минута... волны...» В сих мечтах
Он погружен (75).

Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идет, и на коня садится (83).

И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья (93).

Сказал, исчезнул. Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним... (94).

Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит (97).

Но вернемся к первой песне. До сих пор у Руслана нет ничего, кроме неудачи. Далее, гротескным образом махнув руками («Хватает воздух он пустой» 16), он — «испуганный» (16), «несчастный» (16, 19), «уныньем как убит» (17), и т. п. Но сразу становится понятно, что неудача Руслана — это только оставшееся неудовлетворенным сексуальное вожделение. Это констатируется в первом из примерно двадцати лирических отступлений, которое следует за похищением, и показывает, что именно волнует рассказчика, который предпочел бы умереть, чем быть лишенным в решительную минуту предмета своего желания:

Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о дружья,
Конечно лучше б умер я! (16).

К счастью, Руслан остался жив, благодаря чему поэма может продолжаться: «Однако жив Руслан несчастный» (16). Он слишком приземлен, чтобы от этого умереть, так же как Людмила (как мы увидим) слишком приземлена, чтобы покончить жизнь самоубийством. Итак, Руслан жив, но в течение всей первой песни герой совершил только одно: неудачно провел брачную ночь и вздыхал. Это далеко от привычных принципов построения рыцарского романа.

То же самое происходит дальше, когда Руслан встречается с финном. С одной стороны, этот персонаж играет в структуре повествования ту же роль, что «прюдоны» в средневековых романах: этой встречей герою сообщается необходимая информация (у Пушкина — место заключения Людмилы), подготавливающая дальнейшие эпизоды. Но с другой стороны, здесь подчеркивается исключительно эротический характер страданий Руслана. Тот с радостью узнает, где находится его жена и что украл ее «красавиц давний похититель» (20) Черномор, но у него сразу же возникает мрачное подозрение, что волшебник, возможно, обесчестил ее. Однако, финн успокаивает его, сообщая, что старый карлик — импотент:

Вновь ожил он; и вдруг опять
 На вспыхнувшем лице кручина...
 «Ясна тоски твоей причина;
 Но грусть не трудно разогнать, —
 Сказал старик, — тебе ужасна
 Любовь седого колдуна;
 Спокойся, знай: она напрасна
 И юной деве не страшна.
 Он звезды сводит с небосклона,
 Он свистнет — задрожит луна;
 Но против времени закона
 Его наука не сильна.

* * *

Он только немощный мучитель
 Прелестной пленницы своей.
 Вокруг нее он молча бродит,
 Клянет жестокий жребий свой...» (20—21).

Вторая часть первой песни целиком состоит из рассказа финна о своей любви к Наине в молодости.

Руслан здесь опять-таки остается вне действия но надо отметить, что эта история, которая занимает огромное (по сравнению с главной фабулой) место в поэме, — это опять-таки история о неудовлетворенном желании, рассказанная знакомой лексикой («мучительная тоска», «горесть», «тайная кручина» и т. п.). Тема как бы раздваивается с появлением новых персонажей и приобретает дополнительный оттенок: борьба молодости и старости и, соответственно, силы и бессилия. Оба злых старика, Черномор и Наина, — неудовлетворены, именно поэтому они и гротескны. Поэтому же оба ненавидят Руслана: у него есть «сила», которой у них больше нет:

Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя; (28).

Слово «конечно» объясняется как раз это — их общим конфликтом между старостью и молодостью: в самом деле, на первый взгляд у Наины нет никакой причины ненавидеть Руслана.

В конце первой песни герой уезжает, «душа надеждою полна» (28), как обычно, когда ему кажется, что цель недалека.

Итак, если подвести итоги этой песни, надо отметить, что герой поэмы вял и пассивен, большую часть времени он только вздыхает и томится отсутствием желанной женщины. Его энергия будет обнаруживаться только по мере приближения момента удовлетворения желания: самый отважный (и чуть ли не единственный) подвиг его — это битва с печенегами, т. е. когда цель уже практически достигнута.

Песнь II

Эротический элемент разлит по всей поэме. Мотивировка поступков соперников Руслана отнюдь не состоит в желании блистать рыцарскими доблестями. «Фарлаф, / Все утро сладко продремав» (30), моментально выходит из игры, ужасно испуганный Рогдаем, и вступает в соглашение с ведьмой (переходя тем самым в лагерь старых импотентов, где и останется, когда, подло похитив Людмилу, уже не будет в состо-

янии разбудить ее). Чувственный хан Ратмир тоже выходит из игры, как только его привлекает «красавицей» (62), и решает скорее предаться наслаждениям жизни, чем опасному разыскиванию Людмилы. Что касается Рогдая, самого решительного из всех, то он скончается после боя с Русланом в объятиях русалки (44).

Между тем, герой продолжает поиски, подталкиваемый, в основном, «дремлющим желанием» и боязнью, что Людмила останется девственницей, если он ее не найдет:

.....Найду ли друга?

* * *

Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была,
И, *скорбной девою* старея,
В темнице мрачной отцвела? (33).

Дальше рассказчик возвращается к Людмиле, которую он называет «нашей девой». Интересно отметить, что он говорит о похищении не как о горестной разлуке супругов, но как о внезапно прерванном половом акте:

Я рассказал, как ночью темной
Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана (34).

Физиологический (сниженный) характер разлуки усиливается еще и последующим, находящимся на грани вульгарности, сравнением, с бедным петухом, который «сладострастными крылами / Уже подругу обнимал» (35) и у которого коршун крадет курицу прямо во время соития. Отметим, что на эту «пошлость» обратил внимание еще Абрам Терц в «Прогулках с Пушкиным» (Терц 1993)⁴.

Людмилу тоже мучает желание, и когда она просыпается у Черномора, несмотря на «смутный ужас», она «Душой летит за наслажденьем, / Кого-то ищет с упоеньем» (35). Как и Руслан, она живет своим желанием — естественной потребностью молодости. Я уже цитировал строки, где рассказчик утверждает, что предпочел бы смерть похищению «минутной супруги», — в противоположность Руслану, который, несмотря ни на

что, остается в живых («Однако жив Руслан несчастный»). С Людмилой происходит то же самое. Сначала она весьма картинно решает покончить жизнь самоубийством, но без объяснений отказывается от этого намерения:

В унынье тяжком и глубоком
Она подходит — и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,
В волнах решилась утонуть —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь (39—40).

«Дале» она оказывается вдруг перед роскошным обедом и произносит страстный внутренний монолог о бесполезности в отсутствии друга земных благ, — но жизнь побеждает еще раз:

«Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать
Умру среди твоих садов!»
Подумала — и стала кушать (40).

Жизнь сильнее всех превратностей, и жизнь — это плотские наслаждения (если не любовь, то хотя бы еда).

Дальше Людмила возвращается в свой «чертог», где ее раздевают три девушки:

Но поспешим: рукой их нежной
раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится почивать она (41).

И в этой эротической атмосфере впервые появляется Черномор. Появление его одновременно торжественно и гротескно, поскольку прежде него входит в комнату борода Черномора, в которой он запутывается самым смешным образом. К этому мы еще вернемся.

Песнь III

До сих пор супруги в основном занимались тем, что вздыхали и беспрестанно мечтали закончить начатое.

Фабула развивается под влиянием напряженной паузы между пробуждением желания и его удовлетворением. В начале третьей песни рассказчик поддерживает это напряжение упоминанием, что колебался, называть ли Людмилу «княжной» (социальная функция) или «девой» (природное качество), и завистливый критик упрекнул его:

Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девой и княжной? (45)

Как и в посвящении, рассказчик утверждает стихами в манере Парни, Что обращается к девушке, можно сказать, ко всем девушкам, которые одни могут его понять, т. е. понять причину томления любовников:

Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу внятней;
Ты покраснела, взор погас;
Вдохнула молча... вздох понятный! (45).

Эта третья песнь, где Людмила издевается над Черномором, играя с ним в прятки в шапке, которую она у него украла и благодаря которой становится невидимой, и центральным эпизодом которой является борьба Руслана с головой, не добавляет ничего нового к эротическому плану поэмы.

Песнь IV

В четвертой песни большое место занимает история Ратмира, которого окружает «красавиц рой» (62), или же «девицы красные толпою» (63), и чувственность которого заставляет его сразу забыть о Людмиле и отдаться эротическим наслаждениям. Удовлетворенность его выявляет еще ярче неудовлетворенность Руслана, который вскоре становится даже невольным зрителем сладкой жизни молодого хана. Историю последнего следует прочесть параллельно с историей Руслана, поскольку Ратмир проходит через те же самые страдания от ожидания:

Томится сладостным желаньем,
Бродящий взор его блесит,

И, полный *страстным ожиданьем*,
Он тает сердцем, он горит (64).

В его случае ожидание будет довольно коротким, но испытания одинаковы. Желание мучает его, но он должен сначала поесть («Садится за богатый пир»: 64). Затем, в описании, которое рассказчик сам ставит под знак поэзии Парни (в противоположность Гомеру), Ратмир ложится в постель и, «воспаленный», «вкушает одинокий сон». Он видит эротический сон:

Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их — и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает (64—65).

Красивая девушка приближается к его постели и ложится рядом с ним. Он хочет проснуться (отметим тут намек на Руслана: «Проснися — дорог миг утраты»), что и случается: сон его прерывается «лобзаньем страстным и немым» (65) уже реальной женщины. Итак, в противоположность тому, что происходит с главным героем поэмы, сон Ратмира продолжается в действительности. Все это, конечно, очень нравится рассказчику, но героем поэмы является не молодой хан, и «Руслан должен нас занимать». Оказывается, в тот момент, когда его соперник «одинокий вкушает сон», Руслан «сладостный вкушает сон», но, проснувшись, видит всего лишь, как «сияет тихий небосклон» (66). Для него поиск продолжается. Отметим, что традиционные и детально описываемые в рыцарских романах бои здесь лишь упоминаются («То бьется он с богатырем, / То с ведьмою, то с великаном...»: 66): очевидным образом, не они составляют сюжет поэмы. Главная деятельность героя — погружение в собственные неотвязные мысли. Сказано, что «в его душе желанье дремлет» (66), и это спасает его от несущих гибель русалок.

Эпизод с Ратмиром заканчивается интересным отступлением:

Но, други, девственная лира
Умолкла под моей рукой;

Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира (65).

Рассказчик объясняет свое решение сдержанностью или скромностью и в то же время обязанностью рассказать о главном герое, но можно толковать его и как невозможность продолжать после того, как желание удовлетворено: вдохновение существует только во время «страстного ожидания». Это касается и Руслана, который как бы спасает повествование тем, что не поддался обольщениям русалок.

Затем мы возвращаемся к Людмиле, названной уже «моей княжной», «моей прекрасной Людмилой» (67), что показывает растущее вмешательство повествователя в рассказываемую им историю. Так же, как и супруг, она в основном «о друге мыслит и вздыхает» (67). Ее до сих пор спасает черноморская шапка, которую она, впрочем, употребляет с известным кокетством, являясь иногда взорам тех, кто ее разыскивает, и крича им: «сюда, сюда!». Как и Руслан, она думает только об одном:

На ветвях кедра иль березы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала *супруга и покой* (68).

Если бы Руслан стал *супругом* в полном смысле этого слова, она бы нашла покой. Но, обреченная на муки ожидания, она в том состоянии, которое выражают очень сильные переносы такого же типа, с какими мы встречаемся в рассказе о Руслане, например в этом отрывке («... она / минутного искала сна»), или немного дальше, когда, вследствие волшебства Черномора, ей кажется, что она видит мужа: «И стрелой / К супругу пленница летит» (69).

Со своей стороны, Черномор тоже жертва этого ожидания, несмотря на то, что он импотент. В страшной ярости, «жесточкой страстью уязвленный» (68), он решает поймать Людмилу любой ценой. Его желание тоже носит сексуальный характер: последний эпизод этой песни может внушить сомнение, в самом ли деле карла ни на что не способен:

Что будет с бедною княжной!
О страшный вид: волшебник хилый

Ласкает дерзостной рукой
 Младые прелести Людмилы!
 Ужели счастлив будет он? (70).

Как в рыцарских романах, в которых попытка изнасилования молодой девушки является сквозным мотивом, Руслан приезжает в последний момент, чтобы отстоять то, что хочет сделать сам, а Черномор, в свою очередь остановленный, должен покинуть предмет желания и выйти на бой, как сказано в последнем стихе этой песни, «закинув бороду за плечи».

Песнь V

В пятой песни встречаются все упомянутые до сих пор мотивы и даны ключи к пониманию всей поэмы. Сначала идет отступление, показывающее, что рассказчик все больше и больше усваивает сексуальный аппетит своего героя, отождествляя себя с ним:

Ах, как мила *моя* княжна!
 Мне нрав ее всего дороже:
 Она чувствительна, скромна,
 Любви супружеской верна,
 Немножко ветрена... так что же?
 Еще милее тем она.

* * *

Ее улыбка, разговоры
 Во мне любви рождают жар (71).

Людмила — *его* княжна, поскольку она является *его* литературным созданием, и это позволяет еще раз установить связь между желанием и процессом писания. Пока рассказчик горит этим «жаром любви», т. е. пока он испытывает такие же чувства, какие испытывает Руслан, читатель может быть уверен, что ему предоставится возможность следить дальше за приключениями героев. Зато, как только Руслан закончит свое дело, рассказчик, покинутый вдохновением, оставит перо. «Да, впрочем, дело не о том», — говорит он, и начинает рассказывать о бое Руслана с Черномором. Бой комичен: герой «за бороду хватает» старого карлу и улетает, держа ее в руках. Он не отпускает его, «щиплет волосы порой» до тех пор, пока волшебник не сломится. Сила юноши, удесятеренная желанием, побеждает силу ста-

рика, который просит пощады и говорит: «нет мочи боле». Мы уже видели, что у Черномора вся сила в бороде:

В его чудесной бороде
Таится сила роковая (56).

На самом деле, поскольку сексуальная тематика занимает большое место в поэме; можно истолковать бороду как метафору полового члена. С этой точки зрения стоит перечитать первое появление Черномора во второй песни:

Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несет (42).

Сцена становится бурлескной, когда Черномор, получив от Людмилы удар по голове и оглушенный ее пронзительным криком, «Хотел бежать, но в бороде / Запутался, упал и бьется» (42), или же когда в начале следующей песни, он сидит «сердито на кровати» и «Вокруг брады его седой / Рабы толпились»: они «нежно» расчесывают ее и льют на его «бесконечные усы» восточные ароматы (46). Предлагаемая интерпретация функции бороды Черномора становится, по-моему, бесспорной в пятой песне, когда в конце полета Руслан, отсекая у Черномора роковую бороду, обессиливает его окончательно:

Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы
И, бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы (74).

Затем он спрашивает его: «... где твоя краса / Где сила?». Без бороды Черномор лишь бессильный карла, и его способность обольщать сводится на-нет после этой сцены, подходящей на бурлескную кастрацию.

Но Руслан еще не добился своего (как показывает перенос: «...Ходит он / Один среди храмин горделивых»: (74): Людмилу не найти. Тогда он теряет контроль над собой и, став «неистовым» (*furioso* как Орландо), раз-

рушает все вокруг. В конце концов, случайно найдя ее, Руслан опять должен отложить исполнение желания, потому что Людмила глубоко спит:

Нежданным счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подьемлет.
Руслан с нее не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина.... (76).

Таким образом, бедный Руслан в очередной раз лишен того, ради чего боролся. Предсказания финна о том, что колдовство закончится при приезде в Киев, его немножко утешает, но желание Руслана, тем не менее, опять подвергнуто тяжелому испытанию. Любовники снова физически достаточно близки, но оба предаются сладким мечтам врозь:

Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шепотом уста
Супруга имя произносят...
В забвенье сладком ловит он
Ее волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье... (77).

Еще раз удовлетворение желания отложено до неопределенного момента. В новом авторском замечании рассказчик даже сомневается в том, что герой выдержал очередное испытание и удовольствовался целомудренным созерцанием своей возлюбленной:

Еще далек предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,
Супругу только сторожил
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Свое блаженство находил? (77).

Во всяком случае, монах, сохранивший это предание, утверждает, что между ними ничего тогда не про-

изошло. Рассказчик решает, что этому можно поверить, поскольку «без разделенья / Унылы, грубы наслажденья». Он вспоминает при этом собственный житейский опыт — «первый поцелуй любви», который дал женщине, вкушавшей «лукавый сон», и который оказался недостаточным, чтобы разогнать ее «дремоту терпеливую» (78).

Однако, несмотря на всю самоотверженную способность сдерживаться, Руслан мучится и опять вздыхает. И все же есть в этих муках некое наслаждение:

Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым. (80).

В этот момент он видит, как Ратмир, ставший рыбаком, обнимает обольстительную «младую деву». В описании ощутимо вождление, но непонятно, чье это вождление — Руслана или рассказчика:

... стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Всё мило, всё пленяет в ней (81).

После этой встречи герой продолжает свой путь. Ночью, сидя у кургана «с обычною тоскою / Пред усыпленною княжною» (84), он засыпает и видит вещей сон, как Людмила исчезает в «бездну глубинную» и опять появляется во дворе Владимира-Солнца в сопровождении Фарлафа (85). В действительности предатель в этот момент подкрадывается к уснувшему Руслану, вонзает меч в его грудь и убегает со спящей Людмилой. Героиня вторично похищена.

Песнь VI

Шестая и последняя песнь начинается отступлением, которое еще раз устанавливает связь между процессом писания и страстями любви. В этом отступлении рассказчик, обращаясь к женщине, которая дарит его своей благосклонностью, говорит сначала, что больше

не может петь «старинны были» и отдаваться поэзии, потому что он жертва своей чувственности:

Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, *негой упоен*, отвык... (88).

Как видно, у рассказчика та же навязчивая идея, что у Руслана:

Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум (88).

И то, что Руслан совершит мечом, рассказчик совершит своим пером. Только любовь к своей слушательнице заставляет его продолжать рассказ:

Ты, слушая мой легкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь; влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн (88—89).

Что потом — известно: Фарлаф приезжает в Киев со спящей Людмилой, весь город говорит, что «Младой супруг свою супругу / В светлице скромной забывал», а Руслан чудесным образом оживает, поднимается «бодрый, полный новых сил / Трепеща жизнью молодою» (94). Но и эта молодость, и эти силы бесполезны — нет у них «получателя»:

Но где Людмила? Он один!
В нем сердце вспыхнув замирает (94).

Финн — носитель благой вести — объявляет Руслану, что его «ожидает блаженство», то есть — удовлетворение желания. Как в начале поэмы, ободренный этой новостью, «упоенный / Восторгом пылким и немым» (94; отметим перенос), Руслан бросается в путь, в Киев — к предмету своего желания. Теперь темп резко ускоряется.

Если прочитать конец поэмы с предложенной точки зрения, то он оказывается очень забавным: Руслан будит

Людмилу «заветным кольцом», и кажется, что «какой-то сон / Ее томил мечтой неясной / И вдруг узнала — это он!» (98). Наконец наступил долгожданный момент, и поэтому безусловно производит комический эффект риторический вопрос рассказчика: «Чем кончу длинный мой рассказ?» Причем, он хитро добавляет: «Ты угадаешь, друг мой милый!» (99). Однако, сказано очень мало: читатель узнает, что Владимир-Солнце успокоился, что Фарлафу простили предательство, что «лишенного сил» Черномора приняли во дворец, а относительно влюбленной пары сказано только, что их пригласили на... пир:

И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировал в семье своей (99).

Все возвращается к исходной ситуации поэмы, и бедный Руслан, который столько времени воздерживался, должен, прежде чем утолить свое желание, пройти еще через испытание пиром, которое было ему так невыносимо еще в начале поэмы.

* * *

Можно сказать, что тема любви Руслана и Людмилы разработана так же, как тема Святого Грааля в артуровских легендах. В этих преданиях герой никогда не достигает цели, и тайна никогда не открывается для читателя: повествование иссякает без того, чтобы стало известно содержимое чаши; также и поэма Пушкина заканчивается прежде, чем осуществляется то, за что боролся герой. В этом обнаруживается не только желание авторов придать повествованию таинственность (в случае Грааля) или накинуть на него покров скромности (в случае Руслана). Предмет желания должен оставаться вдали, чтобы гарантировать продолжительность процесса писания. Мы видели, что желание Руслана является не только фабульной мотивировкой, но и источником вдохновения рассказчика. Руслан не должен встретить никаких новых препятствий к завершению того, что он так неудачно начал в первой песни, — и *поэтому* вдохновение покидает рассказчика. Тот, совпадая с фигурой самого изгнанного Пушкина, объявляет в конце эпилога:

Но огонь поэзии погас.
 Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
 Пора сердечных вдохновений!
 Восторгов краткий день протек —
 И скрылась от меня навек
 Богиня тихих песнопений... (101).

Интересно, что подобные случаи известны и в западной средневековой литературе. В качестве примера приведем роман артурова цикла «Прекрасный незнакомец» (XIII в.) (Beaujeu de Renauld 1967). Молодой рыцарь Генглен получает от короля Артура поручение спасти Уэльскую королеву. Его приключения все более невероятны, он проходит различные стадии всевозможных посвящений, в том числе — посвящения в куртуазную эротику, которая означает, как и для Руслана, обострение желания. Он встречает фею, и та открывает ему жестокость желания, страдание в воздержании и сублимацию (т. е. все стадии, через которые проходит герой поэмы Пушкина): она играет рыцарем, то возбуждая его, то отталкивая. Но если прекрасный незнакомец узнает, в конце концов, радости любви, для рассказчика дело обстоит иначе. Так же, как и рассказчик в «Руслане и Людмиле», он пишет, чтобы добиться любви женщины, и его первые слова таковы:

«Для нее, которая держит меня в своей власти, которая уже вдохновила меня на одну песнь о верной любви, собираюсь я написать рассказ о прекрасных приключениях. Для нее, которую я люблю чрезмерно, начинаю я эту повесть» (Beaujeu de Renauld 1967: ст. 15).

На последней странице он обрывает свой рассказ и просит даму отдаться ему поскорее, угрожая, в противном случае, оставить своего героя, над которым у него абсолютная власть, в полной сексуальной прострации:

«По Вашей прихоти он [рассказчик] будет продолжать свой рассказ, или же замолчит навсегда. Если Вы согласитесь удостоить его благосклонным приемом, он сделает для Вас так, чтобы Генглен нашел свою потерянную подругу и сжал ее, нагою, в своих объятиях. Но если Вы заставите его ждать, Генглен будет страдать и никогда не обретет снова свою подругу. Другого средства отомстить нет, и, к самому большому несчастью Генглена, эта месть падет на него: я никогда не

буду говорить о нем больше, пока меня не удостоит благосклонного приема» (Beaujeu de Renault 1967: ст. 6253—6266).

Как видно, проблематика та же: писательская работа тесно связана с желанием любить. К тому же, тема ожидания занимает центральное место в повествовании: на нее опирается вся фабула. Прекрасный незнакомец доведен до высшей степени желания, а затем половой акт резко обрывается, что, хотя и в совершенно других обстоятельствах, оставляет его в таком же состоянии, как Руслана:

«Миловидная и красивая молодая женщина направилась к нему быстрым шагом и, откидывая плащ, чтобы высвободить руки, наклонилась над ним. Их взоры встретились с удовольствием. Ее шея и грудь были белы, как боярышник; она прижалась к нему, шепча: “Милый друг, если бы вы знали — спаси меня Господи! — как мне хочется быть с Вами”. Она прижимала свою грудь к груди молодого человека, оба были почти нагие, их разделяла одна лишь рубашка. Она его щедро одаряла ласками. <...> Незнакомец посмотрел на нее с нежностью и попытался украсть у нее нежный поцелуй. Тогда дама откинулась назад: “Ни в коем случае! Какое неприличие! Я Вам не отдамся, будьте уверены, но как только вы на мне женитесь, я буду Вашей”» (Beaujeu de Renault 1967: ст. 2424—2454).

Жертва нестерпимого желания, молодой человек, как Руслан, видит эротические сны:

«Любовь терзает и мучит его, но он так устал, что засыпает. Во сне он увидел ту, ради которой бьется его сердце до смерти: он держал красавицу в объятиях. Всю ночь он видел во сне, как обнимает ее, и это продолжалось до самого утра» (Beaujeu de Renault 1967: ст. 2464—2471).

Затем будут многочисленные вариации этого мотива, до того момента, когда молодой человек сможет удовлетворить свое желание:

«И дама лежала в кровати — в самой красивой и богатой кровати, которую видел свет. Ох! я бы с удовольствием описал ее без прикрас и без ошибки, но для того, чтобы ускорить счастье, которого Генглен жаждет, я не хочу изображать эту кровать: то была бы

слишком долгая работа» (Beaujeu de Renauld 1967: ст. 4769—4776).

На сей раз Генглену повезет больше, даже если рассказчик объявляет странным и забавным образом: «Я не знаю, сделал ли он ее своей любовницей — меня там не было, я ничего не видел, но вблизи своего друга она потеряла имя “девушки”» (вспомним лексические колебания в поэме Пушкина). Мы узнаем, что «в эту ночь они утешились *после долгого ожидания*» (Beaujeu de Renauld 1967: ст. 4815—4820). Но теперь, когда Генглен «получил все, что хотел, и обладает тем, что раньше было для него причиной беспрестанных страданий», читателю дается понять, что рассказчик поведал всю эту историю, чтобы выразить свою собственную боль ожидания — боль, которая, однако, сопровождается неким наслаждением:

«И поэтому я не жалею, что люблю и что я верен своей подруге: в один день она может вознаградить меня больше, чем я мог бы заслужить когда-нибудь. И надо любить страстно ту, которая может так неожиданно дать столько счастья. Тот, кто хочет служить женщине, даже если он страдает долгое время, пусть не отступает: власть дам такова, что когда они хотят вознаградить, они заставляют забыть все испытанные страдания» (Beaujeu de Renauld 1967: ст. 4828—4841).

Конечно, на уровне фабулы, случай с Русланом совершенно иной, поскольку речь идет не об отказе со стороны возлюбленной. Зато, на уровне повествовательной динамики оба текста функционируют одинаково, и в обоих случаях обнаруживается желание писателя *поиграть*, показывая, каким образом можно манипулировать повествованием. Именно в этом, по-моему, своеобразии обоих произведений.

* * *

Итак, анализ эротического элемента в поэме «Руслан и Людмила» позволяет выявить некоторые особенности, которые определяют не только оригинальность этого произведения, но и его организующий принцип. Оказывается возможным несколько иначе посмотреть на проблему вероятных источников поэмы. Конечно, не будь «Неистового Роланда», «Двенадцати спящих дев» или же «Орлеанской девственницы», — не было бы и

«Руслана и Людмилы». Конечно, желание Пушкина пародировать неоспоримо: это даже самый главный источник комического. Но еще больше, мне кажется, желание поэта выбрать определенные черты рыцарского романа и утрировать их, довести до семантического предела, чтобы выявить их настоящее значение. Так обстоит дело с мотивом похищения любимой женщины. Конечно, Пушкин придал ему довольно резкий сексуальный оттенок, но надо отметить, что и в средневековой литературе эта черта была тоже подчеркнута. Пушкин только выдвинул на первый план именно этот мотив в *ущерб* всем остальным (например, отважные поступки, которые описываются редко и совсем неубедительно): это его интерпретация, игривая обработка. Так же обстоит дело с соотношением между поиском предмета желания и процессом писания — другой характерной чертой средневековых произведений: Пушкин развивает ее, подчиняя движение повествования, одновременно, сексуальной неудовлетворенности героя и вожделению рассказчика к его слушательнице.

Игра с повествовательной техникой существовала уже в Средние века, но только в XX веке она стала сознательной игрой, иначе говоря, размышление письма о самом себе стало постоянной величиной в литературе (см., например, французский «новый роман»). В своей поэме Пушкин, как никто другой, играет с традицией и, тем самым, преодолевает понятие «жанра». В этом качестве, часто отмечавшемся критикой, «Руслан и Людмила» представляет собой произведение совсем новое. Но игрой с эротическим элементом поэт пошел еще дальше: он обнажил те приемы повествовательной техники, которые лишь в наши дни станут привычным явлением в художественной литературе.

Примечания

¹ La reine fut subtilisée / Et par magie emportée (sir Orfeo). Перевод Marie-Therese Brouland (Brouland 1990: ст. 192—193). В этой работе очень много ценных сведений по интересующей нас теме, см., в частности, главу «Les motifs liés a l'enlèvement — ment de la reine Neurodis (часть 1, § 2).

² Перевод мой.

³ Далее все цитаты из «Руслана и Людмилы» приводятся только с указанием страницы; во всех цитатах курсив мой.

⁴ «Здесь-то, в радушном и гостеприимном бесстыдстве, берут начало или находят конец экивоки, двойная игра эротических образов Пушкина, уподобившего Людмилу, нежную, надышенную Жуковским Людмилу, пошлой курице, за которой по двору гоняется петух-Руслан, пока появление соперника-коршуна не прерывает эти глупости в самый интересный момент» (Терц 1993: 18). См. также: Золотоносов 1992: 108, где основательно обсуждается проблема взаимоотношений писания/секса.

⁵ Переводы мои по изданию на современном французском яз. в пер. Michèle Pernet & Isabelle Weill (Pernet, Weill 1991).

Библиография

Золотоносов 1992 — Золотоносов М. А. Слово и тело, или Сексогональные проекции русской культуры: Неформальное введение в антологию фаллистики // Петербургские чтения. 1992. Вып. 1. С. 182—215.

Кутузов 1821 — Кутузов Н. Аполлон с семейством // Сын отечества. 1821. № 5. С. 193—210.

Пушкин 1963 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1963. С. 7—101.

Терц 1993 — Терц А. Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993.

Beaujeu de Renauld 1967 — Beaujeu de Renauld. Le Bel Inconnu. Paris, Honoré. 1967.

Briggs 1976 — Briggs K. An Encyclopedia of Fairies. New York, 1976.

Brouland 1990 — Brouland M.-Th. Le substitut celtique du lai breton: Sir Orfeo. Paris, 1990.

Chrétien de Troyes 1992 — Chrétien de Troyes. Le chevalier de la charrette ou le Roman de Lancelot. (Ed. Charles Mela) Paris, 1992.

Gross, Slover 1969 — Gross T. P., Slover C. H. (eds.). Ancient Irish Tales. Dublin, 1969.

Pernet, Weill 1991 — Pernet M., Weill U. (eds.) Le Bel Inconnu. Paris, 1991.

*Е. И. Меламед
Житомир*

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К КОММЕНТАРИЯМ

1.

По поводу двух псевдонимов

Первый номер нового журнала «Русское богатство» представляет собой антологию одноименного журнала, выходявшего в Петербурге в 1876—1918 гг. Начинание, безусловно, благое да и сама подборка текстов небезынтересна, однако, немногочисленные и спорадические примечания к ним, подготовленные самим редактором-издателем, писателем А. П. Злобиным (при содействии двух научных консультантов) портят в целом неплохое впечатление от издания.

Ограничусь двумя казусами.

Об авторе статьи «Продовольственные опыты бюрократии», извлеченной из № 8 «РБ» за 1905 года, сказано буквально следующее:

«П. Голубев — есть основания полагать, что это псевдоним члена редакции “Русского богатства” Мокиевского Павла Васильевича (1856—1928)» (Злобин 1991: 327).

Любопытно, какие же основания, кроме случайного совпадения одного из инициалов? Быть может, тематика публикаций Мокиевского, появившихся на страницах журнала? Вот некоторые из них, взятые из указателя статей, помещенных в «РБ» с 1893 по 1911 год (Указатель 1911:55):

- «Смысл жизни» проф. Введенского (1897. № 2);
- Несколько слов об одной из новейших философских систем (1898. № 7);

— Монистическая философия Эрнста Геккеля (1906. № 7);

— К вопросу о крестьянстве, как общественной категории (1906. № 10).

Нет, тематика явно не та. Это становится еще более очевидным, если привести другой перечень статей из того же указателя, опубликованных под именем П. А. Голубева (Указатель 1911:38):

— Податные очерки: Вятская, Нижегородская губернии (1894. № 1);

— Страховой принцип в продовольственном деле (1900. № 2);

— Народные дома — дворцы (1901. № 12).

Впрочем, все это уже изыски. Для того, чтобы убедиться в абсурдности высказанного А. П. Злобиным предположения, достаточно заглянуть в известный «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова. Там, наряду с философом П. В. Мокиевским (1856—1927), у которого, кстати, зафиксирован лишь один-единственный псевдоним «П. М.» (Масанов 1960: 322)¹, значится также статистик и публицист Петр Александрович Голубев (1855—1915; Масанов 1969 4:36). Именно ему и принадлежит статья, о которой идет речь².

Другая справка касается автора статьи «Наши газеты и журналы», впервые опубликованной в № 5 «РБ» за тот же 1905 год. «Подарский, — пишет комментатор, — псевдоним одного из сотрудников журнала. Подлинное имя автора пока установить не удалось» (Злобин 1991: 346).

И в этом случае «топор следует искать под лавкой», то есть в том же словаре И. Ф. Масанова, с помощью которого нетрудно установить, что Подарский — один из псевдонимов Н. С. Русанова (1859—1939; Масанов 1957, 2: 367) народнического деятеля и публициста, чаще публиковавшегося под другим литературным именем — Н. Кудрин. В своих воспоминаниях он рассказал, что для этого псевдонима взял инициалы и фамилию товарища своей юности Василия Григорьевича Подарского (Русанов 1929: 244). Между прочим, инициалы эти в свое время ввели в заблуждение В. П. Буренина, который решил, что Подарский — не кто иной как В. Г. Короленко³. Однако его ошибка все

же более извинительна, ведь воспользоваться словарем псевдонимов он не мог.

2.

Кто виноват?

Иногда интересно бывает проследить, как одни и те же реалии толкуют разные комментаторы. Вот сюжет мне близкий — эпизод из «Истории моего современника» В. Г. Короленко (кн. 3-я, ч. 2-я, гл. 1-я).

«Мать и сестра рассказали мне следующий случай... В Красноярске составилась большой и дружный кружок ссыльных. Потом администрация решила, что <...> ссыльных лучше перевести в Минусинск. Кажется, именно в Минусинске их посетил известный исследователь сибирской ссылки американец Кеннан. Описывая один из устроенных для него ссыльными пикников, он рассказывает, между прочим, о целой стайке всем молоденьких девушек, высланных с юга одесским губернатором Тотлебенем, вернее, его адъютантом Панютиным. Набросав силуэт одной из таких девушек, детски веселого полуробенка, Кеннан приводит затем свой разговор с сопровождавшим его приятелем-художником: «Знаешь что, — сказал один американец другому. — Если бы я был русским императором и не мог спать спокойно до тех пор, пока такие девочки не удалены от меня на десять тысяч верст, то... я бы лучше отказался от этого беспокойного престола»...

Первые комментаторы «Истории», дочери писателя Н. В. и С. В. Короленко (при активном, но замалчиваемом участии А. Л. Кривинской)⁴, готовившие ее переиздание для серии «Памятники литературного быта» в издательстве «Academia», сопроводили упоминание имени Кеннана развернутой справкой (Короленко 1931: 660), представляющей собой небезынтересный в историко-ведческом отношении, но перегруженный излишними подробностями и довольно сырой материал для характеристики американского автора и его взаимоотношений с Короленко. При дальнейших переизданиях она была сильно сокращена и в конечном итоге предстала в таком виде:

«Кеннан Джордж (1845—1924) — американский журналист. В 1885 году⁵ совершил путешествие по Си-

бири с целью обследовать сибирскую ссылку. Свои впечатления Кеннан опубликовал в книге “Сибирь и ссылка”, переведенной на русский язык. Кеннан был лично знаком с Короленко и в этой книге несколько раз упоминает о нем» (Короленко 1953—1956; 7:414)⁶.

По-иному отреагировал на этот в общем-то второстепенный эпизод покойный А. В. Храбровицкий, подготовивший первое научное и, на наш взгляд, лучшее до сих пор издание мемуаров Короленко, выпущенное в 1965 году. Убеденный, что «не все, что можно комментировать, нужно комментировать», что «автор сам знал, что именно и в каком объеме следовало сообщить читателю о людях <...>, упомянутых в его книгах», и что «справочным целям должен служить аннотированный указатель имен» (Храбровицкий 1976), он ограничился лаконичным (быть может, даже слишком лаконичным) замечанием относительно достоверности сообщаемых сведений:

«Встреча Кеннана с ссыльными девушками состоялась не в Минусинске а в Семипалатинске в 1885 году (См.: Джордж Кеннан. Сибирь и ссылка, т. 1, СПб., 1906, с. 139)» (Короленко 1965: 988).

Наконец, еще один вариант представлен Б. В. Авериним, с комментариями которого вышли три последних издания «Истории» 1976, 1985 и 1991 годов.

Проигнорировав немаловажную в данном случае «географическую» поправку своего предшественника, он предложил свою:

«Короленко не совсем точно вспоминает этот эпизод из книги американского журналиста Д. Кеннана (1845—1924) “Сибирь и ссылка” (СПб., 1906). Рассказав о встрече с ссыльными девушками, Кеннан пишет: “Мысль о том, что могущественное русское правительство для охраны себя от молодых девушек-подростков принуждено отрывать их от семейств и ссылать за тысячи верст этапным порядком, в азиатскую пустыню, — казалась мне слишком нелепой” (Кеннан Дж. “Сибирь и ссылка”, ч. 1. СПб., 1906, с. 47)» (Короленко 1976: 361).

Сверка текста Короленко с непереиздававшейся у нас после 1906 года и давно ставшей библиографической редкостью книгой Дж. Кеннана, показывает, что на

самом деле автор «Истории» имел в виду совсем другие слова. Вот они:

«Если бы я был царь, — сказал я г. Фросту, — в распоряжении которого целая армия солдат и полицейских, и я из боязни перед подростками-девушками не мог бы все-таки спать, пока они не сосланы в Сибирь, то я лучше отказался бы от престола в пользу более мужественного и твердого характером человека»⁷ (Кеннан 1891: 98-99).

Естественно, возникает вопрос: откуда взяты слова, приведенные комментатором? Оттуда же. Они следуют непосредственно за процитированной нами прямой речью автора.

Эта странная поправка фигурирует во всех трех перечисленных выше изданиях, подготовленных Б. В. Авериным. Впрочем, в двух других имеются и новации, причем, если в издании 1985 года это только библиографическая ссылка на нашу давнюю статью о взаимоотношениях Короленко и Кеннана (Меламед 1977), то в последнем, вышедшем в составе пятитомного Собрания сочинений писателя, — целый абзац, содержащий дополнительную и несколько неожиданную информацию о «Сибири и ссылке»:

«А. Ф. Кони так характеризовал труд Кеннана: "...в 1891 году появилась за границей книга Кеннана с описанием сибирских тюрем и господствовавших там порядков, верная в подробностях, но ошибочно приписывающая многие безобразные явления обдуманной системе, тогда как они были самостоятельными проявлениями личного произвола и насилия" (Кони А. Ф. Воспоминания о Писателях. М., 1989. С. 459)» (Короленко 1991: 530).

Во-первых, она почти не связана с комментируемым текстом; во-вторых, непонятно, почему из всех, писавших о знаменитой книге, предпочтение отдано именно Кони. Если потому, что по своему положению он знал об описываемом предмете больше других, так ведь то же положение сказывалось (или могло сказаться) и на объективности его свидетельств. Во всяком случае, читателю нелишне было бы узнать, что существуют и другие, не сходные с мнением Кони отзывы современников (Меламед 1988: 140—20; Меламед 1991: 24—27). Скажем, Л. Н. Толстого, который, пересказав в днев-

нике тот же самый тезис автора «Сибири и ссылки» о нелепости отправлять по этапу в Сибирь девушек-подростков, резюмировал: «Суждения о русском правительстве у Кеннан'а поучительны» (Толстой 1952: 5). Или Чехова, из воспоминаний о котором и извлечен процитированный пассаж. Накануне поездки на Сахалин, 9 марта 1890 года, он писал А. С. Суворину: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь <то есть, после выхода книги Кеннана, с которой Чехов познакомился по одному из заграничных изданий. — Е. М.> вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а мы сами»... (Чехов 1976: 32).

Что ж, Б. В. Аверин вслед за Кони волен полагать, что виноваты были все-таки смотрители, но тогда эту точку зрения следует обосновать и едва ли в примечаниях к Короленко.

3.

Автор «Замечательных очерков»

Готовя в свое время «правозащитный» сборник публицистики В. Г. Короленко, к сожалению, так и не дошедший до печатного станка (Короленко 1993: 63), я как комментатор не мог, конечно, пройти мимо следующих строк из статьи «Черты военного правосудия»:

«Мне уже приходилось ссылаться на замечательные очерки господина С. «Смертники») в «Вестнике Европы». Прекрасный наблюдатель, поставленный превратными российскими судьбами в «отличные условия» для наблюдения, автор этот с спокойной печалью и трезвой сдержанностью присматривается к «бытовому явлению». Между прочим, он задавался вопросом: сколько невинных отправляется по зорям тюремными коридорами на задние дворы, где их ждет виселица?» (Короленко 1953—1956, 9: 609—610).

Далее Короленко знакомит читателей с наблюдени-

ями «господина С.», согласно которым «тюрьма знает <...> широкое подразделение смертников на две категории: действительно виновные в том, за что их судят, и совершенно неповинные в деяниях, за которые придется умирать», причем процент последних «среди политико-уголовных достигает чудовищной высоты» — от 1/5 до 1/3.

То важное значение, которое придавалось писателем наблюдениям и свидетельствам «господина С.», понуждает пролить свет по крайней мере на три вопроса: кто был автором «замечательных очерков»? Когда они напечатаны? Где ранее ссылался на них Короленко?

Из этих трех вопросов комментатор девятого тома в десятитомнике Короленко, его старшая дочь Софья Владимировна, ответила лишь на один, сообщив, что «Смертники» напечатаны в № 7 и 8 «Вестника Европы» за 1910 год (Короленко 1953—1956, 9: 759). Но даже этого не сделала комментатор статьи Короленко в его шеститомном собрании сочинений 1971 года, вышедшем в приложении к «Огоньку», Н. Николаева (Короленко 1971: 406—408). Она попросту не обратила внимания ни на «господина С.», ни на «замечательные очерки». Объясняет, например, что такое Левиафан, Сцилла и Харибда, Фемида; кто такие Т. Джефферсон, К. Н. Леонтьев, а вот фигурирующего в паре с последним педагога и литератора Д. И. Тихомирова (1844—1915) не замечает, как не замечает и другие реалии, достойные внимания комментатора, но требующие разысканий, а не справок в общедоступных энциклопедических словарях.

Впрочем, в данном случае и особо сложных разысканий не требовалось. Тот же словарь И. Ф. Масанова подсказывает, что «С.» — это Владимир Савельевич Войтинский (1885—1960), писатель, публицист, политический деятель и экономист (Масанов 1958, 3: 45). Выделить его из более чем 150 лиц, пользовавшихся этим криптонимом (в их числе, между прочим, был и Сталин), позволяет указание на журнал «Вестник Европы» (1910, № 6—7)⁸. В свою очередь, чтобы установить, где ранее Короленко ссылался на очерки В. С. Войтинского, следует задаться вопросом: что написал он на ту же тему с июля по октябрь 1910 года? Ответ очевиден: статью «Дело Глускера» (РБ, 1910.

№ 7), которая позднее, в 1918 году, была внедрена в переработанные «Черты военного правосудия». В ее журнальном тексте и находится искомая ссылка: изложив уже известные нам наблюдения о числе невинных смертников, автор замечает: «Это самое сильное, что можно сказать в защиту суда по делу Глускера» (Короленко 1910: 142—143).

Здесь нет нужды в подробном рассказе о В. С. Войтинском, тем более, что в последнее время стараниями Н. И. Примочкиной появились две содержательные работы о нем (Примочкина 1988; Примочкина 1989), где среди прочего упоминается и об «отличных условиях» для наблюдения» (Иначе говоря о его пребывании на каторге и в ссылке), благодаря которым он сумел собрать столь богатый материал о «бытовом явлении»; и об издательской судьбе «Смертников» (они публиковались еще дважды: Войтинский 1911; Войтинский 1914); и, наконец, о его переписке с Короленко (Федорова 1961: 57; Юдина 1981: 40), явившейся следствием знакомства последнего с «замечательными очерками». От себя добавлю, что в редакторских книгах Короленко содержатся еще четыре отзыва о рукописях Войтинского, присланных ему как редактору «Русского богатства»⁹, два из которых были помещены в журнале (Войтинский 1913б, Войтинский 1917); всего же с 1911 по 1917 год там были напечатаны шесть его произведений. (Войтинский 1911б; Войтинский 1911в; Войтинский 1912; Войтинский 1913б).

Примечания

¹ Указанная дата смерти Мокиевского — 1927 — подтверждается и другими источниками (Короленко 1936: 212; Маковицкий 1981: 8).

² Поскольку его деятельность была связана преимущественно с провинциальной прессой, сначала сибирской, а затем поволжской, то и отразилась она главным образом в краеведческих изданиях (Чешихин: 1915: 15; Короленко 1956: 88—90, с ошибкой в дате рождения; Бушканец 1972: 4—26; Петряев 1978; Петряев 1981; Петряев 1987: 17).

³ Подробнее см. Меламед 1990: 57—58.

⁴ О ее участии в этой работе нам известно от биографа Короленко А. В. Храбровицкого (запись беседы с ним 23 марта 1986 в архиве автора).

⁵ Точнее, в 1885—1886 гг.

⁶ В этом издании, вышедшем уже после смерти Н. В. Короленко, автором примечаний значится только С. В. Короленко.

⁷ Цит. по тому самому переводу, переизданному в 1906 г. журн. «Всемирный вестник», которым пользовался Короленко (письмо зав. Полтавским лит.-мемориальным музеем В. Г. Короленко Г. З. Кондрашовой. Архив автора). Ср. — Меламед 1993: 13—14.

⁸ Правильно: № 7—8.

⁹ Рукопись «Об Орловском центре» не могла появиться в журнале по цензурным причинам и отправленная автором за границу попала к Дж. Кеннану, в архиве которого и находится (Jarmolinsky 1921: 5—6).

Библиография

Бушканец 1972 — Казань в истории русской литературы / Под ред. Е. Г. Бушканца. Сб. 3. — Казань, 1972.

Войтинский 1911а — Войтинский В. С. Смертники. Берлин, 1911.

Войтинский 1911б — Войтинский В. С. Суд победителей // Русское богатство. 1911. № 6. С. 106-141; № 7. С. 145-181.

Войтинский 1911в — Войтинский В. С. По этапу // Русское богатство. 1911. № 12. С. 96-125.

Войтинский 1912 — Войтинский В. С. За железной решеткой // Русское богатство. 1912. № 6. С. 142-166; № 7. С. 43-69; № 8. С. 79-118.

Войтинский 1913а — Войтинский В. С. Призраки // Русское богатство. 1913. № 7. С. 20-35.

Войтинский 1913б — Войтинский В. С. После взрыва // Русское богатство. 1913. № 8. С. 101-122.

Войтинский 1917 — Войтинский В. С. Две смерти // Русские записки. 1917. № 2/3. С. 77-91.

Злобин 1991 — Злобин А. К читателю. Русское богатство. М., 1991. N 1. С. 5-10.

Кеннан 1891 — Кеннан Дж. Сибирь! / Пер. д-ра Г. Руз и д-ра А. Вольфа. Берлин, 1891.

Короленко 1910 — Короленко В. Г. Черты военного правосудия // Русское богатство. 1910. № 7. Отд. II. С. 129-142.

Короленко 1931 — Короленко В. Г. История моего современника. Кн. 3. Т. 3/4. / Ред. и комментарий С. В. и Н. В. Короленко. М.; Л., 1931.

Короленко 1936 — Короленко В. Г. Избр. письма. Т. 3. М., 1936.

Короленко 1953-1956 — Короленко В. Г. Собр. соч. В 10-ти т. М., 1953-1956.

Короленко 1965 — Короленко В. Г. История моего современника / Подг. текста и примечания А. В. Храбровицкого. М., 1965.

Короленко 1971 — Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 6. М., 1971.

Короленко 1976 — Короленко В. Г. История моего современника. Т. 3 / Вступит. статья и примечания Б. Аверина. Л., 1976.

Короленко 1991 — Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 5. Л., 1991.

Короленко 1993; не изд. — Короленко В. Г. «Воюю только пером...» / Предисловие М. Я. Гефтера. Сост., послесловие и примечания Е. И. Меламеда // De visu. 1993. № 2. С. 63 (Объявление).

Короленко Отзывы — Короленко В. Г. Отзывы о рукописях В. С. Войтинского // Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 135. 21. 1334. Л. 28 («После взрыва»); Ф. 135. 21. 1333. Л. 178 («Воскресенье»); Ф. 135. 21. 1334 («Об Орловском центре»); Ф. 135. 21. 1334. Л. 85-86 («Две смерти»).

Маковицкий 1981 — Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904-1910: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Указатели к кн. 1-4 / Литературное наследство. Т. 90. М., 1981.

Масанов 1957-1960 — Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4-х т. М., 1957-1960.

Меламед 1977 — Меламед Е. И. В. Г. Короленко и Дж. Кеннан: (из истории русско-американских литера-

турных связей) // Русская литература. 1977. № 4. С. 152-157.

Меламед 1981 — Меламед Е. И. Лев Толстой и Джордж Кеннан: (по новым материалам) // Русская литература. 1981. № 3. С. 153-157.

Меламед 1988 — Меламед Е. И. Русские университеты Джорджа Кеннана: Судьба писателя и его книг. Иркутск. 1988.

Меламед 1990 — Меламед Е. И. Коллекция ошибок // Советская библиография. 1990. № 6. С. 56-58.

Меламед 1991 — Меламед Е. И. Дж. Кеннан // Памятные книжные даты: 1991. С. 24—27.

Меламед 1993 — Меламед Е. И. Джордж Кеннан в русской печати (1871—1991): Аннотированный библиографический указатель. [Вашингтон, 1993].

Петряев 1978 — Петряев Е. Д. Записки книголюбца. Киров, 1978.

Петряев 1981 — Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1981.

Петряев 1987 — Петряев Е. Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1862—1906): Библиографические материалы. Киров, 1987.

Примочкина 1988 — Примочкина Н. И. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 907—939.

Примочкина 1989 — Примочкина Н. И. Войтинский Владимир Савельевич // Русские писатели. 1800—1917: Биобиблиографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 461-462.

Русанов 1929 — Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929.

Толстой 1952 — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: Юбилейное изд. Т. 50/51. М., 1952.

Указатель 1911 — Указатель статей, помещенных в журнале «Русское богатство» с 1893 по 1911 г. СПб., 1911.

Федорова 1961 — Федорова В. Описание писем В. Г. Короленко. М., 1961.

Храбровицкий 1976: неизд. — Храбровицкий А. В.

Рецензия на издание «Истории моего современника» В. Г. Короленко // Архив автора статьи.

Чехов 1976 — Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: Письма. Т. 4. М., 1976.

Чешихин 1915 — Чешихин В. Е. Люди Нижегородского Поволжья. Вып. 1: Краткий словарь писателей-нижегородцев. Н. Новгород, 1915.

Юдина 1971 — Юдина И. М. Рукописи и переписка В. Г. Короленко: Научное описание // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 год. Л., 1971. С. 3-10.

Jarmolinsky 1921 — Jarmolinsky A. The Kennan Collection. N. Y., 1921.

Э. И. Шнейдерман
С.-Петербург

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ: НАХОДКИ, УТОЧНЕНИЯ, ДОГАДКИ

Занявшись несколько лет назад подготовкой к изданию стихотворений Бенедикта Лившица для сборника, которому, из-за нерентабельности выпуска в наше время поэтических книг, не суждено было осуществиться, я наткнулся на немалое число белых пятен, неточностей, неувязок, касающихся как биографии поэта, так и его творчества. Многие из них объясняются конечно же тем, что личный архив Лившица, репрессированного и погибшего в застенках НКВД, не сохранился. Уцелели только считанные документы, находящиеся теперь в государственных архивах, а также у собирателей. Кое-что удалось восстановить — как путем привлечения неизвестных до сих пор источников, так и просто внимательного чтения опубликованных материалов.

1. Б. Лившиц и цензура

Прежде всего обратимся к первому сборнику стихов Лившица «Флейта Марсия» (Лившиц 1911). Известно, что книгу эту поэт выпустил мизерным тиражом — 150 пронумерованных экземпляров, из которых, как писалось в одной из рецензий, «только 100 предназначаются автором для продажи» (Сандомирский 1912: 16)¹. Книга тут же была запрещена цензурой, о чем в киевской печати сообщалось дважды. Сначала кратко: «Почему книга была под арестом (см. указание на обложке), является секретом российской цензуры» (Аноним 1911). Затем — с некоторыми подробностями: «Изъятая во время печатания из-под типографского станка,

она навлекла на автора строжайшие обвинения цензуры, и Б. Лившиц сразу был привлечен по трем статьям» (Сандомирский 1912).

Весьма существенным для воссоздания истории сборника оказалось письмо Лившица В. Брюсову, хранящееся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Приведу его целиком.

К[иев], 31 марта 1911

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Одновременно с настоящим письмом пересылаю Вам свою первую книгу стихов. Выпустил я ее исключительно с целью узнать мнение о моих стихах поэтов и лиц, интересующихся поэзией. Увы! — этому желанию не суждено сбыться, по крайней мере, в ближайшее время: книга моя конфискована* за богохульство, и я лишен возможности рассылать ее по журналам для отзыва**

В частности, Ваше мнение, с которым я мог бы ознакомиться по рецензии «Русской мысли» и к которому хотел бы сугубо внимательно прислушаться, — мне неизвестно.

Поэтому, прошу Вас — если не найдете для себя затруднительным — сообщить его мне в письме, сообразованном направить последнее по адресу: Киев, Тарасовская, 14, кв. 21.

*Глубоко Вас уважающий
Бenedикт Лившиц.*

P.S. Позволяю себе присоединить к книге два стихотворения, еще не появившиеся в печати. Б. Л. (Нерлер, Парнис 1992: 181).

Прежде всего, обратим внимание на дату письма. Сборник был напечатан в конце февраля (Нерлер, Парнис 1992: 182), сразу же запрещен, и тираж его арестован.

* Мне удалось сохранить только 10 экземпляров. (Прим. Б. Лившица)

** Единственное исключение — «Аполлон», т. к. невероятно, чтобы он мог попасть в руки прокурора (Прим. Б. Лившица).

стован в типографии. Но один из десяти спасенных экземпляров Лившиц вскоре отправил Брюсову. Однако не только ему, а, как можно догадаться по 2-му примечанию в письме, также и в петербургский «Аполлон». И адресован он был, конечно же, лично Н. Гумилеву, занимавшемуся в журнале рецензированием новых поэтических книг.

Лившиц познакомился с Гумилевым за год с небольшим до этого, 30 ноября 1909 года, в Киеве (Лившиц 1989: 705) и, вероятно, тогда же передал ему свои стихи. Ровно через год три стихотворения были напечатаны в «Аполлоне» — «Лунатическое рондо», «Эрос» и «Le miracle des roses»* (Лившиц 1910).

Надежда на «Аполлон» оправдалась и на сей раз, причем удивительно скоро: отзыв Гумилева на «Флейту Марсия» появился уже в 5-м, майском номере (Гумилев 1911)². Лившиц, конечно, послал ему сборник раньше, чем Брюсову, который откликнулся на него в июльской «Русской мысли» (Брюсов 1911), где заведовал литературно-критическим отделом, систематически рецензируя огромное количество выходявших поэтических книжек.

Запрет с «Флейты Марсия» был снят в самом конце декабря (Аноним 1911), и, следовательно, обе рецензии появились на еще запрещенный сборник. Таким образом, и Гумилев, и Брюсов шли на известный риск: ведь если бы раскрылось, что они рецензируют и тем самым пропагандируют запрещенную цензурой книгу, это могло грозить «Аполлону» и «Русской мысли» судебными санкциями.

После разрешения книги на нее откликнулись С. Кречетов в московской газете «Утро России» (Кречетов 1912), С. Городецкий в петербургской «Речи» (Городецкий 1912) и В. Волькенштейн в петербургском журнале «Современный мир» (Волькенштейн 1912: 327); две рецензии были напечатаны в киевских изданиях. В итоге книжка начинающего поэта, вышедшая малым тиражом и к тому же в провинции, получила целых семь отзывов, появившихся к тому же, в основном, в крупных изданиях обеих столиц. Но ведь, как становится понятным из его письма к Брюсову, автор

* Чудо о розах (фр.).

активно занимался рассылкой экземпляров книжки. Главная цель издания, как ее сформулировал в письме сам поэт, была им достигнута.

В рецензиях хоть и отмечались недостатки, но в то же время во многих из них признавалось и хорошее знание техники стиха: «мастерством стихосложения он владеет вполне» констатировал крупнейший в то время теоретик стиха Брюсов (Брюсов 1911), выражалась надежда на поэтическое будущее Лившица. С наибольшей похвалой отозвался о сборнике Гумилев: «гибкий, сухой, уверенный стих, глубокие и меткие метафоры, умение дать почувствовать в каждом стихотворении действительное переживание, — все это ставит книгу в разряд истинно ценных и делает ее не только обещающим, но и достижением» (Гумилев 1911).

Первой о разрешении сборника сообщила, как уже говорилось, «Киевская почта»; затем, более подробно, «Киевская неделя»: «Ныне освобожденная от запрета (несколько стихотворений все же погибли для публики), она появляется на свет Божий...» (Сандомирский 1912).

Что же из «Флейты Марсия» «погибло для публики»? Какие стихи были запрещены? Приметы их нетрудно выявить, вчитавшись в рецензии: в трех из них обнаруживаются детали, отсутствующие в вышедшем в свет варианте сборника, и, стало быть, относящиеся к запрещенному.

«В книге всего 25 стихотворений...» — сообщает Гумилев (Гумилев 1911). В известном ее варианте их 26³.

«Темы ее, — отмечает Гумилев, — часто не художественны, надуманны: грешная любовь каких-то девушек к Христу (есть вещи, к которым, хотя бы из эстетических соображений, надо относиться благоговейно)...» (Гумилев 1911). Однако ни в одном из стихотворений вышедшей книги подобных мотивов нет.

И третья, также существенная, примета содержится в двух рецензиях. Брюсов: «Никого теперь не удивишь ... пятисложными рифмами...» (Брюсов 1911); «Киевская почта»: «Интересен размер с ударением на седьмом слоге от конца — прием редкий, достойный Брюсова» (Аноним 1911).

Естественно, что Брюсов, сам экспериментировав-

ший в этой области и давший образцы «длинных» супердактилических рифм [напр., 7-сложной: «свешивающиеся — смешивающиеся» («Ночь»)], не прошел мимо них и у Лившица.

Однако в сборнике нет ни одной 7- и даже 5-сложной рифмы. Самые «длинные» — это рифмы с ударением на 4-м от конца слоге, встречающиеся в нескольких стихотворениях (напр., в «Провинциальном рондо»: «неистовая — перелистывающая — аметистовая — насвистывающая — батистовая»).

Все другие детали, приводимые в отзывах на сборник, в вышедшем его варианте имеются.

Теперь оставалось «всего лишь» отыскать запрещенный вариант сборника. К счастью, поиски оказались результативными: в Российской государственной библиотеке (Москва) обнаружился нумерованный экземпляр № 2. В примечаниях к публикации писем Лившица сообщается, что в библиотеке Брюсова (РГБ) книга не сохранилась (Нерлер, Парнис 1992: 182). Но, вероятно, это и есть экземпляр, отправленный автором Брюсову. То, что на нем нет дарственной надписи, может быть объяснено просто: Лившиц не сделал ее из предосторожности, дабы за распространение запрещенного издания не ставить под удар ни Брюсова, ни себя.

При составлении обоих вариантов книги все становится на свои места.

В ней, действительно, было, считая переводы, 25 стихотворений.

Стихотворениям «Первое закатное рондо», «Второе закатное рондо», «Лунатическое рондо» и «Провинциальное рондо», входящим в раздел «Тихие оргии» и расположенным на с. 11—14 в вышедшем варианте книги, соответствуют «Невеста в черном», «Le miracle des roses» и «Лунатическое рондо» в запрещенном. В остальном состав и расположение стихов совпадают.

Итак, неприемлемыми для цензуры оказались два стихотворения — «Невеста в черном» и «Le miracle des roses». Чтобы сборник был выпущен, автору пришлось заменить их, перепечатав два листа.

Теперь понятной становится причина уверенности Лившица, выраженная в его письме к Брюсову, что сборник не попадет «в руки прокурора», — ведь стихо-

творение «Le miracle...», опубликованное в «Аполлоне» всего за три-четыре месяца до печатания сборника, успешно прошло тогда петербургскую цензуру.

Первое из двух запрещенных стихотворений ни разу с тех пор не публиковалось. Приведем его текст, напечатанный в книге (с. 11).

Невеста в черном

В эти дали, растягивающие
Ленту крови, что суживал
И оставил закат,
В эти сумерки, вздрагивающие
Тонким пепельным кружевом,
В зачарованный сад,

Где, безумьем овеиваемая,
Содрогаясь, постигла ты
Счастье встреч со Христом,
Ты уходишь, осмеиваемая,
Скрыв одеждою стигматы —
Знак греховных истом.

Прежде всего, мы обнаруживаем здесь две гипердактилические — 6-сложные — рифмы: «растягивающие — вздрагивающие», «овеиваемая — осмеиваемая». Именно их имели в виду Брюсов и анонимный рецензент «Киевской почты», хоть и ошибочно подсчитали количество слогов.

И — главное: в этих стихотворениях находим причину запрещения сборника. Это две последние строки «Невесты в черном», а также 3-я и 4-я строфы «Le miracle...»:

Уста неземные, к ним бы
Прильнуть, Любимый Жених!..
— И вот расцветают нимбы,
И Он — меж невест своих...

О сестры, сегодня каждой
Дано потерять Христа!
— И каждая с грешной жаждой
Целует его в уста.

В обоих стихотворениях говорится о неких девушках — Христовых невестах. Отношение их к Христу приобретает недопустимо чувственную, с точки зрения

христианских догматов, окраску. Это и «грешная жажда» и «греховные истомы»; это и само «качество» поцелуев в «Le miracle...» И стигматы в «Невесте в черном», — в евангельском контексте — кровавые язвы, раны от гвоздей на руках и ногах распятого Христа, у Лившица же — следы страстных его поцелуев.

Отметим, что Гумилев, чей упрек («грешная любовь каких-то девушек к Христу...» и т. д.) относится к этим стихотворениям, хоть и опубликовал ранее «Le miracle...» в «Аполлоне», оказался того же мнения о них, что и киевская цензура, запретившая книгу за богохульство.

Кстати, М. Сандомирский из «Киевской недели» явно преувеличил «вину» Лившица, сообщив, что тот был привлечен по трем статьям.

Эти два стихотворения были единственными в сборнике с отчетливо выраженными христианскими мотивами. Остальные основаны либо на древнегреческой мифологии, либо, не без влияния французских «проклятых» поэтов, имеют социальную окраску, говорят о повседневном.

Любопытные черточки содержат отзывы, опубликованные в киевской печати. Так, в рецензии «Киевской почты» обнаруживается знакомство критика с обоими вариантами книги — запрещенным, что видно из упоминания о гипердактилических рифмах, и вышедшим — высокая оценка «Провинциального рондо», напечатанного в качестве замены.

Последним по времени откликом на сборник была рецензия в «Киевской неделе». Журнал этот, в 1911 году действительно выпускавшийся еженедельно, прекратил свое существование в 1912 году на пятом номере. Даты выпуска в номерах за 1912 год не проставлялись, но легко понять, что № 4 с рецензией М. Сандомирского вышел не ранее марта. Это ясно из самой рецензии, где говорится: «Несколько месяцев тому назад (курсив мой. — Э. Ш.) о Бенедикте Лившице писали во многих из толстых журналов, писали Брюсов, Гумилев и другие величины нашего современного Парнаса». Разумеется, рецензент к тому времени был уже знаком с отзывами С. Кречетова, С. Городецкого и В. Волькенштейна, опубликованными в феврале-марте

1912 года. Но говоря в предыдущей фразе: «Ныне освобожденная от запрета...», он дает понять, что рецензии Гумилева и Брюсова появились на еще запрещенную книгу.

Такая осведомленность не удивительна — Лившиц был тесно связан с журналом: его имя значится в перечне сотрудников (Лившиц 1912а: 16; Лившиц 1912б: 16; Лившиц 1912в: 2я стр. обложки). Однако явных следов участия поэта в журнале обнаружить не удалось, если не считать перепечатки открывающего сборник стихотворения «Флейта Марсия» (Лившиц 1912г: 5).

«Невеста в черном» и «Le miracle des roses» в печати больше не появлялись. Но почему автор не опубликовал эти стихи, запрещенные царской цензурой «за богохульство», уже после революции, в период «воинствующего атеизма», когда они, казалось бы, могли способствовать антирелигиозной пропаганде? Почему не включил их в свой итоговый сборник «Кротонский полдень» (М., 1928), где почти полностью перепечатал четыре предыдущие книги? Забыл о существовании этих стихов? Вряд ли.

На это может быть по крайней мере две причины, каждая из которых имеет под собой реальную почву.

Возможно, после своего крещения весной 1914 года Лившиц стал строже относиться к религиозным канонам и внутренне согласился с мнением об этих стихах Гумилева.

С другой стороны, как это ни кажется парадоксальным, оба стихотворения, считавшиеся в 1911 году кощунственными, теперь, в конце 1920-х, выгядели бы экстагически религиозными. Да и сам поэт уже отчетливо ощущал «идеологическую неприемлемость» своих стихов для печати (Нерлер, Парнис 1992: 191) и при издании сборников «Патмос» (М., 1926) и «Кротонский полдень» сам осуществил тщательную цензурную правку, убрав политически неблагонадежные места и религиозную терминологию. Что впрочем не обмануло официозную критику, заклеившую стихи Лившица как «глубоко враждебные» «устремлениям революционной поэзии» (Друзин 1929: 171) и характеризовавшую

их автора, вкупе с Мандельштамом, как «явно буржуазных поэтов...» (Малахов 1929: 105).

2. Еще один источник цикла «Болотная медуза»

Цикл, фактически же третья книга стихов Лившица «Болотная медуза»⁴, целиком посвященная Петербургу, была начата летом 1914 года. «В то лето мне впервые открылся Петербург...» — вспоминал поэт два десятилетия спустя (Лившиц 1989: 531).

М. Л. Гаспаров указал на литературный источник, сыгравший важную роль при написании «Болотной медузы», — книгу В. Курбатова «Петербург» (Курбатов 1913): «Вообще же петербургская тема у Лившица вписывается в общее для тех лет увлечение тем, что В. Пяст назвал “курбатовской петербургологией”. Как известно, книга В. Курбатова <...> вышла в том самом году (точнее, за год до того. — Э.Ш.), когда Лившиц начал работу над своим циклом. Для некоторых стихотворений почти все ключевые слова находятся уже у Курбатова» (Гаспаров 1984: 95). По свидетельству Е.К. Лившиц, книга В. Курбатова находилась в библиотеке поэта» (Лившиц 1989: 566).

Нам удалось выявить еще одно издание, в не меньшей мере послужившее Лившицу основой для его книги. Это два тома «Истории русского искусства» И. Грабаря — 3-й, «Архитектура» (Грабарь 1912), и 5-й, «Скульптура» (Грабарь 1913), написанный бароном Н. Н. Врангелем; вышли они в 1912 и 1913 годах, т. е. тоже незадолго до того как поэт приступил к своим петербургским стихам. Иногда спорная в частности, конкретных оценках, однако написанная ярко, проникнутая восторгом перед архитектурными и скульптурными шедеврами Петербурга, «История русского искусства» не только давала поэту, наряду с книгой Курбатова, историко-архитектурные сведения о городе, но и заряжала интересом к отдельным объектам. Разнообразные следы пристального чтения Грабаря заметны в нескольких стихотворениях. Это и «ключевые слова», и

характер оценок; порой прочитанное у Грабаря и Курбатова суммируется в стихах.

Воздействие «Истории...» различно проявляется уже в открывающем «Болотную медузу» стихотворении «Дни творения».

Истоки строк «Не легкомысленный Пиновий / Создаст торжественный устав...» — о приехавшем из Франции в Россию вместе с К. Б. Растрелли-старшим скульпторе Николая Пино — находим и у Курбатова, и у Грабаря.

Курбатов: «Пино был скорее декоратором, им выполнена изумительная резьба в кабинете большого Петергофского дворца и Марли и некоторые фонтаны, например, собачка с утками» (Курбатов 1913: 38).

Грабарь: «Замечательный резчик по дереву Николай Пино <...> исполняет множество орнаментальных произведений. Среди них на первое место должны быть поставлены те прекрасные панно, которые украшают дворец Марли и Большой дворец в Петергофе. Тем же Пино делается в 1726 г. модель “собачке фаворитке и уткам”, находящимся на одном из фонтанов Петергофского парка», (Грабарь 1913: 48. 50—51).

Разумеется, «легкомысленным», в противовес Растрелли, Пино назван поэтом, исходя из прикладного, декоративного характера исполненных им в России работ.

К Грабарю восходят следующие, посвященные же Растрелли, строки:

Смирит разбег болотной крови
Кумиродел и папский граф.

Чудовищный италианец,
Он может всё — и прав Лефорт:
Тупой подошвой будет стерт
Последних вихрей низкий танец.

Корни важного у Лившица слова «кумиродел» и категорически сказанного «Он может всё» находим в следующем фрагменте: «Он обязывался “работать в службе Царского Величества и кумироделии всяких фигур, в мраморе” <...> “для фонтанов и бросовых вод (или тех, которые вверх прыскают)... в делании портретов из воску и в гипсе, которые подобны живым

людям, в литии, в архитектуре, в делании декораций или прикрас и машин к театрам оперским и комедианским» (Грабарь 1913: 44—45).

Выпуклая, как бы набранная курсивом строка «Чудовищный италианец» концентрирует впечатление от следующей эмоциональной характеристики, данной Растрелли Грабарем: «В этих разнообразных работах <...> отразился мощный талант этого замечательного мастера. В них живет тот грозный дух страшной эпохи Преобразователя, который всю первую половину 18-го века чувствуется в России <...> Растрелли всегда одинаково силен в своих произведениях. Ему нет дела до серой жизни, до обыденных маленьких людей, живущих повседневностью. Мир его ощущений — героические полубоги <...> В причудливой величавости, в гордой красоте его бронзовых людей есть страшная, неразгаданная тайна, сказка далеких дней, что-то жуткое» (Грабарь 1913: 45, 46).

«Папский граф». «Растрелли-старший <...> графский титул приобрел в Париже...» — сообщает Курбатов (Курбатов 1913: 37). Но в данном случае этого явно недостаточно. Помогает Грабарь: «до приезда в Россию <...> Растрелли вошел в моду и в 1704 г. получил *от ватиканского двора* (выделено мною. — Э.Ш.) графское достоинство» (Грабарь 1913: 45).

«Темная» полустрока «И прав Лефорт» также проясняется благодаря Грабарю: «Растрелли был вызван в Россию по договору, учиненному с ним Лефортом в 1715 г. в Париже» (Грабарь 1913: 44). Отгадка проста: Лефорт прав в том, что оценил могучий талант Растрелли и пригласил его работать в Россию.

Стихотворение «Биржа». В двух его заключительных строках, —

Чтоб утешался мстительный Гваренги
Слоновым горем Пестумских колонн, —

можно обнаружить чтение обоих источников.

Но, прежде всего, почему — «слоновым горем»?

Прообразом колонн Биржи Тома де Томону послужили колонны храма в Пестуме, что отмечено и Курбатовым, и Грабарем. Однако ощущают они колонны Томона по-разному:

Курбатов: «Томон выбрал самый строгий тип колонн, <...> да еще усилил его суровость...» (Курбатов 1913: 292);

Грабарь: «Тяжелая дорическая не канелированная колонна окружает здание с четырех сторон. Тот же прием он хотел употребить, создавая свои ростральные колонны <...> Это должны были быть колоссальные, дорические, пестумского типа колонны <...> Ростральные колонны Томона, после колонн Траяна и парижской Вандомской, надо считать лучшими в мире. Сила и мощь создали их» (Грабарь 1912: 492—493).

«Тяжелая», «колоссальные», «сила и мощь»... Как видим, Грабарь в данном случае больше впечатляет Лившица, приводя его к образу колонн чрезмерной толщины, словно бы пораженных слоновьей болезнью.

Но почему Кваренги должен был утешаться их «словным горем»? И почему он назван мстительным?

Лившиц приписал ему злорадство, доверившись фразе Курбатова: «его самолюбию был нанесен удар передачей сооружения Биржи Томону...» (Курбатов 1913: 216—217). (Как известно, первоначально Биржа сооружалась по проекту Кваренги. Здание было уже подведено под крышу, но затем строительство приостановили. Около двадцати лет здание простояло недостроенным и затем было срыто, а на его месте возведена Биржа Томона).

Грабарь иного мнения о Кваренги — он рисует его как человека по характеру незлобивого: «под этой смешной внешностью скрывалось добрейшее сердце, чудесная, славная душа и бесконечное добродушие» (Грабарь 1912: 428). Лившиц принял здесь точку зрения Курбатова, даже усугубил ее.

Относительно стихотворения «Новая Голландия» можно предположить, что сама идея его родилась не без влияния Курбатова и Грабаря, отмечающих это сооружение как архитектурный шедевр Петербурга (Курбатов 1913: 124; Грабарь 1912: 284).

В первом из двух стихотворений «Адмиралтейство» («Благословение даю вам...») находим важное здесь слово «штандарты» («К земле крыла Адмиралтейства / Штандартами пригвождены...»), присутствующее в описании Грабарем двух крыльев (павильонов) Главного

морского штаба, выходящих на Неву: «Квадратные в плане, флигеля эти венчаются круглым барабаном и круглыми же ступеньками переходят к группе дельфинов, несущих штандарт» (Грабарь 1912: 512).

Во втором («Речным потворствуя просторам...») заметно знакомство с текстами как Курбатова, так и Грабаря (Курбатов 1913: 308—310; Грабарь 1912: 510).

Если говорить о «книжности» поэзии Лившица, то, пожалуй, в «Болотной медузе» она проявилась более всего. Из обоих источников поэт добывает специальные сведения. Но — не просто вводит их в стихи, — предельно сгущает смысл, переплавляет подробные описания в выразительные лаконичные характеристики. Так, в «Днях творения» несколько больших фрагментов из Грабаря прессует в три строки. В этой трансформации прозаического слова в поэтическое — показатель высокой емкости, которой обладает поэзия.

Но не только книги по истории архитектуры вдохновляли Лившица на петербургские стихи, а кроме того и, вероятно, в первую очередь — сильные личные впечатления от самого города: «Восхищаясь всякий раз по-новому и Растрелли, и Росси, и Ворониным, не переставая изумляться дерзости Леблонова замысла, случайно ли я все чаще и чаще лунатиком бродил вокруг захаровского Адмиралтейства?...» (Лившиц 1989: 531). На основе сочетания непосредственного восприятия и впечатлений от прочитанного происходило осмысление исторической сущности Петербурга.

3. Работы последних лет жизни

Арестовывая в 1937—1938 гг. многих ленинградских литераторов по так называемому «писательскому делу», заключая их в тюрьму и там калеча и убивая, власти пытались уничтожить и следы их пребывания на земле. Книги их изымались из библиотек и сжигались, документы и рукописи, конфискованные при обысках и арестах, позднее, как правило, уничтожались. Но кое-какие материалы все же уцелели. В частности, личные дела репрессированных писателей, находившиеся вместе с другими делами в Ленинградском отделении Со-

юза писателей СССР. Сохранилось и небольшое по объему личное дело Лившица (Лившиц. Личное дело). Оно содержит документы, относящиеся к его деятельности за 1934—1937 годы, а также к посмертной реабилитации. Приводить их полностью нецелесообразно, — часть содержащихся в них сведений известна. Остановлюсь на тех, которые что-либо добавляют к биографии поэта.

Личное дело было заведено в связи с приемом Лившица в ССП. 21 мая 1934 года он подал заявление в Комиссию по приему и, вероятно, тогда же заполнил Творческую карточку (без даты). В Союз был принят 10 июня 1934 года (пояснение на заявлении секретаря ЛО)

Обращает на себя внимание, что в заявлении Лившиц неверно указывает свой возраст: «51 г.», а в Творческой карточке и Личной карточке члена ССП, заполненной 19 сентября 1937 года, т. е. за месяц с небольшим до ареста, — также и год рождения: «1882», прибавляя себе тем самым целых пять лет (считая по новому стилю). Думается, что объяснение этого содержит ответ Лившица на 14-й пункт Личной карточки: «Отношение к воинской обязанности: невоеннообязанный по возрасту». Он явно стремился досрочно избавиться от пребывания в категории запасников, дабы избежать систематически проводившихся в то время военных сборов.

В ЛО ССП Лившиц нес ряд общественных обязанностей, нельзя сказать, что особо почетных: с 1934 года был членом столовой комиссии Горкома писателей и Ревизионной комиссии Литфонда. Затем он был избран в бюро Секции грузинской литературы, созданной в ноябре 1936 года (1-е заседание состоялось 26 декабря), активно участвовал в работе секции, выступал со своими переводами.

Знавший пять языков (французский, немецкий, английский, греческий и латынь), о чем он сообщает в Личной карточке, Лившиц в 1930-е годы начал изучать новые на факультете общественных наук (ФОН), существовавшим при Ленинградском университете: в 1936 году поступил в группу испанского, а в апреле 1937-го — грузинского языка, которым стал заниматься еще в конце 1936 года.

Писатели — члены союза обязаны были периодически отчитываться о своей работе за прошедший период, а также информировать руководство о своих творческих планах. В Творческой карточке 1934 года, в разделе «Над чем работает писатель», требующем поквартальных сведений о сделанном и задуманном, Лившиц сообщает:

1933 г. — 4-й квартал

1934 г. — 1-й

1934 г. — 2-й

II часть мемуаров (продолж<ение> «Полут<ораглазого> стрельца»), перевод Расиновой «Эсфири» (изд. «Академия») и Корнеля «Цинна» и «Полиевкт» (изд. «Академия»)

1934 г. — 3-й

1934 г. — 4-й

II часть мемуаров (продолж<ение> «Полут<ораглазого> стрельца»), перевод Гюго «Человек, который смеется» (изд. «Время»)

До сих пор о работе над второй частью ничего не было известно. Здесь она упомянута дважды — как работа, которой он занимался уже более полугода и собирается продолжать впредь.

В письме к М. А. Зенкевичу от 8 сентября 1933 года Лившиц писал о недавно вышедшем «Полутораглазом стрельце»: «Весь тираж разошелся в два дня. Сейчас передо мной стоит вопрос о переиздании. Боюсь только, как бы мне не испортила каши “Критика”: в Ленинграде меня уже начали прорабатывать и за “формализм” <...>, и за “лукавство”, и за “греческий язык”. Разумеется, это только робкое начало — дальше пойдет лай всюю» (Нерлер, Парнис 1992: 198)⁵.

«Полутораглазый стрелец» завершается началом Первой мировой войны и отъездом автора на фронт. И теперь, после выхода книги, думая о ее переиздании, он продолжил работу над ней. Но вскоре, когда, как Лившиц и предвидел, появились очередные разносные рецензии (Мустангова 1933; Селивановский 1934), отчетливо понял, что книгу переиздавать не станут, и

отложил рукопись. Впоследствии она, вероятно, была изъята у него при аресте.

Из Творческой карточки видно, что к середине 1934 года были завершены переводы трех стихотворных трагедий — «Эсфирь» Расина и «Цинна» и «Полиевкт» Корнеля.

Перевод большого по объему романа Гюго «Человек, который смеется», начатый, судя по Творческой карточке, не раньше середины 1934 года, был закончен удивительно быстро — уже в следующем году роман вышел из печати (Гюго 1935). Этой работе повезло больше, чем другим его переводам: лишь в издании 1938 года роман появился в другом переводе, — во всех последующих, относящихся уже к послевоенному времени, в том числе выходящих до сих пор (всего — более двадцати) он напечатан в переводе Лившица.

Еще один документ личного дела, отчет о деятельности, стоит привести целиком.

В правление ЛО ССП

В ответ на Ваш запрос сообщаю:

1. Мною в январе закончена книга стихов о Советской Грузии — «Картвельские оды».

2. В настоящее время работаю над переводами современных грузинских поэтов (Галактион Табидзе, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Николо Мицишвили и др.), а также над переводами старо-французских поэтов XVI века (Ронсар, Дю Белле, Депорт, д'Обинье и др.).

3. Пересматриваю для II-го издания свои переводы Бальзака «Цезарь Бирото» и «Дом Нюсинжен».

Все работы обеспечены соответствующими договорами с издательствами и должны быть закончены не позднее 1 мая с. г.

Бенедикт Лившиц

Лнгр. 2. III. 1937 г.

P.S. Кроме перечисленных работ, в печати в данное время находятся:

В Гослитиздате:

1. «Французские лирики XIX в.» в моих переводах,
2. Стендаль. «Люсьен Левен»,
3. Гюго. «Марион Делорм».

В «Academia»:

1. Лирика Мольера,
 2. Расин. «Эсфирь»,
 3. Корнель. «Цинна»
- в моих стихотв. переводах.

Этот отчет, составленный за полгода до ареста, содержит подробную информацию о последних работах Лившица. Его жизнь в этот период наполнена разнообразным напряженным трудом. Он много переводит — прозу, стихи, пьесы. Наконец, снова пошли собственные стихи, длительное время перед тем рождавшиеся крайне редко (за 14 лет, с 1921-го по 1934-й год, можно насчитать немногим более десяти стихотворений).

За шесть последних месяцев, проведенных Лившицем на свободе, под его именем из перечисленных в отчете успели выйти в свет всего три работы: второе издание книги переводов стихов французских поэтов (Лившиц 1937⁶ — расширенное издание Лившиц 1934), «Эсфирь» Расина (Расин 1937)⁷ и «Марион Делорм» Гюго (Гюго 1937)⁸.

На нескольких переводах, выпущенных уже после ареста Лившица, издательства вынуждены были снять фамилию переводчика. Анонимно появились «Люсьен Левен» Стендаля (Стендаль 1937)⁹ и семь стихотворений Мольера (Мольер 1939)¹⁰.

Не были опубликованы переводы стихов французских поэтов XVI века; рукописи их, вероятно, затерялись в издательстве. Та же участь постигла переводы «Цинны» и «Полиевкта» Корнеля.

«Очень хотел бы взять еще одну трагедию Расина или уже приступить к Корнелю», — писал Лившиц 8 сентября М. А. Зенкевичу (Нерлер, Парнис 1992: 198). Затем, как то было установлено, он вел переговоры с издательством «Academia» о переводе «Цинны» и «Полиевкта» и «Цинну» обязался представить к 15 января 1935 года (Нерлер, Парнис 1992: 199—200). Е.К. Лившиц впоследствии вспоминала, что обе трагедии были им переведены (Нерлер, Парнис 1992: 200). И это верно. Судя по отчету, «Цинна» к марту 1937 года находилась в издательстве. Кроме того,

«переводы из <...> Корнеля» упомянуты среди готовых работ в списке произведений, приложенном к Личной карточке от 19 сентября 1937 года.

Имеются сведения о наличии договора от 25 мая 1933 года на перевод «Федры» Расина (Нерлер, Парнис 1992: 199). Однако, можно с уверенностью сказать, что эту пьесу Лившиц не переводил. В том же томе Расина, что и «Эсфирь» в переводе Лившица, «Федра» опубликована в переводе С. Шервинского (Расин 1937). Невероятно, чтобы издательство заключило договоры на два разных перевода одного произведения для того же издания. И не случайно, что о «Федре» Лившиц не упоминает ни в Творческой карточке, ни в отчете.

Неизвестна судьба второй редакции перевода романов Бальзака «Величие и падение Цезаря Бирото» и «Банкирский дом Нюсинжен», опубликованных до того в 1933 году (Бальзак 1933).

И, наконец, не успел выйти из печати сборник стихов Лившица «Картвельские оды», законченный, как видим из отчета, в январе 1937 года. Судя по всему, он незамедлительно был отправлен в тбилисское издательство «Заря Востока». Полгода спустя Лившиц напряженно ожидает появления сборника — он дважды пишет об этом в Тбилиси. Сначала, 1 июня, поэту Н. Мицишвили, возглавлявшему издательство: «Хотелось бы знать, в каком положении моя книга. Отпечатана ли она? Есть ли уже сигнальный экземпляр? Когда она выйдет?» (Нерлер, Парнис 1992: 206).

На следующий день Лившиц уезжал по бесплатной путевке Литфонда на месяц в Кисловодск, в санаторий «Красные огни». Оттуда 21 июня он пишет Г. Леонидзе: «Если тебе что-нибудь известно о судьбе «Картвельских од», очень прошу тебя, немедленно сообщи мне сюда <...>. Вышли ли они, и если нет, то когда выйдут?» (Лившиц 1964: 74).

Книгу выпустить в оставшийся поэту срок не успели. Рукопись ее позже была утрачена. «Картвельские оды», собранные заново по журнальным публикациям и уцелевшим автографам, были изданы через двадцать семь лет, в 1964 году.

Примечания

¹ В кн. Лившиц 1989 неверно указан год выпуска — 1911 (С. 560).

² В кн. Лившиц 1989 (С. 560) и Лившиц 1992 (С. 182) неверно указан номер журнала (соответственно: 11 и 4).

³ Перечень стихотворений сборника см.: Лившиц 1989: 559.

⁴ Девять стихотворений вышли отдельной книгой

⁵ Лившиц имеет здесь в виду первый отклик на книгу — рецензию З. Штейнмана (Штейнман 1933).

⁶ Подп. к печ. 28.03.1937.

⁷ Подп. к печ. 20.03.1937. В работе Нерлер, Парнис 1992 (С. 199) неверно указано, что перевод Лившица был напечатан анонимно. В дальнейшем, под назв. «Есфирь», вошел в кн.: Расин 1984.

⁸ Подп. к печ. 20.03.1937. В 1940 г. вышла в переводе В. Щершеневича; в послевоенных изданиях публиковалась в переводе А. Ахматовой.

⁹ На тит. л.: «Новый перевод под редакцией А. А. Смирнова». Переиздан (Стендаль 1959) с ошибкой в написании фамилии переводчика на тит. л.: «Б. К. Лифшиц».

¹⁰ С указанием: «Перевод под редакцией А. А. Смирнова».

¹¹ С ошибкой в инициалах переводчика: «Перевод В. К. Лившиц». В послевоенных изданиях оба романа публиковались в новых переводах.

Библиография

Аноним 1911 — Аноним. Бенедикт Лифшиц. Флейта Марсия. Стихи. Киев, 1911 // Киевская почта. 1911. 25 декабря.

Бальзак 1933 — Бальзак О. Величие и падение Цезаря Бирото. Банкирский дом Нюсинжен // Бальзак О. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1933.

Брюсов 1911 — Брюсов В. Я. Новые сборники стихов // Русская мысль. 1911. № 7. С. 23 (3-я пагин.).

Волькенштейн 1912 — Волькенштейн В. Бенедикт

Лившиц. Флейта Марсия // Современный мир. 1912. №3. С. 317.

Гаспаров 1984 — Гаспаров М. Л. Петербургский цикл Бенедикта Лившица: поэтика загадки // Семиотика города и городской культуры. Петербург. (Труды по знаковым системам. 18. Уч. зап. ТГУ. Вып. 664). Тарту, 1984.

Городецкий 1912 — Городецкий С. Три сборника // Речь. 1912. 27 февраля.

Грабарь 1912 — Грабарь И. История русского искусства. Т. 3: Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., 1912.

Грабарь 1913 — Грабарь И. История русского искусства. Т. 5: Врангель Н. Н. История скульптуры. М., 1913.

Гумилев 1911 — Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. №5. С. 78.

Гюго 1935 — Гюго В. Человек, который смеется. Л., 1935.

Гюго 1937 — Гюго В. Избранные драмы. В 2-х т. Т. 1. Л., 1937.

Друзин 1929 — Друзин В. Среди поэтов // Звезда. 1929. № 5. С. 169-172.

Кречетов 1912 — Кречетов С. Три стихотворения // Утро России. 1912. 11 февраля.

Курбатов 1913 — Курбатов В. Петербург: Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб., 1913.

Лившиц 1910 — Лившиц Б. «Лунатическое рондо», «Эрос», «Le miracle des roses» // Аполлон. 1918. С. 6-7.

Лившиц 1911 — Лившиц Б. Флейта Марсия. Киев, 1911.

Лившиц 1912а — Перечень сотрудников // Киевская неделя. 1912. № 1.

Лившиц 1912б — Перечень сотрудников // Киевская неделя. 1912. № 2.

Лившиц 1912в — Перечень сотрудников // Киевская неделя. 1912. № 3.

Лившиц 1912г — Флейта Марсия // Киевская неделя. 1912. № 5.

Лившиц 1934 — Лившиц Б. От романтиков до сюрреалистов: Антология французской поэзии. Л., 1934.

Лившиц 1937 — Лившиц Б. Французские лирики XIX и XX веков. Л., 1937 — расширенное переиздание

кн.: Лившиц 1934. Ошибка в инициалах переводчика: «Перевод В. К. Лившиц». В послевоенных изданиях оба романа публиковались в новых переводах.

Лившиц 1964 — Лившиц Б. Картвельские оды. Тбилиси. 1964.

Лившиц 1989 — Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989.

Лившиц. Личное дело — Личное дело Бенедикта Лившица. // ЦГАЛИ Санкт-Петербурга. Ф. 371, оп. 2, ед. хр. 116.

Малахов 1929 — Малахов С. Поэзия // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М., 1929. С. 82-119

Мольер 1939 — Мольер Ж.Б. Разные стихотворения. // Мольер Ж.Б. Собр. соч. Т. 4. Л., 1939. С. 491—510.

Мустангова 1933 — Мустангова Е. Бенедикт Лившиц. «Полутораглазый стрелец» // Литературный современник. 1933. № 10. С. 149-151.

Нерлер, Парнис 1992 — Нерлер П., Парнис А. «Слово в движении и движение в слове»: Письма Бенедикта Лившица / Публикация П. Нерлера и А. Парниса // Минувшее. Т. 8. М., 1992.

Расин 1937 — Расин Ж. Сочинения. Т. 2. М.-Л., 1937. С. 175-244.

Расин 1984 — Расин Ж. Сочинения. Т. 2. М., 1984. С. 268-322.

Сандомирский 1912. — М.С. [Сандомирский М.С.]. Бенедикт Лившиц. Флейта Марсия. 1911 // Киевская неделя. 1912. №4. С. 16.

Селивановский 1934 — Селивановский А. Ранний футуризм в освещении буржуазного идеалиста. // Литературная газета. 1934. 12 марта.

Стендаль 1937 — Стендаль. Люсьен Левен // Стендаль. Собр. соч. Т. 3. Л., 1937.

Стендаль 1959 — Стендаль. Люсьен Левен. // Стендаль. Собр. соч. Т. 2. М., 1959.

Штейнман 1933 — Штейнман З. Лукавая самокритика // Литературный Ленинград. 1933. 5 сентября.

*А. Г. Мец
Гатчина*

**Текст стихотворения
О. Э. Мандельштама «Флейты греческой
тэта и йота...»
по новонайденной копии**

Флейты греческой тэта и йота —
Словно ей не хватало молвы —
Неизваянная без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы.

И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не разнять.

А флейтист не узнает покоя:
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин.

Звонким шопотом честолюбивых
Вспоминающих шопотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки — опрятен и скуп.

Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем,
Мором стала мне мера моя.

И свои-то мне губы не любы,
И убийство на том же корню
И неволью на убыль, на убыль
Равнодействие флейты клоню.

7 апр. 37. Воронеж¹

Это стихотворение относится к группе наиболее сложных текстологически стихотворений Мандельштама: автографы его не сохранились, а ранее известные списки Н. Я. Мандельштам содержали разночтения и по крайней мере одну общую опisku, «мята» вместо «тэта», которая была устранена И. М. Семенко (с согласия Н. Я. Мандельштам)² еще до первой публикации в «Воздушных путях» (Нью-Йорк. 1961. Альм. 2) — что фактически являлось конъектурой. Правомерность конъектуры ныне подтверждается новонайденной копией, а на саму копию это обстоятельство дает право смотреть как на наиболее авторитетный сейчас источник текста. Вопросы же, которые ставят перед нами другие разночтения, требуют некоторого введения.

«Флейты греческой тэта и йота...» входит в состав «Третьей воронежской тетради», создававшейся в марте-апреле 1937 года и включающей такие поэтические шедевры, как «Стихи о неизвестном солдате», «Тайная вечеря», «Может быть, это точка безумия...». Работа над ней завершалась уже во время предотъездных хлопот; затем последовал переезд в Москву, насильственное выселение по требованию милиции, скитальчество по подмосковным городкам перед последним арестом. Эти обстоятельства были причиной относительной малочисленности, даже в сравнении со «Второй воронежской тетрадью», сохранившихся списков.

Характер работы поэта был следующим: своей рукой он набрасывал только черновик, затем уже ставший первоначальным текст диктовался жене, и по этой записи работа велась дальше — поправки вносил либо он сам, либо жена под его диктовку. Завершенный текст поэт авторизовал — ставил под ним дату и подпись; нередко возвращался к нему в ближайшие дни и совершенствовал — или на листе с авторизованной редакцией, или по новой записи Н. Я. Мандельштам. Такой предстает стадийность работы по тем случаям, когда сохранились документированными все многочисленные этапы становления текста. Характерной (и яркой) чертой творческого процесса была его высокая интенсивность: при выборе эпитетов черновики сохраняют до полутора десятков проб отдельных из них; с той же настойчивостью идет поиск композиции (по-

рядка строф и строк внутри них), совершенствуется рифма³. Стихотворный период бывал — это относится и к «Третьей воронежской тетради» — очень интенсивным: в «работе» находилось, как правило, по несколько стихотворений одновременно. Когда он заканчивался, стихи собирались в «книгу» — процесс у Мандельштама также длительный и стадийный. После приходило время копировать стихи, в составе новой «книги» — для хранения у друзей, для редакции или Союза писателей. Эти копии, как правило, изготавливались женой поэта самостоятельно на основе собранного рукописного материала, ибо к этому времени поэтом, по характеру необычайно впечатлительным и импульсивным, уже овладевали новые впечатления, и в работе на этой стадии он либо не принимал участия вовсе, или, если жена обращалась к нему с вопросами, — спорадически и неохотно.

Проблема описок в текстологии нового времени далеко не нова. Наиболее изученная ситуация — поздний альбомный автограф, когда текст записывается по памяти и без необходимой сосредоточенности. Описки механического характера устраняются текстологом относительно легче; намного сложнее положение в тех случаях, когда, затрудняясь вспомнить, автор записывает текст одной из промежуточных редакций. Этот механизм лежит и в основе описок Н. Я. Мандельштам. К тому было более чем достаточно причин: она была пассивным участником творческого процесса, выслушивала и фиксировала десятки поправок в одном и том же тексте. Когда приходило время изготовлять списки и тексты лежали перед ней, она, несомненно, не сверялась с ними методично, полагаясь на свою память. В архивах ныне находится достаточно большое количество прижизненных списков ее рукой с разночтениями, и среди них немало описок — однако, говорить об описках с полной несомненностью можно лишь тогда, когда текст сохранился и в современных им авторизованных источниках. Позднее, когда И. М. Семенко работала в 1960-е годы над текстами Мандельштама по его архиву и привлекла к этому Н. Я. Мандельштам, жена поэта убедилась в существовании этой проблемы воочию, о чем свидетельствуют

некоторые ее поздние пометы на архивных рукописях. Сама И. М. Семенко в своих трудах подобные вопросы не формулировала — по причинам, конечно, этического свойства, — но отмечала описки, например, в примечаниях к уже упомянутому выше ее машинописному своду.

Необходимо отметить, что благодаря работе таких высококомпетентных текстологов, как Н. И. Харджиев и И. М. Семенко, тексты большинства стихотворений Мандельштама были установлены точно, а проблемы, возникшие с некоторыми стихотворениями из-за недостатка авторитетных источников, — эксплицированы. Позднее, после завершения ими своих текстологических работ, архивный базис расширился и возможность уточнить тексты некоторых из упомянутых последними стихотворений появилась. В нашем случае проблема основного текста, напротив, осложнилась, так как новая находка, устранив одну проблему, увеличила число разночтений в других стихах.

В предшествующих изданиях «Флейты греческой тэта и йота...» публиковалась на основе источников, сохранившихся в архиве Мандельштама⁴. Это единственный прижизненный (датированный) список⁵ и несколько записей, сделанных Н. Я. Мандельштам по памяти в 1938–1941 годах (недатированных). Относительно недавно был разыскан (П. Н. Нерлером) еще один прижизненный датированный список Н. Я. Мандельштам (в собрании Б. И. Маршака)⁶, другая копия, восходящая, как увидим, к прижизненному протографу, была обнаружена нами в одном из частных архивов. Прежде чем приступить к их сравнительному анализу, приведем разночтения с помещенным в начале текстом.

Ст. 1 Флейты греческой мята и йота (СМ и АМ)

Ст. 8 И губами ее не размять (СМ и АМ)

Ст. 13 Звонким шепотом честолюбивым (СМ и АМ)

Ст. 14 Вспоминающих топотом губ (АМ) Понимающих топотом губ (СМ)

Ст. 24 Равноденствие флейты клоню (СМ и АМ)

Новонайденная копия была сделана в 1940 году с рукописи, предоставленной Сергеем Борисовичем Рудаковым (1909—1944) — филологом, жившем в воронежской ссылке одновременно с Мандельштамом в 1935—1936 гг., а затем вернувшимся в Ленинград. В Воронеже он работал над освоением литературного наследия поэта и его биографией, продолжал ее и после возвращения из ссылки⁷. Копиист к моменту нашей встречи никаких подробностей о характере предоставленных ему Рудаковым материалов уже не помнил, а потому приходится рассматривать две возможности: это могли быть копии Рудакова со списков Н. Я. Мандельштам (как говорилось выше, своды стихов переписывались только Н. Я. Мандельштам, и версия об автографах практически невероятна), либо сами списки Н. Я. Мандельштам. Уяснить это обстоятельство необходимо: почерк Н. Я. Мандельштам разборчивый и для чтения легкий, почерк Рудакова — очень трудный и с другим начертанием тех букв, которые выступают спорными в разночтениях; кроме того понятно, что при втором копировании умножается и вероятность механических описок. В нашей копии переписаны стихи «Второй» и «Третьей» «Воронежских тетрадей», причем их тексты еще в двух-трех случаях дают повод для текстологических заключений и имеют ранее неизвестную дату под одним из стихотворений; также отдельные стихи 1930—1935 гг. Тексты копий по пунктуации и другим особенностям обладают высокой степенью идентичности (практически совпадают) со списками Н. Я. Мандельштам этого времени, но это обстоятельство в данном случае не может служить аргументом в пользу второго предположения; решающим аргументом здесь служит косвенное свидетельство о том, что Рудакову приблизительно во второй половине апреля 1937 года посылались новые стихи Мандельштама, содержащиеся в письме поэта к жене (в Москву) от 4 мая 1937 г.: «Только что пришло письмо от Рудакова... Он пишет... что стихи неровные и передать это можно только в разговоре» (Мандельштам 1991, 3—4: 289). Отсюда следует, что Рудаков получил стихи из Воронежа, а не скопировал их позднее, во время встречи с поэтом в Москве в мае 1937 года; вероятность же того, что он

стал бы копировать для каких-то целей списки из своего собственного собрания, столь обширные по объему, достаточно невелика. Степень точности копии также говорит в пользу списков Н. Я. Мандельштам, а не рудаковских, но об этом речь пойдет ниже.

Список из собрания Маршака находится в составе подборки из девяти стихотворений «Третьей воронежской тетради». Обстоятельства и более точное время его создания неизвестны.

Рассмотрим текстологические аргументы.

Описка в первом стихе — «мята» вместе «тэта» — восходит к ранней редакции стихотворения, первый стих которой — «Речи греческой мята и нота» — извлечен нами из черновика списков стихотворений за март-апрель 1937 г. (АМ); с этой опиской стихотворение зафиксировано и во всех записях Н. Я. Мандельштам 1938-1941 гг. (и более поздних), делавшихся по памяти после ареста поэта. Это обстоятельство также (выше мы уже говорили приблизительно о середине апреля 1937 г.) указывает на то, что протограф новонайденной копии создавался во время, близкое к окончанию работы над «Третьей воронежской тетрадью» — почему и текст его, по крайней мере в этом стихе, оказался точнее; позже, в процессе новых переписок, возникло искажение, которое и зафиксировалось в памяти Н. Я. Мандельштам.

Дальнейший анализ представляется целесообразным вести в двух планах: сначала приведенные разночтения рассмотреть с позиций соотношения новонайденной копии с ее предполагаемым протографом, с целью представить себе, могли ли остальные разночтения явиться результатом описок нашего копииста, а затем в плане соотношения: новонайденная копия — список АМ — список СМ.

1. При проверке всего массива стихотворений 1936-1937 гг. в копии (всего около 50)⁸ описки механического характера (например, «пламя» вместо «племя») выявлены в трех словах. Даже если не считаться с тем обстоятельством, что они могли повторять описки протографа, для таких сложных текстов, как стихи Мандельштама, это очень низкий показатель. На тщательность копииста указывают и другие детали: в момент

изготовления (теми же чернилами) были исправлены ряд слов и восполнены пропуски — что предполагает сверку, а в одном случае, когда слово вызвало затруднение, второе предположительное чтение было записано над ним.

В плане соотношения протограф — копия есть основания высказаться по двум разночтениям — в стихах 8 и 13. Чтение «разнять» сравнительно с «размять» является более «трудным», так как с точки зрения физиологии непредставимо, что можно разнять губами, а метафорический план высказывания остается темен. Также и чтение «честолюбивых» вместо «честолюбивым», нарушая рифму, является более «трудным». Инерция психики при копировании должна была бы дать прямо противоположный результат в случае описки, и поэтому с большой долей вероятности примем, что указанные слова были скопированы адекватно. В отношении двух оставшихся разночтений (ст. 14 и 24) аргументов не находится, и пока будем говорить о точности копии условно, основываясь лишь на данной выше ее общей характеристике.

2. Принимая, что текст новонайденной копии точен, сопоставим разночтения трех источников, предполагая за копией ее протограф.

Разночтения в стихах 13-14 «прозрачны» для тех исследователей, кто обращался к черновикам Мандельштама или знаком с его стилем работы по трудам И. М. Семенко: по-видимому, все слова «пробовались» в ходе работы над текстом. «Топот губ» — это очень мандельштамовский прием, в развитие «громкого шепота», — вида обратной гиперболы (шепот как топот). Однако этот прием может приводить к пародийному эффекту. Как на мотив для самокритики на эффект указал Н. И. Харджиев в своих примечаниях к тому «Библиотеки поэта»: он приводит собственный мемуар о словах поэта, сказанных в связи с отброшенным вариантом в стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»: «Харон в качестве хозяина парона уместен только в пародийных стихах». Пародийное звучание «топота губ» слышится отчетливо, причем оно еще более усиливается при «Понимающих (вспоминающих) топотом губ» (разночтения АМ и СМ) сравни-

тельно с редакцией некоторых посмертных записей Н. Я. Мандельштам «Понимающим топотом губ» (в этой редакции было напечатано В. Швейцер (Мандельштам 1980)). В первом случае эффект обеспечивается утратой грамматического, а с ним и смыслового параллелизма «Громким шепотом... понимающим топотом...», причем «топот» принимает на себя еще и смысловое ударение. Позволим себе, в связи с этим, высказать предположение, что варианта с «Понимающих (вспоминающих) топотом» не существовало, а редакции списков СМ и АМ явились следствием контаминации вариантов «Понимающих (вспоминающих) шепотом» и «Понимающим топотом». Попутно отметим, что «Понимающих шепотом» дает наибольшее приближение к тому определению поэзии, которое Мандельштам дал в «Разговоре о Данте»: «исполняющее понимание». Настолько же определенно можно высказаться о предпочтительности «честолюбивых» в рифменной позиции: в стихах 1930-х годов поэт разрабатывал новую систему выразительности, обнимавшую также рифму, и чередовал в строфах точные рифмы с неточными — ср. в следующей строфе рифму *моря/моя*; особенно существенно, что пробы рифмованных слов в стихах этих лет подчинены этому поиску.

Остальные разночтения рассмотрим в более широком контексте. Как известно, стихотворение связано с судьбой Карла Карловича Шваба, воронежского знакомого Мандельштама (Мандельштам 1989: 174). Он был арестован в конце декабря 1936 г., а стихотворение явилось откликом, вероятно, на предъявление ему обвинения в участии в антисоветской организации (существенно, что ему инкриминировалось то, что он слушал по радио речи Гитлера) (Акиньшин, Ласунский 1992). Арест Н. И. Бухарина, покровителя Мандельштама (27 февр. 1937 г.), осуществленный при невиданных обстоятельствах — прямо на заседании пленума ЦК ВКП (б), показал, насколько иллюзорными были надежды поэта на благоприятный перелом в своей судьбе. Поэтому параллель «флейтиста» и поэта в стихотворении всегда была прозрачна для читателя; однако в качестве мотивирующего подтекста она имела, по-видимому, один известный античный источник —

намек на это мы видим в первоначальном мотиве «греческой речи». Это «Государство» Платона, с которым поэт должен был быть знаком как по программе университетского курса древней философии (экзамены по предмету он сдал 7 сент. 1916 г.), так и по общему интересу к философии, засвидетельствованному в его биографии, начиная с юношеских лет (Кант, Бергсон, Флоренский). Определенное указание на знакомство, по крайней мере, с «Политикой» Аристотеля дает его статья «Скрябин и христианство», и непосредственно в нашем контексте, о чем речь пойдет ниже.

В этом диалоге Платона с первых страниц много места уделено тому вреду, который наносит поэзия делу «правильного» воспитания и мерам, которыми следовало бы ограничить ее влияние в идеальном государстве (утопии), см. например: «Право же, я и по многим другим признакам замечаю, что мы всего правильнее устроили наше государство: говорю я это, особенно имея в виду поэзию. — Что же ты об этом думаешь? — Ее никоим образом нельзя допускать, поскольку она подражательна» (595 а-о; Платон 1971, 3 (1): 421). Настолько же пространно критикуется фригийский лад и флейта; «мастеров по изготовлению флейт и флейтистов» собеседники тоже соглашались не допускать в идеальное государство (399 d; Платон 1971, 3 (1): 182)⁹.

«Шевелящиеся губы» («Лишив меня морей...», 1935) — орудие творчества поэта — сквозной мотив поэзии Мандельштама: «А наши губы к ней <к смерти> летят» («Что поют часы-кузнечик...», 1918); «Быть может, прежде губ уже родился шепот» («И Шуберт на воде...», 1934); «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935); «Я губами несусь в темноте» («Стихи о неизвестном солдате», 1937); «Я скажу это начерно, шепотом...» (1937). Очень существенно то, что и «флейта» появилась в стихах раньше, чем возник конкретный политический повод для стихотворения — это «гниющая флейта» в «Черноземе» (1935). С исправлением первого стиха, где прямое «Греческая речь» уступило место стиху, говорящему о двух буквах греческого алфавита в слове «флейта», две темы и подтекст поэтическими средствами получили полную сомкнутость и

взаимообусловленность и далее развиваются и обогащаются в мотивах.

Мотивная структура стихотворения более понятна начиная со строфы 3, где речь ведется о флейтисте и игре на флейте. В строфе 4 речь идет об игре на флейте, причем «игра» губ на мундштуке флейты описана так же, как немая артикуляция во время работы Мандельштама над сочинением стихов. Мотив артикуляции подготовлен в первом стихе, где, называя две буквы, поэт подразумевает, по-видимому, их произнесение. Это — мотив также старый, формировавшийся еще в ранних редакциях «Армении» («Багряные “уни” и “ани” — Натуга великих родов») (Семенко 1986: 38), а затем ставший одним из ведущих в «Разговоре о Данте», где уже сначала речь ведется об «изменении самих орудий поэтической речи», т. е. артикуляционной работе. Уподобление артикуляции движениям губ флейтиста дает поэту метафорическое основание в заключительных стихах «клонить к убыли» игру флейты уже от собственного «я».

Что касается одного из двух последних, оставшихся нерассмотренными, разночтений: «равнодействие» — «равноденствие», то в смысловой структуре стихотворения эта метафора представляется изолированной, и контекст не дает дополнительных данных для предпочтений. Зато есть основания для суждения об их временной последовательности. «Равноденствие» — метафора, подготовленная ранним стихотворением «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...» (1914), имевшим в автографе заглавие «Равноденствие»; в его последнем стихе остается неназванной прямо тростниковая флейта (свирель). Если представить, что оба варианта пробовались поэтом, то «равноденствие», по указанным выше обстоятельствам, должно было быть более ранним, а «равнодействие» возникло на его основе; оно более «трудное», и сначала даже от внимания ускользает, что это — неологизм (от «равнодействующая сила»). «Равноденствие» могло либо не пройти проверки на «зрительную убедительность», как того требовал Гумилев¹⁰, либо быть отвергнутым в порядке «борьбы с акмеизмом», проводившейся поэтом, как засвидетельствовано письмом Рудакова к жене в 1935 году (Герштейн 1986:

193).. В записях Н. Я. Мандельштам по памяти 1938-1941 гг. редакция «равнодействие» встречается, и в таком виде стихотворение однажды печаталось В. Швейцер (в кн.: Мандельштам 1980).

Наибольшие трудности для интерпретации представляют стихи 2-8. Идет ли в них речь о «речи греческой», как предусмотрено ранней редакцией первого стиха, или об игре на флейте, чему окончательная редакция первого стиха не противоречит, или эти образы чередуются? В контексте «речи» более оправданной является метафора «неизваянная»; строфа 2 лучше понятна в этом контексте (только в нем получает объяснение «Стиснув зубы, ее не унять, / И в слова языком не продвинуть»), и тогда ее образы нужно снова-таки связать с артикуляцией. Тогда прототипом для различий «размять» и «разнять» можно было бы мыслить термины орфоэпии «смыкание» и «размыкание»¹¹. В метафорах Мандельштам добивался гармонии (даже если они строились на антитезах) словарного и переносного значений, а здесь, если, как и раньше считать существовавшими в качестве редакций оба слова, как одно, так и другое, дают ощущение не слишком удачного хода: «размять» — ввиду ожидания *pointe* строфы (по аналогии с глиной воспринимается как некий подготовительный акт), «разнять» — как уже говорилось выше, ввиду физиологической непредставимости того, что можно было бы разнять губами, но, как кажется, несколько компенсирует оттенком неуничтожимости (тема стихов 5-6). Сделать выбор в данном случае ни текст, ни контекст, как представляется, не дают надежных оснований, и пока при выборе остается руководствоваться ненадежным в конкретных случаях критерием большей (или меньшей) авторитетности источника текста.

В развитии метафор намечаются еще смысловые перспективы (понимание «молвы», сюжеты античной истории), но в нашем сообщении их рассмотреть невозможно.

Кратко обобщим сказанное. Новонайденная копия сделана, по-видимому, со списка Н. Я. Мандельштам середины 1937 года и, по всем аргументам, адекватно передает его текст; этот текст, по сравнению с другими

рассмотренными источниками, является наиболее авторитетным.

Примечания

¹ Текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

² См. текст и примечание в своде стихотворений 1930–1937 гг., напечатанных по машинописи из архива И. М. Семенко (Мандельштам 1990б: 183) далее в тексте этот источник будем именовать «машинописный свод Семенко».

³ Этот процесс наглядно показан в труде И. М. Семенко (Семенко 1986), особенно в главе «Мандельштам в работе над переводами сонетов Петрарки».

⁴ Ныне хранится в Принстонском университете. Эти источники известны нам по фотокопиям из собрания Ю. Л. Фрейдина, изученным во время совместной с ним и С. В. Василенко работы над новым изданием стихотворений Мандельштама. Ссылки на него даются далее сокращенно (АМ).

⁵ В своем машинописном своде И. М. Семенко, характеризуя этот источник, сопроводила текст таким примечанием: «По прижизненной записи Н. Я. М. Обе первые строки тогда были забыты и вписаны позднее, “поздним” почерком Н. Я. Никакого “варианта” с “мятой” не было». Но, как показывает список из собрания Маршака (см. ниже в тексте статьи), текст с этой опиской записывался еще при жизни поэта.

⁶ Сведения о нем приведены в кн.: Мандельштам 1990а, 1: 569. Указание на то, что его текст, начиная со стиха 14, представлен автографом — ошибочно; помещенное в примечаниях разночтение несет опечатку. Ссылки на этот источник даются далее сокращенно (СМ). Благодарим Б. И. Маршака за предоставленную возможность ознакомиться с этими списками.

⁷ Биография Рудакова и воронежский период его деятельности освещены в кн.: Герштейн 1986. Напомним, что его собрание почти целиком погибло в огне (там же, с. 153).

⁸ Мы взяли только этот период, т. к. предполагаем

достоверным, как говорилось выше, что эти копии сделаны со списков одной рукой — Н. Я. Мандельштам; стихи предшествующего периода копировались, вероятно, со списков Рудакова.

⁹ Ср. у Мандельштама в «Скрябине и христианстве»: «Эллины боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным...» Это место восходит или к «Государству» Платона, или к упоминающей Платона «Политике» Аристотеля (Русская литература. 1991, № 1. С. 76.

¹⁰ См. примечания Р. Д. Тименчика в кн.: Гумилев 1990: 284.

¹¹ Как видно из «Разговора о Данте» (гл. VIII), знакомство поэта с терминологией в этой узкой области было хорошим.

Библиография

Акинъшин, Ласунский 1992 — Акинъшин А., Ласунский О. Музы ГУЛАГа // Утро. Воронеж. 1992. 9 апр.

Герштейн 1986 — Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. Париж. 1986.

Гумилев 1990 — Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990.

Мандельштам 1980 — Мандельштам О. Воронежские тетради. Анн Арбор, 1980.

Мандельштам 1989 — Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989.

Мандельштам 1990а — Мандельштам О. Сочинения. (В 2-х т.). М., 1990.

Мандельштам 1990б — Мандельштам О. Э. Новые стихи / Подг. текста С. В. Василенко // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 81-188

Мандельштам 1991 — Мандельштам О. Собр. соч. (В 4-х т.). М., Терра 1991.

Платон 1971 — Платон. Сочинения. В 3-ч т. М., 1971.

Семенко 1986 — Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986.

Ю. Глебов
Москва

«Свеча горела на столе»

(Юрий Андреевич Живаго как поэтическая индивидуальность: заметки к теме)

Включение «Стихотворений Юрия Живаго» в корпус стихотворных произведений Бориса Пастернака не вызывает удивления и едва ли покажется кому-то нелогичным. Результат — восприятие их как еще одного стихотворного сборника Пастернака наравне, скажем, с книгами «На ранних поездах» или «Когда разгуляется», между которыми они помещаются хронологически. Собственно этим их читательское восприятие и ограничивается. При чтении «Стихотворений Юрия Живаго» в корпусе «стихотворений и поэм» Пастернака роман вспоминается постольку, поскольку приписанные главному герою стихотворения кажутся лишь блестящим поэтическим постскриптумом или приложением к книге.

Между тем это совершенно не так.

Пастернак назвал этот цикл заключительной, семнадцатой частью своего романа, уравнивая ее в правах с остальными шестнадцатью. Д. Оболенский специально подчеркивал, что «эти стихотворения должны рассматриваться не как приложение, но неотъемлемая часть романа» (Obolensky 1978: 151). Под ними нет дат написания — и не может быть, потому что они имеют двойную хронологию: время их написания Юрием Живаго согласно роману и время их «действительного» написания Пастернаком. Пастернак указывает, что юринь стихи были изданы им в Москве в последние годы жизни (естественно, не уточняя, какие именно и в каком порядке), а затем вместе с его философскими произведениями — посмертно, при участии Михаила Гордона и Иннокентия Дудорова и поддержке Евграфа

Живаго (что, замечу в скобках, кажется слишком невероятным в условиях сталинской России). Легко представить себе отдельное книжное издание «Стихотворений Юрия Живаго» (особенно выполненное в стиле скромных «изданий автора» середины двадцатых годов) — но только не как сборник стихов Пастернака, с чем бы его ни сравнивать, с «Близнецом в тучах» или «Когда разгуляется».

До сих пор «Стихотворения Юрия Живаго» рассматривались исключительно как цикл стихов Пастернака 1946–1953 гг., этап его поэтической эволюции, логически следующий за книгой «На ранних поездах» — то есть только в контексте поэтического творчества и в полном отрыве от романа, от времени и обстоятельств его действия. Слишком явная «непохожесть» тем, образов и мотивов многих, прежде всего, ключевых стихотворений книги (к ним я отношу не только «Гамлета» или «Сказку», но в первую очередь «Август», своеобразный экватор или, точнее, солнцеворот книги, «Рождественскую звезду» и «Чудо») не очень смущала критиков. Некоторые из них просто объявили «Стихотворения Юрия Живаго» лучшей поэтической книгой Пастернака, посчитав, что это избавляет их от необходимости дальнейших объяснений. Меньше всего желая выставлять оценки разным книгам Пастернака (что просто бессмысленно), обращусь к личности «воображаемого» автора книги и к ее «воображаемой» хронологии.

Юрий Андреевич Живаго не является двойником Бориса Леонидовича Пастернака ни как человек, ни как поэт. Полагаю, это можно принять за аксиому, не вдаваясь сейчас в подробности отношений автора и его героя. Однако, они почти ровесники, люди одного поколения. Юра писал стихи с юности и уже в студенческие годы вполне сложился как поэт, что можно отнести ко второй половине — концу 1900-х годов, то есть на несколько лет раньше оформления поэтической индивидуальности самого Пастернака, хотя бы еще в качестве участника «Лирики» и автора «Близнеца в тучах».

Основная же масса стихотворений, которая собственно и составила корпус книги, написана в 1917–1922 гг., между двумя возвращениями Живаго в Москву — с фронта Первой мировой и с Урала по окончании Гражданской войны. В Москве в последние годы он главным

образом правил и издавал старые стихи. Окончательным завершением его пути стал 1929 год — год смерти. Таким образом «воображаемая» хронология творческого пути поэта Юрия Живаго укладывается в промежуток примерно 1909-1929 гг. с выделением периода 1917-1922 гг. в качестве центрального. Посмотрим, как это соотносится с литературным фоном эпохи и с поэзией самого Пастернака этих лет.

На первый взгляд, поэзию Живаго почти невозможно представить себе реально существовавшей в эпоху Серебряного века. Он — «выпавший из времени» маргинал. Похоже, что он не читал ни Сологуба, ни Брюсова, ни — немного позднее — Гумилева и Маяковского. Единственный из поэтов его времени, кто постоянно присутствует в духовном и поэтическом мире Живаго, — это Блок, причем не Блок «Стихов о Прекрасной Даме» или «Снежной маски», но Блок «третьего тома» (ср. «Ветер (четыре отрывка о Блоке)» в сборнике «Когда разгуляется») и более всего «Возмездия». Ничего удивительного в этом нет. Живаго — человек, совершенно не связанный с литературным или художественным миром, ординарный по статусу (но неординарный как личность!) интеллигентный читатель, из двух поэтических кумиров предреволюционной эпохи вполне объяснимо предпочитающий Блока Игорю Северянину. Живаго не просто выключен из литературной жизни своей эпохи — она совершенно не влияет на его поэтическую индивидуальность. Помимо Блока, он связан с лирикой предшествующего времени, с классической фетовской традицией (не с «цыганщиной» Григорьева, столь повлиявшей на Блока, не с холодноватым «антологизмом» Щербины и отчасти Майкова и не со слезливой «гражданственностью» Надсона, еще находившей читателей и в эпоху футуризма), причем связан сильнее, чем с Серебряным веком. Литературный фон «Стихотворений Юрия Живаго» еще нуждается в детальном изучении, поэтому пока я позволю себе лишь одну, но принципиально важную ремарку.

Стихотворение «Зимняя ночь» давно стало хрестоматийным, а строка «Свеча горела на столе», вынесенная в заголовок этих заметок, традиционно считается (главным образом, на уровне массового читательского сознания) одной из самых «пастернаковских». Между тем, это дословная цитата из стихотворения «августей-

шего поэта» К. Р. (Великого Князя Константина Константиновича Романова) начинающегося именно этой самой строкой. Сопоставление поэта Пастернака с К. Р. может показаться слишком искусственным и надуманным, но в данном случае с К. Р. надо сопоставить поэта Живаго.

К. Р., начавший писать в 1879 г., продолжал свою поэтическую деятельность почти до самой смерти (последняя значительная публикация его лирических стихов — цикл 1913 г. «В Египте»). Не обладая яркой индивидуальностью и «отличным ото всех стихом», он быстро сформировался как поэт — продолжатель (но отнюдь не только подражатель!) именно фетовской традиции, оставаясь верным ей всю жизнь. На протяжении более чем тридцати лет его манера не претерпела существенных изменений, а потому в эпоху «Брюсова и Блока, когда стал стих сложнее, чем танк», по остроумному замечанию Игоря Северянина, поэзия К. Р. воспринималась в литературных кругах как безнадежный архаизм, а сам автор как маргинал. Это видно хотя бы из того, что среди поэтов, откликнувшихся на его смерть, самым «маститым» был многократно осмеянный и безнадежно устаревший Аполлон Коринфский. Однако стихи К. Р., многократно выходившие отдельными изданиями, печатавшиеся в «толстых» журналах, растиражированные бесчисленными антологиями, «чтецами-декламаторами» и романсами, включая цикл Чайковского (что тоже немало важно), были весьма популярны в далеких от литературного мира и консервативных в своих читательских пристрастиях интеллигентных кругах. Поэтому вполне естественно, что в детстве и юности Юра читал (или слышал) именно его стихи, а не Бальмонта или Брюсова. Кстати, отличительной чертой читательской популярности Блока была именно ее широта, выход за пределы литературно-художественных кругов.

Пастернак как художник, конечно, «бог деталей». Семиотика свечи в образно-знаковой структуре романа исследована Д. Оболенским. «Горящая свеча — один из символических центров, вокруг которых построен «Доктор Живаго»; это один из фокусов книги, где таинственно собираются судьбы персонажей» (Obolensky 1978: 154), — справедливо заключает он. Здесь речь о содержании. Но форма одного из важней-

ших лирических произведений именно Юрия Живаго должна была быть адекватна его (пусть и воображаемому) автору. Невозможно представить в этом случае ни «Зеркало в зеркало, сопоставь две зеркальности, между ними поставь свечу» (К. Бальмонт), ни «Светильники тихое пламя колышет» (В. Брюсов), ни даже «Не подняться дню в усилиях светилен» (ранний Пастернак). Цитата же из К. Р. более чем уместна — своей традиционностью, неброскостью и одновременно лаконичностью и музыкальностью (ориентированностью на «е»), развитой Живаго-Пастернаком повторением слов «свеча горела».

Разумеется, очень мало оснований утверждать, что Пастернак сознательно цитировал определенное стихотворение К. Р. Скорее всего он просто знал его с раннего детства (ранняя память на стихи — самая прочная), может быть, не раз вспоминал в юности, глядя на зажженные свечи, но возвращаясь в зрелые годы памятью к давним дням, вспомнил наверняка. Возможно, как великолепную строку неизвестно какого поэта, но связанную с собственной юностью. К Живаго эта строка подходит еще больше, чем к Пастернаку, в его мире она гораздо более естественна. Это одна из тех невидных, но значимых деталей, которые сообщают «Доктору Живаго» поразительную достоверность, не только историческую, но и психологическую.

Поэтический мир Живаго и К. Р. во многом схож тематически (особенно в отношении пейзажной лирики), но их принадлежность к разным эпохам очевидна уже по образам и словарю. Трудно представить в лирике К. Р. «жар соблазна», да еще и сравниваемый с ангелом, что ближе символистам, или землю, которая бы «Пасху проспала», даже «под чтение “Псалтыри”». На фоне же эротических и религиозных вольностей символистов это воспринимается как старомодная целомудренность и еще один из признаков маргинальности.

Различия между Живаго и К. Р. объясняются разностью поколений (К. Р., конечно, прекрасно знал поэзию символистов, но на его собственном творчестве их пребывание в литературе никак не отразилось). Гораздо разительнее и знаменательнее контраст между стихами Юрия Живаго и стихами самого Пастернака той же эпохи, то есть от «Близнеца в тучах» до «Спекторского». Поиск сходства здесь практически теряет

смысл: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Пастернак сам признавался, что «не любит своего стиля до 1940 года», включая, следовательно, и произведения периода творческой деятельности Юрия Живаго. В отличие от своего героя-маргинала Пастернак находился в гуще литературной жизни, и когда Юра в уральском уединении создавал свои никому не ведомые шедевры, «Сестра моя жизнь» уже расходилась в многочисленных списках. Лирик par excellence, Живаго, конечно, не написал бы ни «Высокой болезни», ни историко-революционных поэм, ни «Спекторского», зато Пастернак «отдал» ему всю свою религиозную лирику. Пастернак, в отличие от Живаго, символист не только читал, но и многому у них научился, а с футуристами был связан и сам.

Следующий фрагмент «Спекторского» (правда, не вошедший в окончательную редакцию) особенно наглядно показывает пропасть между двумя современниками — Пастернаком и Живаго — на уровне словаря.

Когда ж потом трепещущую самку
Раздел горячий ветер двух кистей,
И сердца два качнулись ямка в ямку,
И в перекрестный стук грудных костей
Вмешалось два осатанелых вала,
И, задыхаясь, собственная грудь
Ей голову едва не оторвала
В стремленьи шею любящим свернуть.

Выделять курсивом слова, которых просто по определению не могло быть в словаре любовной лирики Живаго (начиная с «самки»), не имеет смысла — вся сцена максимально естественна и логична для поэзии Пастернака 1920-х гг. и полностью несовместима с поэтическим миром Живаго. Но особенно эффектно смотрится сопоставление этого текста с лирикой К. Р.

Время завершить эти краткие заметки некоторыми выводами.

«Стихотворения Юрия Живаго» должны рассматриваться в первую очередь как неотъемлемая часть романа, в контексте изображенной в нем эпохи, и только уж потом как один из этапов творческой эволюции поэта Пастернака.

Для адекватного понимания «Стихотворений Юрия Живаго» необходимо изучение их «воображаемой» твор-

ческой истории и «воображаемой» хронологии, а также литературного фона, связи с эпохой. Их подлинное авторство — двойное. Живаго не тождественен Пастернаку, но это нечто большее, чем просто пишущий стихи литературный герой, вроде Евгения Нея в «Записках поэта» Ильи Сельвинского или Федора Годунова-Чердынцева в «Даре» Владимира Набокова (типологическое сопоставление этих трех произведений и их героев представляется важным и необходимым). Живаго — созданная воображением Пастернака самостоятельная творческая индивидуальность, го-мункулус или, скорее, Галатея.

Живаго-поэт в свою эпоху — маргинал, ориентирующийся на, казалось бы, давно отжившие (и одновременно — еще не сформировавшиеся) литературные традиции. Пастернак в годы работы над «Доктором Живаго» воспринимался сталинским литературным истеблишментом как «блаженный» и отчасти тоже маргинал, хотя его маргинальность — при мировой известности — была, конечно, мнимой.

В «Стихотворениях Юрия Живаго», как и во всем романе в целом, Пастернак достигает того «высшего градуса реализма», который он считал конечной целью и идеалом художника. При всей «несозвучности» послереволюционной эпохе стихи Живаго смотрятся исключительно достоверно в контексте «воображаемой» хронологии и психологии их «воображаемого» автора. Это подкрепляется рядом деталей, из которых для иллюстрации выбрана лишь одна.

Литературный герой, оживший под пером автора как самостоятельная поэтическая индивидуальность, — высшее достижение художественного гения Пастернака.

Примечания

¹ Связь «Доктора Живаго», как романа, с «Возмездием» подробно исследована в работе: Jackson 1960.

Библиография

Jackson 1960 — Jackson R.L. «Dr. Zhivago» and the living tradition // The Slavic and East European Journal. 1960. V. 18 (new series). № 4. P. 103-118.

Obolensky 1978 — Obolensky D. The poems of «Doctor Zhivago» // Pasternak. A collection of critical essays. Ed. by V. Erlich. New York, 1978.

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Е. И. Меламед
Житомир

«Письмо, которое я получил от Толстого»...

(Новонайденный автограф писателя)

Прежде чем представить публикуемое ниже письмо Л. Н. Толстого, коротко представлю его адресата. Джордж Кеннан (1845—1924) — американский публицист и путешественник. Не раз приезжал в Россию и на протяжении полувека стремился донести правду о действительном положении дел там. По словам современного исследователя, его лекции, статьи и книги «мучили совесть американской нации» (Good 1882: 273; подробнее см.: Меламед 1988).

Наиболее известная из книг Кеннана, принесшая ему славу и признание, — двухтомная «Сибирь и ссылка» (1891), с публикацией которой, по словам С. М. Степняка-Кравчинского, «русский вопрос» занял особое место в мыслях и чувствах современного человечества» (Stepniak 1891: 600—602). В сущности, вплоть до выхода «Архипелага ГУЛАГ»а А. И. Солженицына никакое другое произведение о России не вызывало столь пристального интереса во всем мире, ибо никакое другое произведение не обличало с такой силой деспотизм власти, произвол и ужасы карательной системы.

Появлению этого фундаментального труда предшествовало многомесячное путешествие Кеннана по кандалным сибирским трактам, а также по Европейской части страны, совершенное им в 1885-1886 годах. Тогда же он познакомился и с Толстым, посетив его

(17 июня 1886 года) в Ясной Поляне (Гусев 1958: 638), о чем подробно рассказал в очерке «Визит к графу Толстому»¹. Из него мы, в частности, узнаем, что в усадьбу русского писателя Кеннана привела не только просьба сибирских ссыльных — рассказать ему об условиях их жизни в изгнании, но и, прежде всего, глубокий интерес к его творчеству. Так, Кеннан прочел все крупные произведения Толстого, напечатанные к тому времени, включая «Войну и мир», «Анну Каренину» и «Казак». Больше того, когда «Казак» были изданы в США, он вступил в полемику с переводчиком этой повести, известным русистом, дипломатом и историком Юджином Скайлером (1840—1890), выразив неудовлетворение качеством перевода (подробнее см.: Travis 1990: 79—80).

Интерес к Толстому Кеннан сохранил и в последующие годы, используя всякую возможность для пропаганды его творчества и общественных начинаний. В свою очередь Толстой отзывался о нем как об «очень милом — приятном и искреннем человеке» (письмо В. Г. Черткову от 28—29 июня 1886 г., в кн.: Толстой 1935, 85: 363) и весьма высоко ценил его главную книгу (см.: Меламед 1981: 185). Примечательно, что когда ему потребовался фактический материал для описания в романе «Воскресение» путешествия в Сибирь партии арестантов, этапных нравов и порядков, он предпочел ее имевшимся в его распоряжении произведениям русских писателей и ученых (ср. Гудзий 1953: 391).

Не случайно, таким образом, что именно к Кеннану Толстой обратился (8 августа 1890 года) с просьбой содействовать правильному истолкованию в Америке известной картины Н. Н. Ге «Что есть истина?», в судьбе которой он, как известно, принял живейшее участие. О реакции адресата на это обращение неизвестно. Единственное упоминание обнаружилось в письме Кеннана к политэмигранту Л. Б. Гольденбергу (Гейт-ройтману; ок. 1846-1916). «Прилагаю здесь последнее письмо, которое я получил от Толстого, — сообщил он из Бостона в Нью-Йорк 22 октября н. ст. 1890 года. — Оно написано таким ужасным почерком, что я не смог прочесть более половины его. Не могли бы вы попросить кого-нибудь сделать с него копию и прислать мне.

Возможно, это письмо было бы хорошо опубликовать во "Free Russia"², если картина, о которой идет речь, выставлена в Нью-Йорке³. Я пока еще не видел никаких упоминаний о ней в наших газетах». (Кеннан 1890).

В свое время при чтении этого письма, сохранившегося в архиве Гольденберга, который входит в состав так называемой «Пражской коллекции», у меня мелькнула мысль, что где-то в том же архиве должен быть и автограф Толстого, но нет, эти ожидания не оправдались. Выполнив просьбу своего американского друга, Гольденберг отослал ему и копию, и оригинал. Последний отыскался в августе 1988 года, когда мне довелось познакомиться с архивом самого Кеннана, большая часть которого находится в рукописном отделе Библиотеки конгресса в Вашингтоне. Одновременно удалось выявить два дотолее и вовсе неизвестных послания хозяина Ясной Поляны (Меламед. 1989: 236—239). В отличие от них, письмо от 8 августа 1890 года неоднократно публиковалось (впервые, фрагментарно, в 1904 году) (Толстой 1890), в том числе в Собраниях сочинений писателя. Но по копии, а в ней, как оказалось, имеется немало искажений и пропусков (как отдельных слов, так и целых фраз). Здесь письмо Толстого впервые публикуется по оригиналу⁴.

< 8 августа 1890 г. >

My dear Mr. Kennan⁵

Несмотря на английское обращение, смело пишу вам по-русски, уверенный в том, что вы, с вашим прекрасным знанием русского языка, не затруднитесь понять меня; не помню, отвечал ли я на ваше последнее письмо⁶; если я этого не сделал, то надеюсь, что вы за это не сердитесь на меня. С тех пор как я с вами познакомился, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в «Century», кот<орый> мне удавалось доставать без помарок⁷. Последние статьи еще не прочитаны мною, но я надеюсь достать их. В последнее же время вспоминал вас по случаю ваших, произведших такой

шум во всей Европе, статей о сибирских ужасах. Часть этих статей, незамаранная, дошла до меня в журнале Стэда — не помню каком — «Pall Mall Burget» или «Review of Reviews»⁸.

Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов, не только в Сибири, но и по всей России, ужасов. Вы, верно, слышали про страшную историю повешения в Пензе двух крестьян из 7, приговоренных к этому за то, что они убили управляющего, убившего одного из них⁹. Это было в газетах, и даже при том освещении, к^оторое дано этому правительственными органами, возбуждает страшное негодование и отвращение, особенно в нас, русских, воспитанных в сознании того, что смертная казнь не существует в нашем законодательстве¹⁰. Помню, сколько раз молодым человеком я гордился этим, теперь же, с нынешнего царствования, смертная казнь получила у нас право гражданства и без всякого суда, т^о е^{сть} с подобием его. Об ужасах, совершаемых над политическими и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем. Знаем только, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям одиночного заключения, каторге, смерти и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях.

Разговорился я о том, что интересуется вас и не может не интересоваться меня; цель же моего письма вот какая: Нынешней зимой появилась на петербургской выставке картин «передвижников» картина Н. Ге — Христос перед Пилатом, под названием «Что есть истина?»¹¹, Иоанна XVIII 38. Не говоря о том, что картина написана большим мастером (профессором академии) и известным своими картинами — самая замечательная: «Тайная вечеря» — художником, картина эта, кроме мастерской техники, обратила особенное внимание всех силою выражения основной мысли и новизною и искренностью отношения к предмету. Как верно говорит, кажется, Swift, что «we usually find that to be the best fruit which the birds have been picking at»¹², картина эта вызвала странные нападки — негодование всех церковных людей и всех правительственных. До такой степени, что по приказу

царя ее сняли с выставки и запретили показывать. Теперь один адвокат, Ильин (я не знаю его) решился на свой счет и риск везти картину в Америку, и вчера я получил письмо о том, что картина уехала¹³. Цель моего письма та, чтобы обратить ваше внимание на эту, по моему мнению, составляющую эпоху в истории христианской живописи, картину, и если она, как я почти уверен, произведет на вас то же впечатление, как и на меня, просить вас содействовать пониманию ее американской публикой — растолковать ее. Смысл картины, на мой взгляд, следующий: в историческом отношении она выражает ту минуту, когда Иисуса после бессонной ночи, во время к<оторой> его связанного вели из места в место и били, привели к Пилату. Пилат — римский губернатор, вроде наших сибирских губернаторов, к<оторых> вы знаете, живет только интересами метрополии и, разумеется, с презрением и некоторой гадливостью относится к тем смутам, да еще религиозным, грубого, суеверного народа, к<ото>рым он управляет.

Тут-то происходит разговор Иоанна XVIII, 33-37, в котором добродушный губернатор хочет опуститься «en bon prince»¹⁴ до варварских интересов своих подчиненных и, как это свойственно важным людям, составил себе понятие о том, о чем он спрашивает, и сам вперед говорит, не интересуясь даже ответами; (с улыбкой снисхождения я полагаю) — все говорит: «Так ты царь?» Иисус измучен, и одного взгляда на это выхолощенное, самодовольное, отупевшее от роскошной жизни лицо, достаточно, чтобы понять ту пропасть, к<оторая> их разделяет, и невозможность или страшную трудность для Пилата понять его учение. Но Иисус помнит, что и Пилат человек и брат, заблудший, но брат, и что он не имеет права не открывать ему ту истину, к<отор>ую он открывает людям, и он начинает говорить (37). Но Пилат останавливает его на слове — истина. Что может оборванный нищий, мальчишка, сказать ему, другу и собеседнику римских поэтов и философов, сказать об истине? Ему не интересно дослушивать тот вздор, к<оторый> ему может сказать этот еврейский жидок, и даже немножко неприятно, что этот бродяга может вообразить, что он может поучать римского вельможу, и потому он сразу

останавливает его и показывает ему, что об слове и понятии истина думали люди поумнее, поученее и поутонченнее его и его евреев и давно уже решили, что нельзя знать, что такое истина — пустое слово. И, сказав: «Что есть истина?» и повернувшись на каблуке, добродушный и самодовольный губернатор уходит к себе. А Иисусу жалко человека и страшно за ту пучину лжи, к<оторая> отделяет его и таких людей от истины, и это выражено на его лице.

Достоинство картины, по моему мнению, в том, что она правдива (реалистична, как говорят теперь) в самом настоящем значении этого слова. Христос не такой, какого бы было приятно видеть, а именно такой, каким должен быть человек, которого мучали целую ночь и ведут мучать. И Пилат такой, каким должен быть губернатор теперь в Омске или в Массачузете. Эпоху же в христианской живописи эта картина производит п<отому>, <что> она устанавливает новое отношение к христианским сюжетам как к историческим событиям, как это пробовали многие и всегда неудачно, п<отому> ч<то> отречение Наполеона или смерть Елизаветы представляет нечто важное по важности лиц изображаемых; но Христос в то время, когда действовал, не был не только важен, но даже и заметен, и потому картины из его жизни никогда не будут картинами историческими. Отношение к Христу как к Богу произвело много картин, высшее совершенство которых давно уже позади нас. Настоящее искусство не может теперь относиться так к Христу. И вот в наше время делают попытки изобразить нравственное понятие жизни и учения Христа. И попытки эти до сих пор были неудачны. Где же нашел в жизни Христа такой момент, кот<орый> важен был тогда для него, для его учения и кот<орый> точно так же важен теперь для всех нас и повторяется везде во всем мире в борьбе нравственного, разумного сознания человека, проявляющегося в неблестящих сферах жизни, с преданиями утонченного и добродушного, и самоуверенного насилия, подавляющего это сознание. И таких моментов много и впечатление, производимое изображением таких моментов, очень сильно и плодотворно.

Вот как я разболтался. Истинно уважающий и любящий вас

Адрес: Льву Николаевичу Толстому. Тула.

Примечания

¹ На русском языке опубликован с сокращениями в кн.: Толстой 1978, 1: 364—380.

² В переводе с английского: «Свободная Россия». Имеется в виду американское издание ежемесячной англоязычной газеты, выпускаемой Обществом друзей русской свободы. Л. Б. Гольденберг был его редактором.

³ Картина Н. Н. Ге экспонировалась в США только в Балтиморе и Бостоне.

⁴ Library of Congress, Manuscript division, George Kennan papers, box 5 (листы не пронумерованы). Текст воспроизводится в соответствии с требованиями современной орфографии и пунктуации. Все конъектуры заключены в угловые скобки.

⁵ Мой дорогой м-р Кеннан (англ.).

⁶ Известно лишь одно письмо Кеннана, предшествующее настоящему, — от 21 декабря 1886 г. (Кеннан 1886). Ответное письмо Толстого датировано 1 января 1887 г. (Меламед 1989)

⁷ В этом нью-йоркском ежемесячнике, финансировавшем поездку Кеннана, в 1887—1891 гг. печатались одна за другой две серии его статей о русской тюремной и ссыльной системе, последняя из которых представляла собой журнальный вариант «Сибири и ссылки». В России, где книга Кеннана легально увидела свет лишь в 1906 году, эти статьи вымарывались из американского журнала. Экземпляры «The Century Magazine», которыми пользовался Толстой, не сохранились: в январе 1889 года он отослал их народу Л. П. Никифорову (См.: Толстой, 64: 218).

⁸ Уильям Томас Стэд (1849—1912), английский публицист и издатель, основавший в 1890 г. журнал «Review of Reviews». В нем в это время печатались некоторые статьи Кеннана.

⁹ События, о которых упоминает Толстой, относятся к 1887 году, когда в Инсарском уезде Пензенской губернии крестьянами был убит управляющий родового имения Н. А. Тучковой-Огаревой А. В. Станиславский.

Дело это разбиралось в сентябре того же года в Пензе, во временном отделении Казанского военно-окружного суда. Из 30 обвиняемых 14 (а не 7) были приговорены к смертной казни, повешены же были двое; остальных после обращения на Высочайшее имя сослали на каторгу.

¹⁰ Смертная казнь в России была отменена императрицей Елизаветой в 1753 году, однако позднее ее стали применять снова, что было закреплено изданиями Свода законов Российской империи 1832—1845 гг.

¹¹ Картина Н. Н. Ге была выставлена на XVIII Передвижной выставке, открывшейся в Петербурге 11 февраля 1890 г., и демонстрировалась там вплоть до 7 марта, когда по требованию Александра III ее сняли с экспозиции, а изображение — изъяли из каталога.

¹² «Мы обычно находим более вкусным тот плод, который клевали птицы» (англ.) — цитата из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

¹³ Присяжный поверенный Н. Д. Ильин (1849 — ок.1895), о котором идет речь, действительно брался «на свой счет» везти картину Ге для показа ее за границей (помимо США, она экспонировалась также в Германии), но в конечном итоге он сделал это на деньги, полученные художником от П. М. Третьякова, который по настоянию Л. Н. Толстого предварительно приобрел полотно. Поскольку, несмотря на благожелательные отзывы прессы, картина не имела успеха у зрителей, Ильин вынужден был прервать поездку, историю которой он описал в тенденциозном «Дневнике толстовца» (Ильин 1892), содержавшем нападки на Толстого и Ге. Там же автор упоминает, что, будучи в январе 1891 года в Нью-Йорке, он пытался увидеться с Кеннаном, но тот в это время находился в лекционном турне (с. 228).

¹⁴ Здесь: как добрый владыка (фр.)

Библиография

Гудзий 1953 — Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание). Т. 33. М., 1953. С. 329-422.

Гусев 1958 — Гусев Н. Н. Летопись жизни и твор-

чества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. М., 1958.

Ильин 1892 — Ильин Н. Д. Дневник толстовца. СПб., 1892.

Кеннан 1886 — Кеннан Дж. Письмо Л. Н. Толстому от 21 декабря 1886 г. // Толстой и зарубежный мир / Литературное наследство Т. 75. Кн. 1. М., 1965. С. 417-418).

Кеннан 1890 — Кеннан Дж. Письмо к Л. Б. Гольденбергу // Гос. архив Российской Федерации. Ф. 5799, оп. 1, ед. хр. 138, л. 53-54.

Меламед 1981 — Меламед Е. И. Лев Толстой и Джордж Кеннан (по новым материалам) // Русская литература. 1981. № 3. С. 153-157.

Меламед 1988 — Меламед Е. И. Русские университеты Джорджа Кеннана. Судьба писателя и его книг. Иркутск, 1988.

Меламед 1989 — Меламед Е. И. (публ.). «Разговор наш мне очень памятен...». Неопубликованные письма Л. Н. Толстого / Публ. и коммент. Е. И. Меламеда // Новый мир, 1989. № 7. С. 236-239.

Толстой 1890 — Толстой Л. Н. Письмо Дж. Кеннану от 8 августа 1890 г. // Вестник Европы. 1904. № 11. С. 24-26.

Толстой 1935 — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание. Т. 85. М., 1935.

Толстой 1978 — Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978.

Good 1982 — Good J. E. America and the Russian Revolutionary Movement, 1888-1905 // The Russian Review. 1982. № 3. P. 273.

Stepniak 1891 — Stepniak S. What Americans Can Do for Russia. // North American Review. 1891. V. 153. P. 600-602.

Travis 1990 — Travis F. F. George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865-1924. Athens: Ohio. 1990. P. 79-80.

В. Э. Молодяков
Москва

В творческой лаборатории Валерия Брюсова

Огромное поэтическое наследие Валерия Брюсова дошло до нас практически в полном объеме — стараниями как самого поэта, бережно сохранявшего свой архив, так и его жены Иоанны Матвеевны, долгие годы отдавшей разборке и систематизации текстов, датировке и публикациям. Ныне архив Брюсова хранится в ОР РГБ (Ф. 386; в дальнейшем ссылаемся на номера картонных и единиц хранения этого фонда). Опубликованное самим автором, безусловно, составляет наиболее важную часть наследия Брюсова, но и то, что осталось «в столе» имеет не только собственно историко-литературную, но и несомненную художественную ценность. Публикации неизданных текстов Брюсова, начавшиеся сразу после его смерти при деятельном участии И. М. Брюсовой, насчитывают не одну сотню стихотворений, которые составили два отдельных сборника «Неизданные стихи. 1914—1924» (Брюсов 1928) и «Неизданные стихотворения» (Брюсов 1935) и вошли в состав «символистского» тома «Литературного наследия» (Брюсов 1937), специального «брюсовского» тома того же издания (Брюсов 1976), третьего тома семитомного Собрания сочинений (Брюсов 1974) и ряда посмертных «изборонок» поэта. Однако после 1976 г. дело ограничилось эпизодическими публикациями в периодике, хотя неизданное поэтическое наследие Брюсова далеко не исчерпано, а в некоторых публикациях прежнего времени содержится ряд ошибок и неточностей: неверные прочтения и датировки, произвольные редакторские конъектуры и просто купюры (Брюсов 1976; Гиндин 1978) — которые необходимо исправить в будущем

научно подготовленном издании стихотворений и поэм Брюсова, ориентированном на максимальную полноту и точность передачи текста. Потребность в таком издании назрела уже давно, тем более что семитомное Собрание сочинений 1973—1975 гг. перестало удовлетворять современным требованиям, прежде всего в отношении полноты состава.

Несмотря на обилие посмертных публикаций, весьма значительная как по объему, так и по содержанию, часть поэтического наследия Брюсова до сих пор остается неизданной. Поскольку неизданные произведения относятся ко всем периодам зрелого творчества Брюсова, не говоря уже об обширном корпусе детских и юношеских сочинений (до 1891 г. включительно)¹, представляется целесообразным дать краткую характеристику этих рукописных источников.

По характеру источников поэтические рукописи Брюсова четко разделяются на две группы — автографы в тетрадах и автографы на отдельных листах. Столь же определенной является и хронологическая граница использования каждого из этих типов. С самого начала своей литературной деятельности, еще с детских лет, Брюсов записывал свои произведения сначала в черновые рабочие, а затем и в беловые тетради. Примерно с 1900 г. он начинает параллельно записывать стихотворения на отдельных листах, а с 1902 г. окончательно оставляет тетради и не возвращается к ним до конца жизни. Под «тетрадами» в настоящей работе понимаются как беловые, хотя нередко и содержащие позднейшую правку, тетради «Мои стихи» (картон 14), так и черновые тетради (картон 3), содержащие наряду со стихотворными различные прозаические тексты: фрагменты художественной прозы, наброски статей и писем, заметки и выписки. В тетради включены стихотворения с начала 1880-х (т. е. самого раннего периода) и до конца 1890-х гг., как включавшиеся в прижизненные сборники, так и те, которые не были опубликованы автором. Отмечу, что рукописи всех прижизненных книг Брюсова хранятся в отдельных единицах хранения.

Тетради Брюсова на протяжении многих лет служили важным источником для посмертных публикаций

его стихотворных текстов. Как целое, они (прежде всего черновые записные тетради) требуют отдельного исследования, подробного описания, а также публикации в возможно более полном объеме, как это было некогда сделано с записными тетрадями Достоевского (разумеется, с учетом нынешнего уровня текстологических и эдиционных требований). Исследованием тетрадей Брюсова на протяжении нескольких десятилетий занимается С. И. Гиндин, подготовивший на их основе ряд публикаций, в том числе фундаментальное исследование «Письма из рабочих тетрадей». Оно содержит подробную характеристику этого уникального источника, рассматривает историю и порядок заполнения тетрадей, их место среди рукописей молодого Брюсова в целом, а также существенные аспекты психологии творчества, связанные со спецификой источника. Автор настоящей работы лишь эпизодически обращался к тетрадям и никогда специально не исследовал их, поэтому мои выводы и оценки могут быть лишь сугубо приближительными. Число неизданных стихотворений в тетрадях (начиная с 1892 г.) исчисляется по меньшей мере десятками относительно законченных текстов, заслуживающих публикации в качестве самостоятельных произведений, а не только как составная часть рукописного источника в целом. Не говорю уже о многочисленных стихотворных текстах, написанных до 1892 г., но они представляют почти исключительно историко-литературный и специальный биографический интерес.

В центре внимания автора настоящей работы находились стихотворения, записанные на отдельных листах. Произведения разных лет, не входившие в прижизненные книги Брюсова и в подавляющем большинстве не опубликованные при его жизни, при разборке архива были разложены И. М. Брюсовой по годам (значительная часть автографов не датирована). Ее раскладка в основном сохранена в архиве и в настоящее время, хотя она, как показывают позднейшие исследования, не всегда точна. Эти единицы хранения (10.5—15; 11.1—8; 12.1—13) включают черновые (редко — беловые) рукописи разной степени завершенности, в том числе большое количество отрывочных набросков; авторизованную машинопись с правкой; позднейшие

копии (рукой И. М. Брюсовой и машинописные). Стихотворения, в том числе неоконченные, нередко имеются в нескольких вариантах, порою разделенных во времени тремя-четырьмя годами. Черновые автографы Брюсова, как правило, написаны характерной скорописью, что, вкупе с многочисленными поправками, порой делает их практически нечитаемыми² — в отличие от беловых автографов, где почерк поэта становится почти каллиграфическим. В некоторых случаях мне приходилось пользоваться списками И. М. Брюсовой, которые в большинстве своем точны и исправны, но иногда не полны и содержат ошибки (описки?). На них нельзя полагаться полностью, но учитывать их необходимо, поскольку они могут воспроизводить недошедшие до нас автографы (в редких случаях это стихотворения, записанные под диктовку). Также, наряду с авторскими, неизменно учитываются и воспроизводятся датировки и пометы на рукописях и списках И. М. Брюсовой, если нет документальных оснований отвергать их.

На основании этого корпуса автографов мною был предпринят ряд публикаций неизданных стихотворений Брюсова (Молодяков 1991а, б; 1993а, б, в). К настоящему времени число неопубликованных текстов из этого источника около пятидесяти, исключая отобранные для настоящей публикации, а также незначительные по объему отрывочные фрагменты (менее четырех строк) и наброски поэм, требующие отдельного исследования и публикации [(«Повесть о Пересвете», «Агасфер в Москве (поэма 1922 года)», «Идиллия в духе Феокрита», написанная в соавторстве с Адалис)]. Для настоящей публикации отобраны две группы текстов, позволяющих проникнуть в «творческую лабораторию» поэта, — стихи, относящиеся к замыслу экспериментальной книги «Опыты», и наброски последних лет (1922—1923).

Включенные в настоящую публикацию «экспериментальные» стихи Брюсова представляют собой только одну, причем очень специфическую грань его творчества, более интересную для поэтов и филологов, нежели для обычного «читателя книг». Однако эти формалистические эзерсисы — не случайное явление в насле-

дии Брюсова, не только «рабочие заготовки» или «проба силы» в овладении тем или иным образцом. Эксперимент — в том числе, конечно, и формальный — стоял в центре поэтических исканий всей жизни Брюсова, от самых ранних до самых поздних произведений. «Брюсов-стиховед» неотделим от «Брюсова-стихотворца» — доказывать это после многочисленных и в высшей степени содержательных и интересных работ М. Л. Гаспарова и С. И. Гиндина уже не представляется необходимым. Отмечу лишь, что Брюсов экспериментировал всегда, ища в этом как новых путей, так и средств от неизбежного самоповторения или «почивания на лаврах».

Молодой Брюсов экспериментирует потому, что считает для себя жизненно необходимым овладение всем формальным богатством сначала русской, а потом и мировой поэзии (в доступных ему образцах). Потом, осознав несомненный кризис мастерства русской поэзии 1880—1890-х годов (особенно «массовой»), он стремится показать *как* можно и нужно писать. Формального новаторства в символизме было не меньше чем «сюжетного» или философского, но критика тех лет ничтоже сумняшеся принимала за «декадентские извращения» моностихи или фигурные стихотворения, известные еще римским поэтам. Брюсов продолжает экспериментировать, находясь на вершине славы, — в сборнике «Все напевы» (1909) он дает блестящие образцы все еще редких в то время для русской поэзии строфических форм. Наконец, в 1915—1916 гг., работая над «Опытами» и «Учебником стихотворства», он, кажется, именно в формальном экспериментаторстве ищет выхода из несомненного творческого кризиса, который ярко сказался в «Семи цветах радуги» и «Девятой камне». Как Антей к Матери-Земле, он прикасается к спасительной для него стихии формального (метрического, ритмического, строфического и т. д.) эксперимента, стараясь обрести в этой работе новые силы, новое дыхание. Немалая часть стихотворений этого времени (когда Брюсов писал особенно много) осталась в столе — это мучительные попытки вырваться из «ведьминого круга» самоперепевов. Эти стихи, не имея зачастую особых литературных достоинств, при-

мечательны именно как факт творческой работы, «творческой лаборатории» поэта, вышедшего несомненным победителем из борьбы с самим собой, собственной «усталостью» и даже некоторой временной истощенностью.

Сборники «Последние мечты» и «В такие дни» продемонстрировали скорее приверженность к старым формам и принципам, хотя «черновая» работа 1915—1917 гг. дала свои положительные результаты. Голос Брюсова зазвучал по-новому, хотя с прежней силой и уверенностью. Собственно экспериментаторские тенденции снова наметились в «Миге» (по мнению автора этих строк, самой цельной и одной из самых удачных книг стихов Брюсова), в частности в поэме «Дом видений», но здесь они еще достаточно уравновешены формальными достижениями «прежнего» Брюсова. Безудержное экспериментирование более всего свойственно последним книгам поэта — «Дали» и «Меа», работа над которыми отчасти отразилась в публикуемых отрывках и набросках. Сочетание содержательного эксперимента («научная поэзия») с формальным (говоря словами самого Брюсова, «новый синтаксис») дало весьма интересные результаты, в оценке которых до сих пор никак не могут сойтись критики и литературоведы. Это само по себе предмет отдельного исследования, поэтому скажу лишь, что несмотря на целый ряд явных неудач, брюсовские эксперименты последних лет демонстрируют по-прежнему уверенную руку мастера, тонкое чувство языка и спасительную для настоящего художника «энергию заблуждения». М. Л. Гаспаров в одной из недавних статей с присущей ему точностью и четкостью сформулировал суть эволюции, давшей в результате «последнюю манеру Брюсова»: «Отказ от риторической поэтики Парнаса и Гюго и переход к игре резкими столкновениями слов и образов... По существу это был переход от экстенсивной поэтики к интенсивной» (Гаспаров 1992: 250). Ход этой эволюции вполне наглядно прослеживается по текстам настоящей публикации.

I. «Опыты»

«Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» (далее сокращенно «Опыты») стоят особняком среди стихотворных сборников Брюсова как по замыслу, так и по своей литературной судьбе. Как известно, поэт задумал эту книгу в качестве своего рода хрестоматии по стихосложению, адресованной в первую очередь всем, пишущим стихи, хотя и не считал ее законченным «систематическим учебником». Вместе с тем он настойчиво подчеркивал в предисловии: «Здесь нет ни одного стихотворения, которое не было бы в то же время подлинным выражением моих внутренних переживаний... В идеале я стремился к тому, чтобы включить в эту книгу лишь те стихи, которые являются подлинной поэзией. Я мог ошибиться в своем выборе... но ни в коем случае не считал, что одно техническое исхищрение превращает стихи в создание искусства...».

Критики «Опытов» решительно не согласились с этим утверждением, и большинство отзывов о книге были отрицательными. Стихотворениям «Опытов» было решительно отказано в праве быть «частицей души» автора, как прокламировал это сам Брюсов, а книгу посчитали несоизмеримой по уровню и значению с другими сборниками поэта. Кузмин говорил об «опрометчиво обнаруженных “Опытах”, на основании которых можно было предположить, что автор всецело уйдет в область педантической, детской и несколько комичной формалистики» (Кузмин 1989: 401) — это мнение человека, относившегося к Брюсову с неизменным уважением и вниманием. Грубым фельетоном разразился Саша Черный — причем через семь лет (!) после выхода книги и через полгода после смерти Брюсова. Опуская развязно-оскорбительные пассажи автора о поэте, обратим внимание на его претензии к «Опытам»: «Автор попытался составить технический прейскурант размеров, строф и созвучий... Что же это как не “техническое исхищрение” самого низкопробного сорта?.. Есть и сплошные рифмы, напоминающие по сложности узора рисунки для вышивания, прилагавшиеся когда-то к “Ниве”... Такого Брюсова, исчер-

павшего себя до дна, — мы без сожаления и горечи можем отдать большевикам» (Черный 1925: 360—362). Уровень и тон критики говорят сами за себя, но важен вывод: Саша Черный принципиально отказывал подобной книге в праве зваться поэзией и вообще в праве на существование.

Действительно, «Опыты» несопоставимы с другими книгами Брюсова уже по замыслу. Вспомним хотя бы, что в состав «Опытов» автор включил ряд стихотворений из других своих сборников, чего никогда не делал ранее. Большинство стихотворений, написанных специально для «Опытов» (а их всего 40 из общего числа 112), действительно, трудно отнести к творческим удачам, тем более что «готовилась книга к печати очень быстро: недостававшие для полноты плана экспериментальные стихотворения были написаны в январе-марте 1918 г. почти сразу набело, без поправок, и порой шли в типографию прямо с письменного стола» (Брюсов 1974: 626).

Известно, что замыслы «Опытов» и параллельного им «учебника стиховедения» (лишь частично воплотившегося в «Науке о стихе») относятся к числу наиболее давних в творчестве Брюсова. Работа над «Опытами», как свидетельствуют архивные материалы, не ограничилась тем, что вошло в печатный текст. Несколько стихотворений, предположительно относимых к «Опытам» или связанных с ними, опубликованы посмертно, но архивный материал, относящийся непосредственно к замыслу книги, изучен далеко не полностью.

Наиболее интенсивно Брюсов работал над «Опытами» в 1916—1918 гг., поэтому именно среди стихотворений этих лет и следует искать связанные с «Опытами» тексты. В литературе известны разрозненные указания о стихотворениях, предназначавшихся для второго издания «Опытов» и даже для второго тома³, однако, как можно судить на основании имеющихся материалов, это не вполне соответствует истине. Можно говорить о текстах, предназначавшихся для книги, но по различным причинам не вошедшим в нее. Именно они и составили первый раздел настоящей публикации.

Книжное издание «Опытов» представляет собой структурно законченное целое. Дополнения могли быть

внесены только в состав уже определившихся разделов, где не были представлены, скажем, «спенсеровы строфы», «одноstopный сонет», «сицилианская октава» или «чтение зигзагом» (разновидность фигурного стихотворения). Возможно, Брюсов включил бы в гипотетическое второе издание (о планах которого нет никаких конкретных данных) «Ты верный член священной лиги...» или посвящение Шервинскому, но эти стихотворения написаны до выхода книги и, следовательно, не удовлетворили автора. Тем более, то же самое можно сказать и о текстах, имеющих аналоги в книге. Так что публикуемым стихотворениям самое место в приложении к будущему переизданию «Опытов» в составе Собрания сочинений, поскольку сами по себе они — за единичным исключением — самостоятельной литературной ценности не представляют. Они интересны прежде всего тем, что вводят нас в творческую лабораторию поэта, в процесс работы над экспериментальными стихотворениями. Кроме того, как бы Брюсов ни экспериментировал, он всегда помнил о заявленной в предисловии к книге программе. Оставшиеся в столе (точнее, в недошедшей до нас в первоначальном составе папке «Опыты»), очевидно, не удовлетворили его прежде всего с художественной точки зрения.

После выхода книжного издания Брюсов, насколько известно, к замыслу «Опытов» не возвращался, поэтому «март 1918» может быть принят в качестве позднейшей датировки для стихотворений нашей публикации, отнесенных И. М. Брюсовой к 1918 г.

Пользуясь случаем, приводим единственное стихотворение из «Опытов», исключенное советской цензурой из Собрания сочинений.

Окровавленные почвы

(Перезвучия)

Бывают, как пожар, изощренные, как пламя, палящие
 В назначенный час обгоревшие на западе жертвенной ночи,
 Жестоки мгновенья бессонные, минуты забвенья — кровью.
жесточе...
 Виденья, во мгле озаренные, склоняют лицо к
изголовью, —

ценность его поисков, и мастерство его стихотворной техники. Остается пожалеть только о том, что в большинстве посмертных «изборников» Брюсова стихотворения его последних книг (начиная со сборника «Последние мечты») представлены не только непропорционально по отношению к другим периодам его творчества, но и вообще недопустимо скупо. Наиболее взвешенным, продуманным и в силу этого наиболее удачным из подобных изданий и по сей день остаются «Избранные стихи» (Брюсов 1933) под редакцией Игоря Поступальского; удачны и некоторые посмертные однотомники, составленные и подготовленные вдовой поэта.

Количество не опубликованных до настоящего времени законченных стихотворений Брюсова последних лет сравнительно невелико, и они в скором времени должны появиться в печати. Настоящая же публикация, в соответствии со своим названием, призвана заглянуть в «тайны ремесла», поэтому содержит наброски последних лет, работа над которыми не была доведена до конца, но которые, тем не менее, представляют определенный самостоятельный интерес (наброски менее 4 строк в настоящую публикацию не включены). Первая публикация текстов такого рода была предпринята И. М. Брюсовой и А. М. Тер-Мартirosяном под общим заглавием «Черновые начала и наброски после книги «Дали» с мая 1922 г.» (Брюсов 1935: 338—346). Вошедшие в эту подборку тексты находятся среди тех же самых рукописей, что и публикуемые впервые ныне, а также некоторые другие «отрывки» (Брюсов 1935: 76, 199, 211), включенные в указанный сборник с датами 1922 и 1923 гг. Однако я не могу категорически утверждать, что все публикуемые ныне тексты написаны после сборника «Дали» и однозначно принять данную в книге дату «с мая 1922 г.». Предпочтительнее кажется более осторожная датировка «1922», соответствующая и хронологической раскладке И. М. Брюсовой — тем более, что практически все стихотворения «Далей» были также написаны в течение этого года.

В публикуемых набросках трудно усмотреть какие-либо конкретные параллели к тем или иным стихотворениям «Далей» или «Меа», но стилистическое и тема-

тическое единство, безусловно, налицо. К «научной», «космической» и историософской поэзии, доминировавшей в творчестве Брюсова этих лет, относятся «Для чего, для кого — ночи, дни, годы, десятилетия...», «Барса бросок, тигра скок через поросли...», «Сны ребяческих книжек...», «В смесь всех веков, мишурную мозаику...» и другие. «Полно играть в жизнь...» и «Такой — до начала!...» связаны с раздумьями поэта в преддверии своего юбилея, ставшего, волей судьбы, и подведением итогов. «Ложе, челн приливом зыблительный...» и «Лишь раз Ахилл Пентесилею...» могли бы стать такими же образцами любовной лирики позднего Брюсова, как «Ариадне», «Так вот где» или «Два крыла». «Зелень лип заклеила июньскую синь...» и «Лес млеет слеп, луной расслаблен...» связаны с возвращением Брюсова в «Меа» к теме родной природы (раздел «В деревне»). Невразумительный на первый взгляд набросок «Слышишь ли скрежеты с острова Скрелингов...» связан с привлекавшими поэта фонетическими экспериментами, также нашедшими себе место в «Меа», хотя и в более скромной, менее «заумной» форме («Эры», «Зимой»).

Следует отметить и тот факт, что все публикуемые тексты — за единственным (насколько мне известно) исключением, указанным в примечаниях, — никогда не вводились в научный оборот и даже не цитировались исследователями. Они, безусловно, имеют достаточно специфическую ценность — прежде всего для исследователей-стиховедов и историков литературы, но также для всех пишущих и любящих стихи. Можно по-разному относиться к творческим исканиям и достижениям позднего Брюсова, но учитывать его опыт необходимо. Этой цели и призвана послужить настоящая публикация.

I

1

Бури и пены, и челн наш под креном!
 Встали туманы громадным экраном.
 Солнце багряно, дорогу искря нам,
 Близит буруны... Но склонимся к рунам:

В крае старинном таинственным крином
 Рай присужденный нам Одним-Кроном.
 1916

2

Мы не мучим, мы не раним,
 Дали отсветом багряним,
 День минующий хороним,
 Туч громовых лиры струним,
 Миг единый пригорюним,
 И опять конец — игренем,
 Облака по тверди ринем
 С волжским гибельным «сарынем».
 1916

3

Славен был Гасан в арабском мире!
 Тоньше пальмы и стройней газели,
 Смел в бою и ловок на турнире,
 Первый в схватке, первый в час веселий,
 Всех беседой затмевал на пире,
 Всех смелей скакал по дну ущелий,
 Щит умело подставлял секире,
 Попадал копьем в средину цели,
 И достоин был блистать в порфире -
 Принц по имени и принц на деле!
 Но на лютне слаще, чем на лире
 Он играл и пел нежней свирели;
 И во всех углах обеих Сирий
 Песни, сложенные принцем, пели.
 С каждым годом разносилась шире
 Слава принца: на словах, в уме ли
 Все твердили: «Сила дней — в эмире!
 Кто его смелей, храбрей, умелей?»
 Но был молод принц, и лишь четыре
 Раза семилетья знал в Апреле.
 Во дворце своем роскошном в Тире.
 <1918>

4

**Поэт пред алтарем Поэзии
 (Азбука от А до Э)**

Алтарь алеющий — алмазен.
 Бесстрашно будь богобоязен!

Все, все — верховные веленья:
 Грусть, горести, года гоненья!

Дань Духу даруй достовластно
Ежеминутно, ежечасно!

Жрец жгуче-жадного желанья,
Знай золотые заклинанья.

И истины ищи — Ирана,
ирусалима, иордана!

Когда кругом кричат кимвалы,
Люби лишь лавры, льдины, лаллы;

Меж молнийных метаний мира
Недвижность наблюдай надира;

Останься одинок, ответствен
Пред правосудьем — правдой песен

Риторика — расчета ищет;
Суд своевольный судит, свищет; —

Ты торопись тропой тлетворной,
Уверен, умилен, упорный!

Фантазия, фиалки, феи —
Хвалы, хулителей хитрее.

Целители, целя, целуют;
Читатели, чинясь, чаруют;

Шумящие
Щ

Бздок, Бздок! Бзда ли?

Элегии — эфирно эхо,
Юнее — юмор юносмеха.

Яд — ямбы; ясность — яркость ямы.
Феогония — фимиамы!
1918

5

Без смысла лепетанье

Плакала жалобно, лепетно,
Лепетно, жалобно плакала.
Трепетно кольцами звякала,
Звякала кольцами трепетно.

Бедная! кем ты покинута?
 Кем ты покинута, бедная?
 Ринута в озеро медное,
 В озеро медное ринута!

Грозное лязганье слышится,
 Слышится лязганье грозное...
 Дышится тягостно, слезная!
 Слезная! знаю! не дышится.

1916

6

Апрельский вечер утасает ясно,
 на тонких вербах неподвижен свет,
 Все краски тают медленно, согласно,
 Все образы приглашены, и нет
 В них ничего, что выступило б страстно,
 Напоминая ночи прежних лет!

Изжиты сердцем ночи зим и лет;
 И в памяти рисуются неясно
 Часы, когда я прижимался страстно
 К устам любимым, и, погаснув, свет
 Нам говорил, что граней страсти нет
 И что во мгле два сердца ждут согласно.

Но сердце позабыть те дни согласно;
 О, долго сердцу было двадцать лет!
 Мир для него сливался в «да» и «нет».
 То сердце умерло, что слишком ясно!
 И больше для него не слит весь свет
 В едином облике. Ты билось страстно!

Спрошу я. И ответит сердце: страстно!
 Согласно ль ты испробовать? — Согласно!
 Что выберешь ты, свет иль сумрак? — Свет.
 Но отвергая тени прошлых лет,
 Ты хочешь ли жить медленно и ясно,
 Без бурь, и ужасов, и горя? — Нет!

Все сказано! Пусть больше силы нет
 Бороться, но не в силах быть бесстрастно,
 Оно покорствовать снам несогласно,
 И «буря» предпочтительней, чем «ясно».
 Что было, будет в новой смене лет,
 Закат зарей пылает, как рассвет!

И я храню, как свой вечерний свет,

Молясь о том, чего, быть может, нет,
 Но то, что было в бурях кратких лет,
 По-прежнему, мучительно и страстно,
 Спешу к дороге, снам своим согласно,
 Прочь из страны, где небо слишком ясно!
 <1917>

7

Ты верный член священной лиги,
 Увы! разрозненной давно,
 Той, что ценила только миги,
 Любовь, напевы и вино.
 Но нас с тобой роднили книги,
 И верю я, что суждено
 Нам вновь сойтись, как в бурю бриги
 Сближались, чтоб идти на дно!

Вели нас разные дороги,
 Но оба мы на высотах
 Встречали вихри без тревоги
 И гром с улыбкой на устах,
 Когда внизу, в туманном логе
 Играло солнце на кустах!
 Мы были смелы! Будем строги
 При встрече в сумрачных вратах!

Но то не будет отдых неге!
 Нет, надо, чтобы свет погас.
 Чтоб мы на роковом ночлеге
 Опять сошлись в последний час!
 И мы под бледным блеском Вегги
 Поймем друг друга в первый раз,
 А после вихрь, в слепом разбеге,
 Объединит под снегом нас!

2 сентября 1916

8

Идет к концу великая борьба,
 Последние мазки дает картине
 Художник, пишуший года, — Судьба.
 Мгновение, — отдернув полог синий,
 Она покажет розы и гроба,
 Где только хаос был цветов и линий...
 И радостно воскликну я: Раба
 Ты с миром отпускаешь ныне!
 <1917>

Нас было семеро в пустыне.
 Мы в дружбе вечной поклялись,
 И эту клятву воздух синий
 Умчал навек в святую высь.
 Друг друга заключив в объятия,
 Мы в дальний путь пошли как братья.

И в первый день, среди песков,
 Мы встретились у водопада
 Со стаей голодавших львов,
 Но дружно встали все для боя,
 Пропел губительный свинец,
 И каждый зверь нашел конец.
 1916

сияньестаринныхъ
 печалейневинныхъ
 меръавторътоской
 въигремелейдиной
 неспешийвеликий
 разбойникъсвятой

1918

II

Для чего, для кого — ночи, дни, годы, десятилетия.
 Меж страниц с рядом цифр и без цифр, груды книг, горы книг,
 Карты, графики, планы, таблицы, вся эта атлетика
 Мысли, в душевной тиши библиотеки, где с детства я ник!

Зубья рельс, к тайнам числ, люди, где пиками — Тацит
 с Ферматами,
 Тропы истин в разреженном воздухе, Платон, Лейбниц, Кант,
 Даты, бури имен, термин к термину, мир с автоматами, —
 «Битва», «мир», «Первый», «некий» — слов урна, что скажет
 гигант!

Формул химии, физики выкладок

Барса бросок, тигра скок через поросли;
 Кондора Анд взлет за льды; кто достиг

Шага за грани? кто? сдвинул упор оси
Шара земного? не к нам спел свой стих?

Вижу ль? не вижу ль? Вдаль низнутся светочи
Солнцу взамен; волны мыслящих масс
Втиснуты в стены; кто? люди ль? — ни веточки:
Камни, движенье, свет, жизнь... Это — Марс.

В сгиб горизонта — вода

3

Сны ребяческих книжек, те, что в нашем апреле нам
Кружат мечту и в лоск пьянят помыслы;
В вигвам краснокожих, за бизоном по прериям,
Рык льва над Замбези, след по льдинам на полюсы...

Тех ли листиков шелест, степной ли ковыль это
/Дней, где вновь, не на страх рубиться с татарами/,
Чтоб событиям целить в грудь до на-вылета
Ночи — ляписом над язвами старыми

4

Умер.
Закрылся где-то полог.

Он больше не выйдет, не может,
Чтоб строгой речью века заморозить.

Погас на небе восток.

Пойте:
Он умер.

Чей-то голос решено
над нашей тишиной:
Дивный, живи.

5

Зелень лип заклеила июньскую синь,
Пятна стен сквозь решетку, в просветы стволов.
Дню сказал бы: «Усталости зимние скинь!»
Но за рядом ряд разных скользящих голов.

Синема из окна! звуков нет, абрис, жест...
Лишь трамвай прогремит, проведя нити лиц

6

Лес млеет слеп, луной расслаблен; —
 Час — чет чудес, час — нечет чар..
 Там — груш дички, там — поросль яблонь,
 но, чаща прочь, — им чужд, анчар.

7

Давно ль снега окно узорили,
 Белела даль, дымила печь,
 Март сдунул тучи, и не в море ли
 Должны снега вдоль улиц течь?

8

Ложе, челн приливом зыблимый,
 В волнах к груди скал стремись!
 Сколько раз в тех волнах гибли мы,
 Сколько раз вносились ввысь!

9

В смесь всех веков, мшурную мозаику,
 Где ропщет Понт, путь заграждая Ксерксу,
 Ехидн царица нежно манит к сердцу,
 Орду ведут татары за Оку.

10

Как же темный ком лиц, книг, событий,
 Стран, имен, преданий, истин, чисел,
 Где, что день, бывшие сны забытей,
 Где, что ночь, сон ширь для яви чистил, —

11

Лишь раз Ахилл Пентиселею
 Разил, чтоб дерзкой в песни пасть.
 Что ж метить в вечность не умею
 Я, дрот на дрот встречая страсть?

Здесь пусть предрешены удары

12

Слышишь ли скрежеты с острова Скрелингов —
 Скрежеты, скержеты, скоржиты, скрожиты?

Снежные мякны с облачных эллингов
В ўмори сумнерной отжиты, прожиты. -

Север-сияний слепящие стеблины
Пламные ламины в блеклую бессолночь,
В памяти встряли вскорлуплены, вклеплены, -
Мэлетен-мэлен в день, вёретен-вёсел в ночь...

13

Полно играть в жизнь, в стихах малолетиться!
Да, пятьдесят: так и так, час дней, лет...
Пройдет декабрь; дням расти: гололедица,
Снег на дожде; небо — жесьть, темь, дна — нет...

Что ж прежний путь? Трепет плеч, кем-то ласканных...
В память — жгучесть рук, губ укус, нег слова...
Вновь ли цветки орхидей в черных лацканах?
Вновь ли глава?

14

Такой — до начала! Все той же! и разве
В век, нити узлом завязавший в Париже,
Весь мир закруживший в неистой распре,
Иной было ей встать на грани? — Смотри же!

Там, да, по начала

15

Белым пеплом улицы осыпав,
Белый месяц, взвей кадильный дым,
Ты, над гулом бубнов, вскриков, всхлипов
Плыть привыкший ведуном седым.

Лить свой дождь на толпы в Лабиринте,
Сон узорить Рима и Афин,
Петь над Ронсевалем: «Копья сдвиньте!»,
Жечь в Париже вспышки гильотин

Комментарии

Все стихотворения публикуются впервые по автографам ОР РГБ ф. 386 (В. Я. Брюсов); в дальнейшем ссылки на этот фонд в тексте даются сокращенно: с указанием номеров картона, единицы хранения и листа.

Авторские датировки сохранены. Датировки публикатора (как правило, на основе хронологической раскладки И. М. Брюсовой) и его немногочисленные конъектуры заключены в угловые скобки.

I. «Опыты»

Тексты помещены в последовательности, соответствующей расположению аналогичных образцов в книге.

1—2. 11.7.77. Черновой автограф. Пример «перезвучий» — созвучных рифм с изменяющейся гласной. Точного аналога публикуемых стих. в «Опытах» нет.

3. 12.5.10. Беловой автограф. Стих. не окончено. Пример «однозвучий». Ср. «Последний спор» в «Опытах».

4. 12.5.15. Черновой автограф. Стих. не окончено. В примечаниях к «Опытам» Брюсов писал: «Как бы особый вид анафоры составляют стихи, где каждое слово начинается или кончается определенной буквой». Ср. стих. «Июльская ночь (Азбука)», где азбуку составляют первые буквы следующих друг за другом слов, за исключением невозможных в этом положении букв «ъ», «ы», «ь» и «v». В публикуемом стих. Брюсов попытался дать более сложный пример, когда не одно, а все слова в строке начинаются с одной и той же буквы, а стихотворение является акростихом-азбукой.

5. 11.7.50. Черновой автограф. Пример словесного палиндрома. Ср. стих. «Виденья былого» и «Из латинской антологии» в «Опытах».

6. 12.1.24. Черновой автограф. Пример секстины. Ср. стих. «Безнадежность» в «Опытах». В примечаниях к этому стих. автор писал о повторяющихся на конце строк словах: «Достоинство секстины — в естественности этих повторений и в том, чтобы повторяющиеся слова появлялись каждый раз в видоизмененном значении». Очевидно, данный образец был отвергнут Брюсовым как не удовлетворяющий этому требованию.

7. 11.7.55. Черновой автограф. Помета И. М. Брюсовой «Из папки “Опыты”». Пример сицилианы (или сицилианской октавы) с рифмами абабабаб — не пред-

ставленной в «Опытах». Возможно, обращено к К. Д. Бальмонту.

8. 12.1.30. Машинопись. Набросок сицилианы.

9. 11.7.83. Черновой автограф. Стих. Не окончено. Помета И. М. Брюсовой «Из папки “Опыты”». Вероятно, один из примеров «строф».

10. 12.5.17. Черновой автограф (на том же листе варианты стих.). Пример фигурного стих. — «чтение зигзагом»: выделенные буквы образуют имя и фамилию адресата «Сергей Шервинский». «Чтение зигзагом» в «Опытах» не представлено, но в комментариях к ним в Собрании сочинений впервые опубликовано стих. «Запоздалый ответ. Вадиму Шершеневичу» (1913) /3, 627/, отвечающее на аналогичное фигурное стих. Шершеневича (Брюсов 1974: 627). Шервинский Сергей Васильевич (1892—1991) — поэт и переводчик; знакомый и сотрудник Брюсова на протяжении ряда лет, в том числе по переводу римских поэтов. См.: Шервинский 1964.

II. Наброски последних лет

Композиция раздела принадлежит публикатору, попытавшемуся хоть как-то систематизировать тексты, при полном отсутствии системы в их размещении в архиве и конкретных данных для их датировки, кроме раскладки И. М. Брюсовой, имеющей в данном случае достаточно условный характер.

1. 12.1.21. Ошибочно помещено среди стих. 1917 г. Датировается, как и большинство других набросков, 1922—1923 гг. по близости к стих. сборников «Дали» и «Меа».

2. 12.10.83. Цитировалось: Герасимов 1964: 139, 144. Ср. стих. «Мы и те» и «Разочарование» в сб. «Дали».

3. 12.13.24.

4. 12.10.86.

4. 12.10.17. «Синема из окна» — ср. стих. «Синема моего окна» в сб. «Семь цветов радуги».

6. 12.10.66.

7. 12.10.77.

8. 12.10.79.

9. 12.10.62.

10. 12.10.64.

11. 12.10.77.

12. 12.10.69. Остров Скрелингов — принятое в средневековых скандинавских хрониках название восточного побережья Северной Америки. набросок экспериментального фонетического стих., с элементами приближения к «зауми». Ср. посвященное памяти Хлебникова экспериментальное стих. «Взводень звонов» (1922—1923), в одной из первоначальных редакций озаглавленное «Кузов звуков» (впервые: Брюсов 1976).

13. 12.11.26. По содержанию датируется концом 1923 — началом 1924 гг. Ср. стих. «Пятьдесят лет» в сб. «Меа».

14. 12.13.25. Помета И. М. Брюсовой «Из папки «Меа»».

15. 12. 13.1. Помещено И. М. Брюсовой среди стих. 20-х гг., которые она не смогла датировать точнее. Лабиринт — критский дворец царя Миноса. О цивилизации «лабиринтцев» Брюсов неоднократно писал в стих. последних лет и в историческом исследовании «Учители учителей» (1917). Ронсеваль — селение и ущелье в Западных Пиренеях; в Ронсевальской битве (778) баски уничтожили арьергард франкской армии Карла Великого, в этом бою погиб Роланд.

Примечания

¹ Наиболее обстоятельная характеристика этого периода творчества Брюсова и соответствующих рукописных источников: Гудзий 1937.

² Ср.: «Стихи печатаются нами по рукописям, главным образом по черновым, порой чрезвычайно трудным для чтения» (Брюсов 1928: 4).

³ См., например: Тер-Мартirosян 1935:4; статья содержит и некоторые другие, столь же недостоверные сообщения.

⁴ Впервые: Брюсов 1917:10; печ. по: Брюсов 1918:111; датируется автором: Брюсов 1922: 281—282. В России позднее не перепечатывалось.

Библиография

Брюсов 1917 — Брюсов В. Я. Окровавленные ночи // *Летопись*. 1917. № 1. С. 10.

Брюсов 1918 — Брюсов В. Я. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам: (стихи 1912—1918 г.). М., 1918.

Брюсов 1922 — Брюсов В. Я. Кругозор: Избранные стихи. — М., 1922.

Брюсов 1928 — Брюсов В. Я. Неизданные стихи: 1914—1924. — М., 1928.

Брюсов 1933 — Брюсов В. Я. Избранные стихи / Под ред. И. Поступальского. М.; Л., 1933.

Брюсов 1937 — Брюсов В. Я. / Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 197—276.

Брюсов 1974 — Брюсов В. Я. Собр. соч. Т. 3. М., 1974.

Брюсов 1976 — Брюсов В. Я. / Литературное наследство. Т. 85. М., 1976.

Гаспаров 1992 — Гаспаров М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // *Связь времен: Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX века*. М., 1992.

Герасимов 1963 — Герасимов К. С. Научная поэзия Брюсова // *Брюсовские чтения 1962 года*. Ереван, 1963. С. 118—132.

Герасимов 1964 — Герасимов К. С. «Штурм неба» в поэзии Валерия Брюсова // *Брюсовские чтения 1963 года*. Ереван, 1964. С. 130—153.

Герасимов 1975 — Герасимов К. С. Книга стихов В. Я. Брюсова «Меа» // *Брюсовские чтения 1973 года*. Ереван, 1975. С. 141—158.

Гиндин 1978 — Гиндин С. Письма из рабочих тетрадей // *Литературное наследство*. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 555—828.

Гудзий 1937 — Гудзий Н. К. Юношеское творчество Брюсова // *Литературное наследство*. Т. 27/28. М., 1937. С. 197.

Кузмин 1989 — Кузмин М. А. Парнасские заросли // *Стихи и проза*. М., 1989. С. 397—403.

Ларцев 1974 — Ларцев В. Поэзия и наука. Ташкент, 1974.

Молодяков 1991а — Молодяков В. Э. Неизвестный Брюсов // Литературная Армения. 1991. № 6. С. 67—71.

Молодяков 1991б — Молодяков В. Э. Неизвестный Брюсов // Волга. 1991. № 12. С. 121—124.

Молодяков 1993а — «И грозно озирает ширь...»: Геополитические мотивы в поэзии Валерия Брюсова // Наш современник. 1993. № 3. С. 119—121.

Молодяков 1993б — Брюсов В. Я.: Стихотворения 1918—1921 г. // De visu. 1993. № 4. С. 5—11.

Молодяков 1993в — Валерий Брюсов: стихи для детей // Детская литература. 1993. № 5. С. 37—39.

Поступальский 1933 — Поступальский И. С. Поэзия Валерия Брюсова // Брюсов В. Избранные стихи. М.: Л., 1933. С. 90—116.

Тер-Мартirosян 1935 — Тер-Мартirosян А. Неизданные стихи В. Брюсова // Брюсов В. Неизданные стихотворения. М., 1935. С. 3—20.

Черный 1925 — Саша Черный. «Опыты» Брюсова // Избранная проза. М., 1991. С. 360—362.

Шервинский 1964 — Шервинский С. В. Ранние встречи с Валерием Брюсовым // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964. С. 493—509.

В. Е. Кельнер, В. Познер

В. Е. Кельнер
С.-Петербург
В. Познер
Париж

КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ.

(Из архива Соломона Познера)

В августе 1919 г. в Париже оказавшиеся с первой волной послереволюционной эмиграции во Франции литераторы и ученые создали Комитет помощи. Его целью стало «оказание моральной и материальной помощи русским писателям и ученым во Франции, пострадавшим от событий в России» (Архив Соломона Познера. Частное собрание. Париж). В своей работе Комитет следовал традициям Литературного Фонда и других организаций взаимопомощи, которые широко действовали в России с середины XIX в. Побудительным фактором, инициирующим создание этого объединения, было известие о собранной в США крупной сумме денег для русских писателей и ученых, бедствующих в эмиграции. Эти деньги могли быть предоставлены только в распоряжение авторитетной организации, в которую входили бы люди, известные своей общественной и творческой деятельностью. Фактическим создателем Комитета помощи был Р. М. Бланк — ученый, публицист и общественный деятель. Он стал его секретарем и казначеем, а председателем был избран ветеран русского освободительного движения, публицист Н. В. Чайковский. Он был хорошо известен за границей, т. к., во-первых, сам жил в эмиграции с 70-х гг. XIX в. до начала XX в., и, во-вторых, потому, что в 1918 г. возглавлял борьбу с большевиками на

Севере России. Первыми членами Комитета были А. Д. Нессельроде и С. А. Иванов. В 1920 г. к ним присоединились бежавшие из России В. С. Гоц, М. О. Цетлин, В. М. Зензинов, М. А. Ландау, И. И. Фондаминский.

В феврале 1921 г. был утвержден Устав, определявший цели общества, методы деятельности, условия приема, круг источников существования. Руководство Обществом в 20-е — начале 30-х гг. менялось, так же как менялся и его персональный состав. До весны 1926 г. во главе Общества находился Н. В. Чайковский. После его ухода в отставку председателем избрали И. Н. Ефремова. В конце 1921 г., в связи с отъездом из Франции Р. М. Бланка, состоялось назначение секретарем Комитета С. А. Иванова. В 1924 г. его сменил прибывший из России С. В. Познер, который и оставался в этой должности до 1933 г.

Еще в 1919 г. К. М. Оберучев, бывший посол России в США, возглавивший Американский Фонд помощи литераторам и ученым, писал Р. М. Бланку о принципах финансовой поддержки: «Дело помощи нуждающимся литераторам и ученым — дело живое и ему нужно отдать максимум энергии: ведь речь идет о спасении русской культуры, которая составляет часть культуры мировой и часть красивую и заметную» (Архив Соломона Познера. Частное собрание. Париж).

Более того, Комитет планировал направить часть собранных средств и на поддержку литераторам и ученым, оставшимся в России. Это решение было принято под воздействием сообщения, сделанного в секретариате Комитета Н. И. Иорданским, только что приехавшим из Петрограда. Он рассказал собравшимся о жизни в городе и бедственном положении В. Фигнер, В. Аптекмана, Л. Дейча, П. Щеголева, Н. Ашешева, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и других: «Я приехал в Петроград приблизительно через год, — сообщал Иорданский, — и я с трудом узнавал знакомых много лет людей. Худые, бледные, с кожей, присохшей к костям и обтянувшей лица, поседевшие, и постаревшие, и, что производило наиболее ужасное впечатление, — с потухшими, апа-

тичными глазами» (Архив Соломона Познера. Частное собрание. Париж).

В документах Комитета нет данных о том, состоялась ли помощь оставшимся в России коллегам. Имеются лишь многочисленные сведения о материальной поддержке, оказанной литераторам и ученым, бежавшим во Францию. Только за первые два года существования было выдано 238 пособий на сумму 101334 франков. На протяжении 20-х — первой половины 30-х гг. самое активное участие в жизни Комитета принимали И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Алданов, А. М. Ремизов, Д. М. Одинец, А. В. Карташев, С. С. Метальников, П. П. Гронский. Комитет неоднократно обращался за финансовой помощью как к коллегам, так и к официальным правительственным учреждениям и общественным организациям Франции, США, Чехословакии. Однако основной доход шел от организуемых Комитетом спектаклей, балов, концертов и чтений произведений своих членов. Эти мероприятия принесли Комитету с 1919 по 1926 г. доход в 376333 фр. Это позволило выдавать пособия размером в 200–300 фр., что было буквально спасением для многих ученых и литераторов, оказавшихся во Франции без средств к существованию.

Представленные в публикации документы взяты нами из семейного архива Познеров во Франции (Архив Соломона Познера. Частное собрание. Париж). Основу его составляет собрание бывшего с 1924 по 1933 г. секретарем Комитета Соломона Владимировича Познера (1876–1946).

Выпускник Юридического факультета Петербургского университета С. В. Познер принимал активное участие в общественной деятельности (Кельнер 1993: 108–110)¹. В 10-е гг. XX в. он возглавлял Петербургское издательство «Разум». В период Первой мировой войны был близок к кругу М. Горького, фактически руководил изданием сборника «Щит». С. В. Познер имел тесные контакты со многими деятелями партии конституционных демократов и депутатами Государственной Думы. В годы Гражданской войны он работал в издательстве «Всемирная литература», некоторое время жил в Москве. В 1921 г., в период Кронштадского

мятежа был арестован и находился в заключении. Покинув, не без содействия М. Горького, Россию в 1922 г., в качестве представителя Книжного отдела Петроградского Дома Литераторов, С. В. Познер с 1923 г. жил во Франции.

В 1924 г. он стал секретарем Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

В 20-е — начале 30-х гг. Комитет значительно расширил свою деятельность. Теперь, кроме чисто распределительных функций, он взял на себя и многочисленные обязательства по поддержанию российских культурных традиций, по пропаганде ее наследия. Создать и сохранить «Русский дом» на чужбине — такова была главная цель Комитета. Для этого регулярно организовывались лекции и вечера, посвящавшиеся крупнейшим фигурам отечественной культуры, проводились «Дни русской культуры». К участию в этих мероприятиях привлекались литераторы и ученые, чье мнение было не только авторитетным, но и неоднозначным, ведущим к полемике, вызывавшим общественный резонанс. Так доклад о творчестве Ф. Сологуба прочла З. Гиппиус, о Тютчеве сделал доклад К. Бальмонт. Был проведен вечер, посвященный памяти В. Г. Короленко. Ведь среди организаторов и членов Комитета было немало людей, знавших его лично, находившихся под воздействием его духовного обаяния, впервые вошедших в литературу со страниц «Русского богатства». Специальные вечера были посвящены памяти А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Заметными явлениями общественной и культурной жизни эмиграции стали творческие юбилеи Н. В. Чайковского, Л. И. Шестова, Б. К. Зайцева. Большую аудиторию собирали благотворительные музыкальные вечера, традиционные новогодние спектакли, лекции по истории России. Высокий уровень научной и культурной жизни Комитета определяли активные участники всех его инициатив: С. П. Мельгунов, М. А. Ландау, И. А. Бунин, М. А. Осоргин, И. С. Шмелев, С. Г. Сватиков, И. И. Фондаминский, Д. М. Одинец, М. С. и М. О. Цетлины, Т. И. Полнер, В. В. Вырубов, Н. А. Тэффи, А. М. Ремизов, А. В. Карташев, П. П. Гронский, Б. К. Зайцев, С. И. Метельников. Наиболее плодотворно Ко-

митет работал в 20-х — начале 30-х гг. Позднее, когда параллельно с ним стали проводить идентичную деятельность Союз журналистов, Академический союз и некоторые другие объединения литераторов и ученых, Комитет утратил свое былое значение. Хотя он и просуществовал до начала Второй мировой войны.

С. В. Познер был секретарем Комитета до 1934 г. Поэтому в его архиве отложились документы и материалы, связанные с его деятельностью. Это финансовые документы за 1919-1933 гг., деловая переписка членов Бюро, материалы, связанные с проведением лекций и вечеров. Особенно значительным по численности является собрание нескольких тысяч расписок в получении пособий и ссуд, а также прошений об их выдаче. Условия эмиграции были таковы, что за финансовой поддержкой к Комитету обращались практически все оказавшиеся во Франции русские литераторы, ученые и журналисты. Отметим, что просьбы многих из них сопровождалась подробными биографическими и библиографическими справками.

Следующий комплекс составляют письма к И. Н. Ефремову, Н. В. Чайковскому и С. В. Познеру от активистов Комитета, связанных с различными сторонами его деятельности. Среди них, в первую очередь, отметим многочисленные корреспонденции И. А. Бунина, И. С. Шмелева, М. И. Цветаевой, А. М. Ремизова, С. Г. Сватикова, а также письма З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Саши Черного, Н. А. Тэффи, А. В. Амфитеатрова, Б. К. Зайцева и других выдающихся деятелей отечественной культуры.

В годы эмиграции С. В. Познера связывали личные дружеские и деловые отношения со многими писателями и учеными. Поэтому личная переписка с ними за годы его работы в Комитете так же раскрывает различные стороны истории этого объединения.

После ухода с поста секретаря Комитета С. В. Познер до начала войны совмещал службу в Еврейском колонизационном обществе с большой творческой работой в области истории евреев Франции. Однако он не прерывал дружеских отношений со многими эмигрантами из России.

Настоящая публикация касается только документов

Комитета помощи русским писателям и ученым, отложившихся в личном фонде С. В. Познера. Но этим собранием архив не ограничивается. В нем, кроме материалов, связанных с работами в области истории евреев, находятся еще несколько комплексов документов, имеющих непосредственное отношение к русской культуре и истории. В первую очередь, это письма к С. В. Познеру М. А. Осоргина, П. Н. Милюкова и И. А. Бунина.

Письма М. А. Осоргина охватывают почти год, с конца 1941 по осень 1942 г., и характеризуют жизнь русской эмиграции в период германской оккупации Франции. Примерно этот же отрезок времени нашел отражение и в письмах П. Н. Милюкова. Значительное место в них нашла оценка международной ситуации, связанной со вступлением в войну СССР. Письма И. А. Бунина были написаны в январе-феврале 1945 г. Они являются ответом на обращение С. В. Познера от имени «Союза Русских патриотов Юга Франции» выступить в Ницце с литературными чтениями.

В 30-е гг. С. В. Познер был одним из руководителей Объединения русско-еврейской интеллигенции. В его архиве сохранилась значительная коллекция документов и материалов этого объединения.

С. В. Познер был известен не только как организатор и журналист. Еще в России в 10-е годы он начал выступать в печати как историк. Живя во Франции, он приступил к исследованиям истории культуры французских евреев. Опытный ученый, человек, обладающий обширными связями, — он в 1940 г. привлек к себе внимание известного адвоката и общественного деятеля О. О. Грузенберга, думавшего с его помощью осуществить издание своих мемуаров и собрания сочинений. С. В. Познер, уже находясь практически на нелегальном положении на Юге Франции, принял участие в подготовке к изданию трудов О. О. Грузенберга. Именно поэтому в его фонде находится значительная часть архива Грузенберга.

Кроме собственно статей и очерков адвоката, в этом архиве имеются и большие подборки, в копиях и подлинниках, писем друзей, коллег и соратников О. О. Грузенберга. Наибольший интерес, на наш взгляд,

представляют более 100 писем П. Н. Милокова, относящихся к 20-м — 30-м гг. и дающих представление об общественной и личной жизни одного из самых значительных политических деятелей России начала XX в. Они готовятся к публикации в *Russian Studies*.

Интересный фактический материал содержится и в семейной переписке Познеров. Это сотни писем самого С. В. Познера жене Э. С. Познер, письма к родителям и друг к другу их сыновей — писателя Владимира, начинавшего свой путь в литературу еще в Петрограде в рядах «Серапионовых братьев», и Георгия (Жоржа) — египтолога, впоследствии академика.

Этой публикацией мы начинаем введение в научный оборот документов из семейного архива Познеров — документов, открывающих новые перспективы в изучении русской культуры и литературы в изгнании в 20-е — 40-е гг.

Все материалы публикуются по автографам.

Примечания

1 В период жизни в России С. В. Познер получил известность и как историк западноевропейского и российского еврейства. Наиболее крупной его работой того периода была книга: «Евреи в общей школе» (СПб., 1911). Выехав из России, С. В. Познер сотрудничал в русской прессе Берлина и Парижа. Наиболее плодотворно складывались его отношения с выходившей в Риге газетой «Народная мысль». Основные темы его публикаций — политическая жизнь и культура в СССР, во Франции и ряде других стран. В этой газете увидели свет его очерки о Т. Масарике, Г. Аполлинере, М. Шагале, С. Ан-ском, Л. Севе, статьи «Проблемы еврейской демократии», «Об одной легенде», «Евреи в французской драматургии», «Еврейская пресса во Франции», «Масарик в Париже» и т. д. В 30-е гг. С. В. Познер подготовил и опубликовал исследование «Жизнь Адольфа Кремье». В 1926 г. широкую полемику в эмигрантской прессе вызвало его выступление в защиту М. Горького (См. Бетеа 1991: 237; Гарэтто и др. 1993: 128, 136).

Библиография

Бетеа 1991 — Бетеа Д. (публ.). Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой // *Минувшее*. Т. 5. М., 1991. С. 228-327.

Гарэтто и др. 1993 — Гарэтто Э., Добкин А. И., Зубарев Д. И. (публ.). Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 // *Минувшее*. Т. 13. М., 1993. С. 73-158.

Кельнер 1993 — Кельнер В. Александр Браудо и борьба с антисемитизмом в России в конце XIX — нач. XX в. // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1993. № 2. С. 108-110.

№ 1

ИЗ ОТЧЕТА ПАРИЖСКОГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ

Август 1919 г. — 1 января 1921 г.

Начало Комитета было положено в Париже Н. В. Чайковским¹ и Р. М. Бланком² осенью 1919-го года; когда Нью-Йоркским Фондом помощи российским литераторам и ученым была переведена сумма в 1000 долларов на выдачу беспроцентных ссуд деятелям науки, литературы и искусства. Н. В. Чайковский собрал тогда небольшую Комиссию для распределения денег между нуждающимися. В составе этой Комиссии кроме Н. В. Чайковского и Р. М. Бланка (в качестве Казначея) вошли следующие лица: Барон С. А. Корф³, Гр. А. Д. Нессельроде⁴, С. А. Иванов⁵, А. Н. Толстой⁶, В. Л. Бурцев⁷ и И. В. Шкловский (Дионео)⁸.

Позже в эту Комиссию вошла еще группа лиц: В. Н. Бунина⁹, И. А. Бунин¹⁰, В. С. Гоц¹¹, М. А. Ландау¹², И. И. Фондаминский (Бунаков)¹³, М. С. Цетлина¹⁴, М. О. Цетлин¹⁵.

Все означенные лица в середине 1920 года организовались в «Парижский Комитет Помощи Русским Пи-

сателям и Ученым», причем Председателем его был избран Н. В. Чайковский, Казначеем С. А. Иванов, секретарем М. А. Ландау. С половины же 1920 г. начался усиленный приток за границу русских писателей и ученых, попадавших в большинстве случаев в очень тяжелое положение, особенно в первое время их приезда. В Комитет начали поступать запросы о ссудах не только из Франции, но и из других стран и даже с юга России. Это побудило Комитет заняться в первую очередь приисканием новых средств для удовлетворения все растущей нужды. С этой целью Комитетом, кроме сбора пожертвований был устроен в июне месяце концерт, давший около 20000 фр.; а затем было приступлено к изданию русского и французского литературно-художественных сборников, из которых русский должен появиться в ближайшем будущем и принести значительный доход. Для издания этих сборников выбрана редакционная Комиссия в составе И. А. Бунина, М. А. Ландау, гр. А. Д. Нессельроде, Т. И. Польнера¹⁶, А. Н. Толстого и И. И. Фондаминского.

Была выбрана также и ревизионная Комиссия в составе В. С. Гоц, С. Г. Сватикова¹⁷ и П. Я. Рысса¹⁸.

1. Чайковский Николай Васильевич (1850-1926) — участник народнического движения с 1869 г., журналист, публицист, общественный деятель. С середины 70-х гг. XIX в. до начала XX в. находился в эмиграции. Позднее входил в партию социалистов-революционеров. В 1918 г. возглавил правительство на севере России, опиравшееся на поддержку британского экспедиционного корпуса. Вновь в эмиграции с 1919 г. См. о нем: Николай Васильевич Чайковский: Религиозные и общественные искания. Сб. статей под ред. А. А. Титова. Париж, 1929.

2. Бланк Рувим Моисеевич, (р. 1866) — по образованию химик, доктор философии, общественный деятель, участник русского освободительного и еврейского национального движений в России. С 1906 г. — главный редактор газеты «Наша жизнь», с 1910 г. — еженедельника «Запросы жизни». Входил в руководство Еврейской Народной группы. С 1914 по 1918 г. —

представитель еврейских организаций России в странах Антанты. С 1918 г. жил в Париже, сотрудничал в «Еврейской трибуне». Позднее занимался публицистической и научной деятельностью.

3. Корф Сергей Андреевич (1876-1924) — историк, профессор Гельсингфорсского университета. В начале 20-х гг. жил в США, где преподавал в Колумбийском университете.

4. Нессельроде Анатолий Дмитриевич (ум. в 1923) — юрист, товарищ прокурора С.-Петербургского Судебного округа, предводитель Самарского дворянства. После 1905 г., в знак протеста против деятельности царской администрации отказался вернуться из Франции. Поэт.

5. Иванов Сергей Андреевич (1859-1927) — народо-волец, член Исполкома «Народной воли» с 1884 г. 20 лет провел в заключении в Шлиссельбургской крепости. Общественный деятель, участник Февральской революции. В эмиграции — сотрудник Тургеневской библиотеки в Париже.

6. Толстой Алексей Николаевич (1882-1945) — писатель, в эмиграции с 1919 г. Позднее вернулся в СССР.

7. Бурцев Владимир Львович (1862-1942) — участник народнического движения с 80-х гг. XIX в., долгие годы жил в эмиграции, занимался журналистикой, издавал «Былое» — журнал по истории революционного движения. Был известен своей разоблачительной деятельностью, в т. ч. по раскрытию крупнейших провокаций Охранного отделения. После Октября 1917 г. — непримиримый противник большевизма. В эмиграции с 1918 г. в Париже издавал газету «Борьба за Россию», вел публицистическую деятельность. Автор мемуаров «Борьба за свободную Россию».

8. Шкловский (Дионео) Исаак Владимирович (1865-1935) — журналист, многолетний корреспондент журнала «Русское богатство» в Великобритании. В эмиграции печатался в «Современных записках», «Голосе минувшего» и других журналах и газетах.

9. Бунина (Муромцева) Вера Николаевна (1881-1961) — жена И. А. Бунина, в 20-е—30-е гг. занима-

лась общественной и благотворительной деятельностью. Автор мемуаров «Жизнь Бунина».

10. Бунин Иван Алексеевич (1870-1953) — писатель, лауреат Нобелевской премии. В эмиграции во Франции с 1919 г.

11. Гоц Вера Самойловна (ум. в 1938) — член партии социалистов-революционеров, вдова одного из основателей этой партии М. Р. Гоца.

12. Ландау (Алданов) Марк Александрович (1886-1957) — писатель, публицист, член партии народных социалистов. В эмиграции сотрудничал в «Современных записках». С 1941 г. в США — один из основателей «Нового журнала».

13. Фундаминский (Фондаминский) Илья Исидорович (1879-1942) — член ЦК партии социалистов-революционеров, активный участник революции 1905-1907 г. и Февральской революции, комиссар Временного правительства на Балтийском флоте, депутат Учредительного собрания. До 1919 г. — участник Гражданской войны. В эмиграции с 1919 г. — публицист, издатель, один из создателей журнала «Современные записки». Погиб в нацистском концлагере.

14. Цетлина Мария Самойловна (1882-1976) — жена М. О. Цетлина. В эмиграции активно участвовала в общественной деятельности. С 1941 г. в США. См.: Цетлин-Доминик А. Из воспоминаний // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 1. Иерусалим, 1992. С. 288-309; Новый журнал. Нью-Йорк. 1991. Т. 184/185.

15. Цетлин Михаил Осипович (1882-1945) — поэт, печатался под псевдонимом Амари. В эмиграции — издатель и литературный критик, один из создателей журнала «Современные записки». С 1941 г. в США — создатель и соредaktor «Нового журнала». См.: Цетлин-Доминик А. Из воспоминаний // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 1. Иерусалим, 1992. С. 288-309; Новый журнал. Нью-Йорк. 1991. Т. 184/185.

16. Польнер Тихон Иванович (1864-1935) — земский деятель, публицист.

17. Сватиков Сергей Григорьевич (1880-1942) — историк, публицист, автор многочисленных работ по ис-

тории студенческого движения, истории донского казачества и общественного движения в России.

18. Рысс Петр Яковлевич (1870-1948) — журналист, публицист. В эмиграции опубликовал книги: «Русский опыт». Париж, 1921, «О людях и вещах». Париж, 1923 и «Портреты». Париж, 1928.

№ 2

УСТАВ ПАРИЖСКОГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ
РОССИЙСКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ

1. Цель общества:

Оказание моральной и материальной помощи российским писателям и ученым, пострадавшим в связи с событиями в России.

2. Способы помощи:

а) Помощь подысканием работы, деньгами, предметами необходимости, и оказанием всяческого содействия.

б) Содействие опубликованию произведений в иностранной и русской заграничной печати.

3. Средства общества:

а) Членские взносы, начиная от 3-х франков в месяц.

б) Пожертвования (деньгами, вещами и т. п.).

с) Предприятия: лекции, концерты, выставки, литературные вечера, постановки пьес, издательская деятельность и т. п.

4. Состав общества:

а) Почетные члены — лица, оказавшие особые услуги обществу.

б) Действительные члены — деятели науки, литературы, искусства и общественные деятели.

с) Члены соревнователи — лица, оказывающие услуги обществу.

5. Прием членов:

а) почетных — единогласная рекомендация бюро; избрание 4/5 голосов наличных членов собрания; баллотировка закрытая;

б) действительных — рекомендация двух действи-

тельных членов общества и его бюро; избрание 2/3 голосов наличных членов собрания, баллотировка закрытая.

6. Управление делами общества:

Общее собрание избирает закрытой баллотировкой, простым большинством наличных членов собрания на годичный срок:

а) бюро общества, в состав которого входят: председатель, его заместитель, секретарь, казначей, 3 члена бюро и два кандидата к ним. Бюро ведет текущие дела, принимает и разрешает просьбы о ссудах и помощи, представляет ежемесячные отчеты общему собранию, на решение которого переносятся все спорные вопросы, вызвавшие разногласия в бюро. Заседание бюро считается действительным при наличии пяти членов.

б) ревизионную комиссию из 3 членов, сроком на 1 год, которая проверяет годовой отчет. Члены ревизионной комиссии имеют право присутствовать на заседаниях бюро с совещательным голосом.

с) по предложению бюро, исполнительные комиссии для осуществления отдельных предприятий, действующие под общим руководством бюро и согласно указаний общего собрания.

д) Бюро собирается 1 раз в неделю.

е) Очередное общее собрание собирается в первых числах каждого месяца, заслушивает месячный отчет бюро и дает ему указания для дальнейшего ведения дел.

ф) Чрезвычайные общие собрания созываются, по мере надобности, по постановлению бюро или по требованию 10 членов.

7. Кворум. Общие или чрезвычайные собрания считаются правомочными при наличии не менее 1/2 действительных членов, живущих в Париже, и 3 членов бюро. В случае отсутствия кворума следующее собрание считается действительным при всяком числе членов.

8. Исключение членов: по предложению бюро, закрытым голосованием, большинством 3/4 голосов наличных членов собрания, созываемого особыми повестками и действительного при наличии не менее 2/3 членов, живущих в Париже.

9. Ликвидация общества: обсуждается по требованию

не менее 1/4 членов общества, созванным особыми повестками, и решается большинством 3/4 членов общества, находящихся в Париже, закрытой баллотировкой.

Имущество общества, в случае ликвидации его, передается, по постановлению собрания, в одно из русских учреждений, преследующих цели, аналогичные целям Комитета.

Принято окончательно на заседании Комитета 10 февраля 1921 года.

Секретарь Н. Могиланский¹

1. Могиланский Николай Михайлович (1871-1933) — этнограф, антрополог, член партии конституционных демократов, профессор, директор Музея этнографии в Петербурге. В эмиграции, в 20-е гг., преподавал в Русском университете в Праге. См.: Россия и Украина: Из дневников Н. М. Могиланского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919-1926. Публикация А. Сергеева // Минувшее. Т. 14. М., 1993. С. 253-274.

№ 3

ПИСЬМО РУКОВОДИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ РОССИЙСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ Н. В. ЧАЙКОВСКОМУ

Август 1919

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Из письма Р. М. Бланка мы узнали, что Вы стоите во главе общества помощи жертвам большевизма. Равным образом из того же письма мы узнали о том, что в Париже, равно как и в других местах, имеются русские писатели и ученые, нуждающиеся в помощи и поддержке. По единогласному решению Исполнительного Комитета «Фонд помощи нуждающимся российским литераторам и ученым» постановил послать в распоряжение Вашего общества одну тысячу долларов

для оказания помощи нуждающимся деятелям литературы, науки и искусства, пострадавшим в связи с современными событиями в России.

Посылаемые средства могут быть расходуемы, как на выдачу безвозвратных пособий, так равно и на выдачу временных беспроцентных ссуд, кому таковая необходима до приискания работы...

*Председатель К. Оберучев¹
Казначей С. Ингерман*

Н.В. Чайковский — см. прим. 1 к док. 1.

1. Оберучев Константин Михайлович (1864-1929) — публицист, генерал-майор, командовал до 1914 г. Киевским военным округом, военный атташе, а позднее посол России в США.

№ 4

С. Г. Сватиков — Н. В. Чайковскому

Париж. 12 января 1921

Дорогой Николай Васильевич¹

Месяца 2 назад я говорил Вам, что хотел бы доложить Комитету письмо шлиссельбуржца Мих/аила/ Вас/ильевича/ Новорусского¹ из Петрограда, в котором он просил меня о присылке одежды. Я подсчитал, что выполнить его заказ обошлось бы франков в 300. К моему огорчению, я узнал тогда же, что помощь не оказывается лицам, вне Франции живущим.

Поэтому, я ответил, что я постараюсь изыскать средства, пока же не в состоянии. На днях я получил из Питера от жены М/ихаила/ В/асильевича/ письмо, где она пишет, что М/ихаил/ В/асильевич/ болен (повидимому, в результате дефектов именно одежды), и жестоко упрекает людей, забывающих за границей о мучениях тех, кто живет в России, тех даже, кто лучшие годы своей жизни отдал борьбе за свободу, даже о шлиссельбуржцах.

Поэтому я прошу Вас доложить все же ходатайство

об ассигновании франков 300 — М. В. Новорусскому на посылку необходимой одежды. Все необходимые указания о пути, по которому пойдет посылка, о размерах и т. п., я имею, и по получении из Питера расписки М. В. представлю ее Вам, а временно могу предоставить мою плюс счета магазина, если понадобятся.

Я очень обращаю внимание Комитета на тяжкие переживания даже таких людей, как М. В., и на выводы, которые делаются близкими ему людьми о нашей забывчивости.

Примите мой искренний и сердечный привет.

С. Сватиков

Сватиков С. Г. — см. прим. 17 к док. 1.

Чайковский Н. В. — см. прим. 1 к док. 1.

1. Новорусский Михаил Васильевич (1861-1925) — народоволец, провел около 20 лет в заключении в Шлиссельбургской крепости. См. о нем: Смирнов В. Г. Шлиссельбургский Робинзон. Л., 1990.

№ 5

Л. И. Шестов¹ — [В. Н. Буниной]

Б. д.

Многоуважаемая Вера Николаевна²!

Пишу Вам опять по тому же делу, по которому нам пришлось весною разговаривать. Я бы зашел — но не совсем здоров и не знаю, когда можно Вас дома застать. Шлецеру³ опять плохо, очень плохо. Не может ли комитет помощи лит. и ученым выдать ему пособие? Если есть какая-нибудь возможность — сделаете очень хорошее дело. Адрес его: 50 Rue Jay Zussae. Hotel Progres. Boris Schloetzer. Надеюсь, что Вам удастся что-либо для него сделать. Всего Вам доброго. Привет Ивану Алексеевичу.

Л. Шестов

1. Шестов Лев Исаакович (1866-1938) — философ. См. о нем: Баранова-Шестова Н. Л. Жизнь Льва Шестова. Т. 1-2. Париж, 1983.

2. В. Н. Бунина — см. прим. 9 к док. 1.

3. Шлецер Борис Фердинандович (Федорович) (1881-1969) — философ, искусствовед, музыковед, писатель. Печататься начал в России в «Золотом Руне» и «Аполлоне». В эмиграции с 1921 г. (Сообщено Ш. Маркишем).

№ 6

М. А. Алданов — С. А. Иванову

19 июня /1921/

Дорогой Сергей Андреевич,

Только что был у И. А. Бунина. Мы говорили о том, что необходимо возложить от имени К-та Писателей венок на гроб покойной Веры Николаевны¹. Решено спросить об этом Вас, — хотя мы думали, что Вы уже сами это сделали. Если денег в Кассе к-та нет совсем, то мы покроем расход подпиской членов К-та.

Я получил приглашение участвовать в обеде 23 с. м. Разумеется, принимаю, но не знаю, кого известить: Чайковскому теперь писать об этом неудобно. Не принимается ли запись у Вас?

*Преданный Вам и глубоко уважающий
М. Ландау*

Алданов М. (Ландау М.А.) см. прим. 12 к док. 1.
1. Дочь Н. В. Чайковского.

№ 7

М. Алданов — С. А. Иванову

25 января 1927

Дорогой Сергей Андреевич,

Очень Вас прошу в четверг поддержать ходатайство о ссуде Вейдля¹, а также молодого беллетриста Евангулова². Оба они очень нуждаются. Адреса их имеются в

ходатайствах и у Соломона Владимировича³, который, надеюсь, известит их о результатах. Они на помощь имеют все права. Пожалуйста, замолвите за них слово.

*Сердечный привет
Ваш М. Ландау-Алданов*

1. Вейдле Владимир Васильевич (1895-1979) — критик, поэт, искусствовед. В эмиграции с 1924 г.
2. Евангулов Георгий Сергеевич (1900-1967) — поэт.
3. Познер Соломон Владимирович.

№ 8

М. Алданов — С. В. Познеру

/1928/

Дорогой Соломон Владимирович,

Я не могу явиться на предстоящее заседание Комитета. Но я просил бы Вас и через Вас Комитет, если можно, дать ссуду М. А. Каллаш¹. Мне известно, что она очень нуждается. Как литератора, Вы ее знаете.

*Преданный Вам
М. Алданов*

1. Каллаш Мария Александровна (1885-1954) — печаталась под псевдонимом Гаррис. Историк, литературовед. В эмиграции выпустила книги «О Розанове». Париж, 1929 и «Сердце смятенное». Париж, 1934.

№ 9

Е. Н. Чириков — С. А. Иванову

3 марта 1921

г. София, ул. Царя Соломона, д. 95, кв. 24

Многоуважаемый Сергей Андреевич!

Деньги и письмо Ваше от 22 февраля получил. Очень благодарен Комитету за помощь, которая была оказана кстати. Расписку прилагаю.

О 200 фр., посланных Вами в Константинополь, могу сообщить следующее.

13 декабря я с сыном¹ выехал из Константинополя в Софию. Деньги, видимо, пришли после моего отъезда.

15 февраля с. г. я получил письмо от редактора Константинопольской газеты «Press du Jour», г. Максимова письмо, в котором он, между прочим, упоминал о том, что у издателя газеты, г. Зелюка², имеются какие-то франки, высланные для меня из Парижа.

С тех пор я тщетно добиваюсь получить эти деньги. Ныне узнав, какие это деньги, я послал официальный запрос и требование выслать мне эти деньги.

О результатах сообщу Вам

*С совершенным уважением
Евгений Чириков*

Чириков Евгений Николаевич (1864-1932) — драматург, прозаик. В эмиграции с 1920 г. Автор мемуаров «На путях жизни и творчества. Отрывки из воспоминаний. Вступ. статья, публикация и примеч. А. В. Бобыря // Лица. М.;-СПб., 1993. С. 281—416.

С. А. Иванов — см. прим. 5 к док. 1.

1. Сын Е. Н. Чирикова был в белой армии, тяжело ранен в 1919 г., лишился ноги.

2. Зелюк Орест Григорьевич (р. 1888) — одесский журналист, в эмиграции с 1919 г. В 20-е гг. владелец издательств «Вольтер» и «Дом книги» в Париже. В одной из шуточных эпиграмм И. А. Бунин писал:

«Автор к автору легит,

Автор автору кричит:

Как бы нам с тобой издаться?

Отвечает им Зелюк:

Всем, писакам, вам каюк!..»

Цит. по: Гуль Р. Я унес с собой Россию. Апология эмиграции. Т. 2. Россия во Франции. Нью-Йорк. 1984. С. 92.

№ 10

В. Я. Парнах — С. А. Иванову

Париж. 6 июля 1921

Многоуважаемый Сергей Андреевич,

Препровождая Вам расписку в получении ста (100) франков, пользуясь случаем поблагодарить Вас лично, за Ваше любезное содействие.

Не откажите при первой возможности способствовать выдаче мне хотя бы такого же пособия, хотя бы последнего. К сожалению, я еще очень нуждаюсь. Важно было бы получить еще немного теперь же.

Простите, что беспокою Вас

*С глубоким уважением
Валентин Парнах*

Парнах Валентин Яковлевич (1891-1951) — поэт, переводчик. В 1922 г. вернулся в СССР.

С. А. Иванов — см. прим. 5 к док. 1.

№ 11

И. А. Бунин — Н.В. Чайковскому

/1922/

Дорогой Николай Васильевич,

Ради Бога, пошлите хоть 200 фр. Михаилу Константиновичу Первухину¹ — он очень болеет и умирает с голоду буквально.

*Ваш сердечно, любящий
Иван Бунин*

Н. В. Чайковский — см. прим. 1 к док. 1.

1. Первухин Михаил Константинович (1870-1928) — писатель, журналист, сотрудник «Русского слова».

№ 12

В. Н. Бунина — С. В. Познеру

15 декабря 1927

Дорогой Соломон Владимирович,

Иван Алексеевич¹ писал Мар/ии/ С/амойловне/ Цетлиной² по поводу Ек/атерины/ Н/иколаевны/ Яценко³, ученицы и сотрудницы Ник/одима/ П/авло-

вича/ Кондакова⁴, которая в настоящее время больна и лежит в какой-то дереvушке под Ниццей, — случай очень экстренный. Если удастся поставить на ноги ее, то 99%, что эта ссуда окажется именно ссудой, т. е. будет возвращена полностью Комитету. Об этом Ив/ан/ Ал/ексеевич/ забыл упомянуть. Очень прошу Вас отнестись к этому случаю внимательно и постараться сделать все возможное, а невозможного для Вас нет. Пожалуйста дайте не меньше 400 фр. Нужно помнить, что она сохраняла Ник/одима/ Павл/овича/ для науки, без нее он погиб бы еще в Одессе. Сделайте все в спешном порядке, а прошение от нее будет представлено, я ручаюсь в этом.

Очень грущу, что не могу помогать в этом году писательскому балу, вероятно Фондаминские⁵ оставят нас в Грапп до февраля, боюсь, что совсем одичаю.

Привет Есфирь Соломоновне⁶ милой и Комитету. Ив/ан/ Ал/ексеевич/ кланяется Вам.

*Душевно Ваша
В. Бунина.*

Бунина В. Н — см. прим. 9 к док. 5.

1. Бунин И. А.

2. Цетлина М. С. — см. прим. 14 к док. 1.

3. Яценко Екатерина Николаевна — историк, искусствовед.

4. Кондаков Никодим Павлович (1844-1925) — историк, искусствовед, академик, профессор СПб университета, сотрудник Эрмитажа. В эмиграции с 1919 г., профессор Софийского университета в Софии и Карловского в Праге. Автор мемуаров: «Воспоминания и думы». Прага, 1927. См. о нем: Никодим Павлович Кондаков (1844-1924). К 80-летию со дня рождения. Сб. статей. Прага, 1924; Лазарев В. Н. Н. П. Кондаков. М. 1925.

5. Супруги Илья Исидорович Фондаминский и Амалия Фондаминская (Гавронская) — см. прим. 13 к док. 1.

6. Познер Эсфирь Соломоновна (1882-1942) — жена С. В. Познера, в годы эмиграции занималась общественной деятельностью и благотворительностью.

№ 13

*И. А. Бунин — И. Н. Ефремову**17 декабря 1927***Глубокоуважаемый Иван Николаевич,**

Чрезвычайно прошу Вас оказать при поддержке Вашего Комитета помощь, по возможности, немедленную. Екатерине Николаевне Яценко¹, ученице и долголетней сотруднице покойного Николая² Павловича Кондакова, делившей с ним многие годы жизни и все послереволюционные скитания и ныне временно потерявшей все источники существования из-за болезни, находящейся сейчас в крайней нужде в деревушке под Ниццей. Мы с Верой Николаевной, жившие очень близко с ней и с Ник/одимом/ Павл/овичем/ при большевиках в Одессе и вместе оттуда бежавшие, хорошо знаем ее, были свидетелями всех ее забот о покойном, не погибшем в это время только благодаря ей. Знаю скудность средств Комитета. Но думаю, что все-таки есть, возможно, у него хоть где-нибудь «забронированное».

Пожалуйста, помогите — случай исключительный и серьезный.

Примите уверения в полной преданности.

*Ваш покорный слуга**Иван Бунин*

Ефремов Иван Николаевич (р. 1866) — юрист, историк, депутат III Гос. Думы. В годы Гражданской войны — посол России в Швейцарии.

1. Яценко Е.Н. — см. прим. 3 к док. 12.

2. Описка — нужно Никодима. Кондаков Н.П. — см. прим. 4 к док. 12.

№ 14

*И. Н. Ефремов — С. В. Познеру**26 ноября 1933***Глубокоуважаемый Соломон Владимирович,**

Вчера мы втроем были у Бунина. Т/уда/ пришел и Сватиков¹. Утром я получил пневмопочту с неразбор-

чивой подписью, сообщавшую, что адрес должен быть послан проф. Кульману², а приглашительные билеты рассылаются только председателям организаций, но если выяснится возможность слать еще приглашительные билеты, то это будет сделано и нескольким членам Комитета.

Я предложил прочесть немедленно Бунину адрес, что и было принято и мною исполнено. Копия же адреса была еще раньше сообщена Сватиковым Кульману. Про адрес я добавил приблизительно следующее: «Позвольте обратить Ваше внимание на один результат получения Вами Нобелевской премии. Мне пришлось слышать от эмигрантской молодежи, что они испытали глубокое удовлетворение и ободрение, узнав, что русский, эмигрант, получил также яркое международное признание своих заслуг. А ободрение нам всем нужно. Энергия борьбы за существование слабеет, и были уже случаи среди писателей и ученых самоубийств, под влиянием безысходности полуголодного существования. А кому же, как не нашему Комитету знать, как велика нужда среди писателей и ученых, наших клиентов?» При упоминании Комитета, Бунин сочувственно закивал головой.

После меня Сватиков сказал несколько слов, повторив свою любимую фразу об *imperfectum*, *perfectum* и *plus quam perfectum* — умирает, умер, но не похоронен и умер и в землю зарыт — и заявил, что комитет находится еще в *imperfectum*.

Таким образом мы Бунину напомнили о существовании Комитета и о громадности нужды. Но окажется ли это достаточно, чтобы он дал Комитету одновременно полученные им и протежируемые им писателям деньги?

Тесленко³ поднял, по уходе от Бунина, вопрос, что необходимы дальнейшие действия. Мы наметили возможность даже непосредственного обращения к Ив. Ал., по его возвращении из Стокгольма, с выражением желания придти на встречу по естественному намерению и сообщить ему, для облегчения его действия, подробный список с указанием сумм и числе выданных ему лично и его протеже пособий. Для возможности такого

действия я прошу Вас, ничего не предрешая, приготовить этот список.

С другой стороны, несомненно, что многие ученые и писатели ждут поступления денег от Бунина, будут к нам обращаться с требованиями пособий, и при нашем ответе, что ничего Бунин не дал, начнутся резкие на него нарекания, могущие попасть и в печать и вообще, навлечь неприятные для него последствия. Поэтому намечаем деликатное воздействие на близких Бунину людей. Тесленко предложил Сватикову поговорить с Цвибаком⁴ и высказал мысль, что надо бы поговорить с Верой Ник/олаевной/ в виду известного ей существования «protégée». Я не упомянул о том, что Вы в хороших отношениях с Верой Ник/олаевной/. Вам же считаю долгом написать, не представится ли Вам случай, или не найдете ли Вы возможным ссудить ему, /чем/ предостеречь Веру Николаевну и Ив/ана/ Алек /сеевича/ от возможных неприятных последствий, предотвратить которые Комитет не в силах, невозвращение Буниным вышеуказанных пособий, на которые есть несомненно много кандидатов, испытывающих действительно тяжкую нужду.

Предостеречь Веру Николаевну в дружеской беседе, пожалуй действительно лучший и наиболее деликатный способ воздействия. Ей можно даже вручить копию вышеупомянутого списка.

Искренне уважающий и сердечно преданный
Ив. Ефремов

Р. С. Я отвык выходить по вечерам и иду сегодня, мягко выражаясь, безо всякого удовольствия. Копия адреса на всякий случай в кармане.

И. Е.

1. Сватиков С. Г. — см. прим. 17 к док. 1.

2. Кульман Николай Карлович (1871-1940) — историк литературы, профессор, в 30-е годы преподавал в Сорбонне.

3. Тесленко Николай Васильевич (1870-1942) — юрист, член партии конституционных демократов, депутат II и III Государственной Думы. В эмиграции —

публицист, общественный деятель. В 1933 г. сменил И. Н. Ефремова на посту председателя Комитета.

4. Цвибак Яков Моисеевич (р. 1902) (псевд. Андрей Седых) — писатель, журналист. В 30-е гг. — секретарь И. А. Бунина. Позднее в США — редактор газеты «Новое русское слово». Автор мемуаров «Далекие, близкие». Нью-Йорк, 1979.

№ 15

С. Г. Сватиков — С. В. Познеру

19 ноября 1933
днем

Глубокоуважаемый Соломон Владимирович,

Я послал письмо И. Н. Ефремову, просил его, как предсе/дателя/ Ком/итета/ пом/ощи/ поздравить И. А. Бунина¹ и, деликатно, в личной беседе, узнать, что сможет Ком/итет/ получить, т. к. нужда особенно ужасна среди ученых (писатели, члены Союза и перехватывают у Зеелера², но не все — члены Союза). Здесь же застрелился от нужды пр/офессор/ Горовцев³, снята с шомажа⁴ его вдова, (умирает Троицкий⁵, пр/офессор/ Одиноец⁶ резко бранит меня за бездействие (нечем заплатить за право учения сына). И. Н.⁷ удивляется, неужели Вы за 2 мес/яца/ не оповестили членов Ком/итета/, что он — в отставке.

Не откажите все мои *doleances*⁸ сообщить Н. В. Тесленко,⁹ вице-пред/седателю/. Надеюсь, он вступил в исполнение обязанностей предс/едателя/?! Не хочу писать ему помимо Вас, но очень прошу Вас срочно посетить с ним Бунина и наиделикатнейшим образом выяснить наше дело.

Вы могли бы справиться по отчетам об его ссудах. А сколько давалось по его требованиям! Спешить надо, т. к. Вл/адимир/ Феоф/илович/¹⁰ очень энергичный человек, и наша сумма может попасть в Союз (дескать, тут и журналисты, и писатели), а вот ученые пострадают жестоко, как они и страдают от нашего бездействия.

Если мы не в силах организовать предприятие, то распределить бунинский дар смогли бы все же! Нужда же ужасна!!

М/ожет/ б/ыть/, я ломлюсь в открытые двери, но я был бы рад узнать о Вашем и Н. В. Тесленко выступлении и результатах.

Всего лучшего. Тороплюсь, простите.
С. Сватиков

1. Речь идет о деньгах, полученных И. А. Буниным, как лауреатом Нобелевской премии.

2. Зеелер Владимир Феофилович (1874-1954) — юрист, выпускник Харьковского университета, журналист, общественный деятель, в 1917 г. комиссар Временного правительства в Ростове, участник Гражданской войны. В эмиграции — общественный деятель, секретарь Союза писателей.

3. Горовцев Александр Михайлович (умер в 1933) — профессор, специалист в области международного права.

4. Chomage — безработица. Здесь — «пособие по безработице».

5. Троицкий Сергей Викторович (род. в 1878) — юрист, профессор Новороссийского университета. В эмиграции преподавал в Сербии.

6. Одинец Дмитрий Михайлович (умер в 1950-е гг.) — историк. В 30-е гг. возглавлял Тургеневскую библиотеку в Париже. После 1945 г. вернулся в СССР и был репрессирован. Умер в Казани, где преподавал в Университете.

7. И. Н. Ефремов — см. док. 13.

8. doleances — сетования, жалобы.

9. Зеелер В. Ф. — см. прим. 2.

10. Тесленко Н. В. — см. прим. 3 к док. 14.

№ 16

Д. С. Мережковский — Н.В. Чайковскому

4. 1. 1922

Глубокоуважаемый Николай Васильевич,

Обращаю внимание «Комитета Помощи» на крайне тяжелое положение Ю. Э. Озаровского¹, талантливого артиста и писателя, в свое время оказавшего услугу Комитету и предлагаю ассигновать ему пособие.

Сердечно Ваши
Д. Мережковский

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865-1941) — писатель, философ, публицист, общественный деятель. См. о нем: Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

1. Озаровский Юрий Эрастович (1869-1924). В 1892 г. окончил Петербургскую Театральную школу, был актером Александринского театра до 1915 г. и преподавал в Театральной школе. С 1902 г. — режиссер Александринского театра, ставил спектакли в разных театрах России. Среди художников его постановок были Л. Бакст, К. Коровин, А. Головин. Позднее Озаровский основал и свой собственный театр «Стиль». С 1915 г. жил в Москве, где возглавил Московский драматический театр. Одновременно с актерской и режиссерской работой выступал в качестве театроведа, подготовил к печати знаменитое театральное издание «Горе от ума» А. Грибоедова. Автор книги «Наше драматическое образование». С Д. С. Мережковским был хорошо знаком, т. к. в 1917 г. поставил его пьесу «Павел I».

№ 17

Д. С. Мережковский — Н. В. Чайковскому
22 апреля 1923

Дорогой Николай Васильевич,

По некоторым соображениям, о которых я сообщу Вам при личном свидании, я и З. Н.¹ берем обратно наше прошение, поданное мною Вам. Итак, прошу Вас не сообщать о нем в заседание Комитета.

Надеюсь до скорого свидания.

Сердечно Ваш
Д. Мережковский

1. Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945) — поэтесса, критик. Автор мемуаров: «Живые лица»; «Петербургские дневники»; «Синяя книга». См. о ней: Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970.

№ 18

Дон-Аминадо — Н.В. Чайковскому
Париж, 20 февраля 1922

Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

Позвольте обратиться к Вам с покорной просьбой не отказать в добром содействии исходатайствовать от «Комитета Помощи Литераторам» ссуду для меня в размере восьми сот франков единовременно.

Считаю нужным сообщить, что я нахожусь ныне в чрезвычайно трудном материальном положении: на моем иждивении находится моя семья, а заработки мои за последние месяцы сократились и не составляют и половины прожиточного минимума. В Комитет я обращаюсь впервые. Ни в какие другие организации я также не обращался.

Прошу прощения за причиняемые хлопоты. Прошу Вас, глубокоуважаемый Николай Васильевич, верить чувствам искреннего почтения и сердечной преданности.

А. П. Шполянский (Дон-Аминадо)

Дон-Аминадо (Шполянский) Аминад Петрович (1888-1957) — поэт. Автор мемуаров «Поезд на третьем пути».

№ 19

С. В. Познер — И. Н. Ефремову
22 февраля 1927

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Вчера вечером посетила меня С. П. Ремизова¹, жена Алексея Михайловича, и рассказала, что днем за невзнос денег им закрыли газ. Они теперь крайне нуж-

даются, так как им сократили пособие в Праге, они получают оттуда всего 375 фр.

А. М. Ремизову у нас дали всего 300 фр., т. е. то же, что мы даем начинающим писателям. Я очень прошу Вас своею властью разрешить выдачу ему 200 фр. (больше боюсь просить, ибо у нас мало денег).

Будьте добры свое решение сообщить мне: я дам А. М. пока из имеющихся у меня, а потом сосчитаюсь с Марией Самойловной².

*Преданный Вам
С. Познер*

1. Ремизова (Довгелло) Серафима Павловна (1876-1943) — жена А. М. Ремизова. В начале века участвовала в революционном движении. В эмиграции, в 1920-е—1930-е гг. преподавала в Школе восточных языков в Париже. З. Н. Гиппиус писала о ней:

То бурная, властно-мятежная —
То тише вечернего дня,
Заря огневая и нежная
На небе взошла для меня.

Простая, спокойно-суровая,
Как правда пряма и ярка,
Чиста, как вода родниковая,
Как чистый родник, глубока...

Цит. по: Резникова Н. В. Огненная память. Беркли, 1980. С. 71.

2. Цетлина М. С.— см. прим. 14 к док. 1.

№ 20

*А. М. Ремизов — Комитету
Париж. 14 марта 1928*

В Комитет помощи писателям и ученым покорнейшая просьба о вспомоществовании в виду моего болезненного расстроенного состояния и медленной работы; буду очень благодарен за вашу отзывчивость.

*Алексей Ремизов.
14. 3. 1928.
Париж*

Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957) — писатель. См. о нем: Кодрянская Н. В. Алексей Ремизов: Восп. о писателе. Париж, 1966; Ее же: Ремизов в своих письмах. Париж, 1977; Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о А. Ремизове. Беркли, 1980.

№ 21

Б. К. Зайцев — С.А. Иванову

5 февраля 1927

Глубокоуважаемый Сергей Андреевич,

Хотя я и не состою членом Вашего Комитета, однако решаюсь написать Вам несколько строк относительно двух неправильных, по моему мнению, решений Комитета — решений, видимо, вызванных неполной осведомленностью (я не навязываю Вам своих мнений, а хочу именно осведомить, во избежание недоразумений).

1) К. Д. Бальмонт¹, в письме Комитету, указывает на трудность своего матер/иального/ положения в связи с переездом его на новое место и расходов с этим связанных. Упоминает, что у него долг по квартире, долг угольщику, трудность содержать отдельно (в Париже) живущую дочь, и просит меня в виду этого походатайствовать перед обоими К-ми /Комитетами/ о выдаче ему ссуды. У нас /Союз русских литераторов и журналистов в Париже. — В. К./ ему дали 300 фр., у Вас отказали вовсе.

2) Н. Я. Роцин² — ему у Вас отказано (нам не подавался) на том основании, что он не беллетрист, а журналист. Это последнее неверно. Он беллетрист, а не журналист. Он довольно много печатал своих вещей в «Руле», «Перезвонах», «Возрождении», «Илл/юстрированной/ России», его стаж литературный бесспорен, более того, в эмиграции это один из даровитых беллетристов и во всяк/ом/ случ/ае/ та действующая армия литературы, которую поддерживать именно и необходимо. Он человек болезненный (последствия контузии), очень нуждающийся и крайне нервный. Нельзя же забывать (это относится и к Бальмонту), что такие отказы действуют очень тяжело на психику обойденного. В этом всегда есть моральный удар (например, в систематических отказах Сургучеву³, якобы,

что-то «получающему»: но именно Сургучев никаких субсидий, ни от сербов, ни от чехов вовсе не получает).

Не говорю уже о Бальмонте. Сорок лет проработать в литературе, иметь имя, записанное крепко в русской культуре и известное всюду на Западе, и не удостоиться никакого внимания и поддержки — это, конечно, не весело. Раз человек пишет, что ему трудно, то право же — можно и поверить, несмотря на то, что он получает как и другие 5-6 писателей от сербск/ого/ правительства поддержку «За заслуги перед делом всего славянства», как сказано в препроводительном письме, а не как «подачку», как нередко изображают это недоброжелательные люди.

Впрочем, я увлекся и отошел от темы. Повторяю, что основное намерение — просветить Вам фактическую/ую/ сторону вещи. Делаю это, зная именно Ваше всегда внимательное и сочувственное отношение к писателям, и в сознании, что все это дело в каком-то смысле «общее дело».

С совершенным к вам уважением

Б. Зайцев

Зайцев Борис Константинович (1881-1972) — писатель. В 20—30-е гг. руководил Союзом русских писателей и журналистов. Автор мемуаров «Далекое». Вашингтон, 1965.

Иванов С. А. — см. прим. 5 к док. 1.

1. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942) — поэт.

2. Рошин (Федоров) Николай Яковлевич (1896-1956) — писатель, входил в «круг Бунина». В годы Второй мировой войны участвовал во Французском Сопротивлении. В 1946 г. вернулся в СССР.

3. Сургучев Илья Дмитриевич (1881-1956) — писатель.

№ 22

К. Бальмонт — С. В. Познеру

Б. д.

Многоуважаемый Соломон Владимирович,

28 янв/аря/ Б. К. Зайцев сообщил мне открыткой, что Комитет Писателей и Ученых постановил оказать

мне ссуду в 300-400 фр/анков/ (точно указать он не мог размеров ссуды).

Этих денег я напрасно ждал до последних дней, послал запрос, пересланный В. А. Зайцевой¹ М. С. Цетлиной. От Мар/ии/ Сам/ойловны/ получил сообщение, что она уезжает из Парижа и чтобы я обратился к Вам.

Так и поступаю. А в ожидании денег, — и в памятовании Вашей внимательности ко мне, — и в полной безмонетности, — славлю на скромных своих гусях великую Вселенную.

С преданностью
К. Бальмонт

Бальмонт К.Д. — см. прим. 1 к док. 21.

1. Зайцева Вера Алексеевна (1878-1965) — жена Б. К. Зайцева. В годы эмиграции активно участвовала в деятельности Комитета помощи. См. о ней: Зайцев Б. К. Другая Вера // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Т. 92; 1969. Т. 95, 96, 98.

№ 23

М. И. Цветаева — Комитету
/Париж/ 3 декабря 1926
Bellevue (S. et U.) 31, Boulevard Verd

Триста (300) фр. пособия с благодарностью получила.

Марина Цветаева
Цветаева Марина Ивановна (1892—1941) — поэтесса.

№ 24

М. И. Цветаева — С. В. Познеру
23 декабря 1927

Милый Соломон Владимирович,

Не была на писательском собрании потому, что лежу бритая (после скарлатины) и по возможности не показываюсь. Та же бритая голова, не говоря уже о моей нелюдимости, полная обеспеченность моей всяческой непригодности в делах вечера.

Будьте другом, скажите кому, куда и когда подавать прошение, боюсь, что меня забудут. (Говорю о деньгах с будущего вечера писателей).

*Заранее благодарная Вам
М. Цветаева*

Р. С. Еще просьба! Помните, Вы в прошлом году говорили мне, что есть возможность получить от русских американцев ежемесячное пособие. Я тогда сообщила г-же Ельяшевич свой адрес, но затем дело и кончилось.

Как его двинуть? Кого и как просить? Я очень нуждаюсь.

№ 25

М. И. Цветаева — Комитету

/Париж/ 18 марта 1928

**В Комитет помощи русским писателям и ученым в Париже Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон
Прошение**

Находясь в крайне затруднительном материальном положении сердечно прошу Комитет оказать мне сильную помощь.

М. И. Цветаева-Эфрон.

№ 26

Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев — Комитету

Париж. 24 марта 1928

В союз помощи писателям и ученым

Мы, нижеподписавшиеся, сим удостоверяем, что Марина Ивановна Цветаева находится в большой нужде и просим Вас оказать ей возможную помощь.

*С совершенным уважением
Л. Шестов, Н. Бердяев*

Шестов Л. И. — см. примечание к док. 5.

Бердяев Николай Александрович (1874-1948) — философ. См. о нем: Полторацкий Н. П. Бердяев и Россия. Нью-Йорк, 1967; Дмитриев Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа: Николай Бердяев: жизнь и творчество. М., 1993; Вадимов А. Жизнь Бердяева. Беркли, 1993.

№ 27

В. Ф. Ходасевич — Комитету

Париж. 15 янв/аря/ 1927

**В Комитет Помощи русским писателям
и ученым во Франции
Владислава Фелициановича Ходасевича**

Заявление

Находясь в тяжелом материальном положении, прошу Комитет придти мне на помощь.

Владислав Ходасевич

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939) — поэт, критик, автор мемуаров: «Белый коридор», «Некрополь».

№ 28

Саша Черный — Комитету

Париж. 17 января 1927

**В Комитет Помощи русским
Писателям и Ученым во Франции**

Литературный мой заработок в настоящее время равняется несколькимстам франков, ни пособия, ни субсидии я ниоткуда не получаю и сверх того должен уплатить совершенно непосильные для меня налоги.

Поэтому прошу о выдаче мне ссуды в размере одной тысячи (1000) франков.

А. Черный.

Саша Черный (Гликберг Александр Михайлович) (1880-1932) — поэт.

№ 29

*Саша Черный — Комитету
Париж. 31 марта 1928*

Периодически возвращающаяся болезнь в последние месяцы (февраль-март) сузила мою литературную работу. Жена моя в настоящее время также больна, — таким образом в бюджете сплошные зияния плюс непредвиденные расходы на лечение. Поэтому вынужден просить Комитет о пособии в тысячу франков.

А. Черный

№ 30

*Г. В. Адамович — С. В. Познеру
/Париж/ 26 апр/еля/ 1927*

Дорогой Соломон Владимирович,

Пишу Вам из Ниццы, где пробуду еще дней 7-8. У меня к Вам просьба: нельзя ли отложить уплату причитающихся с меня 250 фр/анков/ до 15-20 мая? Если надо внести сейчас, без промедления, я конечно это сделаю (по приезду в Париж). Но лучше было бы отложить. Надеюсь, что Вас не затруднит написать мне, как поступить.

Всего лучшего, жму Вашу руку. Искренний привет Эсфири Соломоновне¹.

Ваш Г. Адамович

Адамович Георгий Викторович (1894–1972) — поэт, критик.

1. Познер Э. С. — см. прим. 6 к док. 11.

№ 31

В. В. Вейдле — С.В. Познеру

Париж. 16 января 1928

Многоуважаемый Соломон Владимирович,

Заболел прескверным гриппом, лежу уже четвертый день с высокой температурой и пролежу вероятно еще долго; пока никакого улучшения нет; может быть даже это что-нибудь похуже гриппа. Вы поймите, что такая болезнь для человека, живущего гонораром за статьи и уроками влечет за собой настоящую финансовую катастрофу. Вот почему я и решаюсь беспокоить Вас, обращаясь через Ваше посредство в Комитет за помощью, чего я раньше не предполагал. Сумма, указанная мной, отнюдь не преувеличена, она не покроет всего денежного ущерба, причиненного мне болезнью, но все же облегчит скверное мое положение.

Очень прошу Вас замолвить за меня слово перед Комитетом и надеюсь, что если Вы это сделаете, Комитет не откажет мне.

*Всего хорошего
Искренно преданный Вам
В. Вейдле.*

Вейдле Владимир Васильевич См. прим. к док. 7.

№ 32

А. И. Суворина — С. В. Познеру

/Париж/ 12 января 1928

Милостивый Государь!

В виду предстоящего вечера обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой ходатайствовать перед Комите-

том помощи писателям и ученым о том, чтобы мне выдали единовременное пособие. Я — вдова покойного Алексея Сергеевича Суворина¹, издателя «Нового времени». Мне 70 лет, ноги больные, работать я не могу. Потеряв средства и возможности заработка и приехав в Париж 6 месяцев тому назад, я очутилась в тяжелых материальных условиях, не имея поддержки со стороны родных, которые сами бедствуют². Очень прошу Вас не оставить без внимания мою просьбу.

С уважением А. Суворина

Суворина (Орфанова) Анна Ивановна (1858–1936) — жена известного издателя, журналиста и общественного деятеля А. С. Суворина.

1. Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — издатель, публицист, общественный деятель. См.: Дневник А. С. Суворина. М., 1993.

2. Имеются в виду сыновья. Алексей Алексеевич Суворин (1862–1937) — журналист, издатель. До 1917 г. выпускал газеты «Русь», «Молва». В эмиграции покончил жизнь самоубийством. Борис Алексеевич Суворин (1879–1940) — журналист. В эмиграции редактировал газеты «Вечернее время», «Время», «Русское время».

№ 33

Н. А. Струве — Ф. О. Ельяшевич

/Париж/ 19 января 1928

Глубокоуважаемая Фаина Осиповна,

Позвольте обратиться к Вам, как к члену Правления Комитета помощи Писателям и Ученым с большой просьбой ходатайствовать перед Комитетом о выдаче мне ссуды ввиду временного крайне тяжелого материального положения нашей семьи после удаления мужа моего Петра Бернгардовича Струве из «Возрождения»¹, удаления, которое помимо его известной всем общественно-политической стороны, достаточно характеризуется тем, что П. Б. Струве до сих пор не уплачено даже вознаграждение за 2 недели, следовавших за

увольнением. Положение еще осложняется тем, что на руках у нас сын², больной туберкулезом. Буду глубоко благодарна «Комитету» за ссуду.

С глубоким уважением
Н. Струве

Чрезвычайно прошу Комитет обратить особое внимание на исключительное положение П. Б. Струве.

Ив. Бунин

Струве Нина Александровна (1874-1943) — жена П. Б. Струве.

1. Струве Петр Бернгардович (1870-1944) — философ, историк, экономист, публицист, общественный деятель. В эмиграции возглавлял до 1928 г. «Возрождение», издавал журнал «Русская мысль». См. о нем: Полторацкий Н. П. П. Б. Струве как политический мыслитель. Лондон, 1981; Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. П. Б. Струве был отстранен от редактирования «Возрождения» из-за возникших в редакции идейных разногласий. Это событие вызвало общественный резонанс.

2. Струве Лев Петрович (ум. 1929).

№ 34

И. Шмелев — С. В. Познеру
/Париж/ 14 января 1928

Дорогой Соломон Владимирович,

Нездоровье помешало мне быть на вечере. Благодарю Комитет и Вас за билет.

Благоволите доложить Общ/ему/ Собранию Комитета, на случай, если мне не удастся приехать, — я чувствую себя посл/едние/ недели больным. Сообщаю о тяжелом материальном положении Александра Валентиновича Амфитеатрова¹. Он, прямо в критическом положении, в долгах, болеет, сын заболел тифом², кажется в Милане, а у А. В. даже на билет нет свободных денег. Возможно, что это временно, но /сейчас/ обсто-

ательства материальные сложились так, что придется оставить насиженное место.

Не найдет ли Комитет возможность уделить для старого нашего писателя и журналиста 500-600 фр.? Это было бы только справедливо. На днях должно поступить от А. В. прошение. Пишу Вам загодя, чтобы, если будет добрая воля Комитета, уделить в пользу А. В. Амфитеатрова некоторую сумму от вечерового сбора.

*С душевным приветом
Ив. Шмелев*

Шмелев Иван Сергеевич (1875-1950) — писатель.

1. Амфитеатров Александр Валентинович (1862-1938) — писатель, публицист, общественный деятель.

2. У А. В. Амфитеатрова было три сына: Даниил Александрович (1901-1983) — композитор и дирижер. В 20-е гг. сторонник Б. Муссолини. Входил в его личную охрану; Владимир Александрович (1892-1942) — писатель, критик. В 30-е гг. сотрудничал с нацистами в Германии; Максим Александрович (родился в 1907 г.) — музыкант.

№ 35

И. С. Шмелев — С. В. Познеру

Севр. 26 марта 1928.

Дорогой Соломон Владимирович,

С Ваших слов, — при свидании в Земгорте, давно, — обнадежил я находящегося в кр/айней/ нужде Александра Валентин/овича/ Амфитеатрова, что сейчас буд/ет/ выслано. Сегодня получил п/ись/мо: ничего д/о/ с/их/ п/ор/ не получал! Я все доводы привел в письме к Вам, с просьбой, передать в засед/ание/ К-та. Сам не могу явиться — болею и издыхаю, в виду возникающ/их/ остр/ых/ болей, временами — съездить в Париж д/олжен/ б/ыл/ отложить в поездку в /нрзб/. Теперь получше, могу ходить на прогулки на 1/2 ч/аса/. Пожалуйста, вспомните об А. В.!

Ваш Ив. Шмелев

№ 36

*А.В. Амфитеатров — Комитету
/Париж/ 26 января 1928*

Заявление в Комитет Помощи писателям и ученым

Будучи наслышан о выдаче из сумм, вырученных с Бала Писателей, денежных пособий литераторам, имеющим нужду в деньгах, прошу Комитет считать меня в таковых и уделить мне долю, которая причтется.

Александр Амфитеатров

Амфитеатров А. В. — см. прим. 1 к док. 34.

№ 37

*И. С. Шмелев — Комитету
/Париж/ 29 февраля 1929*

В Комитет помощи писателям и ученым в Париже

Имею честь сообщить Комитету, что я всемерно присоединяю свой голос к ходатайству Александра Валентиновича Амфитеатрова о пособии. Выражение в его заявлении, что при дележке денег — и на его пай что-нибудь придется, — я объясняю совершенно просто: желанием убедить себя в своем праве прибегнуть к помощи собратий и горьким сознанием, что вот, приходится просить и ему, старому писателю... На ряд его писем ко мне, в которых он дружески передавал мне о злоключениях, его постигших, — тяжелой болезнью сына и о покраже у него доверенным лицом присланного ему гонорара и об мошенническом наборе за его счет в местных лавках разных товаров, — в общем тысячи на три фр/анков/ убытку, — я позволил себе посоветовать ему в таком трудном положении обратиться к Комитету. Он колебался. Наконец, на мое письмо, в котором я говорил, что деньги собираются усилиями и братьев писателей, и культурнейшей частью эмиграции, сохранившей добрые чувства к представителям искусства и науки, и идут (в распятие!) в

дележку между нуждающимися во временной поддержке писателями и учеными, он и прислал свое заявление, как бы стыдясь остро-трудного положения своего. Должно быть, — полагаю я, — тяжело сознавать, что и ему, работающему, трудно жить, и приходится прибегать к поддержке Комитета и тем самым как бы отнимать часть у тех, кто совсем не может найти работу или уже неработоспособен.

О трудном — временно, м/ожет/ б/ыть/ — положении А/лександра/ В/алентиновича/ я знаю и не только из его писем: и со стороны знаю. Знаю, например, то, что, за неимением нескольких лир, не мог А. В. поехать в Милан, чтобы навестить больного тифом сына. Что когда его другой сын давал концерт в Риме и Милане, отец не мог поехать. Ну, очень трудное положение, и большая семья. Знаю, что издательства, взяв у него книги для издания, до сего времени ни аванса не дали — в Риге, в Софии — ни гонорара не шлют.

Очень прошу Комитет пойти навстречу действительно трудному положению почтенного писателя.

Иван Шмелев

Шмелев Иван Сергеевич — см. док. 35.

№ 38

И.Н. Ефремов — неизвестному

Париж, 31 мая 1929

Многоуважаемый Аврам Юльевич,

С разных сторон: /Н. А./ Струве¹, жена П. Б. Струве, М. С. Цетлина², профессор Шестов³ — Комитету Пособия Русским Писателям и Ученым стало известно, что крупный русский философ, московский профессор Семен Людвигович Франк⁴, которого Вы вероятно лично знаете, находится в Берлине в крайне бедственном положении. У него четверо детей, из которых старший сын только что кончил гимназию и поддерживать семью еще не может. Тяжкая материальная нужда, из

которой не видно выхода, угнетающе действует на С. Л. Франка и парализует его энергию.

Средства Комитета в настоящее время почти истощены и та сотня-полторы франков, которые он мог бы уделить Франку, при переводе на марки превратятся в каких-нибудь 15-20 марок, которыми помочь нельзя.

Потому я позволяю себе обратиться к Вашей отзывчивости, сообщая Вам о бедственном положении С. Л. Франка. Секретарь Комитета С. В. Познер может дать Вам его адрес; если же Вам угодно будет поручить пересылку денег нашему Комитету, то Вы лучше пришлите чек С. В. Познеру, который и переведет деньги от Вашего имени в Берлин.

Прошу Вас принять выражение искреннего почтения и таковой же преданности

И. Ефремов

Ефремов И.Н. — см. док. 13.

1. Струве Н.А. — см. док. 33.

2. Цетлина М.С. — см. прим. 14. док. 1.

3. Шестов Л.И. — см. док. 5.

4. Франк Семен Людвигович (1878-1950) — философ. См. о нем: Сборник памяти С. Л. Франка. Под ред. В. В. Зеньковского. Мюнхен, 1954; Бинсванген Л. Воспоминания о С. Л. Франке // Новый журнал. Т. 81. Нью-Йорк, 1965.

№ 39

Н. А. Тэффи — С.А. Иванову

Б. д.

Глубокоуважаемый Сергей Андреевич,

Т. к. я завтра вечером уезжаю, а живые деньги нужны до зарезу, то убедительно прошу сообщить мне, когда я могу завтра заехать, чтобы получить их и куда. Мне поручено также получить и деньги за проф/ессора/ Габриловича¹. Будьте добры — черкните мне пневмопочту, тогда бы я получила ее сегодня же.

*Искренне Вас уважающая
Тэффи*

P.S. Я конечно говорю о деньгах, ассигнованных мне от Комитета.

Тэффи (Лохвицкая) Надежда Александровна (1876-1952) — писательница. Автор мемуаров: Воспоминания. Париж, 1980.

Иванов С. А.— см. прим. 5 к док. 1.

1. Габрилович Иван Григорьевич (1863-1939) — врач, профессор.

№ 40

Н. А. Тэффи — Комитету помощи

Б. д.

В Комитет помощи литераторам и ученым

Прилагаю при сем выдержку из письма ко мне Игоря Северянина¹. Очень прошу Комитет обратить внимание на катастрофическое положение этого поэта и не дать ему погибнуть. Если нам приходится тяжело, то все же мы здесь все вместе и друг о друге заботимся, а он совсем один и вопит от ужаса и никто на его вопль не откликается. Надо бы откликнуться!

Тэффи

21 декабря 1926

Дорогая Надежда Александровна!

Хочется написать Вам несколько строк, спросить, как живете, как чувствуете себя, хочется побыть с Вами мысленно. Мы не виделись уже более четырех лет, с той поры, как встретились в 1922 г. в Берлине. Часто вместе с женой вспоминаем вечер, у Вас проведенный, часто зимними вечерами, перечитывая немногих поэтов, имеющих у нас, читаем и Вас. Трудненько доставать здесь книги вообще, что же касается стихов, даже классических, или новой литературы, почти немислимо. Поэтому с радостью читаем и перечитываем все, что находим, будь то 84 т. Дюма, 16 т. Бальзака или Шпильгагена... Не подумайте, что я сказал 84-й т., я говорил о всех 84-х томах, и я вовсе не шучу, что у Дюма столько книг. И не шучу, что мы с женой (точнее — жена) их все читаем... Объяснение этому

простое: зима здесь длительная, дни короткие в зимние месяцы, на лыжах и салазках 2-3 ч. в день, людей, — как мы понимаем это, — нет вовсе, поневоле будешь читать и 84 тома... /далее несколько строк заклеено/

...В лесах неисчислимо количество озер, живописных и разнообразных. Я влюблен и в море, и в леса, и в озера и целыми днями весной, летом и осенью плаваю в своей голубой лодочке по голубым водам. Работать могу только зимами, но не целыми же днями работать мне все же, и вот 84-ре тома... Хотя бы Дюма! (Дюма-отца).

Нет, кроме шуток, я очень и очень рад, что живу в деревне, горжусь этой жизнью и упиваюсь. Здесь так спокойно, независимо, аполитично. Меня окружает красота природы, в природе же Бог Наибожайший. Одно очень печально и мучительно: трудно, почти невозможно поэту выработать даже самую дешевую и скромную жизнь в мире, как, напр., в Эстонии. И не смейтесь: я получаю ежемесячно 4 доллара. И больше ничего. *Самое же меньшее, что нам двоим здесь требуется — 12-15 долл. ежемесячно.* /Выд. в тексте Тэффи/.

Деревенский сапожник (не из лучших) тратит несколько больше все-таки... Вы поинтересуетесь, вероятно, отчего... /Далее текст заклеен/

...невзирая на количество строк. Если бы он платил построчно, я мог бы выработать в месяц не более доллара, и тогда я получал бы этот один доллар. Что же другие газеты?

«Посл. Изв.» (*Ревель*) /выд. Тэффи/ давали мне до 1 янв. 1926 г. столько, что я мог тихо жить. Но с янв. перестали совсем платить, в окт. же прекратились. «За свободу!» (Варшава) едва живет, с июля не платит ничего. Парижские? «Посл. Нов.» поместили из присланных восьми стих. — три, гонорар уплатили только за одно. Год назад я писал Милюкову² (заказное), где говорил о своем тяжелом положении, просил платить гонорар (тоже 2-3 долл. в месяц), просил передать о моих невзгодах Союзу писателей и журналистов. Он — Милюков — не ответил. В «Возрождение» послал около года назад стихи, просил выслать газету, дать место стихам, заработать. Он — Струве — не ответил. Хотел работать в «Днях». Он — Зензинов³ — не ответил. Стал писать в «Илл. Россию», успел поместить шесть сонет-

тов. Попросил гонорар, послал новые пьесы. Он — Миронов⁴ — не ответил. Пробовал писать в «Нов. Русск. Слово» и «Зарницы» (Америка). Поместили раз, поместили два, но когда попросил денег, деньги уплатили, зато перестали помещать. «За стихи мы принципиально не платим». Это факт. Дорогая Надежда Александровна, где работать? Ничем, кроме стихов, заработать не в состоянии. Сердце совершенно испорчено. Неврастения минутами несносная. Книг никто не издает, вечера устраивать нельзя: не окупятся. Поездки бессмысленны. Если бы не Союз писателей в Берлине и не С. Рахманинов⁵, помогшие мне в текущем году, теперь уже был бы трупом. Я лично даже и не знаю Рахманинова и понятия не имею, откуда он узнал о моих муках. Мне хочется, чтобы Вы спросили Струве, спросили так, как позволительно спросить Вам: «Получили ли вы письмо от С., где он просил у Вас работы и 2-3 долл. в месяц? Понимаете ли Вы, что литератору, да еще больному, удобнее заработать кусок хлеба пером, чем, напр., копанием канав? И не сочтете ли Вы себя несколько обеспокоенным, если некий поэт прекратит свое существование? Или Вы, ревнитель чистоты русского языка, — от этого?»

Целую Ваши ручки. Душевно Ваш Игорь

Тэффи Н.А. — см. док. 39.

1. Игорь Северянин (Лотарев Игорь Васильевич) (1887-1941) — поэт. В эмиграции жил в Эстонии.

2. Милоков Павел Николаевич (1859-1943) — политический деятель, историк. В эмиграции с 1919. Главный редактор газеты «Последние известия». См.: Думнов Н. П. Н. Милоков. М., 1993.

3. Зензинов Владимир Михайлович (1881-1953) — член партии социалистов-революционеров, публицист. В эмиграции с 1919 г. Автор мемуаров: Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

4. Миронов М. П. (р. 1893) — поэт. В эмиграции редактировал еженедельник «Иллюстрированная Россия».

5. Рахманинов Сергей Васильевич (1873-1943) — композитор.

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

ИЗ ПИСЕМ

Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц

Публикация В. С. Баевского (Смоленск)

В моем архиве находятся 35 писем Ю. М. Лотмана (некоторые написаны им совместно с З. Г. Минц), 23 письма З. Г. Минц и 5 записок Ю. М. Лотмана, переданных мне во время различных научных конференций. Для настоящей публикации отобраны наиболее значимые тексты, по большей части фрагменты.

№ 1

Дорогой Вадим Соломонович!

Спасибо за добрые слова о моей брошюре¹. Думаю, она очень неравноценна в разных частях, да и очень разностильна («Снежная маска» — чисто структурный анализ, а потом идет все время нарастание «публицистики» и, соответственно, разного рода неточностей). Но все же очень приятно было читать.

Относительно «Блока и Соловьева» Вы и правы, и не правы². Все же Блок (если говорить о лирике) постепенно очень отходит от соловьевских традиций (от низших уровней: фоника, метрика, рифма, особенно лексика — и до структуры содержания: для Соловьева все же «земное» — «обман», «ложь» и «зло», и оно либо вне сферы эстетического (в лирике), либо предмет романтической иронии; для Блока же «третьего тома» отношение к «горестной земле»:

И была роковая отрада etc —

— Принципиально иное — диалектическое, «оксю-

моронное»). При этом философская основа эстетики Блока «III тома», действительно, относительно близка к Соловьеву (земное — отображение универсально-космического, имеющего духовную — «музыкальную» — природу). Но в сфере практической структуры их произведения уже очень далеки (разная система ценностей, ergo, стилистики; разная система тем, ergo, лексики и семантики и т. д.).

Но, конечно, очень много и связей — особенно не в творчестве, а во «взглядах». Кое о чем я написала в статье «Блок и Соловьев (К генезису комического у Блока)» — она скоро выйдет у нас³. Кое о чем написала в еще не опубликованных частях докторской. <...>

С уважением З. Минц

20. XI. 70

Тарту

* * *

1. Минц З. Г. Лирика Александра Блока (1907—1911): Спец. курс. Вып. 2. Тарту, 1969.

2. Я написал З. Г. Минц, что, по моему мнению, Блок никогда не уходил от Соловьева, а лишь по-разному его воспринимал.

3. Труды по русской и славянской филологии. Т. XVIII: Литературоведение. Тарту, 1971.

№ 2

1. XII. 72

Дорогой Вадим Соломонович!

Огромное спасибо Вам за отзыв и за интересное письмо. Защита прошла хорошо (15 «за», 1 бюллетень испорчен); работа прошла уже и большой (общеевропейский) Совет (37:2; говорят, это очень хорошо). Впрочем, самое главное и противное — еще впереди!

По поводу Вашего письма. Я абсолютно согласна с Вами по поводу общей оценки символизма. Надеюсь, что в моих работах нет ничего, противоречащего этой Вашей мысли. Просто из соображений:

- a) научно-эвристических, методических;
- b) тактических;
- c) личных (педантизм, занудность) —

Я считала нужным пока не обращаться к переоценке направления в целом, а идти от детального анализа

творчества отдельных авторов (Теперь на очереди А. Белый). Я во многом согласна с Вашим мнением об отношении Блока к Вл. Соловьеву². Думаю, однако, что после второго прихода (с 1909 г.) Блок все же дальше от Вл. Соловьева, чем в молодости; общность касается теперь основных вопросов мироотношения (см. концовку моей статьи в 1 Блоковском сборнике) и не распространяется на нюансы (нет перечитыванья, живого интереса к текстам Соловьева etc; много коренных отличий и т. д.).

Я не очень согласна с Вашей мыслью о «нереализме» Блока. Конечно, он — не реалист, «об чем разговор»! Но метод зрелого Блока — поэта претендует на абсолютный универсализм (на пантеизм), на снятие оппозиции «романтизм — реализм», на свободное синтезирование разных, — в том числе и тех, которых мы считаем реалистическими, — традиций. Об этом я пишу (что пантеистическое художественное мироощущение допускает и «реалистическое» — не просто как темы земной жизни, но и как, например, вопрос о влиянии среды на человека; вообще, оно допускает любые темы и любые интерпретации как части универсального целого). <...>

Юрий Михайлович очень тяжело болел, но, слава Богу, сегодня выходит из больницы.

С искренним уважением З. Минц

* * *

1. Речь идет о докторской диссертации. Предвидение З. Г. Минц оправдалось.

2. Я написал З. Г. Минц о том, что пора покончить с отношением к символизму как к чему-то порочному, что никакой эволюции Блока от символизма к реализму не было, что вся эволюция Блока проходила в пределах Соловьева и символизма.

№ 3

14/XI 78

Дорогой Вадим Соломонович!

<...> Вы ничего не пишете о себе, а мне интересно, чем Вы занимаетесь и как живете-можете. Мы «экзистуем». Большого сказать о себе не могу: сделал для «Просвещения» школьную биографию Пушкина (полу-

для денег, полу- для души) и две больших статьи о современной риторике (одну совместно с Гаспаровым)¹. О них мне интересно было бы Ваше мнение, есть даже лишние экземпляры, но нет времени их собрать и сложить. Пишу учебник для школы по русской литературе, который должен появиться по-эстонски, и зашиваюсь. Вот захвали бы, докладик какой-нибудь сделали (о том же мифе и о том же Пастернаке) и нас бы послушали... Поклон Вашей супруге. Зара Григорьевна шлет приветы.

Сердечно Ваш Ю. Лотман.

* * *

1. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Пособие для учащихся. Л.: Просвещение, 1981; Лотман Ю. М. Риторика // Труды по знаковым системам. Т. 12. Тарту, 1981. Совместная статья о риторике Ю. М. Лотмана и Б. М. Гаспарова нам не известна.

№ 4

Дорогой Вадим Соломонович!

Я просмотрел диссертацию Людмилы Львовны¹ и нахожу, что она вполне достойна быть представленной к защите. Я читал ее с точки зрения предварительной рецензии и не углублялся в детали, по которым в дальнейшем м. б. и выявятся некоторые возражения. Однако общее впечатление весьма благоприятное. Полагаю, что работу можно представлять к защите.

Прошу передать мои сердечные поздравления к 8 Марта милой Эде Моисеевне².

Искренне Ваш Ю. Лотман.

7/III 80

* * *

1. Людмила Львовна Горелик — моя ученица. защита ее кандидатской диссертации «Рифма в истории русской поэзии: Развитие “смыслового фактора”» состоялась в Тартуском университете 18 сентября 1981. Первым оппонентом выступил Ю. М. Лотман.

2. Эда Моисеевна Береговская — моя жена.

№ 5

<...> Юрий Михайлович читает в этом году очень (по-моему) интересный спецкурс по кружкам и салонам во Франции и в России XVIII — начала XIX вв. Я читаю средней интересности спецкурс «Эволюционные аспекты поэтики Чехова» (средней — потому что времени нет готовиться, но для себя и для будущих работ мне очень он интересен). На Юру ходит «весь Тарту», ко мне — тоже больше народу, чем обычно (а ведь раньше, перед полупустыми аудиториями, Юрий Михайлович порой читал еще более важные вещи — «Евгений Онегин», «История быта» и др.! об этом феномене мы несколько раз говорили и кое-что поняли, но не все)... <...>

*Обнимаю вас! Ваша З. Минц,
16. XII. 81*

№ 6

Дорогой Вадим Соломонович!

С радостью узнал, что ВАК утвердил Горелик. *Finis coronat opus*. Поздравляю и Вас как руководителя. Пользуюсь случаем поблагодарить Вас и Эду Моисеевну за поздравление и царский подарок¹

Очень был бы рад получить от Вас весточку о вашей жизни, о делах Эды Моисеевны² и вообще. Мы с Зарой Григорьевной прихварываем. <...>

Сердечно Ваш Ю. Лотман.

* * *

1. Поздравление и подарок были посланы к шестидесятилетию Ю. М. Лотмана.

2. Имеется в виду мучительный процесс прохождения в ВАКе докторской диссертации моей жены; чиновники этого учреждения препятствовали утверждению вопреки требованиям академиков Д. С. Лихачева (официального оппонента) и Г. В. Степанова (председателя специализированного совета).

№ 7

19.V. 85

Дорогой Вадим Соломонович!

Большое спасибо за письмо (+ стихи Самойлова), а Эду Моисеевну сердечно благодарю за книгу¹. Про-

стите, что не писал — зашился ужасно. Полагаю, что эта открытка лучше всего отражает настоящий момент нашей переписки и настроит Вас на дух всепрощения².
Всегда Ваш Ю. Лотман.

* * *

1. Я прислал, с разрешения автора, неопубликованные стихи Д. С. Самойлова, жена — книгу: Береговская Э. М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск. 1984.

2. На обороте открытки изображен рисунок Пьетро да Кортона «Примирение Иакова с Лаваном» из собрания Эрмитажа.

№ 8

Дорогой Вадим Соломонович!

Я и Зара Григорьевна поздравляем Вас с выходом прекрасной книги¹ и благодарим за ее присылку. Радуюсь за Давида Самойловича. Книга соединяет научную точность с человеческой теплотой.

Очень хорошее сочетание. Поклоны Эде Моисеевне. Ваш Ю. Лотман.

Тарту
 3. VII. 86

* * *

1. Баевский В. С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М.: Советский писатель, 1986.

№ 9

(22 января 1989 по штемпелю Смоленска)

Дорогие Эда Моисеевна и Вадим Соломонович,

Хотя при таком опоздании поздравлять с Новым годом уже как-то странно, но пожелать Вам с детьми и потомками всего, всего самого хорошего в наступившем году все же можно! Вот я и желаю!

У нас было много и хорошего и плохого. Мы с Юрой две недели были в Италии (Венеция — Рим — Барри!). но там же ЮрМих заболел — инфаркт легкого, как выяснилось уже дома! Теперь поправился, но документы на выезд в ФРГ еще не готовы, и поездка все отодвигается..

Другой цикл: у Миши родился пятый (sic!) ребенок — Микаэль (!) <...> Юрий Михайлович кланяется. Мы много работаем, «зашиваемся». надеемся отдохнуть у буржуев (едем оба, но я — как «сопровождающее лицо»!). Всего, всего доброго!

З. Минц.

№ 10

Дорогой Вадим Соломонович!

Очень прошу сказать два слова в итоге конференции — я очень устал.

Ю. Л.¹

* * *

1. Записка, переданная мне во время вечернего заседания 16 декабря 1989 в Тартуском университете на конференции «Великая французская революция и пути русского освободительного движения».

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Русская книга гражданской печати XVIII века в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива

От составителя

Предпринятое в 1962—1967 годах издание сводного каталога русских книг гражданской печати, призванное «<...> удовлетворить давно назревшую потребность в капитальной научной библиографии русской книги XVIII в.» (Сводный каталог 1962—1967, 1: 3), основывалось на фондах пяти крупнейших библиотек: ГБЛ, ГПБ, БАН, ГПИБ, НБГ МГУ. В работе над пополнением «Сводного каталога...» участвовали несколько десятков республиканских, краевых, академических, музейных и иных библиотек (Сводный каталог 1975), однако и он не исчерпал всех возможных источников сведений о наличии в российских библиотеках изданий XVIII века. В названных библиографических указателях, как и в указателе изданий гражданской печати за 1708 — январь 1725 г. (Быкова, Гуревич 1955) не были учтены, в частности, издания XVIII века из фондов научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива — одной из старейших российских библиотек.

Возникновение библиотеки связано с созданием в 1796 г. Комиссии для составления законов, а дальнейший рост — с историей учреждений, при которых она состояла: Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии (1826—1882 гг.), Кодификационного отдела

Государственного совета (1882—1893 гг.), Государственного совета (1894—1917 гг.), Кодификационного отдела при правительствующем Сенате (сентябрь—декабрь 1917), Народного комиссариата юстиции (с декабря 1917 по май 1918 г.) и архивных учреждений (с июня 1918 г. по настоящее время).

В основе фондов лежат законодательные материалы по отечественному и иностранному праву. Приобретались книги, необходимые для работы вышеперечисленных учреждений, путем покупки, выписки, получения в дар, обмена на отечественные правительственные издания (Полное собрание законов, Свод законов и т. п.).

После июня 1918 г. библиотека перешла в ведение Главного управления архивным делом, подчинявшегося Народному комиссариату просвещения. Специальным декретом правительства от 17 июля 1918 г. библиотеки правительственных учреждений и организаций должны были состоять под охраной и на учете Народного комиссариата просвещения. К этому периоду относится организация Центральной для всех архивных учреждений Петрограда библиотеки исторических знаний и сравнительного правоведения, которая впоследствии слилась с библиотекой сравнительного законоведения (бывшей Госсовета) и составила основной фонд библиотеки Российского Государственного Исторического Архива.

Кроме Центральной библиотеки, был организован Центральный книжный склад, куда перевозились ведомственные библиотеки и откуда печатные издания распределялись между архивными отделениями.

Осенью 1920 г. библиотека бывшего Госсовета была переведена из занимаемого ею помещения на Литейном проспекте в здание бывшего Сената. Книжные фонды библиотеки продолжали пополняться. Из частных библиотек А. К. Вульфберта и В. Д. Набокова поступили книги по юридическим наукам, Г. И. Черткова и С. С. Гагарина — по истории. В нее влились также книжные собрания упраздненных учреждений бывшего министерства юстиции, редакции «Журнала министерства юстиции», Земского отдела МВД, гражданского и уголовного департамента Сената. В 1922 г. поступила коллекция печатных записок Э. В. Фриша (председателя департамента законов Госсовета) по проектам различ-

ных законов, в 30-е годы — книги из департамента герольдии Сената.

В составе фондов книгохранилища находятся книги из библиотеки бывшего Синода и подведомственных ему учреждений, библиотеки ряда министерств: народного просвещения, путей сообщения, финансов, а также петербургского сенатского архива, Собственной е. и. в. канцелярии и др. учреждений.

Библиотека пополняется современными изданиями, соответствующими хранящимся в архиве документальным материалам.

Основную ценность фондов библиотеки составляют издания государственных учреждений и организаций России преимущественно второй половины XIX в. Кроме литературы по истории и историческим дисциплинам, значительное место занимают издания по экономическим, юридическим наукам, религии, народному просвещению, а среди технических дисциплин — железнодорожному транспорту.

Широко представлена справочная литература по истории дореволюционной России: различные энциклопедии, словари, географические, статистические, биографические справочники, библиографические указатели, печатные описи и издания ведомственных архивов, генеалогические материалы.

В библиотеке имеется небольшая коллекция старопечатных изданий: книги, отпечатанные кириллицей (XVI—XVII вв.); книги гражданской печати XVIII в. Проводится выявление книг первой четверти XIX в.

Коллекция книг гражданской печати XVIII в. научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива насчитывает свыше 600 единиц хранения. В основном это издания второй половины века, семь книг изданы до 1725 года. Тематика их разнообразна: материалы законодательного характера, сочинения известных историков, юристов, литераторов, книги видных издателей, справочная литература.

Все издания сверены с соответствующими описаниями в ранее вышедших библиографических указателях книг XVIII в. и выполнены по правилам, принятым в них. Описания книг даются в хронологическом порядке, а в пределах одного года в алфавитном.

Книги, изданные без указания года, будут представлены отдельным списком.

В заключение будет дан указатель имен авторов и заглавий.

*Е. К. Авраменко
С.-Петербург*

Библиография

Быкова, Гуревич 1955 — Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955.

Сводный каталог 1962—1967 — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 1—5. М., 1962—1967.

Сводный каталог 1975 — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975.

Книги до 1725 г.

1719

1. Книга устав воинский о должности генералов, фелт маршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно. Купно при сем артикул воинский и с процессом надлежащим к судящим, и эксерцициею, о церемониях и о должностях воинским людям надлежащих. [Напечатана повелением царского величества в санктпетербургской типографии, лета господня 1719, октября в 29 день].

1, 101, 6, 78, 6, 36, 1 с.

Конволют.

1720

2. Книга устав морской, о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Напечатана повелением царского величества в санктпетербургской типографии лета господня 1720, апреля в 13 день.

1, 9, 6, 162 с., 163—402 л., 403—432, 14 с., 1 л. Гравюра.

Конволют.

1722

3. *Орбини Мавро*. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, И их Царей и Владетелей под многими именами, и со многими Царствиями, Королевствами, и Провинциями. Собрана из многих книг Исторических, через господина Мавроурбина Архимандрита Рогужского. В которой описуется початие, и дела всех народов, бывших языка славенского, и единого отечества, хотя ныне во многих Царствиях рассеялись через многие войны, которые имели в Европе, во Азии, и во Африке... переведена со италианского на российский язык, и напечатана повелением и во время счастливого владения Петра Великого императора и самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая. В Санктпетербургской типографии, 1722 г., августа в 20 день. Спб., 1722.

13, 335, 11 с.

4. Правда воли монаршей. Во определении наследника державы своеи: Уставом державнейшего государя нашего Петра Великого отца отечества императора и самодержца Всероссийского и прочая и прочая, и прочая. Сего 1722 году, февраля в 11 день. Публикованым утверждена и Всенародною присягою свидетельствована. Зде пространнее, простосердечных ради, но мало ведущих человек показуется. Напечатана в Московскои типографии, лета господня, 1722, августа в 7 день.

Загл. л., 3 лл., 59 с.

Авт. Феофан Прокопович.

5. Книга система или состояние мухаммеданскія религии. напечатана повелениемъ его величества Петра Великаго імператора и самодержца всероссійского. Въ тупографіи царствующаго санктъпѣтербурха. Лета 1722, декабрь въ 22 день.

2, 5, 12, 8, 379 с., Грав. 1 л.

Авт. Дмитрий Кантемир.

1724

6. /Его императорского величества всемилостивый регламент, и устав. По которому все вышнего и нижнего чина персоны, как подданные, так и иностранные,

а наипаче купцы корабельщики, которые в сее государство приезжают, и отъезжают все послушнво поступать имеют./ Петр. Января 31 дня, 1724 года. Печатано в Санкт-петербурге при Сенате. 1724 году, Марта 13 дня.

16 с.

Конволют. Экз. деф. отсут. с. 1—5.

7. Тариф Санктпетербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского, портов. Печатано в Санктпетербурге при Сенате. 1724 году, марта 26 дня.

34 с.

Конволют.

Книги 1725—1800 гг.

1725

8. ...Генеральный регламент или Устав. По которому государственные коллегии, також и все оных прина/д/лежащих к ним канцеляреи, и кантор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. М, /Синодальная тип./, 1725, марта в 20 день.

3, 40 с.

1728

9. 1727 года. Блаженные и вечнодостойные памяти е. и. в., Екатерины Алексеевны, состоявшиеся указы по кончину ее величества. Такожде манифест о принятии российского престола, всепресветлейшего державнейшего великого государя Петра Алексеевича Второго, императора и самодержца Всероссийского, и присяга в верной службе его Величеству, и публичные ж указы по нынешней 728 год.

Спб., напеч. при Сенате, 1728.

2, 53 с.

10. 1727 года. Блаженной и вечнодостойной памяти е. и. в. Екатерины Алексеевны, состоявшиеся указы по кончину ее величества. Такожде Манифест о принятии российского престола... государя Петра Алексеевича Второго, имп. и самодержца Всероссийского, и присяга

в верной службе его величеству, и публичные ж указы по нынешней 728 год. Спб., напеч. при Сенате, 1728. 2, 58, 2 с.
Конволют.

11. ...Указы и уставы, состоявшиеся в Верховном тайном совете, по доношениям Комиссии о коммерции, 1727 г. Собраны для сообщения впредь с выдаваемыми такимиж указами, и уставами, и напоследок ко внесению в Генеральной пошлиной и купеческой уставы. Спб., напеч. при Сенате, 1728. Окончено печатью марта 20 дня.

/2/, 1—33, /1/, 34—53 с.

Конволют.

1729

12. ... Указы 1728 года состоявшиеся в Верховном тайном совете, такожде из Сената посланные. Некоторые опубликованны. В народ, а другие разосланы во все губернии и провинции, да бы о таких указах в надлежащих местах к решениям и справкам, скорой в одной книге прииск, или известие было. При Сенате собраны и напечатаны 1728.

/Спб., Сенатская тип. 1729/

/2/, 2, 110 с.

3 экз.

1733

13. Инструкция Генеральной счатной комиссии. /Утверждена/ Мая 7 дня, 1733 года. Спб., тип. Акад. наук, мая 29 дня 1733

6 с.

1735

14. ... Генеральный регламент или Устав. По которому государственные коллегии, також и все оных прина/д/лежащих к ним канцеляреи, и кантор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. /3-м тиснением/. Спб., печ. при Имп. Акад. наук, 1735.

41, /3/ с. Без тит. л.

Конволют.

1737

15. Копии с указов блаженныя и вечнодостоинныя памяти, е. и. в., Петра Первого, имп. и самодержца всероссийского в 1722 году состоявшихся. А ныне по указу е. и. в., государыни имп. Анны Иоанновны... напечатаны. Спб., при имп. Академии наук, 1737.

/2/, 205, /8/ с, 1 л. табл.

Конволют.

16. Уложение по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении е. в. государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. Изд. 2-м тиснением. /Спб., при имп. Академии наук, 1737/.

2, 248, 42, 2 с.

2 экз. (один — дефектный).

1738

17. Копии с указов, блаженныя и вечнодостоинныя памяти, е. и. в., Петра Первого, имп. и самодержца всероссийского, с 1714 по 1722 год состоявшихся. А ныне по указу е. и. в. государыни имп. Анны Иоанновны... напечатаны. Спб., при имп. Акад. наук, 1738.

/2/, 385, /7/ с., фронт. (портр).

Конволют.

2 экз.

18. Копии с указов, блаженныя и вечнодостоинныя памяти, е. и. в., Петра Первого, имп. и самодержца всероссийского на 1723: год состоявшихся. А ныне по указу е. и. в., государыни имп. Анны Иоанновны... напечатаны. Спб., при Имп. Акад. наук, 1738.

/3/, 1—160, 12, 161—185 с.

Конволют.

1739

19. /Берг-регламент. Утвержден/. /Марта 3 дня 1739 г./ Б. м. и г.

19 с.

Конволют.

20. Указы блаженныя и вечнодостоинныя памяти государя имп. Петра Великого самодержца всероссийска-

го. Состоявшиеся с 1714, по кончину его имп. величества, генваря по 28 число, 1725 году. Напечатаны по указу... имп. Анны Иоанновны... Спб., при Имп. Акад. наук, 1739.

2, 1—385, 1—205, 1—160, 12, 161—185, 1—214, 1—34, 1 с.; фронт. (портр.), 1 л. черт.

Издат. конволют.,

2 экз.

21. /Указы блаженные и вечнодостоинья памяти государя имп. Петра Великого самодержца всероссийского. Состоявшиеся с 1714 по кончину е. и. в. генваря по 28 число 1725 году. Напечатаны по указу... имп. Анны Иоанновны... Спб., при имп. Акад. наук, 1739/.

9—942, 942—1021.

Экз. дефектн.

1743

22. Указы блаженные и вечнодостоинья памяти... имп. Екатерины Алексиевны и государя имп. Петра Второго состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу... имп. Елисаветы Петровны... Спб., при Имп. Акад. наук, 1743.

2, 1—364, 357—530 с.; 2 л. портр., 7 л. схем.

2 экз. (один — дефектный).

1744

23. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного шествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования е. а. и. в. всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елизаветы Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть шествии 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года.

Спб., Тип. имп. Академии наук, 1744.

168 с., 52 с. черт.

24. Сводный судебник учиненный по указу е. в. государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца в лето от сотворения мира. Напечатан 1-м тиснением. /Спб./, при Сенате, 1744.

/6/, 67 с.

1745

25. Атлас российский, состоявший из девятнадцати специальных карт, представляющих всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною при том генеральною картою великия сел Империи, старанием и трудами имп. Академии наук. Спб., /тип. Акад. наук/, 1745.

2, 11 с.; 19 л. карт.

1746

26. Вексельный устав сочиненный в Комиссии о коммерции указом е. и. в. Петра Второго; напечатан 2-м тиснением. Спб., при Имп. Акад. наук, 1746.

79 с.

27. Придворный календарь на лето от рождества Христова 1747, которое есть простое содержащее 365 дней. Спб., при Имп. Акад. наук, /1746/.

164 с.

1749

28. *Роллен III*. Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках сочиненная чрез г. Роллена бывшего ректора Парижского университета, профессора элоквенции, и прочая. А ныне с французского переведенная чрез Василья Тредиаковского профессора элоквенции и члена Санктпетербургския имп. Академии наук. Т. 1, 5—10. Спб., 1749—1762. 7 т.

Т. 1. 1749. 12, L, 342 с.

Т. 5. 1760. 8, 370 с.

Т. 6. 1760. 10, 412 с.

Т. 7. 1760. 10, 1—64, 57—64, 73—367 с.

Т. 8. 1761. 10, 398 с.

Т. 9. 1761. 10, 342 с.

Т. 10. 1762. 10, 561, 9 с.

1750

29. *Стрёмкрон Нильс Торведсон*. Генеральные и разные специальные карты всего Балтийского моря. С

Финским и Ботническим заливами. С Шкагер раком Категатом и Белтом с истинными их положениями, величиною, мысами, берегами и высотами полюса, при том же с курсами вдоль и поперек моря... /Спб., напеч. при Морской акад., 1750/.

4 с.; 11 л. карт.

1752

330. /Регламент камер-коллегии/ /М. Сенатск. тип./, б. г.

36 с.

не ранее 1752 г.

Конволют.

3 экз.

31. Тариф пошлинной 1752 года, по которому собирать пошлины в казну ее имп. величества с нижепоказанных цен, как в Оренбурге, так и в Троицкой крепости. /Таков состоялся в Правительствующем сенате. Мая 20 дня 1752 года/. /Спб., при Сенате, августа 31 дня 1752/.

20 с.

Конволют.

1753

32. Регламент благочестивейшего государя Петра Великого отца отечества имп. и самодержца всероссийского о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся. В Санктпетербургской типографии печатан. Апреля в 5 день 1722 г. Ныне же е. и. в. государыни имп. Елизаветы Петровны... из Государственных Адмиралтейския коллегии указом, напечатан в Морской академической типографии 1-м тиснением. Марта 9 дня, 1753 г. Ч. /1/—2. /Спб./, /Морск, акад, тип., 1753/.

/Ч. 1/. /2/, 1—36, /2/, 37—170 с., 171—185 л., 10 с. Ч. 2. /2/, 61, 4 с.

33. Штат ее имп. величества Морского шляхетного кадетского корпуса. /Утвержден/ /1752 г. декабря 15 дня/ М., печ. при сенате, августа 13 дня 1753.

17 с.

Конволют.

1754

34. Инструкция как при размежевании во всем государстве земель межевщикам и прочим, до кого сие принадлежит поступать. /Утверждена/ /мая 13 дня 1754 года/. /Спб., при Имп. Акад, наук, июля 7 дня 1754/.

/8/, 62 с.

Конволют.

35. Такса. По которой в портовых и пограничных таможенных с привозных и отвозных товаров, до будущего впредь нового тарифа, при платеже тарифных пошлин надлежит брать с каждого рубля новоположенных ныне по тринадцати копеек. /Утверждена 24 января 1754/ /М., печ. при Сенате, апреля 30 дня 1754/.

/2/, 33 с.

Конволют.

1755

36. /Инструкция Канцелярии конфискации. /Утверждена 27 июня 1730 г./ Б. м. /Не ранее 1755 г./ /11 с.

Конволют.

37. /Таможенный устав 1755 года/. Спб., печ. при Сенате, декабря 1 дня 1755.

3, 22, 4 с.

1757

38. Генеральное учреждение. О ежегодном зборе с государства рекрут, о командировании для приему оных конвоев, и во отвращение всяких при том бесполезностей, о штрафах и наказаниях за вины, кто как в приеме так и в отдаче неистинною поступать будет. Спб., печ. при Сенате, дек. 23 дня 1757.

26 с.

Конволют.

39. *Поп Александр*. Опыт о человеке. Господина Попа. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года /М./, печ. при Имп. Моск. ун-те, 1757.

2, 6, 74 с.; 5 л. илл.

40. *Шувалов Петр Иванович* Каково предложение во учрежденную при дворе ея имп. величества конференцию; от сенатора генерала фельдцейхмейстера ея имп.

величества генерала адъютанта действительного камергера лейб компании под поручика, государственного межевщика и ковалера графа Петра Ивановича Шувалова, о разделении губерний к ежегодному рекрутскому набору на пять частей... Спб., тип. Морск. шляхетн, кад. корпуса, декабря 23 дня 1757.

6 с.

Конволют.

1760

41. *Ломоносов Михаил Васильевич*. Краткий Российский летописец с родословием. Сочинение Михаила Ломоносова. Спб., при Имп. Акад. наук, 1760.

/12/, 75 с.

Экз. деф. Начало см. после с. 54.

42. *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах, о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах македонянах и о греках... Пер. В. Тредиаковским. Т. 5—7, Спб., 1760.

Т. 5. 1760. 8, 370 с.

Т. 6. 1760. 10, 412 с.

Т. 7. 1760. 10, 1—64, 57—64, 73—367 с.

43. ... Учреждение и регламент или Устав Главного магистрата, по которому оной отправлять имеет. Дан в Санктпетербурге генваря 16 дня 1721 года. /М., Сенатская тип./ /1760/.

35, /1/ с.

Без тит. л.

1761

44. Журнал о военных действиях Российской императорской армии, собран из Санктпетербургских ведомостей. Ч. 1—3. Спб., при Сухопутн. шляхетн, кад. корпусе, 1761—1763.

Ч. 1. 1757 и 1758 год. 1761. 1—36, 1—57, 57, 62—67, 65—264, 257—268а. (2 экз.).

Ч. 2. 1759 и 1760 год. 1763. 269 с.

Ч. 3. 1761 год. 1763. 1—104, 107—207 с.

Конволют.

45. Журнал о военных действиях Российской императорской армии, собран из Санктпетербургских ведомостей. Ч. 1. 1757—1758. Спб., 1761.

Разд. паг.

46. Палеографические таблицы почерков с XI по XVIII век (числом 12), принадлежащие к обстоятельному описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Федора Андреевича Толстова. /М., 1761/.

IV с. V табл.

47. *Роллен III*. Римская история от создания Рима до битвы Актийския то есть по окончании республики сочиненная г. Ролленем, преждебывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия, и членом Королевския академии надписей и словесных наук. А с французского переведенная тщанием и трудами Василья ТрEDIAKовского профессора и члена Санктпетербургския имп. Академии наук. Т. 1—5, 7, 10. Спб., /тип. Академии наук/, 1761—1764.

Т. 1. 1761. 12, 32, XLVIII, 338 с.

Т. 2. 1762. 10, 26, XVI, 324 с.

Т. 3. 1762. 12, 36, LIV, 288 с.

Т. 4. 1762. 12, 6, XXVIII, 278 с.

Т. 5. 1763. 14, XXXVI, 355, 2 с.

Т. 7. 1763. 12, LII, 328, 2 с.

Т. 10. 1764. 16, XVI, 304 с.

1762

48. *Крафт Георг Вольфганг*. Краткое руководство к теоретической геометрии в пользу учащегося в гимназии при имп. Академии наук российского юношества, сочинено той же Академии наук членом Георвом /!/ Волфгангом Крафтом, и переведено с немецкого языка Иваном Голубцовым. Изд. 2-е. Спб., при имп. Акад. наук, 1762.

2, 268 с.; 18 л. черт.

49. *Ксенофонт*. Ксенофонта о достопамятных делах и разговорах Сократовых четыре книги и оправдание Сократово перед судиями, переведенныя с греческого

языка надворным советником Григорием Полетикою. Спб., при Имп. Акад. наук, 1762.

14, 420, 1 с.

1763

50. Санктпетербургский календарь на лето от рождества христова 1764, которое есть високосное, содержащее в себе 366 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи. Спб., при Имп. Акад. наук, /1763/.

127 с.

51. /Священная история Ветхаго и Новаго завета с выбранными от святых отцев истолкованиями исправлению нравов каждого христианина полезнейшими. С греческого на российский язык Святейшаго правительствующего синода обер-секретарем Стефаном Писаревым переведенная, и с дозволения тогож Святейшаго синода напечатанная. Спб., при имп. Акад. наук, 1763./

20, 383 с.

52. Устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. Напечатан. По указу Государственной адмиралтейской коллегии в типографии морского шляхетского кадетского корпуса, 3-м тиснением. Спб., /тип. Морск, шляхетн. кад. корп./, 1763.

2, 1—15, 1—159 с. 160—167 с. 1, 169—212, 1—30 с. 2 л. илл.

53. Штаты гражданские. /Спб., Сенатская тип., 1763/.

4, 64 с.

Конволют.

54. Штаты гражданские. /Спб., печ. при Сенате, Декабря 16 дня 1763./

49 с.

/Конволют/.

1764

55. Новаго вояжирова лексикона на французском, немецком, латинском и российском языках, часть вто-

рая с литеры G до конца алфавита. — Спб., при Имп. Акад. наук, 1764.

2, 1—832, 893—940, 881—1282 с.

56. Регламент Благочестивейшего государя Петра Великого отца отечества имп. и самодержца Всероссийского о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при адмиралтействе обретающихся. Напечатан по указу Государственной Адмиралтейской Коллегии в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса 2-м тиснением 1764 года /Ч. 1/. Спб., тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1764.

/Ч. 1/. 2, 202, 13 с.

57. /Штаты духовные/. Спб., печ. при Сенате, февраля 29 дня 1764.

1—6, 9—120 с.

2 экз.

1765

58. *Бецкой Иван Иванович*. Учреждение особого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетних девушек. /Конфирмовано/ /января 31 дня 1765 года/. /Спб., Сенатская тип., 1765/.

3 с.

Конволют.

59. Инструкция Слободской губернии губернатору с губернской и провинциальными канцеляриями. /Спб., печ. при Сенате, июля 6 дня 1765/.

12 с.

Конволют.

60. ... Служба святому великомученику Евстафию ... /М., Синод. тип. 1765/.

126 л.

Без тит. л. и обл.

61. /Указы... имп., Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся с благополучнейшего вступления ее имп. величества на всероссийский

императорский престол, с 28 июня 1762 по 1763 год /Спб./, Сенатская тип., 1765. 282 с.

Без тит. л.

62. /Устав о винокурении/. Спб., печ. При сенате августа 9 дня 1765 года.

15 с.

Конволют.

63. Стат канцелярии Правительствующего сената Межевой экспедиции, Губернской межевой канцелярии, провинциальным конторам и землемерам ныне на первый случай. /Утвержден/ В Санктпетербурге 31 декабря 1765 года. Б. м. и г.

5 с.

Конволют.

64. Штат Канцелярии Новороссийской губернии. /Спб., Сенатская тип., 1765/.

/8/ с.

Конволют.

2 экз.

1766

65. /Бецкой И. И./ Устав Имп. Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. дан в Санктпетербурге сентября 11 дня, 1766 г. /Спб., Сенатская тип. 1766/.

/3/, 24 с.

Конволют.

66. /Бецкой И. И./ Рассуждения служащая руководством к новому установлению Шляхетного кадетского корпуса, сколько принадлежит до воинской части оног. /Спб./, /печ. при Сенате, сентября 30 дня 1766/.

25 с.

Без тит. л.

Конволют.

67. Генеральное учреждение. О зборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступить будет.

Конфирмовано 29 сентября 1766 года. /Спб./, печ. при Сенате октября 24 дня 1766.

22 с.

Без тит. л.

68. Две части. Из Наставления, данного Правительствующим сенатом из Межевой экспедиции землемерам об общей методе государственного межевания и о прочем, вследствие изданных межевых инструкций, принадлежащих не одним только землемерам но ко общему всех владельцев и поселян сведению и исполнению. /Спб., Сенатская тип., 1766/

38, /2/ с.

Конволют.

69. Инструкция всем магистратам данная в 1724 году из Главного магистрата. /М., Сенатская тип., 1766/

8 с.

Экз. дефектн. (должно быть 16 с.)

70. Инструкция землемерам к генеральному всей Империи нашей земель размежеванию. /Спб., печ. при Сенате, февраля 13 дня 1766/.

36, /7/ с.

Конволют.

71. Инструкция конного полку полковнику с приложением форм и табелей конфирмованная от ея имп. Величества 1766 года, генваря 14 дня. — Спб., печ. при Гос. воен. коллегии, 1766.

4, 161 с.

72. Инструкция конного полку полковнику с приложением форм и табелей конфирмованная от ея имп. величества 1766 года, генваря 14 дня. — Спб., при Гос. воен. коллегии, 1766.

4, 152 с.

73. Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам. /Спб., печ. при Сенате мая 25 дня 1766/.

/14/, 104 с.

74. Книга Марсова или Воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски его королевского величества свейского. С первого Санктпетербургского 1713 года издания вторым тиснением напечатанная. Спб., при Морск. шляхетн. кад. корпусе, 1766.

/2/, 193 с., 23 л. план.

75. Рассуждения служащия руководством к новому установлению Шляхетного кадетского корпуса, сколько принадлежит до воинской части /Спб./, печ. при Сенате, 1766.

25 с.

Без тит. л.

Конволют.

76. ... Регламент о управлении адмиралтейств и флотов. Дан в Сарском селе августа 24 дня 1765. А благополучнаго государствования ея имп. величества четвертого года. Ч. 1. Спб., печ. при Морск. шляхетн. кад. корпусе, 1766.

Ч. 1. Содержащая должности Государственной Адмиралтейств коллегии ея экспедиций и всех находящихся при Адмиралтействе чинов.

17, 151 с.

77. Устав Имп. Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. /Дан в Санктпетербурге сентября 11 дня, 1766 г./ Спб. [Сенатская тип.]. 1766.

/3/, 24 с.

Конволют.

(Продолжение следует)

РЕЦЕНЗИИ

«Филологические записки»: эпоха возрождения

Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Выпуск I. Воронеж, 1993. 231 с. Тираж 500 экз.

В 1860 году в Воронеже вышел первый номер первого в России частного филологического журнала. Это были «Филологические записки» А. А. Хованского. После его смерти (в 1899 г.) издание продолжали наследницы и журнал продержался до 1917 года.

«Филологические записки» были изданием незаурядным. Провинциальный журнал, в котором не считали для себя зазорным печататься Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот, Александр Н. Веселовский и А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ и О. Ф. Миллер, конечно же, был явлением выдающимся.

И вот, несмотря на все трудности подобного предприятия в наши дни, усилиями О. Г. Ласунского это издание возобновлено. Сразу отмечу: первый выпуск нео-«Филологических записок» производит крайне благоприятное впечатление. Это — не бездумное копирование знаменитого пращура, а тактичное возобновление его духовных традиций в новых обстоятельствах — на исходе XX века.

Сборник открывается предисловием «От редколлегии», из которого видно, что «Филологические записки» на новом витке — издание, ориентированное на широкий круг читателей. Кроме статей по проблемам литературоведения и языкознания в нем предусмотрены публикации научных и художественных текстов, био-

графических документов, писем и мн. др., а также найдет отражение активная научная жизнь региона (отчеты о конференциях, научных чтениях, заседаниях, будут отмечаться юбилеи ученых и т.п.). Судя по рецензируемому сборнику, в нем будут также помещаться списки публикаций сотрудников филфака Воронежского университета и перечни диссертаций, в нем защищенных (кстати, заметим, что данный сборник посвящен 75-летию ВГУ).

Приведу перечень разделов, который, видимо, сохранится и впредь: «О главном: проблемы теории», «Литература в движении эпох», «Жизнь языка», «Из минувшего: публикации, воспоминания, сообщения», «Учителю словесности», «Наши утраты», «В мире книг», «Факты, события, имена». Структура, на мой взгляд, не вызывает возражений. Однако позволю себе рекомендовать, во-первых, переформулировать заглавие раздела «Учителю словесности» (поскольку адресаты поименованы в аннотации) и, во-вторых, ввести разделы «Переписка А. А. Хованского» (имеются в виду его мастиные корреспонденты и адресаты) и «Мелкие сообщения» («Заметки. Уточнения» — на выбор), поскольку в последний из принятых разделов («Факты, события, имена») комментаторский материал, который я имею в виду, явно не вписывается.

Не ставя своей задачей полный библиографический обзор первого выпуска, остановлюсь на наиболее существенных публикациях. Прежде всего, это статьи зарубежных славистов: Витторио Страда «Словесность и политика» (в авторизованном переводе с итальянского В. Т. Титова), которая могла бы появиться и в «Вопросах философии» как факт современной эстетической мысли; Вольфганга Казака «Три волны русской писательской эмиграции в Германии и их влияние на немецкую культуру» (перевод проф. А. Б. Ботниковой); Эрнста Труммера «Поэт переводит поэта (Осип Мандельштам в переводе Пауля Целана)».

Из работ русских авторов прежде всего следует выделить блок материалов, связанных с именем выдающегося фольклориста П. Г. Богатырева: публикацию его писем к М. К. Азадовскому (удачная работа аспирантки ИМЛИ С. П. Сорокиной), воспоминания о нем проф.

А. Б. Ботниковой и — подобно капле дегтя в бочке меда — заметку Н. М. Федосовой о нескольких (случайно взятых) книгах из большой библиотеки учёного и переводчика. Хочется надеяться, что обстоятельное описание (или, еще лучше, каталог) книжного собрания П. Г. Богатырева будет подготовлено к печати и увидит свет.

Прекрасное впечатление производят две работы, связанные с Анной Ахматовой — воспоминания Э. Г. Герштейн и академическая (по стилю) публикация А. С. Крюкова двух писем Б. М. Эйхенбаума и Ю. П. Анненкова (из Рукописного отдела Российской национальной библиотеки). Публикация тем более ценная, что письмо Ю. П. Анненкова (27 августа 1961 г.) содержит автобиографические сведения.

Из других материалов сборника следует выделить статьи Е. Г. Мущенко «“Живая жизнь” как эстетическая универсалия Серебряного века», А. А. Фаустова «К литературному генезису термина “лишний человек”», статьи о Бунине В. М. Акаткина («Последние дни России» — об «Окаянных днях») и В. Ш. Кривоноса («Душа города» — о бытописании Ельца), И. Я. Чернухиной «“Инакомерность” логики слова в художественной прозе А. Платонова», наконец, Г. Ф. Ковалева «Загадочный этноним “деремела” (“Слово о полку Игореве”») и Е. И. Нижегородовой «Тайнопись в поэтическом видиостиле М. А. Волошина». Правда, ни одну из них нельзя назвать безупречной, но каждая заслуживает внимания и прочтения.

В целом высоко оценивая сборник, нельзя не посетовать, что в нем наличествует и малозначимая, к тому же устаревшая и опубликованная в сокращении статья австрийской славистки Э. Маркштайн о солженицыновском «Архипелаге...» (представлена на русском языке), и, напротив, отсутствует статья памяти Ю. М. Лотмана (раздел именуется «Наши утраты», но осознавая «Филологические записки», как журнал международный, следовало бы вложить в понятие «наши» не региональный, а корпоративный смысл).

И последнее. Хотелось бы, чтобы в следующих выпусках «шапки» типа «Библиографические ссылки и примечания», «Библиографические ссылки» не имели

места, как и положено в издании уровня, на который небезосновательно и открыто претендует наконец-то возродившийся журнал.

М. Д. Эльзон
С.-Петербург

В приношение Владимиру Федоровичу Маркову.

Культура русского Модернизма.

Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову. Под редакцией Рональда Вроона, Джона Мальмстада.

Москва, «Наука», издательская фирма «Восточная литература», 1993. Тираж 1500 экз.

Владимир Федорович Марков один из интереснейших специалистов по истории русской литературы XX века. Ему принадлежит фундаментальная монография «Русский футуризм: история» (1968), к которой обращалось и обращается уже не одно поколение специалистов, монография о русском имажинизме (1980), книга о поэзии В. Хлебникова (1962), статьи о поэтах Серебряного века — Кузмине, Бальмонте, Вяч. Иванове и многих других, издание сборника «Избранное» А. Крученых и стихотворения никому до этого неизвестного М. Россиянского, комментарии к стихам и прозе Кузмина и поэзии Бальмонта, и многое, многое другое. Все работы Владимира Федоровича, помимо того, что содержат новые факты и свежие мысли, написаны интересно. Уснуть за чтением его трудов невозможно, так как в них находится место забавным деталям, литературной шутке.

Владимир Федорович родился в 1920 г. в Петрограде, учился на романо-германском отделении Университета. В 1937 г. потерял отца и деда. В начале войны пошел на фронт, после ранения попал в плен и был отправлен в Германию. В 1949 г. переехал в Америку,

где вначале работал на цитрусовых плантациях, затем до выхода на пенсию преподавал в различных университетах русскую литературу. Сборник в его честь составлен по случаю 37-летия академической карьеры и 73-х лет со дня рождения ученого. В сборнике представлены работы тридцати двух славистов из Америки, России, Франции, Германии, Израиля, Югославии, Скандинавии (работы написаны либо на английском, либо на русском языке). В предисловии редакторы отмечают, что им особенно приятен факт издания книги в России, поскольку таким образом чествование юбиляра будет происходить на его родине.

Пять статей в сборнике посвящено творчеству В. Хлебникова. В статье Б. Лённквист «К значению дня рождения у авангардных поэтов» рассматривается роль в поэзии Хлебникова восточнославянской богини Моккоши, «низкой» ипостаси мученицы Параскевы, в день которой родился поэт. По мнению Лённквист, с Моккошью связаны зрительные образы Хлебникова, в частности, к этой богине восходит семантический комплекс *русалка — вода — глаза*, связанный также с ткачеством и вышиванием. Эта двуединая святая является общим источником вышеназванных хлебниковских мифологем. В статье подчеркивается, что мифологизация собственного начала, т. е. дня рождения, является неотъемлемой частью авангардной поэтики, вытекающей из присущего ей требования абсолютной новизны.

Остальные четыре хлебниковедческих статьи посвящены анализу конкретных поэтических текстов и выявлению их источников. Хенрик Баран в статье «Новый взгляд на стихотворение Хлебникова “О, черви земляные...”»: контекст и источники» обращается к рассмотрению текста, которому ранее посвятил работу «О любовной лирике Хлебникова. Анализ “О, черви земляные”» (1983). В ней доказывалось, что ключом к интерпретации текста являлся магический ритуал, восходящий как к фольклору, так и к реальностям этномедицины и этноботаники. Вернуться к рассмотрению поэтического текста автора побудила обнаруженная им в петербургской Библиотеке Академии наук редкая книга французского оккультиста Поля Седира «Магические растения. Оккультная ботаника», переведенная в

1912 г. на русский язык А.В. Трояновским. Сопоставляя текст стихотворения с помещенным в книге «Ботаническим словарем», Баран убедительно доказывает, что Хлебников был знаком с этим трудом, возможно, явившимся главным источником стихотворения. Р. Вроон в статье «“Кузнечик” Велемира Хлебникова и искусство вербального удвоения» выделяет три типа «сумеречного смысла» или «двойного значения» слов. К первому он относит архаическое или диалектическое значение, а также значение, присущее другому славянскому языку. Второй тип восходит к лингвистическим теориям и идиолекту Хлебникова. И, наконец, третий тип, который особенно интересует Вроона, присутствует в языке в скрытом состоянии и реализуется только по прошествии времени. Об этом типе «секретного» значения сам Хлебников писал в 1919 г. в эссе «Своеси». Именно этот, непроявленный смысл исследователь находит в стихотворении «Кузнечик», связывая его с темой Разина в поэзии Хлебникова.

Статья Д. Уорта «Некоторые древнерусские глоссы в стихотворении Хлебникова “Усадьба ночью, чингисхань!”» посвящена вопросу влияния на Хлебникова таких памятников древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». Автор считает, что Хлебников не столько заимствует из древнерусской словесности, сколько творит ее заново. Сопоставляя текст стихотворения с текстом «Сказания о Мамаевом побоище», Уорт делает попытку дешифровки некоторых хлебниковских строк, в частности, по его мнению, имена Мама и Батыя, упомянутые Хлебниковым, предполагают зеркальную симметрию сражений 1185 и 1380 гг., в первом из которых русские, несмотря на проявленную в начале битвы инициативу, проиграли бой, а во втором внезапное появление из леса резервных войск спасло русскую дружину от казалось бы неминуемого поражения. По мнению ученого, не исключена возможность знакомства Хлебникова с изданием «Сказания о Мамаевом побоище» С. Шамбинаго (СПБ, 1907) и влияния иллюстраций, помещенных в этом издании, на последние строчки стихотворения.

Этому же стихотворению, точнее одной строчке из

него «Ты, ночью, облако, роопсь», посвящена заметка А. Флакера «Разгадка Ропса». Ученый предполагает, что источником знакомства Хлебникова с творчеством бельгийского художника Ф. Ропса, производным от фамилии которого стал неологизм «роопсь», послужила статья известного в начале века в России критика Я.А. Тугенхольда «Художественная культура Бельгии», опубликованная осенью 1914 г в журнале «Северные записки». В этой статье, явившейся откликом на вторжение немцев в нейтральную Бельгию, Ропс рассматривается в первую очередь, как выразитель народного духа Фландрии. В таком же ключе имя Ропса названо в стихотворении Хлебникова, соседствуя рядом с именем автора «Ужасов войны» Гойи. Одновременно в стихотворении содержится аллюзия и на эротическую графику бельгийского художника. Флакер отмечает, что имена Ропса и Гойи связаны с контекстом «сложившегося содружества русской авангардной поэзии с живописью».

Этому соотношению посвящена статья Ж. К. Маркаде «Взаимоотношения поэзии и живописи в “Полутораглазом стрельце” Б. К. Лившица». Мемуарную книгу Лившица ученый называет незаменимым источником изучения культурной жизни России в период между 1911 и 1914 гг., несмотря на субъективность и пристрастность оценок отдельных деятелей культуры, в ней содержащихся. Анализируя высказывания Лившица о живописи и поэзии, Маркаде приходит к выводу о пессимизме автора «Полуторгалазого стрельца», выразившемся в опасениях об опасности подражания одного искусства другому, частично основанных на относительной неудаче идей симультанности. Такую позицию Маркаде объясняет следствием максимализма автора мемуаров.

Дж. Е. Мальмстад публикует в сборнике забытые и частично неизвестные прежде теоретические материалы деятелей русского авангарда, сопровождая их своими комментариями. В том числе впервые на русском языке в сборнике напечатано полностью хранящееся в архиве Третьяковской галереи письмо П. Филонова к Н. Матюшину (1914 г.), в котором художник излагает принципы своего искусства, названного им «двойным натурализмом», и приглашает Матюшина вместе с

К. Малевичем создать центр нового искусства. Впервые публикуется Мальмстадом по рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ, манифест творческого бюро ничевоков. Отметим, что помимо названного в примечаниях сборника «Забытый авангард», материалы об этой группе в последние годы появились в статьях А. Никитаева «“Ничевоки”: материалы к истории и библиографии» (Журнал «De visu» № 0, 1992) и «Введение в Собачий ящик. Дадаисты на русской почве» (сборник «Искусство авангарда — язык мирового общения». Уфа. 1993). Впервые публикуются и тезисы доклада А. Туфанова из архива И. Ивич-Бернштейна. Эти тезисы интересно сопоставить с письмом А. Туфанова «Заумный орден», напечатанным в сб.: А. Туфанов. Ушкуиники (Berkeley, 1991). По рукописи, хранящейся в архиве Д. Бурлюка, Мальмстад напечатал воспоминания-манифест В. Каменского «Из истории русского футуризма». Заметим, что идентичный напечатанному рукописный текст с любопытной авторской правкой хранится в Рукописном отделе РГБ (бывшей Ленинской) в Москве в фонде А. Шемшурина. К рукописи приложено письмо В. Каменского, в котором, в частности, говорится: «Вот вам начало моей истории (введение). 1-я часть будет называться **новоля** (новая + воля)».

Влиянию творчества Кнута Гамсуна на членов «Гилей» и в первую очередь на В. Каменского и Е. Гуро посвящена статья Нильса Нильсона «Кнут Гамсун в России. “Землянка” Василия Каменского». Сопоставляя переведенный в 1901 г. роман К. Гамсуна «Пан» с романом В. Каменского «Землянка», автор статьи приходит к выводу, что наряду с другими источниками (Е. Гуро, Ф. Ницше) гамсуновский роман мог послужить моделью для «Землянки» Каменского.

Анна Лаутон в статье «Футуристические корни русского авангардного кино» рассматривает творчество киноноваторов двадцатых годов — Л. Кулешова, Д. Вертова, С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, А. Довженко и ряда других в контексте футуристических исканий десятих годов. Разрушение синтаксиса поэтами-футуристами, художественные эксперименты М. Ларионова, Н. Гончаровой, К. Малевича были сродни эстетическим исканиям молодых кинорежиссеров, «только в словаре

кино это был монтаж». К названным А. Лаутон именам кинорежиссеров, испытавших влияние футуризма, можно добавить имя Н. Шенгелая, начинавшего творческую деятельность с поэтических экспериментов. Став кинорежиссером, он широко использовал ритм в киномонтаже. Вообще же грузинские футуристы, подобно итальянским, ставили кино выше других искусств и призывали перенести в литературу принцип кинематографического изображения.

Проблемы эстетики авангарда затронуты на конкретном примере в статье Е. Эткинда «“Два движения” — две эстетики. Сравнительный анализ». Ученый сопоставляет восьмистишие Мандельштама «Где вырывается из плена» с восьмистишием Н. Заболоцкого «Движение». Несмотря на сходство формы и темы — противопоставление движения и покоя — оба стихотворения, по мысли ученого, представляют две различные эстетики. Стихотворение Мандельштама Эткинд относит к эстетике культурно-исторической традиции, а стихотворение Заболоцкого — к эстетике оголенного слова.

Творчеству Мандельштама в сборнике посвящена фундаментальная статья О. Хансен-Лёве «Санатопэтика Мандельштама». В статье поднимаются такие глобальные для мандельштамоведения проблемы как концепция смерти, слова и памяти в творчестве поэта, отличие мандельштамовской эстетики смерти и — шире — акмеистической от эстетики смерти у футуристов и символистов. Не будучи специалистом по Мандельштаму, не беру на себя смелость комментировать эту монографическую работу, заслуживающую пристального прочтения.

Статья Хенрика Бирнбаума «Параллели и контрасты, следы и эхо: дополнительные замечания о Мандельштаме и Целане» рассказывает о немецком поэте, переводчике Мандельштама Пауле Целане (1920—1970), переводившем как ранние, так и поздние стихи Мандельштама, в том числе и «Грифельную оду». В этих переводах Мандельштам предстает таким же большим, трагическим и сложным поэтом, как и по-русски. Эхо поэзии Мандельштама можно найти в поздней поэзии Целана, в частности, близость образной систе-

мы и стиля, образ камня, интерес к минералологии и кристаллографии.

Вяч. Вс. Иванов («Литературные параллели кавказским стихам Пастернака») отмечает историзм стихов Пастернака о Кавказе, интерес поэта к истории отношений России и Грузии. Наряду с Лермонтовым, носителем романтического взгляда, в стихах о Кавказе тридцатых годов литературным ориентиром поэта становится Л. Толстой, как очевидец и участник русского завоевания. Вяч. Вс. Иванов сопоставляет также стихотворение Пастернака «Вечерело. Повсюду ретиво...» со стихотворением К. Случевского «Коллежские ассесоры» и обнаруживает между ними не только типологическую, но и генетическую связь.

Взаимоотношениям между Пастернаком и Цветаевой посвящена заметка Катерины Тиерман О'Коннор «Рефлексия на генезис корреспонденции Пастернак-Цветаева-Рильке», в которой дается своеобразная интерпретация отношения Пастернака к Цветаевой. По мнению автора, Цветаева, как ««сестра”-“поэт”» и «сестра моя жизнь» противопоставлена Пастернаком его первой жене и Елене Виноград, которой был посвящен сборник «Сестра моя жизнь».

Покойный К.Ф. Тарановский представлен в сборнике статьей «Три весенних дня в русской поэзии начала XX века», в которой проводится сопоставительный анализ стихотворений «Весенний день прошел без дела...» А. Блока, «Весенний день» И. Северянина и «Февраль. Достать чернил и плакать» Б. Пастернака. Все три стихотворения написаны четырехстопным ямбом, четверостишиями с чередующимися женскими и мужскими рифмами. Между первым и вторым стихотворением К. Ф. Тарановский находит лишь тонкую связь, отмечая, что северянинский «Весенний день» представляет собой открытую полемику с блоковским «Весенним днем». В свою очередь пастернаковский «Февраль» связан со стихотворением Северянина не только изображением загородной весны, но и прямыми реминисценциями. На основе анализа одного из самых ранних стихотворений Пастернака ученый делает ряд интересных замечаний о поэтике Пастернака.

Р. Тименчик в статье «Культ Иннокентия Анненско-

го на рубеже 1920 г.» пишет о расширении культа покойного поэта, обрастании легендами его биографии в первую пореволюционную пору, чему способствовало «перемещение носителей литературных мод из двух столиц и на юг России». В частности, Р. Тименчик сообщает малоизвестные подробности о увлечении Анненским в Киеве в 1918—1919 г., в Одессе, о московском объединении «Кифара» имени Иннокентия Анненского, образованном в 1923 г., о влиянии поэта на творчество М. Рыльского, Н. Ушакова, Ю. Терапиано.

Различным аспектам творчества М. Кузмина посвящены статьи О. Ронена «Символика Михаила Кузмина в связи с его концепцией книги жизни» и Н. Богомолова «Из комментария к стихотворениям М. А. Кузмина». О. Ронена интересует, в частности, символическая функция кузминского «духа мелочей», состоящая по мнению исследователя, в неизменной изменчивости, декларируемой поэтом. То, что может быть символично в быту, в биографии, становится у Кузмина поэтическим символом, проецирующимся на две плоскости — метабиографическую и метапоэтическую, устремленную в прошлое. К символам первого типа О. Ронен относит, в частности, сувениры, фетиши, дорогие имена, а к символам второго типа, ориентированным на будущее — приметы и предзнаменования, воздействие которых на жизнь поэта и читателя непредсказуемо. Важнейшим для понимания главной темы творчества Кузьмина Ронен считает стихотворение о книге жизни «Снова чист передо мною первый лист...», в котором декларируется мысль о поэте — не авторе, но читателе собственной жизни.

Н. Богомолов делает попытку дешифровки двух стихотворений Кузмина начала 20-х гг. — «Адам» из сборника «Нездешние вечера» и «Искусство» из книги «Параболы». Исследователь называет в качестве одного из возможных источников этих загадочных стихов конкретный раздел в опубликованной А.Н. Пыпиным в конце XIX в. рукописи из собрания Публичной Библиотеки «О философических человеках, — что они суть в самом деле и как их рожать». По мнению Н. Богомолова, исходный текст довольно последовательно распределяется между двумя стихотворения-

ми. Вопросы одного стихотворения находят ответы в другом, а оно, в свою очередь, разрешается ассоциациями с первым, таким образом, они образуют своеобразную «двойчатку», замкнутую в себе и обладающую единой семантической системой, связанной с общим источником (с. 46).

Три статьи в сборнике посвящены творчеству и биографии К. Бальмонта. В статье Р. Л. Паттерсона «Были Бальмонт революционером» на материале биографии поэта и его книги «Революционер я или нет» автор пытается выяснить, подходит ли к Бальмонту термин революционер в политическом значении этого слова, и делает вывод, что Бальмонт не был революционером, хотя временами ему очень хотелось бы им быть.

Дж. Черон в статье «Константин Бальмонт и Америка» рассматривает четыре периода связи Бальмонта с Новым Светом. Первый период он относит ко времени обращения Бальмонта к творчеству Э. По, произошедшему посредством переводов Ш. Бодлера, благодаря которым Бальмонт впервые познакомился с творчеством американского писателя. Второй период приходится на 1903-1906 гг., когда Бальмонт переводил «Листья травы» У. Уитмена, повлиявшие на революционную активность русского поэта во время революции 1905 г. Третьим Д. Черон называет визит Бальмонта в Америку летом 1905 г. и заключительным, четвертым — последние годы жизни Бальмонта, когда ему помогала американская благотворительная организация и статьи о его творчестве появились на страницах американской прессы.

Статья Томаса Ээкмана «Рифма как обязательный и эвристический фактор. Славянские переводы Бальмонта» посвящена деятельности Бальмонта как переводчика. Особое внимание автора привлекают переводы Бальмонта из «Дзяд» А. Мицкевича, стихотворения С. Лесмяна «Взмах весел» и сборника стихов чешского поэта Я. Врчлицкого. Автор статьи не согласен с распространенным мнением о вольном обращении Бальмонта с оригинальными текстами. Сопоставляя оригиналы с переводом, он доказывает, что, несмотря на отдельные ляпсусы и вольности, в целом переводы Бальмонта близки к оригиналу как по форме, так и по содержа-

нию. Особо Ээкман останавливается на важной роли рифм как в оригинальном, так и в переводном творчестве Бальмонта. Именно рифмы, по мнению автора статьи, спасали Бальмонта в трудных положениях и вели к открытиям при переводе сложных стихотворных текстов, поскольку качество и верность оригиналу в большой степени зависели у Бальмонта от рифмующихся слов.

Столь актуальному ныне женскому творчеству посвящены статьи Ольги Матич «Зинаида Гиппиус: теория и практика любви» и Дианы Льюис Берджин («Контекст и отражение /реверберация/ путешествия Софии Парнок от “Отчего Порога”: Анализ “Отчего от отчего порога...”»). В первой рассматриваются источники сотворенного Гиппиус мифа утопической любви. Такими источниками автор называет неоплатоническую традицию андрогинной любви, концепцию «нового человека» Чернышевского и «сверхчеловека» Ницше и житнетворчество Гиппиус, выразившееся, в частности, в целибатном замужестве, образец которого был дан в романе Чернышевского «Что делать?» и включении в брачный союз третьего. Отметим аналогичную тягу к включению в супружеский союз третьего у Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал. Напомним также, что теме житнетворчества у символистов посвящены некоторые работы покойной З.Г. Минц.

В статье Берджин дается монографический анализ программного стихотворения Парнок (между прочим, впервые об этом стихотворении было написано в статье: Никольская Т. Творчество С. Парнок // RLA, 1980. № 2-3) Стихотворение разбирается как с формальной стороны, так и в биографическом и историческом контексте. Берджин графически изображает контекст стихотворения в виде серии расширяющихся и углубляющихся концентрических кругов. Особое внимание она обращает на мотив бездомности в творчестве Парнок, справедливо указывая, что за исключением литературной «прабабки» К. Павловой у Парнок не было матери в русской поэтической традиции. Автор статьи рассматривает стихотворение «Отчего от отчего порога...», как историю путешествия

в поисках своего настоящего голоса и дома в отечественной словесности.

Восьмидесятым годам прошлого века, точнее, русской поэзии этого периода посвящены статьи Виллема Вестстейна о соотношении ранней поэзии Ф. Сологуба с магистральной линией поэзии восьмидесятых и статья Эмили Кленин «Фет и поэтическая традиция: анапестический тетраметр в работах Полонского, Фета, Голенищева-Кутузова и Лохвицкой». Автор показывает как связь Фета с младшими современниками отразилась на форме их стихов, в частности, на использовании ими излюбленного Фетом размера — анапестического тетраметра. Написанная этим размером любовная лирика Фета послужила материалом для имитаций Д. Ратгауза и А. Голенищева-Кутузова, в которых метрические аллюзии сочетались с лексическими. Фетовский анапестический тетраметр отразился и в поэзии М. Лохвицкой; ряд стихотворений которой можно рассматривать, как эхо фетовских.

Размер рецензии и количество статей в сборнике не позволяет подробно остановиться на всех работах. Но нельзя не отметить интересную статью Б. М. Гаспарова «Извиняюсь», посвященную истории конфликта Мандельштама с А.Г. Горнфельдом в контексте отношений Мандельштама с ОПОЯЗом, фонетический анализ стихотворения Хлебникова «Бобэоби пелись губы», проделанный М.Л. Шапиром — статья «О звуко-символизме у раннего Хлебникова». Публикации, помимо уже отмеченной нами Мальмстада, дали для сборника Л. Флейшман, впервые напечатавший письмо поэта русского зарубежья Б. Божнева общественной деятельнице Б. Б. Меринг о ситуации в Европе в конце 1935 г. и К. Постоутенко, поместивший выпущенные из посмертного издания «Русского стихосложения» Г. Шенгели (1960) параграфы о семантике метра. Необходимо отметить и две статьи о новейшей поэзии «Моршен после “Эхо и зеркало”» Симона Карлинского и «Новые поэтические измерения в книге Беллы Ахмадулиной “Тайна”» Рошель Стоун. Заключает сборник элегантно-ироничное эссе А. Жолковского «Philosophy of composition (К некоторым аспектам структуры одного

литературного текста)», которое можно рассматривать как самостоятельное художественное произведение.

Заключает любовно собранный и изданный том избранная библиография опубликованных и неопубликованных работ Владимира Федоровича Маркова.

Т. Л. Никольская
С.-Петербург

По ту сторону Элизиума

Андрей Николев (Андрей Н. Егунов). Собрание произведений. Под редакцией Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wiener Slawistischer Almanach. Sonder-band 35. Wien, 1993. 364 стр.

Знавшие А. Н. Егунова в последние его годы, утверждают, что внешним обликом он был похож на старого Боратынского (если вообще возможно представить себе Боратынского старым). Обликом же своей поэзии и прозы Егунов, писавший под псевдонимом Андрей Николев, по утверждению составителей Собрания его произведений, «сигнализировавшем об интересе к сатирической поэтике XVIII века» (С. 35), походил сразу на нескольких русских поэтов первой трети нашего века (М. Кузмина, К. Вагинова, Г. Иванова) и ни на кого из них в отдельности, ибо сохранял отличительной чертой рефлексивную сдержанность интонации и прихотливую сбивчивость слога, слишком выверенного собственной культурной умудренностью, как бы преждевременной старостью, чтобы навязывать себя читателю, и в то же время слишком явно нарушающего все законы и правила «арифметики стиля», чтобы быть по-настоящему простым.

Поэт, прозаик, филолог-классик и тонкий переводчик древнегреческой прозы, участник образовавшегося в 1920-е годы переводческого содружества А. Б. Д. Е. М. [включавшего помимо самого А. Н. Егунова также и других эллинистов — А. В. Болдырева, А. И. Доватура, А. М. Миханкова и Э. Э. Визеля (Mustela)], т. е. поэт (Андрей Николев) и филолог (А. Н. Егунов)

в одном лице, своими художественными текстами А. Н. Егунов-Николев (1896—1968), — без сомнения будет равно важен и интересен и нашему современнику-поэту, и историку русской литературы XX века. Более того, его подспудное влияние и до поры невидимое присутствие в отечественной поэзии проявляется уже сейчас.

I.

Вышедшее под редакцией Г. А. Морева и В. И. Сомсикова приложением к Венскому славистическому альманаху *Собрание произведений А. Н. Егунова* охватывает лишь одну сторону его литературной биографии. В книгу включены фотомеханическое воспроизведение единственной изданной до того книги Николева — романа «По ту сторону Тулы» (1931), две редакции поэмы «Беспредметная юность» (1918-1936), сборник стихов «Елисейские радости» (1929-1966), другие стихотворения и уцелевшие фрагменты, а также очерк С. В. Поляковой «А. Н. Егунов как переводчик древних текстов» и статья Г. А. Морева и В. И. Сомсикова «Андрей Николаевич Егунов: канва жизни и творчества». За пределами собрания, к сожалению, остались замечательные переводы А. Н. Егунова (в том числе относящийся к позднему времени перевод Платонова «Федра»), книга «Гомер в русских переводах XVIII-XIX веков» (М.-Л.: «Наука», 1964), статьи. В Собрании не вошел и предполагавшийся, насколько известно автору этих строк, очерк поэтики Николева. Теперь, когда заканчивается рукописное бытование наследия Андрея Николаевича и впервые осуществлено полное и представительное издание его текстов, настала пора воздать должное кропотливому труду тех, кто готовил их к печати, а также описать основные черты николевской поэтики.

Говоря об особенностях рассматриваемого издания, следует признать, что задача выпустить в свет соответствующий последней авторской воле свод стихов и прозы выполнена составителями вполне; книгу открывает опубликованный роман, далее следуют поэма и книга стихов в их последней авторской редакции, а завершается Собрание случайно сохранившимся ранним вариантом «Беспредметной юности» и не вошед-

шими в «Елисейские радости» стихотворениями. В черед с сопутствовавших биографии А. Н. Егунова арестов, высылка и заключений большинство рукописей было безвозвратно утрачено, а то, что сохранилось, восстанавливалось автором по памяти, следовательно, неизбежно переделывалось, а часто и писалось заново. Дошедшие в единичных случаях оригиналы, либо относящиеся к 1920-м — 1930-м годам копии заметно отличаются стилистически от окончательного текста «Елисейских радостей», как он сложился к 1960-м годам. То же существенное различие видно и при сравнении первой редакции «Беспредметной юности», обнаруженной среди бумаг, проданных Кузминым в Литературный музей (хранители не оценили кузминской шутки и, вопреки всему, при описи архива¹, атрибутировали поэму как текст самого Кузмина), со второй редакцией — фактически новой поэмой, записанной автором по памяти в 1933-1936 годах. Составители Собрания произведений отказались от неисполнимой задачи реконструировать первоначальный текст каждого произведения и взяли за основу позднейшие варианты, все остальные отнеся в разделы дополнений и примечаний. И здесь следует отметить высокий уровень текстологической работы, а также аккуратную взвешенность комментариев Г. А. Морёва, чьи публикации вообще отличаются тщательной выверенностью.

Другим важным достоинством Собрания произведений является первая достаточно подробная биография А. Н. Егунова. Из нее мы, в частности, узнаем, что Егунов родился 26 (14 по ст. ст.) сентября 1895 года в Ашхабаде² в семье кадрового военного. С начала 1900-х годов жизнь его была связана с Петербургом, где в 1913 году он окончил Тенишевское училище, а в 1918 году классическое отделение Университета, успев с декабря 1918 по ноябрь 1919 года проучиться и на славяно-русском отделении. Оставленный при Университете для подготовки к профессорскому званию Егунов, однако, по условиям времени, подобно многим современникам, отказался от академической карьеры, посвятив себя переводам и оригинальным сочинениям. В 1923 году выходит в свет первая его публикация — перевод «Законов» Платона; замыкая кольцо биографии, в 1970-1972 годах, уже посмертно, в составе

Сочинений Платона публикуются его перевод «Государства» и новое издание «Федра» и «Законов». Как участник А. Б. Д. Е. М.'а Егунов переводил также часть текста романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитопонт» (1925) и «Эфиопики» Гелиодора (1932). В 1933 г. он арестован по делу Р. В. Иванова-Разумника и последующие 23 года проходят под знаком ссылок, новых арестов и заключений. В 1941 году Егунов, живущий к этому времени в Новгороде, оказывается в зоне немецкой оккупации, откуда его в качестве «остарбайтера» принудительно вывозят в Германию, в Нейштадт. По окончании войны Егунов, как сообщают составители Собрания произведений, «без колебаний» переезжает в советскую зону оккупации, в Берлин, и теперь путь его — вместе с сотнями тысяч соотечественников — лежит в сибирские и казахстанские ИТЛ. Реабилитированный за 10 дней до окончания лагерного срока, он вернулся в родной его сердцу город и в 1956–1962 году работал в Пушкинском доме. В 1961 году, в подготовленном новгородским знакомым Егунова Б. А. Филипповым сборнике «Советская потаенная муза» (Мюнхен) публикуется единственная прижизненная подборка стихов Андрея Николева. В последнее десятилетие жизни А. Н. Егунов пишет ряд работ, посвященных влиянию античной литературы на отечественную словесность (некоторые из них остались в рукописи), снова переводит, восстанавливает по памяти свой поэтический архив. «Всего сохранилось, — по свидетельству составителей, — около 50 стихотворений (из примерно ста, написанных за всю жизнь)...» (С. 360).

II.

Не касаясь художественной прозы Николева, по большей части утраченной, и говоря лишь о его стихотворном наследии, в поэтике Андрея Николева можно выделить две наиболее существенные тенденции. Одна — построение текста на материале (метрическом, лексическом, образном) чужих стилей и предшествовавших литературных эпох: от преломляемого в философской поэзии 1820-х — 1830-х велеречия русской оды восемнадцатого столетия до Кузмина, Вагинова и современного Николеву городского романса. Другая

тенденция — обращение к подоснове нашего языкового сознания, игра с начальными элементами словесной структуры (фонема, морфема), сведение воедино разведенного историей, напоминающее хлебниковское «корнесловие»: *река-речь*. Наиболее очевидный пример первой тенденции являет приводимое ниже стихотворение:

«О, ангел милый, дорогой,
ты страшных песен сих не пой
и темнотой меня не мучь,
мне этот вечер так тягуч,
и да, и нет — один ответ,
и да, и нет — один конец:
оледенелое окно —
общедоступный леденец.
А был когда-то ранний час,
и были ласковы сугробы,
я шел на рынок, чтоб достать
на три рубля конфеток пять,
о тайнах вечности и гроба
с тобой мы рассуждали оба,
мы их извели в постели
не как-нибудь, а в самом деле,
нет, нет, о милый, дорогой,
не пой, не пой, не пой, не пой!"
Но ангел вьется, ангел вьется,
под потолком крылами бьется,
и с поколебленной им люстры
срывается граненый сгусток,
с прозрачным звоном упадает,
лежит в тарелке и не тает,
семью цветами отливает.
Как это просто, о-ля-ля,
да будет пухом мне земля,
приятен суп из хрустала.

Уже при беглом огляде очевидна сквозная цитатность, если не центонность стихотворения. Г. А. Морев отмечает в комментарии (на с. 347 Собрания произведений) присутствующее в тексте почти дословное заимствование строки («О, страшных песен сих не пой!») из стихотворения Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1830). В действительности число таких заимствований может быть увеличено минимум до трех. Строка о связанных с любовным опытом «тайнах вечности и гроба» являет собой также почти дословную цитату из отброшенного Пушкиным черного оконча-

ния «Воспоминания» (1828), где говорится о «двух призраках», «двух тенях милых», «двух ангелах младых»:

...Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба.
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба
(Пушкин 1977: 417)³.

Еще одна цитата — «общедоступный леденец» мира, видимый сквозь останавливающее время окно искусства — отсылает к строкам из стихотворения Георгия Иванова «А люди? Ну на что мне люди?» (из книги «Портрет без сходства», 1950), с эмигрантской поэзией которого А. Н. Егунов, очевидно, познакомился не позднее, чем в 1940-е годы, во время пребывания в Германии:

Конечно, есть и развлечения:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец
(Иванов 1975: 202)⁴.

Особо отметим объединяющую обе цитаты, как и проходящую сквозной темой в стихах самого Николаева, нерасторжимую связь эроса и смерти.

При желании список цитат можно пополнить отсылкой к образу «спектрального» («радужного») свечения у позднего Кузмина и др. В данном случае важно не число выявленных цитат, а сам принцип цитатного построения поэтического текста, провоцирующий читателя удвоить, утроить и т. д. магическое зеркало искусства обнаружением, может быть, даже и не подразумевавшихся автором отсылок.

Другая тенденция в поэзии Николаева отчетливо представлена в небольшом стихотворении 1933 года:

Жать рожь, жать руку. Жну и жму
язык, как жалкую жену —
простоволосая вульгарна
и с каждым шествует попарно,
отвисли до земли сосцы,
их лижут псицы и песцы... —

Воспоминанье о земле,
о том, как там в постель ложатся,
чтоб приблизительно прижаться.

Весь, так сказать, эффект данного текста заключается в намеренном пренебрежении исторической дивергенцией смыслов и в рядоположении слов по принципу созвучности, либо общности простейших элементов их структуры (фонема, морфема), когда разные актанты (жнец и прижимающий к себе) уже неотделимы друг от друга в общей соотнесенности с денотатами из максимально удаленных семантических рядов (первоначально лишь словами языка: *розьь*, *рука* или *жсена*, аллитерационно выкликаемая из тьмы языкового небытия вербальным перечнем — «жну, жму, жну») — художественный прием, при котором разошедшиеся в современном значении «псица» и «песец» через общность морфологической структуры оказываются женской и мужеской ипостасями одного и того же (как тут не вспомнишь длинного мифологического перечня «из семейства собачьих» — от капитолийской волчицы и рожденного с волчьей шерстью князя Всеслава из «Слова о полку Игореве» до сопутствующих мандельштамовскому волку «голубых песцов» заенисейских просторов!). При таком поэтическом высвечивании морфологической структуры слова и порождении ассоциативных связей через морфологическую общность составляющих элементов добавление префикса к медиальной форме глагола «жать» (жаться) влечет за собой аналогичное приращение в наречии (обстоятельство образа действия), и само действие превращается едва ли не в его противоположность: подлинная близость подменяется туманной приблизительностью. Т. о. все, что относится к разверзающимся в нашей памяти хтоническим глубинам (*О страшных песен сих не пой/Про древний хаос, про родимый!*) — т. е. к зауми нижнего мира, а также к смыкающейся с ней по принципу внеположности нормативному центру языкового сознания зауми верхних, «ангельских» миров (где «тайна вечности» соединена с «тайной гроба»), — все это противостоит в поэтической вселенной Николева *срединному царству* немеханизированной, согретой теплотой человеческого присутствия культуры, царству закрепленных традицией форм, ибо

Природа хороша, но в меру —
всезаглушающие растения,
жесткокрылатые звери
и воздух слишком чистый.

«Беспредметная юность»

И на уровне поэтики, и чисто концептуально мир хранящих память многих времен и жизней «одушевленных предметов и речи неодушевленной» — мир культуры вступает в поэзии Николева в конфликт с беспредметностью стихий бытия. Однако парадокс искусства и культуры как раз и заключается в том, что именно к этой природе — вовне, из кожи искусства и культуры, в мир предметной неоформленности юности и любви («и ряд фигур, тобой волнуем, / рот зажимает поцелуем») и рвется сознание лирического героя; именно поэтому эротическое чувство, прорывающее очерченный круг, оказывается равносильно выходу в инобытие, в смерть:

Друг другу мы становимся легки,
уже не мы, а близнецы иные.

III.

Со слов А. И. Доватура рассказывают следующую историю. А. Н. Егунов, в последние годы тяготившийся самым фактом хождения на службу, неожиданно оставил работу в Пушкинском доме, где его чрезвычайно ценили коллеги. Узнав о случившемся, А. И. Доватур пригласил старого товарища в ресторан, где они провели довольно много времени, после чего произошел такой обмен репликами. «Не правда ли, сегодня был замечательный день?» — «Теперь у меня каждый день будет таким», — отвечал А. Н. Егунов.

Теперь, когда не только существо поэта, давно уже обретшее «наяву осуществленное во сне», но и сама его поэзия наконец отпущена из полунебытия посмертного Элизиума, где не помнят ни себя, ни других, теперь, когда она вступает в область ясного дневного существования, можно с уверенностью и облегчением сказать, что не только день сегодняшней, но и каждый будущий день у нее впереди будет *таким*.

Примечания

¹ Находящегося ныне в РГАЛИ.

² В некрологической статье (Алексеев и др. 1969) в качестве места рождения указана Рига.

³ Если же брать в расчет нерасторжимость эроса и смерти в поэтическом мире Николева, то строка «о тайнах вечности и гроба» поражает прямым совпадением с изменением пушкинской цитаты в написанном в период личного кризиса письме А. Белого к Блоку от 11—14 апреля 1906 г. (Белый 1906), в котором говорится о необходимости «многое из заветного и глубокого выяснить себе — чтобы понять тайны Вечности и Гроба, которые вокруг меня разверзлись».

⁴ Параллелизм отдельных стихов А. Николева по отношению к зрелой поэзии Г. Иванова отмечен и в комментариях к Собранию произведений (с. 274): Г. А. Морев указал на возможный ответ, содержащийся в николевском «Шорохи в ветвях древесных» (1947-1956) на «В шуме ветра, в детском плаче» (1936) Г. Иванова. Вообще же тема *Николев — Г. Иванов* требует к себе пристального внимания, во-первых, как пример сближения двух альтернативных по отношению к «основной линии» русской литературы XX века поэтик, во-вторых — в историко-литературном плане: как случай плодотворного диалога поэзии метрополии и диаспоры..

⁵ См. начало *Восьмого удара* поэмы «Форель разбивает лед» (1927):

На составные части разлагает
Кристалл лучи — и радуга видна,
И зайчики веселые живут.
Чтоб вновь родиться, надо умереть.

⁶ Связанная в контексте стихотворения с памятью всех бывших поколений, с памятью рода, gens; когда «женский» выступает в значении «родовой».

Библиография

Алексеев и др. 1969 — Алексеев М. П., Левин Ю. Д., Полякова С. В. Памяти А. Н. Егунова // Русская литература. 1969. № 1. С. 253-254.

Белый 1906 — Белый А. Письмо А. Блоку от 11-14

апреля 1906 // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 105-106.

Иванов 1975 — Иванов Г. Собрание стихотворений. 1975.

Пушкин 1977 — Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 3. Л., 1977.

И. Вишиневецкий
Провиденс.

Значительное явление литературной библиографии?

История русской литературы XIX — начала XX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. 496 с. Тираж 1500 экз.

Филологи среднего и старшего поколения, конечно же, помнят, какое впечатление произвел выход в свет в 1962—1968 гг. трех монументальных библиографических указателей, явившихся своеобразным дополнением к десяти томной «Истории русской литературы» и почти не отличавшихся от нее по внешнему виду. Это знаменитый двухтомник, выполненный под руководством К. Д. Муратовой большой группой литературоведов (в т. ч. и недавних выпускников вузов), и указатель, подготовленный Ю. В. Стенником и В. П. Степановым под руководством П. Н. Беркова. Библиографический трехтомник, вызвавший справедливые хвалебные отзывы в прессе, на протяжении почти 30 лет верой и правдой служит уже нескольким поколениям исследователей (да и более широкому кругу читателей) и вряд ли утратит свое значение.

Но время шло, накапливалась новая литература, и неизбежно возник вопрос о необходимости продолжить работу. Не стало П. Н. Беркова, обновилась литературоведческие силы — и вот появилась светло-коричневая, большого формата книга (чем-то напоминающая словарь «Русские писатели»), цель которой, как сказано в предисловии «От редактора», «дать избранный свод

наиболее примечательных статей и книг, появившихся в 1960—1968 гг.» (С. 3; регистрация материала в предшествовавших томах по русской литературе XIX—XX вв. была доведена до 1959—1962 гг.; работа над продолжением «берковского» указателя осуществляется в настоящее время под руководством доктора филологических наук Н. Д. Кочетковой Сектором XVIII века ИРЛИ). В отличие от предыдущих томов, персональные «гнезда» здесь отсутствуют; они должны наполнить предполагаемые 2-й и 3-й тома. «При составлении первого тома, — читаем мы в предисловии, — были сохранены выработанные ранее принципы отбора материала и общая структура книги» (С. 3).

Что же получил читатель почти через 30 лет после выхода предыдущих, без преувеличения, настольных книг филолога? Чем русская литературная библиография завершает столетие и едва ли не тысячелетие своего развития?

Большой, почти 40-листовой свод, содержащий около 4 тысяч номеров (формально — 4291, но наличие 79 номеров с буквенными обозначениями «а» и «б» и 49 сдвоенных номеров не позволяет точно назвать действительное число), отражающий не только литературу за 1960—1988 гг., но и за 1989—1990 (см., напр., №№ 3279, 3280) и (случайность?) статью Б. М. Эйхенбаума о Толстом 1959 г. (№ 344), зафиксированную и в предыдущем издании (№ 16086), и даже книги... 1920-х — 1930-х годов (см., напр., №№ 2081, 2092, 2093 и др.). Попутно отмечу, что имеют место и дубли (№№ 25 и 3458, 3670 и 3743; вместо повторения следовало бы дать отсылку), более того, включено... несуществующее издание (книга Э. С. Виленской о Н. К. Михайловском не выходила двумя стереотипными изданиями, в 1970 и 1979 гг., см. №№ 478 и 491, было только одно — 1979 года).

Понимая, что на улучшенное переиздание рассчитывать не приходится, позволю оценить вышедшую книгу так, как она того заслуживает. Конечно, каким бы ни был (качественно) библиографический указатель типа рецензируемого, он «обречен» на долгую, если не вечную, жизнь, поскольку справочники необходимы, а

ничего похожего нет. Но высказаться о качестве, профессионализме работы создателей — рецензент обязан.

Как и предшествующие книги, в создании рецензируемой участвовали профессиональные филологи, до этой работы знакомые с библиографией только как «потребители информации». Это недавние выпускники филфаков Е. Д. Конусова, Г. В. Обатнин, А. В. Островская, И. И. Разова (составительница вспомогательных указателей; ее фамилия должна была быть помещена в траурной рамке), а также автор нескольких статей о катковском «Русском вестнике» Э. Г. Гайнцева. Общее руководство работой, разработка справочного отдела и дополнения к другим разделам осуществлены маститым литературоведом-библиографом, доктором филологических наук, создателем собственной библиографической школы К. Д. Муратовой. Рецензентами рукописи были литературоведы-библиографы А. С. Морщихина и Н. Н. Мостовская.

Как уже отмечалось, рецензируемый указатель построен по некогда выработанной структуре. Но если еще тридцать лет назад, допустим, казались естественными формулировки вводных разделов предыдущих указателей: «Классики марксизма-ленинизма о литературе и искусстве» (1962), «В. И. Ленин о литературе конца XIX — начала XX века» (1962), то в 1993 г. уже поражает заглавие «Литература и искусство в свете марксистско-ленинской методологии» (С. 7) — «лампочка Ильича»-то погасла! Более того, именно в этом, заглавном разделе, вопреки заявленному в предисловии принципу невключения научно-популярной литературы, под № 3 фигурирует изданная обществом «Знание» брошюра К. И. Ровды «Карл Маркс и художественная литература». Но если данный массив явно избыточен, то трудно объяснить пропуски монографий, справочников, статей и рецензий (среди последних оказались публикации... в «Русской литературе!»). Как примеры, назову книги А. В. Блюма «Каратель лжи или книжные приключения барона Мюнхгаузена» (1978 — по разделу взаимосвязей русской и зарубежных литератур), В. Н. Сажина «Книги горькой правды» (1989), справочник Н. И. Мацуева «Русские советские писатели. 1917—1967», изобилующий материалами начала XX в.

(1981), каталог библиотеки М. С. Лесмана (1989). Нет даже... «Лермонтовской энциклопедии».

В этой связи позволю себе заметить, что если для литературоведения общими работами принято называть монографии под названием «История русской литературы» (см. №№ 37, 40 и др.), то для книговедения это не книги очерков об отдельных издателях (см. №№ 2695, 2696, 2698), а отсутствующие в указателе работы М. Н. Куфаева, М. В. Муратова, А. В. Мезьер, изданные, правда, в 1920-е — 1930-е годы, но их современницы, как уже отмечено, в указателе присутствуют.

Что касается подразделов по истории журналистики, то странное впечатление производят рубрики «Отдельные журналы», где в едином алфавите названий перемешаны (перепутаны?) журналы и газеты (последние см. под №№ 3115—3116, 3159—3160, 3181—3185, и т. д.; к числу журналов отнесено даже... «Новое время!» — см. №№ 3189—3194; неужели его спутали с современным политологическим журналом?...; попутно отмечу, что в именном указателе журнал «Вокруг света» почему-то назван «изд-во»). К «открытиям» подобного рода следует отнести и алфавит стран, где «Скандинавские страны» (№№ 706—716) и «Финляндия» (№№ 733—736) разделены «США» (№№ 717—732а).

Материал, представленный в указателе, как правило, не нуждался в аннотировании, однако в ряде случаев аннотации были необходимы (см., напр., №№ 117, 177, 283, 440, 1066, 3411, 3663, 4142, 4150, 4164 и др.). Один пример считаю необходимым привести:

4098. Петрова М. Г. О псевдониме «О. Б. А.» в «Русском богатстве» // Сов. библиография. 1984. № 6. С. 53—55.

Такое заглавие, несомненно, нуждается в пояснении, но его нет. Может быть, разгадка в именном указателе? Действительно, на с. 465 сказано:

О. Б. А. (т. е. Оба: Анненский Н. Ф. и Короленко В. Г.) 4098

Но поскольку это давно известно из «Словаря псевдонимов...» И. Масанова, возникает вопрос, в чем же тогда смысл статьи М. Г. Петровой? Обращение к ней позволяет установить, что в действительности под псев-

донимом «О. Б. А.» печатались еще трое... Так стоит ли заставлять читателя проводить специальное расследование? Не проще ли было профессионально проаннотировать включенную статью? Этот вопрос приходится адресовать титульному редактору.

Комическое впечатление производит № 136:

Вацуро В. Э. Из истории литературных полемик 1820-х годов // Вопросы литературы и фольклора. Науч. ред. С. Г. Лазутин. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1972. С. 161—174.

Крылов А. А.

Судя по этой скупой аннотации, однофамилец великого баснописца находился в разладе с самим собой... Ср. схожий № 134, где приведено несколько фамилий. Такого же рода аннотациями сопровождаются представленные в указателе альманахи и сборники, однако далеко не все (см. №№ 104, 131, 148, 167, 199—204, 221, 301, 518, 2092—2095, 2131—2135, 3395, 3471, 3574 и др.).

Том завершают вспомогательные указатели, составительницы которых, как уже отмечалось, нет в живых. Как указано в примечании (с. 422), они выполнены «на основе библиографических записей». Надо полагать, пояснение принадлежит не составительнице, потому позволю себе спросить — что это, собственно, значит? Что составительнице не предоставили возможность производить необходимые в ряде случаев дополнительные разыскания (по раскрытию псевдонимов, установлению второго инициала, идентификации)? Эти вопросы — в связи с именовым указателем. Анализ предметного «ключа» требует специальной рецензии; здесь же отмечу, что совершенно непонятно, почему термин «Критический реализм» содержит отсылку «см. Реализм», а «Социалистический реализм» сопровождается соответствующими номерами библиографических записей.

Вернусь к именовому указателю. Прежде всего, он неполон. Нет, в частности, Мазепы (№ 146), Христа (№ 539). Если в заглавии фигурирует «некрасовская школа», то данный номер следовало бы поместить в рубрику «Некрасов Н. А.»; между тем в одном случае (№ 2104) это сделано, в двух (№№ 518, 538) — нет.

При «Толстой Л. Н.» нет № 113 («толстовское направление»). При «Карамзине Н. М.» есть № 1102 («карамзинский период»), но при «Николай I» нет № 197 («николаевская эпоха»). Не повезло Пушкину — при нем нет «пушкинской поры», «пушкинской эпохи», «пушкинского круга» (№№ 131, 148, 162, 622 и др.). Чем была вызвана подобная непоследовательность — трудно сказать. Тем более не приходится удивляться, что если в заглавии фигурируют только названия произведений или литературные персонажи, то их создатели обделены соответствующими номерами: при «Горький А. М.» нет № 339 («В людях»), при «Салтыков-Щедрин М. Е.» — № 3422 («Мелочи жизни»), при «Сервантес М. де» — № 3714 (Альдонса и Дульсинея). Добавлю, что при «Пиксанов Н. К.» нет... сборника в его честь (№№ 3305, 3334, 3457).

Если автор печатался под псевдонимом, то в именном указателе это отражено по-разному: «Бедный Д. (Придворов Е. А.)», «Бестужев (Марлинский) А. А.», «Марлинский А. А. см. Бестужев А. А.». Однако при «Ахматова А. А.» нет «Горенко», при «Сологуб Ф. К.» — «Тетерников». Опущены подлинное имя и фамилия Марка Твена, не разделена подпись «Эркман Шатриан». Более того, «на равных» фигурируют «Шапирштейн-Лерс Я.» и «Эльсберг Я. Е.», «Даль В. И.» и «Луганский В.» (следующий за ним «Луганский К.» — не «Казак Луганский», а рецензент книги А. С. Бушмина в журнале «Дон» (1979, № 7), «Некрасов Н. А.» и «Перепельский Н. (Некрасов Н. А.)», «Леонтьев-Щеглов И. Л.» и «Щеглов (Леонтьев) И. Л.», «Кравчинский С. М.» и «Степняк-Кравчинский С. М.», «Струйский Д. Ю.» и «Трилунный», «Гальдос Б. П.» и «Перес Гальдос Б.», «Бласко Ибаньес В.» и «Ибаньес В.», «Макферсон Д.» и «Оссиан». «Раздвоение» вызвано также опечатками («Кацева Г. А.» и «Кацева Е.», «Михайловский Д. Л.» и «Михаловский Д. Л.», «Стефенович В. Н.» и «Стефанович В. Н.», «Туниманов В. А.» и «Туниманов В. Л.», «Травушкин Н. Г.» и «Травушкин Н. С.», «Шервинский С. В.» и «Ширвинский С. В.»). Не удивительно, что критик Д. М. Урнов фигурирует также как «Гурнов Д. М.», что Мамину-Сибиряку «присвоены» инициалы «К. Н.» Имеются также случаи растроения: «Лаврецкий А.»,

«Лаврецкий А. В. (!)» и «Лаврецкий А. М.»; «Ласунский О.», «Ласунский О. В. (!)» и «Ласунский О. Г.». Напротив, при «Алексеев А. Д.» перечислены 5 номеров, из которых первый, второй и третий отсылают к публикациям московского искусствоведа, а четвертый и пятый — литературоведа-библиографа Пушкинского Дома. «Не повезло», кстати, и одной и рецензенток — она представлена и как «Антонова Н. Н.» и как «Мостовская Н. Н.» Также почти тридцать страниц разделяют «Жирмунскую Н. А. и «Сигал Н.» К сожалению, данный список отнюдь не исчерпывающ..

В заключение мне остается только высказать пожелание и надежду, что второй и третий тома указателя увидят свет в преддверии третьего тысячелетия и произведут более благоприятное впечатление.

*М. Д. Эльзон
С. Петербург*

БИБЛИОГРАФИЯ ТЕКУЩЕЙ ПЕРИОДИКИ

Вестник Московского университета

Сер. 9. Филология: Науч. журн. выходит один раз в два месяца. Издательство Московского университета. Гл. ред. серии И. Ф. Волков. Выходит серия с 1966 г. Первый отв. ред. серии Н. С. Чемоданов.

1993 № 1

Литературоведение

Дворцова Н. П. М. Пришвин и русское религиозное возрождение XX в.: (К постановке проблемы). — С. 4—11.

Смирнов А. А. Актуальные проблемы изучения романтической лирики А. С. Пушкина. — С. 11—18.

Языкознание

Васильева В. Ф. Виды логической абстракции и таксономическая номинация. — С. 18—26.

Материалы и сообщения

Яльшико В. Г. Военные повести В. Некрасова и В. Кондратьева: (Опыт сопостав. анализа). — С. 27—34.

Каськова С. В. Проблема эволюции творчества Янко Есенского и ее отражение в словацкой критике. — С. 34—42.

Еремеев А. Э. Роль мифа в становлении философской прозы раннего И. В. Киреевского. — С. 42—51.

Чернейко Н. Г. Движение мира у А. Блока. — С. 51—56.

Из филологического наследия

Трубецкой Н. С. Опыт праистории славянских языков: (из писем к Р. О. Якобсону и Н. Н. Дурново). — С. 57—70.

Из студенческих работ

Максимова М Ф Поэтика бытового поведения Н. Ф. Павлова. — С. 71—75.

Зыкова Г. В. О трансформации штампа в русской поэзии. — С. 75—80.

Елистратов В. С. Наблюдения над современным городским аргю. — С. 80—87.

Критика и библиография

Забабурова Н. В. Добротный учебник (История зарубежной литературы XIX века/Под ред. Н. А. Соловьевой. М., 1991). — С. 88—; с. обл.

№ 2

Литературоведение

Колобаева Л. А. Ахматова и Мандельштам: (само-сознание личности в лирике). — С. 3—11.

Захаров А. Н. Проблемы поэтики С. А. Есенина в отечественном и зарубежном литературоведении последних лет. — С. 11—21.

Сергеев А. В. Новеллы Карен Бликсен: (к проблеме метода). — С. 21—27.

Языкознание

Ретнева М. Л. К вопросу об эволюции грамматической нормы житийных текстов. — С. 27—32.

Блинов А. В. Грамматика М. Раппа: первое систематич. описание строя индоевроп. языков в учеб. целях. — С. 32—40.

Материалы и сообщения

Абросимова В. Н. Первая английская биография Максима Горького и история издания ее перевода в России: (из архив. разысканий). — С. 41—47.

Злочевская А. В. Проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века в освещении современной Чехословацкой русистики. — С. 48—55.

Циммерлинг А. В. Две группы предикатов модальности в древне-исландском языке. — С. 55—63.

Из филологического наследия

Трубецкой Н. С. Опыт праистории славянских языков: (из писем к Р. О. Якобсону и Н. Н. Дурново). — С. 64—83.

Смирнов А. А. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — С. 84.

Критика и библиография

Клементьев С. В. Новая работа по проблемам польской литературы (Studia Polonica. К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992). — С. 85—88.

Научная жизнь

Литературный процесс: (Художеств. ценности, поиски, историко-теорет. проблемы): III науч. конф. — С. 89—92.

В помощь абитуриенту-филологу:

Программа по литературе для поступающих в университеты Российской Федерации (начиная с 1993 г.). — С. 93—94.

Памяти Елены Ивановны Захаровой: (Некролог). — С. 94

Хроника

Петрухина Е. В. Конференция по русской грамматике в Пекинском университете. — С. 96 — 3 с. обл.

№ 3

Языкознание

Лифанов К. В. Роль городской речи в процессе формирования национального языка словаков. — С. 3—10.

Васильева В. Ф. К проблеме семиологической семантики номинативной единицы. — С. 10—18.

Петрухина Е. В. Типологические особенности глагола в славянских языках: (проблема славян. модели глагольного действия). — С. 19—25.

Ананьева Н. Е. Префиксальные глаголы «деструктивной» семантики в древнепольском языке. — С. 25—34.

Изотов А. И. Краткие прилагательные в истории чешского языка. — С. 34—39.

Литературоведение

Зайцев В. А. Творческие поиски русских поэтов «третьей волны» эмиграции. — С. 40—48.

Материалы и сообщения

Скорвид С. С. Лабиринты Я. А. Коменского в зеркале перевода. — С. 50—54.

Вартанова И. В. Судьбы «реальной критики» в 80—90-е годы XIX века. — С. 54—58.

Белоус Л. В. Эволюция литературно-критического отдела журнала «Октябрь» в годы перестройки. — С. 58—64.

Из филологического наследия

Трубецкой Н. С. Опыт праистории славянских языков: (Из писем к Р. О. Якобсону и Н. Н. Дурново). — С. 65—79.

Из истории пушкиноведения в Московском университете

Кулешов В. И. Д. Д. Благой (1893—1984). — С. 80—86.

В помощь абитуриенту-филологу

Программа по русскому языку для поступающих в университеты Российской Федерации (начиная с 1993 г.). — С. 87—88.

№ 4

Языкознание

Горщикова К. В. О развитии фонологических идей в европейской славистике. — С. 3—8.

Казарян В. К. Противопоставление презенс-аорист в армянском и санскрите. — С. 8—17.

Литературоведение

Белова Т. Н. Проблемы творческого наследия И. Бабеля в современной англоязычной русистике. — С. 17—26.

Попова И. Ю. Джерард Мэнли Хопкинс: викторианский контекст. — С. 27—37.

Материалы и сообщения

Карельский А. В. От «Амфитриона» Мольера к «Ам-

фитриону» Клейста: (Процесс романтизации классич. конфликта). — С. 38—43.

Ковтун Е. Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века. — С. 43—50.

Из филологического наследия

Лосев А. Ф. Некоторые вопросы из истории учений о стиле/Публ. и коммент. А. А. Тахо-Годи. — С. 51—70.

Из беседы А. Ф. Лосева с Е. Тахо-Годи. — С. 70—71.

Из студенческих работ

Макеев М. С. «Дело» и «Смерть Тарелкина» А. В. Сухово-Кобылина как вид единого текста. — С. 72—77.

Научная жизнь

Логахина Л. С. Научная конференция по истории филологического факультета МГУ. — С. 78—82.

Буслакова Т. П. О работе Научного центра МГУ по изучению культуры русского зарубежья. — С. 82—83.

Наши гости

Шешкен А. Г. Словенский профессор — гость филологического факультета Московского государственного университета. — С. 84.

В зарубежных университетах

Златоустова Л. В. Преподавание и исследования звучащей речи в Университете Висконсин-Медисон (США). — С. 85—86.

Гусман Тирадо Р. Перспективы развития славистики в Гранадском университете: (Дни славистики в Андалузии). — С. 86—88.

Критика и библиография

Ивинский Д. П. Первая монография об Аполлоне Майкове (Kowalzyk W. Tworczosć Apollona Majkowa i jej konteksty kulturowe. Lublin. 1991). — 3—4 с. обл.

№ 5

Литературоведение

Гусева Т. К. Образ А. С. Пушкина в испаноязычном мире. — С. 3—10.

Журавлева А. И. Проблема народа и художественные

искания русской литературы 1850—1860-х годов. — С. 10—16.

Языкознание

Златоустова Л. В., Вещикова И. А., Омельянова Е. Б. Компьютерный словарь частотных слов и ритмических структур русской речи. — С. 16—24.

Цолья-Иоанну Э. Глагольная система кипрского новогреческого диалекта в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом освещении. — С. 24—35.

Материалы и сообщения

Кусков В. В., Прокофьев Н. И. Критические раздумья о современных научных изданиях памятников древнерусской литературы. — С. 35—37.

Юлдашев Н. Б. Изображение человеческого характера в узбекской эпике. — С. 37—46.

Из филологического наследия

Поспелов А. Н. Рассказ о жизни моего отца. — С. 47—53.

Из студенческих работ

Криницын А. Б. О притчевой основе идей в романах Ф. М. Достоевского. — С. 54—59.

Нучная жизнь

Чернец Л. В. Памяти профессора Г. Н. Поспелова. — С. 60—61.

Мещеряков С. Н. Юбилей Иво Андрича в России. — С. 62—63.

Парпара О. А. Совещание филологов-сербокроатистов. — С. 64—66.

Шейкина М. А. У каждого поколения свой Чехов. — С. 66—71.

В зарубежных университетах

Широков О. С. Над чем работают филологи греческих университетов. — С. 71—74.

Критика и библиография

Глухов В. И. Новая книга о великом романисте (Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров-романист и художник. М., 1992). — С. 75—76.

Юбилей

Усикова Р. П. Никите Ильичу Толстому — 70 лет. — С. 77—78.

№ 6

Литературоведение

Савушкина Н. И. Традиции фольклорной драмы в «народных» пьесах А. Н. Островского. — С. 3—11.

Белова Т. Н. Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» в англоязычных исследованиях 80-х годов. — С. 11—26.

Языкознание

Широкова А. В. Романская интервокальная лениция в историко-топологическом освещении. — С. 26—34.

Анисимова А. Г. К вопросу о системности в терминологии: (На материале англоязыч. искусств. словарей). — С. 34—38.

Материалы и сообщения

Тахо-Годи Е. А. Мотивы «Пира во время чумы» в творчестве К. Случевского. — С. 39—45.

Канькова А. В. Мотив игры в пьесе Артура Шницлера «Зеленый попугай». — С. 45—50.

Сушкова А. И. Генезис славянского имперфекта: (Гипотезы и проблемы). — С. 51—53.

Из филологического наследия

Ляпунов Б. М. Семнадцать писем [С. В. Бернштейну]: (Из архива С. В. Бернштейна)/[Публ. и коммент. С. В. Бернгитейна]. — С. 54—67.

Научная жизнь

Мещеряков С. Н. XXII. Межвузовская научно-методическая конференция в Санкт-Петербурге: (Секция истории литератур стран Восточной Европы). — С. 68—69.

Логахина Л. С. «Ломоносовские чтения» 1993 г. в МГУ. — С. 70—74.

Буслакова Т. П. О Международной научной конференции «Русская литература в контексте развития мировой литературы». — С. 74—78.

Критика и библиография

Бент М. И. Поэтика немецкой романтической дра-

мы в ее эволюции (А. Карельский. Драма немецкого романтизма. М., 1992). — С. 79—80.

**Из истории пушкиноведения
Московского университета**

Пустовойт П. Г. Н. Л. Бродский (1881—1951). — С. 81—83.

Светлой памяти Альберта Викторовича Карельского. — С. 84—85. — Подп.: Кафедра истории зарубежной литературы.

Памяти И. И. Бабенко. — С. 85. — Подп.: Кафедра немецкого языкознания.

**Вестник
Санкт-Петербургского университета.**

Сер. Г. История. Языкознание. Литературоведение: Научно-теорет. журн. Издательство Санкт-Петербургского университета. Выходит 4 раза в год. Серия выходит с 1956 г. Отв. ред. серии П. А. Дмитриев.

Перв. отв. ред. серии Г. В. Ефимов.

Вып. 1 (№ 2)

История

Фролов Э. Д. Античная демократия: (К оценке истор. феномена). — С. 3—11.

Михайлова И. Б. Племенные центры Киевского Поднепровья. — С. 11—21.

Рогальский С. В. Русская живопись XVIII в. в исследованиях А. Н. Бенуа. — С. 21—29.

Языкознание

Герд А. С. Научное знание и система языка. — С. 30—34.

Казаков В. П. Структура и коммуникативный потенциал полипропозитивного предложения. — С. 34—38.

Золотова В. С. Станислав Конарский и его роль в истории польского литературного языка XVIII в. — С. 38—43.

Котова М. Ю. О пословицах библейского происхождения в современных славянских языках. — С. 43—50.

Казунина О. В. Об одном типе полипредикативного фазового комплекса: (На материале соврем. англ. яз.). — С. 51—55.

Попова-Велева И. Т. Смысловые типы несобственно-прямой речи: (На материале фр. художеств. текстов). — С. 55—59.

Литературоведение

Жирков Г. В. Сопротивление сталинскому режиму и журналистика: (к постановке пробл.). — С. 60—67.

Желтова Е. В. Черты ареталогического жанра в античной традиции о персидских магах. — С. 68—73.

Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в.: (К вопр. о персонифицированности классицист. эстетич. сознания). — С. 73—78.

Мельникова И. В. Уэда Акинари о художественной прозе. — С. 78—83.

Краткие научные сообщения

Маслов В. Н. Эсеровская программа национально-государственного устройства России (1905—1907 гг.). — С. 84—87.

Чиркова Е. М. К вопросу о взаимоотношениях интеллигенции и Советской власти в 1917—1920 гг.: сотрудничество или противостояние? — С. 88—91.

Степанов С. П. Речь повествователя и речь персонажей в рассказе А. П. Чехова. «Анна на шее». — С. 92—94.

Вахрушев А. А. Опыт издания «Вятской газеты» (1894—1907 гг.). — С. 95—99.

Помирная Е. Р. Испанская сегидилья на страницах русских изданий XVIII в. — С. 99—102.

Назарова Н. К. Семантизация авторских окказиональных фразеологических единиц в тексте современной художественной литературы. — С. 103—105.

Панько Л. Н. Языковое оформление денотативных единиц СФЕ в научно-техническом реферативном тексте. — С. 106—107.

Хроника

Андреев В. Д. Филологический факультат сегодня. — С. 108—112.

Герд А. С. Диалектологическая экспедиция на Селигер. — С. 112—114.

Дмитриев П. А., Лилич Г. А., Сафронов Г. И. Б. А. Ларин: (К 100 летию со дня рождения). — С. 114—117.

Куприяновский П. Б. Литературовед, библиограф, педагог: (К 100-летию со дня рождения С. Д. Балухатого). — С. 117—118.

Памяти Е. Я. Люстерник (1904—1991). — С. 118—119. — Подп.: Кафедра истории стран Дальнего Востока

№ 2 (9)

История

Соболев Г. Л. Блокада Ленинграда: трагедия подвига. — С. 3—14.

Фролов Э. Д. Проблема традиционных оппозиций в греческой социальной терминологии. — С. 14—18.

Кривошеев Ю. В. К вопросу о форме земских учреждений в Северо-Восточной Руси в начале XIII в. — С. 18—29.

Флоринский М. Ф. Кабинет П. А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906—1911 гг. — С. 29—40.

Языкознание

Е. Пиотровская Л. А. Эмотивность как языковая категория. — С. 41—47.

Шмюккер-Брелер М., Даниленко Л. П. Лингвометодическая интерпретация ошибок немецких студентов, изучающих русский язык: (По данным письм. работ). — С. 47—59.

Ясковец Е. Г. Выражение последовательности событий в сложноподчиненном предложении с союзом КАД/КАДА в сербохорватском языке. — С. 60—65.

Николаева Е. С. Локализатор в структуре экзистенциальных предложений современного португальского языка. — С. 65—69.

Литературоведение

Бухаркин П. Е. Старчество и смена писательского типа в русской литературе. — С. 70—78.

Айза П. Л. Утопические и дистопические мотивы в стихах М. Цветаевой. — С. 78—82.

Смолин Г. Я. О хронологическом содержании «Все-

проницающего зеркала, управлению помогающего». — С. 83—90.

Волошина Г. К. Реминисценция как ключ к пониманию поэтического текста. — С. 91—94.

Краткие научные сообщения

Муратов А. Б. Об университетском филологическом образовании. — С. 95—100.

Корконосенко С. Г. Функции прессы: субъективный подход: (Опыт постановки вопр.) — С. 101—104.

Бойкова Н. Г., Васильева Т. В. Сколько лиц у ведущего?: (Из соврем. практики радиовещания). — С. 104—108.

Липская В. М. О ценностной ориентации театральной рецензии. — С. 108—111.

Берневега С. И. Контактный повтор в русской лирической поэзии. — С. 111—115.

Кондратьев В. Г. Действие тенденции к превращению самостоятельных слов в аффиксы в турецком языке. — С. 115—117.

Варгина Е. И. Аргументация/обоснование в высказываниях с когнитивами в английском научном тексте. — С. 117—119.

Попова Т. В. Некоторые лингвистические показатели смены темы в полилоге: (На материале современи. англ. и американ. драматургии). — С. 119—122.

Липис Г. В. Семантико-коммуникативное варьирование исходно-пространственных атрибутов: (На материале нем. яз.). — С. 122—124.

Обзоры и рецензии

Черданцева Т. З. (Е. М. Чекалина. Язык современной французской прессы. Л., 1991). — С. 125—127.

Хроника

В. Е. Балахонов: (К 70-летию со дня рождения) / Л. А. Вербицкая, В. Д. Андреев, П. А. Дмитриев и др. — С. 128.

№ 3 (16)

История

Стецкевич С. М., Якубский В. А. Русское славяноведение эпохи романтизма и историографический процесс XIX века. — С. 3—13.

Дворниченко А. Ю. История Украины и проблема средневековой восточнославянской государственности. — С. 13—24.

Березный Л. А. История Китая в трудах профессора Д. К. Фэрбенка: основные концепции. — С. 24—34.

Языкознание

Колесов В. В. Напоминание о схоластике. — С. 35—44.

Котова М. Ю. Словацкие пословицы и их инославянские параллели. — С. 44—51.

Лилин Г. А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Библиизмы в русском, чешском и словацком литературных языках. — С. 51—59.

Тугушева Р. Х. Об ограничительно-выделительных частицах в чешском и словацком языках. — С. 59—66.

Литературоведение

Лавров В. А. К понятию «Советская литература». — С. 67—74.

Мисонясников Б. Я. Готический шрифт как выразительное формообразующее средство в эстетической структуре печати. — С. 74—81.

Краткие научные сообщения

Даудов А. Х., Михайленко В. В. Национальные общества Петрограда — Ленинграда в 1917—1932 гг.: (По материалам ЦГА Санкт-Петербурга). — С. 82—87.

Немиро О. В. Цветовая палитра русского праздничного города: (Историко-теорет. аспекты: конец XVII — 1930-е гг.). — С. 87—93.

Ендольцев Ю. А. Роль краеведения в лингвострановедческом преподавании русского языка в иностранной аудитории. — С. 93—96.

Каминская Л. Н. Статистические характеристики фонем современного албанского литературного языка. — С. 97—100.

Петрова Т. В. Особенности слов широкой семантики. — С. 100—102.

Смирнова Н. С. Газеты для женщин: (Регионал. опыт становления новой прессы). — С. 102—104.

Обзоры и рецензии

Дмитриев П. А. Санкт-Петербургская кафедра сла-

вянской филологии в преддверии XI Международного съезда славистов. — С. 105—109.

Егоров Г. И. Санкт-Петербургская ассоциация славяноведов и Северо-Западная библейская комиссия: Первые итоги деятельности. — С. 109—112.

Желтяков А. Д., Строева Л. В. Научная и педагогическая деятельность И. П. Петрушевского (1898—1977). — С. 112—116.

Шапошников В. Н. (О. Н. Трубачев. Этногенез и древняя культура славян). — С. 116—120.

Пиотровская Л. А. (Г. Флидрова. Социолингвистические и психолингвистические аспекты диалога и полилога в русском языке). — С. 120—122.

Западов А. В. (В. Г. Березина. Этюды о Белинском — журналисте и критике). — С. 122—123.

Хроника

Соколов В. С. I Международная научная конференция «Публицистика эпохи Просвещения». — С. 124—125.

Л. В. Капорулина: [Некролог]. — С. 125—126. — Подп.: Кафедра русского языка филологического факультета.

Российский литературоведческий журнал:

Теория и история литературы/Всерос. фонд культуры. О-во любителей российской словесности: Издательская фирма «Алконост». Гл. редактор А. Н.Николюкин
Выходит с 1993 г.

1993 № 1

Каким видится вам литературоведческий журнал сегодня?/А. Н. Робинсон; Е. Осетров, В. И. Кулешов, Ю. В. Манн; Л. А. Смирнова; В. Д. Сквозников; В. Е. Хализев; Р. И. Хлодовский; Л. Долгополов. — С. 3—15.

Косиков Г. К. К теории романа: (Роман средневековый и роман Нового времени). — С. 16—46.

Теория литературы

- Цурганова Е. А.* Два лика герменевтики. — С. 47—55.
Сквозников В. Д. Рефлексия и маска: (Лирика Некрасова). — С. 56—76.
Ланин Б. А. Типология жанра русской антиутопии. — С. 77—86.

История литературы и критики

- Робинсон А. Н.* О задачах русского литературоведения: (Работа с источниками). — С. 87—100.
Николюкин А. Н. «Забывтое возле Толстого...» (В. В. Розанов и Л. Н. Толстой). — С. 101—123.
Розанов В. В. Кончина Л. Н. Толстого. — С. 123.
Толмачев В. М. Лирика как онтологическое событие: (Опыт прочтения «Шума и ярости»). — С. 124—163.

Межлитературные связи

- Хоружий С. С.* Поэтика Джойса: Русские связи и соответствия. — С. 164—183.

Русское Зарубежье

- Михайлов О. Н.* В рассеянии — целостная. — С. 184—250.

Минувшее

- Пузиков А. И.* Из записок главного редактора. — С. 251—283.

Хроника литературной жизни Русского Зарубежья
 Франция (1920—1923). — С. 284—311.

№ 2

Литература Русского Зарубежья (1918—1940)

Тематический номер

- Чельшев Е. П.* Об изучении литературы русского зарубежья. — С. 3—4.
Чагин А. И. Два крыла русской поэзии: Ст. первая. — С. 5—28.
Ланин Б. А. Евгений Замятин и развитие русской антиутопии. — С. 29—64.
Сохряков Ю. И. Возраст русской идеи: (К 100-летию Ивана Ильина). — С. 65—79.

Литературные портреты

Спиридонова Л. А. «Смех — волшебный алкоголь...»: (Саша Черный). — С. 80—96.

Красавченко Т. Н. Гайто Газданов: Философия жизни. — С. 97—108.

Померанцева Е. С. «...Только для нее, для России»: (Роман Гуль). — С. 109—125.

Коваленко С. А. Феномен Александра Вертинского. — С. 126—151.

Публикации и сообщения

Спор о молодой эмигрантской литературе / Публ., Вступ. и коммент. Т. Л. Ворониной. — С. 152—184. — Содерж.: Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе; Алданов М. О положении эмигрантской литературы; Варшавский Вл. О прозе «Младших» эмигрантских писателей; Осоргин М. О «Молодых писателях»; О «Душевной опустошенности», Ходасевич В. Перед концом.

Сергеев О. В. Статья П. Н. Милокова о Леониде Андрееве. — С. 185—189.

Милоков П. Н. Предисловие к «SOS» Л. Андреева/Пер., публ. и коммент. О. А. Сергеевой. — С. 189—197.

Толмачев В. М. Очерк Б. К. Зайцева «Максим Горький (К юбилею)». — С. 198—203.

Зайцев Б. К. Максим Горький: (К юбилею)/Публ. и коммент. В. М. Толмачева. — С. 204—214.

Из архива

Осетров Е. Николай Павлович Смирнов. каким его мы знали. — С. 215—218.

Смирнов Н. П. Бунин на родине; «Бедная девочка»: О романе Вл. Набокова «Лолита»/Публ. Е. Осетрова. — С. 219—227.

Зайцева Б. К., Кузнецова Г. Н. Письма к Н. П. Смирнову / Публ. и коммент. З. П. Смирновой. — С. 228—236.

Гликберг М. И. Из мемуаров/Вступ. ст. и публ. Л. А. Спиридоновой. — С. 237—248.

Хроника литературной жизни Русского Зарубежья
Франция (1924—1925). — С. 249—263.

Кусков В. В. Андрей Николаевич Робинсон (1917—1993): [Некролог]. — С. 264—265.

№ 3

Николюкин А. Н. О целостности русской литературы (1920—30-е годы). — С. 3—7.

Маркович В. М. О значении чудесного в русской литературе XIX века. — С. 8—12.

Махов А. Е. Перевод — присвоение: Чужое слово «Инкогнито» — С. 13—23.

История литературы и критики

Пантин В. О. Кадетский цикл Н. С. Лескова. — С. 24—32.

Ильин И. П. История безумия, сексуальности и власти: (Постструктурализм М. Фуко). — С. 33—54.

Красавченко Т. Н. Пророк в своем отечестве: Фрэнк Реймонд Ливис. — С. 55—64.

Межлитературные связи

Лебедев Е. Н. Тютчев и Шекспир. — С. 65—70.

Щенников Г. К. Религиозное подвижничество в романах В. Гюго и Ф. М. Достоевского: Две культурно-историч. модели. — С. 71—80.

Хлодовский Р. И. Италия Розанова и Пушкина. — С. 81—89.

Русское Зарубежье

Чагин А. И. Два крыла русской поэзии: Ст. вторая. — С. 90—104.

Сохряков Ю. И. А. И. Солженицын и Ф. М. Достоевский. — С. 105—112.

Лисица Ю. Т. Последний эмигрант первой волны. — С. 113—115.

Духовная история России

Капустин М. П. Усекновение культуры. — С. 116—125.

Минувшее

Кулешов В. И. Возвращение к истине. — С. 127—158.

Левин Ю. Д. К вопросу о литературоведческой этике: (Из воспоминаний о Б. В. Томашевском). — С. 159—161.

Записки Кота Ученого. — С. 162—163.

Хроника литературной жизни Русского Зарубежья
Франция [1926—1928]. — С. 164—197.

Лазарев В. Евгений Иванович Осетров (1923—1993):
[Некролог]. — С. 198.

Русский текст 1993

*Российско-американ. журн. по рус. филол./РГПУ им.
А. И. Герцена; Канзас Санкт-Петербург Лоуренс
(Канзас, США). Гл. ред.: М. Я. Дымарский.
Выходит с 1993 г.*

1993 № 1

Спец. выпуск журн. «На путях к новой школе»
К читателям. — С. 7—8.

Дымарский М. Я. Метафора текста. — С. 11—26.

Русская литература

Китанина Т. А. «Двойник» Антония Погорельского:
Структура романт. цикла. — С. 26—42.

Егоров Б. Ф. Вяч. Иванов и русские славянофил-
лы. — С. 43—57.

Черняк М. А. «Поэтика вещи» и «Фантастический
реализм» Вс. Иванова. — С. 58—69.

Wilhelm L. K. Structure as Signifier in Evgenij Samuyatins
«Pescera». — С. 70—82.

Стилистика

Антонов С. А. Ассоциативные и образные виды
текстовой связи в прозе В. Набокова: (На материале
рассказа «Пильграм»). — С. 83—93.

Левина М. В. Отклонение от нормы текстовости в
прозе В. В. Набокова. — С. 94—107.

Русский язык

Кожевников А. Ю. К теории социальной диалекто-
логии. — С. 108—118.

Фольклор

Муратова М. А. К вопросу о христианизации народ-

ной культуры: (Наблюдения над текстом народной молитвы). — С. 119—127.

Литературная критики

Воронина О. Ю. Иосиф Бродский: один поэт в масштабе двух культур. — С. 128—138.

Наши публикации

Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи. — С. 139—169.

Иванов Вс. Ночь на Тверском бульваре. Капитула: (Фрагменты из неоконч. романа «Лоскутья»). — С. 170—181.

*Сост. А. Я. Лapidус
С.-Петербург.*

ХРОНИКА

Архангельск. Поморский университет. Вышел в свет межвузовский сборник научных трудов «Литературный процесс: Традиции и новаторство» (Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1992. 256 с.). Сборник включает в себя статьи самого разного характера, объединенные, однако, одной сквозной проблемой — традиций и новаторства, во многом определяющей динамику литературного процесса. Для сборника характерен широкий временной охват явлений русской и европейской литературы, статьи расположены по хронологическому принципу.

Русской литературе первой половины XIX века посвящены пять статей. Работа М. И. Медового «С. П. Шевырев — либреттист. “Вадим” (О новаторском характере исканий С. Шевырева и А. Верстовского)» задает тон сборнику, открывая страницу художественной жизни русской интеллигенции 1830-х гг. Театральные искания Шевырева, его эстетические идеи намечают направление развития русского искусства. Статья В. С. Расторгуевой «Романтическая традиция в творчестве Е. П. Ростопчиной» посвящена проблемам русского романтизма. Она содержит интересные наблюдения над актуализацией в поэзии Ростопчиной традиционного образа девы-«посредницы» между «небом» и «землей», романтической темы любви как роднящей и объединяющей силы и др. Поэзия Ростопчиной рассматривается в широком литературном контексте.

Авторы сборника уделяют внимание и традициям декабристской литературы. В статье М. Ю. Карушевой «Своеобразие публицистики В. К. Кюхельбекера и традиции декабристской мысли» исследуется концепция истории поэта-декабриста, представляющая собой, в духе одного из направлений декабристской идеологии,

смешение христианских представлений и элементов просветительского рационализма.

Две статьи посвящены творчеству А. С. Пушкина: «Пародийные элементы в поэме А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”» Л. И. Лениной и «Стихотворение А. С. Пушкина “Телега жизни” в контексте русской поэзии 19 века» Г. В. Поляковой. В первой из них в центре внимания давняя в русской поэзии традиция стихотворной пародии. Автор касается сложной и спорной проблемы нашего литературоведения о пародийных элементах «Руслана и Людмилы» и на основе сравнительного анализа поэмы Пушкина и баллады В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» делает выводы о внутренней полемичности поэмы по отношению к созерцательному романтизму Жуковского. Вторая статья о творчестве Пушкина представляет собой анализ одного стихотворения на фоне философского романтизма Д. В. Веневитинова, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева и др. Образ телеги жизни оценивается как «смысловое зерно пушкинского мифа о жизни» (С. 36). В работе исследуется пафос национального, указывается традиционное и своеобразное наполнение образной системы произведения.

Русская литература второй половины XIX века разнообразно освещается в сборнике. Есть статья о лирике — С. А. Макарова «Законы мелодики в жанрово-композиционной структуре лирического цикла “Мелодии” А. А. Фета (сб. “Вечерние огни”)», о прозе — Н. И. Озерова «Черты летописного стиля в хронике Н. С. Лескова “Захудалый род”», о драматургии — Н. А. Казакова «Пьеса С. А. Найденова “Дети Ванюшина” и традиции “Новой драмы”». Работа С. А. Макаровой интересна тонким анализом уникальной музыкальной организации указанного лирического цикла, выводами о ноктюрности и вариационности музыкальной поэзии Фета. Вторая статья содержит в себе размышления о кризисе старого патриархального сознания, маркированного как летописное, в хронике Лескова.

Работы Н. Н. Захаровой «Баллады Р. Л. Стивенсона (традиции и новаторство)», О. П. Плахтиенко «“Упорствующий в правоверии” (Идея Традиции и ее художественное воплощение в прозе Гилберта Кийта Честертон)», О. В. Мохначевой «Трансформация канона

остросюжетной новеллы в произведениях Ф. С. Фицджеральда» вводят нас в мир европейской классики. Н. Н. Захарова отмечает влияние фольклора на жанр романтической баллады в творчестве Стивенсона. О. П. Плахтиенко обращается к идее Традиции в прозе Честертона, основанной на представлении о неизменности человеческой природы.

Далее следуют статьи о русской литературе 1920-х—30-х годов. Л. П. Григорьева размышляет о традиции фантастического в новеллистике А. Грина, антимищанском пафосе его творчества. И. Н. Макарова оценивает художественные особенности повести А. Платонова «Ювенильное море» в аспекте литературной традиции. Натурфилософские поиски Платонова сравниваются с духовными исканиями Н. Заболоцкого, Д. Хармса. Утопия и миф рассматриваются как начала, организующие художественный мир Платонова.

В работах А. О. Большева «Трактовка исторического прогресса в повести В. Распутина “Прощание с Матерой” /В. Распутин и К. Леонтьев/» и Е. В. Чебраковой «Традиции И. Бунина в творчестве Ю. Казакова» осмысливается преемственная связь современной русской литературы с наследием крупнейшего мыслителя последних десятилетий XIX века и творчеством великого русского писателя начала XX столетия. А. О. Большев усматривает близость Распутина и Леонтьева в основах целостного мировоззрения, в особом восприятии прогресса как губительной для человека и природы, обезличивающей, нивелирующей силы. В статье Е. В. Чебраковой отмечается родство мировосприятия Бунина и Казакова, такие его общие черты, как осознание жизни природы частью своей собственной жизни, обостренное чувство красоты окружающего мира и т. д.

Е. В. Тихомирова в работе «Роман С. П. Залыгина “После бури” (к проблеме литературной преемственности)» также стремится прочитать «После бури» как традиционный роман. Автор выходит к известным мотивам конца света, утопии, России, видит в романе изображение драмы русского интеллигента.

И наконец, отметим, что авторы сборника не обходят вниманием и современную публицистику, которая рассматривается в широких связях с русской классикой — Т. С. Гамзаева «А. Адамович и современность

великих классиков», а также с литературой 1950-х—1980-х гг. — Г. А. Цветов «Очерки о народной эстетике» В. Белова в силовом поле притяжений и отталкиваний».

Завершает сборник итоговая статья Е. Ш. Галимовой «Даль общения или груз наследия? (О роли традиции в развитии советской литературы)», в которой ставятся важнейшие проблемы: осмысление традиции и новаторства в современной науке о литературе, трудности и перспективы дальнейшей разработки проблемы, заявленной в названии данного сборника.

*М. Ю. Карушева
Архангельск.*

Елец. Педагогический институт. Научная деятельность кафедры русской литературы Елецкого педагогического института традиционно связана с изучением многообразных аспектов структуры и функционирования русской провинциальной культуры. В апреле 1990 г. кафедра организовала первый в России межвузовский научный семинар, посвященный теме «Культура в провинции», где были обозначены (в докладах О. Г. Ласунского, В. А. Кошелева, С. Г. Исакова, В. Ш. Кривоноса, В. А. Свительского и др.) принципиальные направления в ее исследовании: книга в русской провинции; культурный диалог столицы и провинции; провинциальный культурный быт; русские «культурные гнезда»; русская «усадебная культура»; читатель в провинции; типы культурных деятелей в провинции; образ провинции в русской литературе и т. д. В мае 1992 г. кафедра совместно с московским НИИ культурологии провела республиканскую научную конференцию «Провинциальный город: культурные традиции. История и современность», раскрывшую богатейший потенциал темы и разнообразие подходов к ее изучению. Нетривиальную трактовку получили на конференции такие проблемы, как «интеллигенция и провинция», «интеллектуальная элита провинциального города», «русский барин», «уездная барышня», «писатель из провинции» и т. д. Прозвучали доклады, посвященные творчеству писателей и мыслителей, непосредственно связанных с

Ельцом биографически и тематически (Бунин, Розанов, Пришвин).

Творчеством Бунина и Пришвина (особенно в краеведческом плане) в Ельце занимаются давно и целенаправленно: проводятся регулярные научные конференции (крупная конференция «И. А. Бунин и русская культура» состоялась в октябре 1990 г.), издаются кафедральные сборники, пишутся диссертации, дипломные работы и т. д. Интерес к В. В. Розанову, оригинальнейшему русскому мыслителю и писателю, возник у елецких филологов сравнительно недавно и был стимулирован переменами в общественной и культурной жизни страны. 27-30 сентября 1993 г. в Ельце прошли Розановские чтения, собравшие ученых из Москвы, Петербурга, Воронежа, Волгограда, Екатеринбурга и других городов России. К началу чтений были оперативно изданы материалы докладов и сообщений. К сожалению, не всем участникам, приславшим заявки, удалось приехать; по ряду причин отсутствовали и некоторые ведущие отечественные и зарубежные исследователи Розанова, изъявившие готовность выступить с докладами в городе, где Розанов учительствовал в местной гимназии в течение пяти лет и где он познакомился с Варварой Дмитриевной Бутягиной, ставшей впоследствии спутницей его жизни.

На Розановских чтениях прозвучали следующие доклады и сообщения: П. П. Апрышко (Москва) «Розановское общество, его задачи и деятельность», А. Н. Николокин (Москва) «Неопубликованная книга В. В. Розанова ("Мимолетное. 1915 года")», С. В. Краснова (Елец) «Диалектика елецкого бытия в жизни и творчестве В. В. Розанова», И. А. Каргашин (Калуга) «Парадоксы "прямого" слова. О жанрово-стилевом своеобразии прозы В. В. Розанова», Ю. В. Орлицкий (Москва) «Стиховое начало в прозе В. В. Розанова», А. В. Панов (Москва) «Эстетическая концепция и художественная практика В. В. Розанова», Т. В. Филат (Днепропетровск) «О жанровом полигенезисе произведения В. В. Розанова "Уединенное"», В. Т. Захарова (Нижний Новгород) «"Уединенное" В. В. Розанова: "импрессионизм мысли"», О. К. Крамарь (Елец) «Читатель в творческом сознании В. В. Розанова ("Уединенное", "Опавшие листья")», С. Е. Шамаева (Воронеж) «Истоки религи-

озности В. В. Розанова», О. А. Богатова (Саранск) «В. В. Розанов и христианство», А. И. Журавлева (Москва) «В. В. Розанов об А. М. Бухареве», В. П. Кичигин (Белгород) «Гуманитарное понимание — предмет русской философской мысли (О работе В. В. Розанова “О понимании”», Р. М. Алейник (Москва) «В. В. Розанов и В. Дильтей. К проблеме понимания», В. К. Палабугин (Елец) «В. В. Розанов: революция и проблема духовного непонимания», А. Ф. Гаврилов (Москва) «Поэтика прозы В. В. Розанова. Специфика “Уединенного”», Л. В. Жаравина (Волгоград) «В. В. Розанов о Гоголе и традиция христианского гуманизма», В. Ш. Кривонос (Елец) «“Путь Розанова” и “путь Гоголя”», А. М. Саяпова (Казань) «В. В. Розанов и Ф. М. Достоевский о “русской идее”», Е. К. Созина (Екатеринбург) «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского в творчестве В. В. Розанова: опыт комментированного прочтения», В. Б. Катаев (Москва) «А. П. Чехов и В. В. Розанов», В. А. Фатеев (Петербург) «В. В. Розанов и Мережковский», Е. В. Иванова (Москва) «Розанов и З. Гиппиус», А. А. Дякина (Елец) «“Домо-строй” В. В. Розанова и творчество А. А. Блока», Т. Я. Гринфельд (Сыктывкар) «В. В. Розанов и М. М. Пришвин: понимание прекрасного в природе», Н. П. Дворцова (Москва) «“Апокалипсис нашего времени” В. В. Розанова в творчестве М. М. Пришвина первых послереволюционных лет», Е. А. Яблоков (Москва) «“Лунные” мотивы у В. В. Розанова и А. П. Платонова». Участники конференции решили сделать Розановские чтения в Ельце традиционными. Следующие чтения намечено провести в сентябре 1996 г.

В октябре 1993 г. по приглашению кафедры русской литературы прочитал спецкурс для студентов факультета русского языка и литературы, посвященный жанру анекдота и его роли и функционированию в русской литературе и культуре, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН А. Ф. Белоусов (Петербург). Он также познакомил членов кафедры с вышедшими под его редакцией сборниками «Жанры словесного текста. Анекдот» и «Школьный быт и фольклор», рассказал об архивных разысканиях, связанных с изучением биографии и творчества Л. И. Добычина, и

о традиционных Добычинских чтениях в Даугавпилсе (Латвия).

В ноябре 1993 г. кафедра русской литературы провела внутривузовскую научную конференцию, посвященную 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева. С докладами выступили В. Ш. Кривонос («Тургенев и бытовой романтизм»), Ю. Б. Егерман («Последний роман Тургенева»), Т. П. Дудина («Жанровое своеобразие драматургии Тургенева»), Е. В. Фалина («Отцы и дети» в современных трактовках»), В. К. Палабугин («Тургеневские нигилисты и советские диссиденты»).

В 1993 г. в Ельце была переиздана книга Н. Ридингера (подготовка текста, предисловие и комментарий С. В. Красновой, доцента Елецкого педагогического института) «Материалы для истории и статистики г. Ельца», впервые вышедшая в 1865 г. в Орле и ставшая библиографической редкостью. Книга содержит богатый материал о елецкой старине и может быть использована при комментировании произведений писателей, творчество которых связано с Ельцом и елецкими впечатлениями.

*В. Ш. Кривонос
Елец*

Смоленск. Педагогический институт. Первым событием в жизни кафедры в этом году стало открытое заседание, посвященное русско-украинским и русско-белорусским языковым и литературным контактам. Тема эта назрела давно. Географическое положение Смоленска, его история располагают к этой теме. Размещаясь на западной границе России, Смоленщина веками принимала в себя языковые и культурные достижения соседей, разносила их дальше по России и, в свою очередь, делилась с соседями достижениями русского языка и культуры. Здесь сошлись культуры Белоруссии, Украины, Польши, России.

Кафедра истории и теории литературы Смоленского пединститута (так стала называться наша кафедра с ноября) решила включить русско-украинско-белорусские культурные связи в круг своих научных интересов. Апрельское заседание 1993 года было «пробным камнем».

Оно продолжалось два дня (26 и 27 апреля) и вместило в себя шесть докладов. На это совещание

были приглашены специалисты из Москвы: директор Центра украиноведческих и белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН доктор филологических наук Ю. А. Лабынцев с докладом «Современная мировая украинистика» и научный сотрудник этого учреждения Л. Л. Щавинская с докладом «Н. И. Горбачевский — исследователь белорусской, литовской, русской и украинской письменной старины». Были приглашены также специалисты с соседних, языковых кафедр Смоленского пединститута.

Ю. А. Лабынцев начал свой доклад с того, что кафедра литературы Смоленского педагогического института первая на все три недавно образованных государства — Россию, Украину и Белоруссию — предприняла в новых условиях реальные шаги по изучению языковых, литературных и общекультурных контактов восточнославянских народов. В докладе «Современная мировая украинистика» он нарисовал впечатляющую картину, охватывающую Украину, Россию, США, Канаду, Италию и другие страны.

Л. Л. Щавинская рассказала о Н. И. Горбачевском, который в XIX веке осуществил широкую программу исследования белорусской, литовской, русской и украинской письменности.

Смоленский лингвист профессор Е. Н. Борисова посвятила доклад смоленско-белорусским изолексам.

Во второй день конференции выступали сотрудники нашей кафедры.

Доцент О. А. Левченко связала стихотворение Я. Купалы «Поезжане» с «Бесами» А. С. Пушкина, по-новому осветив неоднозначное восприятие Я. Купалой революции.

В докладе доцента Г. С. Меркина «Максим Богданович и Россия» был рассмотрен многоаспектный вопрос взаимоотношений поэта с русской культурой. Прежде всего уделено внимание проблемам связей поэта с русской реалистической поэзией второй половины XIX века и символизмом. Впервые поставлен вопрос о многочисленных переводах на русский язык стихотворения «Рамане» («Зорка Венера узышла над зямлею...»).

В докладе профессора В. С. Баевского был представлен результат анализа переводов Б. Пастернака на бе-

лорусский язык, выполненных Н. Рябчуком, А. Кичинским, А. Стихой, Е. Сверстюком.

Следующим и, конечно, самым большим событием в жизни кафедры стала русско-американская летняя школа «На путях к двадцатому столетию: Серебряный век и его культурно-исторические истоки».

К этому событию кафедра готовилась год. Мы не только готовили свои доклады, но и продумывали и планировали, как лучше встретить гостей, что им показать в нашем городе, как организовать их быт. Ведь работа школы длилась десять дней — со 2 по 11 августа, в ней приняли участие около 50 русских и американских ученых. Организована была эта школа совместно с Центром исследований по славистике Калифорнийского университета (Беркли) и Советом по исследованиям в области социальных наук (Нью-Йорк).

Изучение литературы Серебряного века ведется на кафедре давно и плодотворно. Прежде всего этот период стал областью интересов ведущего профессора кафедры — В. С. Баевского, автора книги «Б. Пастернак-лирик» (1993 г.) и многих статей по литературе Серебряного века. В последние годы значительно активизировалась работа его учеников по исследованию этого периода. На кафедре ежегодно проводятся студенческие и аспирантские конференции по литературе Серебряного века. Тематика, связанная с проблемами литературы начала XX века, преобладает на заседаниях аспирантского семинара, в котором обычно принимают участие не только аспиранты, но и доценты кафедры. Поэтому летняя школа по Серебряному веку совершенно естественно разместилась в Смоленске.

Наряду с американскими коллегами и смолянами в конференции приняли участие ученые из Даугавпилса, Одессы, Пскова, Москвы и Петербурга.

Работа школы была очень напряженной. Она была построена не совсем так, как обычно работают научные конференции. Помимо того, что длилась она необычно долго (десять дней!), непривычен был и порядок работы каждого дня: пять докладов утром и два семинара во второй половине дня. Каждый семинар представлял собой свободное обсуждение поставленной в его названии проблемы.

Проблематика школы, как видно и из ее названия —

«На путях к двадцатому столетию: Серебряный век и его культурно-исторические истоки», — была очень широка. Среди участников были и литературоведы, и историки, и даже лингвисты. Оказалось, что у них много проблем, которые лучше решать сообща. Из восьми семинаров, работавших в пределах школы, два были посвящены собственно литературоведческим проблемам, на остальных анализировались вопросы культурно-исторического и религиозно-философского развития общества в России конца XIX — начала XX века. На каждый семинар было отведено по четыре часа в течение двух дней.

Из 32 докладов 7 были посвящены проблемам истории, остальные — литературоведческие.

Доклады историков ставили проблемы, так или иначе связанные с развитием русского общества в конце XIX — начале XX века. Так, в докладе профессора А. А. Левандовского (Москва) «Курс лекций Т. Н. Грановского как средство духовного воспитания русского общества» возникновение в России к 50-м годам XIX века широких слоев мыслящих людей, не способных воспринять идею самодержавия—православия—народности, связывалось с воспитательным значением лекций Т. Н. Грановского. Член-корр. РАН Б. В. Ананьич (Петербург) в докладе «Академическое дело 1929-31 гг.: источниковедческий аспект» предлагал рассматривать сфабрикованные протоколы служб НКВД как возможный исторический источник, при работе с которым ученый должен учитывать его специфичность, — это сценарий, создаваемый работниками НКВД в соавторстве с подследственными. В некоторых докладах историков [например, в докладе Р. Зелника (Беркли)], рассматривалось русское общество рубежа веков с точки зрения социальных проблем этого периода.

Литературоведческие доклады были еще более разнохарактерны — ведь собрались ученые разных научных школ, очень различные по своему научному и жизненному опыту. Остановлюсь также лишь на некоторых докладах, могущих дать представление об общих направлениях тем и методов, характерных для данной конференции.

Профессор Ф. П. Федоров (Даугавпилс) в докладе «Духовная эволюция ранней А. Ахматовой» предложил

совсем новый взгляд на раннюю лирику Ахматовой. Ее сборники раннего периода всегда рассматривались как единое целое. Ф. П. Федоров же, проследив проявления нравственной самооценки в «Вечере», «Четках», «Белой стае», обнаружил, что тема совести развивается по мере изменения жизненного опыта героини. Новеллистичность «Вечера» сменяется в «Четках» притчевой структурой. Начиная с «Четок», художественный мир Ахматовой приобретает тенденцию к раздвоению на богемный и антибогемный. В «Белой стае» мотивы осуждения богемы усиливаются.

С. Л. Козлов (Москва) в докладе «Символическая амбивалентность А. Ахматовой» предложил выделить в стихотворениях Ахматовой комплекс мотивов, связанных с идеей амбивалентности красоты. В центре этого комплекса мотивов окажется символический андрогин — образ, знакомый русскому читателю по творчеству О. Бальзака и Т. Готье. Героиня «Четок» — безнадежно влюбленная в андрогина женщина. Образ андрогина возникает и в стихотворении «В зазеркалье» из цикла «Полночные стихи». Доклад этот вызвал шумные аплодисменты и оживленную дискуссию.

Много споров вызвал и доклад профессора С. П. Ильева (Одесса). Опираясь на цифровые соотношения, находя в поэме А. Блока «Двенадцать» через цифры связь с календарем и мифологией, С. П. Ильев увидел в поэме изначальное присутствие оппозиции Христос — Антихрист и сделал вывод о том, что поэма — индивидуальный эсхатологический миф о втором пришествии Христа.

Еще один исследовательский метод был продемонстрирован в докладе профессора Н. А. Богомолова (Москва) «Автобиографическое начало в раннем творчестве М. Кузмина». Доклад этот был построен на строгих, добытых в архивах данных.

Оставили яркое впечатление, запомнились выступления наших американских гостей. Предметом исследования в докладе профессора Э. Вахтеля (Эванстон, Иллинойс) было отношение русских писателей к истории. Основное внимание он уделил «Красному колесу» А. Солженицына. Э. Вахтел сделал вывод о том, что А. Солженицын в своей манере воссоздания исторического прошлого как бы возвращается к русской летописи, отвергая

русскую литературу XVIII и XIX века. Из литературы XVIII века он отчасти опирается только на жанр трагедии.

Профессор Р. Белнэп (Нью-Йорк) в своем докладе «Речь о Пушкине Ф. Достоевского» сформулировал такие понятия как «гордый империализм», то есть сознание своего национального превосходства с оттенком презрения к другим народам, и «скромный империализм», то есть сознание достоинств своего народа без уничтожения других народов. В речи Достоевского на Пушкинском празднике присутствовал «скромный империализм».

К числу достоинств конференции можно отнести участие в ней большого количества молодых исследователей. Рядом с известными учеными (такими, как профессора А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова, доцент В. А. Сапогов и др.; а с американской стороны Б. М. Гаспаров, Р. Стайтс, Т. Эммонс и др.) в конференции принимали участие аспиранты и даже студенты. Вполне на равных с докладами маститых профессоров прозвучали доклады смоленских третьекурсниц И. Кичевой и Н. Кузиной. Кроме студентов, от нашей кафедры на этой конференции выступили с докладами профессор В. С. Баевский, ассистент Л. В. Павлова, доцент Л. Л. Горелик.

Один из дней работы русско-американской школы был посвящен знакомству со Смоленским архивом. Были и экскурсии. Участники конференции посетили родину М. Глинки Новоспасское; имение М. Тенишевой Талашкино; хутор родителей А. Твардовского, на котором прошло его детство. За десять дней успели познакомиться друг с другом, и расставаться было жаль.

Однако прошло чуть больше месяца, и нашу кафедру ждало новое событие. 21—24 сентября на нашей кафедре проводилась III Международная конференция литературоведов-англистов по проблеме «Английская литература в контексте русской и национальной культуры». Конференция эта была организована по плану Московского Координационного совета преподавателей-англистов и Научно-методического совета по литературе. Две предыдущие конференции такого типа проходили в Москве и Орле. Координационный совет представляли в Смоленске профессора Н. П. Михальская и

И. О. Шайтанов. Председателем же оргкомитета была профессор нашей кафедры Л. И. Никольская.

На конференцию приехали филологи-англисты из Оксфорда, Москвы, Петербурга, Якутска, Одессы, Воронежа, Архангельска, Кирова, Минска и других городов. В связи с финансовыми трудностями, испытываемыми вузами, не все желающие смогли приехать. Собралось около сорока человек (а заявок было почти девяносто).

На пленарном заседании прозвучали доклады смоленских профессоров Г. Г. Сильницкого («Некоторые типологические особенности английской культуры») и В. С. Баевского («Пушкин и английская культура») и профессора из Москвы Н. П. Михальской («Англоманы как явление российской действительности»). На заседании «Круглого стола» по теме «Компаративистский подход к изучению английской литературы» выступила с докладом Карен Хьютт (Оксфорд, Великобритания). Это заседание велось, главным образом, на английском языке.

Два дня работали проблемные секции. Первая секция, «Английская литература в контексте русской культуры. Англия и Россия: диалог культур, диалог литератур», имела не только научное, но и интернациональное значение. Здесь прозвучали, например, такие доклады, как «О русских переводах Александра Поупа» (доц. Г. Н. Ермоленко, Смоленск), «Английская поэзия конца XIX — начала XX века в России» (доц. М. А. Козырева, Казань), «Из истории русской шеллианы» (проф. Л. И. Никольская, Смоленск) и др.

Большой интерес вызвала секция «Английская литература в контексте мировой культуры», которую возглавила проф. Н. Я. Дьяконова (Петербург). Она выступила с докладом «Английская предромантическая литература в контексте общеевропейской культуры». Тематика других докладов: «Шекспир на английской сцене» (доц. Е. А. Панкова, Орел), «Творчество Рочестера и традиции метафизической поэзии» (доц. В. Н. Ганин, Москва), «Традиции “готического романа” в творчестве Диккенса» (Доц. А. А. Якименко, Нижний Новгород) и др.

Была выделена секция «Проблемы методики и перевода». Ее возглавил доц. И. Г. Гусманов (Орел). В его докладе, как и в докладах Н. Н. Семейкиной (Харьков), М. В. Антоновой (Орел), обсуждались вопросы школьного и вузовского преподавания английской литературы. В

докладах доцентов Е. А. Кучинской и И. В. Ляльковой (Смоленск) рассматривались проблемы перевода.

Секция «Английская литература в контексте национальной культуры» была спланирована по историко-хронологическому принципу (английская литература Средневековья, Возрождения, XVI, XVIII, XIX и XX веков). Приведем хотя бы несколько тем: «Особенности жанровой системы литературы позднего английского Средневековья» (доц. Г. В. Яковлева, Петербург), «Жанровые теории английских неоромантиков» (доц. В. В. Цибульская, Одесса), «Литературные аллюзии в художественной системе Грэма Грина» (проф. С. Н. Филюшкина, Воронеж). Особенно большое внимание было уделено писателям XX века. Анализировались произведения Д. Голсуорси, Р. Киплинга, С. Моэма, У. Голдинга, А. Мэрдок, Дж. Р. Р. Толкина, Дж. Фаулза и др.

Как видно даже из этого краткого обзора, проблематика конференции была очень широкой. Здесь и проблемы сравнительной филологии, и вопросы истории английской литературы, и вузовская и школьная методика, и перевод. Тезисы докладов опубликованы. К открытию конференции был издан сборник трудов ученых Петербурга, Даугавпилса и Смоленска «Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры» (отв. редактор доц. Г. Н. Ермоленко).

17 ноября мы провели открытое заседание кафедры, посвященное памяти Юрия Михайловича Лотмана. К этому заседанию кафедры мы подготовили выставку его трудов и стенд с фотографиями Юрия Михайловича. С воспоминаниями о Ю. М. Лотмане выступили профессора Э. М. Береговская, В. С. Баевский, доценты О. А. Левченко, Л. Л. Горелик. Доцент Г. С. Меркин рассказал не только о своей встрече с выдающимся ученым, но и о сравнительно мало известной деятельности Ю. М. Лотмана как методиста.

Кроме двух конференций и двух открытых заседаний кафедры, мы в этом году, как и ежегодно, провели три студенческие научные конференции. Темы этих конференций уже стали для нас традиционными. В феврале мы обычно проводим конференцию «Дебют». Специфика ее в том, что принять в ней участие могут только студенты, ранее на научных конференциях не выступавшие. Преимущественно это студенты первого

и второго курсов. В 1993 году в ней приняли участие два студента исторического факультета. Знание истории и философии помогло им выступить с оригинальными докладами. Оба связали творчество А. П. Чехова с философией Ф. Ницше. Н. Панфилова нашла черты ницшеанства в образах «Чайки», а А. Тюнин уловил в «Черном монахе» конфликт двух эпох: «ньютонианской», отраженной в образе Песоцкого, и новой, «ницшеанской», ее представляет Кобрин.

Однако наиболее удачными на этой конференции были признаны два доклада первокурсницы нашего факультета О. Марковой: «Аполлон и Дионис в творчестве Пушкина» и «Изображение коня в лирике С. Есенина». В первом из них она выявила и проанализировала стихотворения Пушкина с образами Аполлона и Диониса. Во втором — связала изображение коня в стихотворениях С. Есенина с народными песнями, поговорками, сказками и классифицировала по признакам, общим с народным творчеством.

Вторую научную конференцию, на тему «Литература Серебряного века» мы провели в марте. Наиболее яркими здесь были доклады третьекурсниц Н. Кузиной и И. Кичевой, второкурсницы Ю. Поляковой и студентки пятого курса Э. Котовой.

Н. Кузина на основе частотного словаря имен собственных «Камня» исследовала историософские взгляды О. Мандельштама 1910-х годов.

В докладе И. Кичевой «Пять ликов Гамлета» был представлен анализ сложного стихотворения Б. Пастернака «Гамлет». И. Кичева выделила в этом стихотворении проявления личности автора; Юрия Андреевича Живаго; персонажа Шекспира; актера, исполняющего эту роль; Иисуса Христа.

Доклад Ю. Поляковой был посвящен исследованию семантических повторов в поэзии М. Цветаевой.

Э. Котова прочитала доклад, в котором были показаны многочисленные связи повести Б. Пастернака «Детство Люверс» с «Детством» и «Отрочеством» Л. Толстого.

И наконец, в мае прошла третья научная студенческая конференция: «А. С. Пушкин и золотой век русской поэзии». На этой конференции выделились докла-

ды второкурсниц Л. Линкиной, Е. Солдатовой, О. Вериги, Н. Маслобойниковой.

Л. Линкина в докладе «Поэзия Пушкина 1817-1820 годов и этический идеал декабристов» установила самодостаточность этического идеала Пушкина, проявляющую себя уже в стихотворениях, созданных после «Вольности».

Е. Солдатова показала взаимообусловленность тем любви и свободы в романтических поэмах Пушкина.

О. Вериги исследовала специфичность функций зооморфных персонажей (ворона, петуха, сверчка, голубя) в романтической балладе.

Н. Маслобойникова в докладе «Темы любви и войны в поэзии Д. Давыдова» показала, что для поэта-гусара тема любви является более значимой.

И в заключение — о двух событиях, связанных с аспирантской жизнью кафедры. В октябре 1993 года защитил кандидатскую диссертацию аспирант кафедры Б. Г. Меркин. Диссертация на тему «Творчество С. Е. Раича в истории русской литературы первой половины XIX века» была написана под руководством доктора филологических наук профессора В. С. Баевского.

Защита состоялась в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Оппонентами были доктор филологических наук, профессор Петербургского университета В. М. Маркович и ведущий научный сотрудник отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, кандидат филологических наук В. Э. Вацуро.

В ноябре была рекомендована к защите кандидатская диссертация М. Н. Капрусовой «Мифологические, фольклорные, религиозные темы в поэзии С. Есенина. (Поэтика дерева)», также выполненная у нас на кафедре под руководством профессора В. С. Баевского.

На этом мы закончим краткий очерк научной жизни кафедры истории и теории литературы Смоленского пединститута в 1993 году.

*Л. Л. Горелик
Смоленск*

Russian Studies

Russian Studies — международный ежеквартальный журнал широкой культурологической направленности.

Журнал посвящен проблемам российской словесности (литературы и фольклора), рассматриваемой с точки зрения ее поэтики, истории, культурно-исторического и языкового контекста.

Структура и содержание журнала

1. Статьи.

Носят энциклопедический характер, предполагают всестороннее освещение проблемы (история вопроса, состояние и значимость на сегодняшний день, подробная библиография и т.д.).

Разделы:

а) Поэтика — исследование структуры текста и внутритекстовых связей.

б) История литературы, литературные связи и традиции.

в) Культурология — междисциплинарные исследования культурно-исторического и языкового контекста, в котором осуществляется бытование текста (текстов) и происходят изменения, которым подвергается этот текст (тексты) на протяжении данного отрезка времени; хранение и передача текста (традиции); бытование литературы и фольклора в двуязычной (многоязычной) среде.

2. Комментарии, заметки.

Допускают лишь краткое указание на новизну пред-

лагаемого решения; не требуют истории вопроса и подробной библиографии.

Разделы: те же, что в (1).

3. История науки

(а) в России (публикации);

(б) на Западе (публикации, переводы);

(в) переписка ученых (публикации, комментарии).

4. Архивные материалы.

5. Обзоры (публикации, объединенные единой проблематикой).

6. Рецензии (на отдельные издания).

7. Каталоги.

8. Журналы (описание, история и т.д.).

9. Библиография (ретроспективная).

10. Научная жизнь (конференции, защиты диссертаций, кафедральная жизнь).

11. Библиография текущей периодики.

Редколлегия готова обсудить любые темы, предлагаемые авторами.

Присылаемые для публикации материалы должны быть в 2 экз., отпечатаны через два интервала (28—30 строк, 60 знаков в строке) и/или дискета (любой текстовый/ASCII формат).

Примечания (на отдельной странице) даются после статьи.

Библиографические отсылки даются в тексте: (автор год стр.).

Библиография дается после примечаний:

Автор год — Автор. Название Место, год издания (монография);

Автор: год — Автор. Название. // Источник. Год. Т. №. С. (Р., S. и т.п.) (статья).

При ссылке на том собрания сочинений (Собр. соч.) указывается год издания данного тома.

УКАЗАНИЕ НА СТРАНИЦЫ (С — ПО) ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Публикация может быть снабжена комментированными указателями (имен, изданий и т.д.).

К статьям, переведенным на русский язык, прилагается оригинал.

Обычный объем печатаемых материалов:

статья, публикация — 1 а.л.

обзор, рецензия — 10 стр.

отчет о конференции — 5 стр.

иная информация — 2 стр.

Превышение объема публикации следует заблаговременно оговаривать с редакцией.

Адрес редакции:

Россия. С.-Петербург

ул. Моховая, д. 20. Пушкинский фонд

Russian Studies

тел. (812) 233-18-29; (812) 583-52-56.

**Гуманитарное агентство
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
предлагает книги:**

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского в 3 томах. Под ред. к. ф. н. Н. Ф. Будановой и ак. Г. М. Фридендера.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН.

Том 1: 1821—1862. 500 стр. Тв. пер.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год.

Под ред. к. ф. н., зав. Рукописным отделом Т. С. Царьковой

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН.

400 стр. Тв. пер.

Блюм А. В. За кулисами «Министерства Правды».
Тайная история советской цензуры: 1917—1929.

400 стр. Тв. пер.

А также книги серии «Русская классика с комментариями»:

Пушкин А. С. Евгений Онегин.

Достоевский Ф. М. Бесы.

Книги серии снабжены подробным комментарием, написанным на базе академического, словарем устаревших реалий, а также вступительными статьями, посвященными творческой истории текстов; богато иллюстрированы. Тв. переплет с суперобложкой.

Издательство принимает предварительные заказы на книги, выходящие летом-осенью 1994 года:

Вацуру В. Э. Записки комментатора.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН.

400 стр. Тв. пер.

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского в 3 томах.

Том 2: 1863—1874. 500 стр.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год.

500 стр. Тв. пер.

Легенды и мифы о Пушкине. Сб. статей под ред. к. ф. н. М. Н. Виролайнен.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

450 стр. Тв. пер., суперобложка, илл.

Кельнер В. Е., Эльяшевич Д. А. Литература о евреях на русском языке. 1890—1948. Книги, брошюры, органы периодической печати. Библиогр. указатель в 2 томах.

Российская Национальная Библиотека.

1200 стр. в 2 тт. Тв. пер.

Издательство осуществляет издание серии «СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА». В 1994 г. выйдут в свет:

Левитт. М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года.

Пер. с англ. 300 стр. Тв. пер.

Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда.

Пер. с франц. 450 стр. Тв. пер., илл.

Тодд Ш У. М. Дружеское письмо как литературный жанр пушкинской эпохи.

Пер. с англ. 300 стр. Тв. пер.

Тодд Ш У. М. Литература и общество в пушкинскую эпоху. Идеология, литературно-общественные институты, проза.

Пер. с англ. 300 стр. Тв. пер.

Дебрецени П. Блудная дочь. Подход Пушкина к прозе.

Пер. с англ. 300 стр. Тв. пер.

Пушкинский сборник. Современное американское пушкиноведение.

Пер. с англ. Под ред. У. М. Тодда III. 350 стр., Тв. пер.

Гуманитарное агентство **АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ** предлагает книготорговым организациям и библиотекам договоры на пополнение Ваших фондов академической литературой и периодическими изданиями, в том числе и прошлых лет. Книготорговые организации и библиотеки получают значительную скидку.

Предварительные заказы направлять по адресу:
199034. С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Гуманитарное агентство
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

тел. (812) 218-00-02, 218-19-01

факс (812) 315-76-10

Пользуйтесь нашей электронной почтой: postmaster
@ iec. spb. su

**Издательство «Пушкинский фонд»
предлагает зарубежным читателям,
интересующимся русской культурой, ряд
уникальных изданий**

Вышли из печати:

1. Собрание сочинений И. Бродского (в 4-х томах)

Том первый (Стихотворения 1957—1965 гг.).

Том второй (Стихотворения 1966—1978 гг.).

Составленное при непосредственном участии автора Собрание сочинений включает практически все стихотворения, прозу, драматические сочинения, написанные к настоящему времени.

Издание иллюстрировано.

Объем каждого тома — 420—500 стр. Твердый переплет. Суперобложка.

Цена — 8 US \$ за том

2. Серия «Мир Пушкина» (в 8 томах)

Том первый.

Письма Н. О. и С. Л. Пушкиных к дочери О. С. Павлицевой. (1828—1835). Публикуются впервые.

Издание снабжено комментариями, составленными правнучкой сестры Пушкина, Л. Л. Слонимской.

Издание иллюстрировано.

Объем — 300 стр. Твердый переплет. Суперобложка.

Цена — 7 US \$ за том

3. Серия «Автобиография в письмах»

Леонтьев Константин. Избранные письма (1854—1891).

Большая часть писем публикуется впервые. Издание

снабжено подробным комментарием и именованным указателем.

Объем — 600 стр. Твердый переплет. Суперобложка.

Цена — 8 US \$

4. Серия «Государственные деятели России глазами современников» (в 16 томах)

Том первый.

Петр Великий. Воспоминания. Записи. Анекдоты. Издание составлено видным специалистом по петровской эпохе, доктором исторических наук Е. В. Анисимовым. Снабжено комментарием и именованным указателем.

Издание иллюстрировано. Объем — 450 стр. Твердый переплет.

Цена — 6 US \$

Том второй.

Николай Второй. Издание подготовлено видными специалистами — членами-корреспондентами Российской Академии наук Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным. Снабжено примечаниями и именованным указателем.

Издание иллюстрировано. Объем — 550 стр. Твердый переплет.

Цена — 7 US \$

5. Ахмадулина Белла. Ларец и ключ. Стихотворения.

Цена — 3 US \$

В 1994 году печатаются:

1. Собрание сочинений И. Бродского

Том третий. Стихотворения (1980—1993 гг.), переводы.

2. Серия «Мир Пушкина»

Том второй. Письма О. С. Павлицевой к мужу и к отцу (1831—1836).

В переводе на русский язык публикуются впервые.

Издание снабжено подробным комментарием и именованным указателем к первому и второму томам серии.

Объем — 300 стр.

3. Серия «Рукописи Российской Национальной библиотеки»

Том первый. Давид Бурлюк. Велимир Хлебников. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Фольклорные записи.

Большую часть тома составляют «Фрагменты воспоминаний футуриста» Д. Бурлюка. Все тексты, за исключением нескольких глав «Фрагментов», публикуются впервые.

Издание снабжено подробным комментарием и именованным указателем. Иллюстрировано. Объем — 400 стр. Твердый переплет. Суперобложка.

Цена 8 US \$

4. Серия «Государственные деятели России глазами современников»

Том третий. Александр Второй.

Том четвертый. Константин Первый.

Характер издания аналогичен томам 1 и 2.

Цена — 6—7 US \$

5. «Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX веков» (В 3-х томах).

Свод составляют сведения, извлеченные из 162 рукописей (в основном, из руководства для иконописцев, а также различных сборников энциклопедического, богословского, исторического и естественнонаучного содержания), включающих 300 «уставов и указов» с описанием техники иконного и настенного письма, золочения, обработки кости, дерева, металла и проч. Свод содержит подробный тематический указатель статей и словарь специальных терминов и слов, вышедших из

употребления. Издание является ценным пособием для историков, искусствоведов, реставраторов, специалистов в других областях знания.

Объем каждого тома — 700 стр. Твердый переплет. Тираж — 1000 экз.

Цена — 40 US \$ за три тома.

**6. Ю. М. Лотман. «Лишь беззаботный гастроном
прозвания мудрого достоин...»**

*(Званые обеды в доме Дурново на Английской
набережной в Петербурге).*

Одна из последних работ известного филолога посвящена культурологическому значению дворянских застолий. Основой работы послужила летопись званых обедов в доме П. П. Дурново, которую подневно, в течение многих лет, вели повара дворянского семейства.

Издание иллюстрировано. Твердый переплет. Супер-обложка.

Цена — 8 US \$

**Если Вас заинтересовали наши издания, просим
присылать заявки по адресу редакции журнала
«Russian Studies»:**

Россия, 191028 С.-Петербург, Моховая, 20.

Факс: (812) 233-09-23.

**Научно-издательский центр «НеГА» при содействии
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
подготовил издание**

Барков Иван. Девичья игрушка

Сборник «Девичья игрушка» — один из знаменитых памятников русской литературы XVIII в., вобравший в себя образцы эротической поэзии, прозы и драматургии того времени. Произведения легендарного Ивана Баркова (1732—1768) составляют основу «Девичьей иг-

рушки». Однако, не будучи издан и распространяясь в течение двух веков в многочисленных списках, сборник интенсивно пополнялся текстами анонимных авторов позднейшего времени. В результате, сборник, как памятник литературы XVIII в., существенно деформировался. Настоящее издание ставит целью по возможности дать наиболее достоверные из текстов, первоначально входивших в «Девичью игрушку». Это оказалось возможным благодаря обращению к древнейшим спискам сборника, хранящимся в Рукописном Отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), а также в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки.

Объем книги: 272 страницы.

Твердый переплет.

Художественное оформление.

Заказы принимаются по адресу редакции журнала *Russian Studies*.

Россия, 191028 С.-Петербург, Моховая, 20.

Факс: (812) 233-09-23.

Полный список дворян Всероссийской империи, имеющих утвержденные гербы

Издание энциклопедического характера.

Список создан на основе «Списка дворян Всероссийской империи, имеющих Высочайше утвержденные гербы», составленного в 1894—1921 гг. Гербовым отделением под руководством В. К. Лукомского. Предлагаемое издание включает всех дворян, занесенных в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», «Сборник дипломных гербов русского дворянства, не внесенных в Общий гербовник», «Гербовник дворянских родов Царства Польского», а также «Сборник дипломных гербов дворянских родов Царства Польского». Таким образом, в «Полный список» вошли все дворяне, имеющие утвержденные гербы, начиная с самого первого и кончая последним, получившим герб 22 ноября 1917 г. уже при Временном правительстве.

Список составлен по алфавиту со ссылкой на источники. В конце помещен список фамилий дворян на английском языке.

Историческая ценность данного издания в том, что в него включены сведения о польских дворянах, получивших гербы, также с воспроизведением каждого герба в цвете. Польский гербовник погиб в Варшаве во время Второй мировой войны.

Формат издания: 145 x 240 мм.

Около 1200 страниц

Около 6000 цветных иллюстраций

Цельнотканевый переплет

Цветная суперобложка

Заявки направлять по адресу:

**Российский Государственный
Исторический Архив**

**Россия, 190000, Санкт-Петербург,
Наб. Красного Флота, 4.**

Тел.: (812) 311-09-26; (812) 315-55-52

Факс: (812) 311-22-52

@-mail: RGIA @ GLAS. ORG

Russian Studies

**Художник — И. Менчиков
Корректор — В. Кисляков
Технический редактор — С. Арефьев**

**Редакция благодарит Андрея Зинчука
за энергичную помощь в издании Ежеквартальника**

ЛР № 030481 от 20.01.93.

**Сдано в набор 12.05.94. Подписано в печать 12.09.94.
Формат 84 × 108/32. Гарнитура «Тип Таймс». Уч.-изд. л. 26,6.
Бумага типографская № 1. Печать офсетная.
Тираж 2 000 экз. Зак. № 118**

**Издательство «Борей»
191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 58**

**Отпечатано с оригинал-макета
в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации
по печати. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29**